

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

JOURNAL OF ECONOMIC SOCIOLOGY = EKONOMICHESKAYA SOTSILOGIYA

Читайте в номере:

Зудина А. А. Неформальная занятость под санкциями: случай России (2022–2023 гг.)

Халиков К., Рощина Я. М. Факторы мобильности на рынке труда в современной России: имеют ли значение социальные связи?

Эриксен Т. Х., Визентин М. Ускорение и культурные изменения: диалоги из перегретого мира (фрагмент)

Маткин Н. А., Новикова А. А. Эмодукты счастья: коммодификация и маркетинговые стратегии в популярной психологии

Недосека Е. В., Минина В. Н., Иванов С. А. Развитие малых городов России: «низовые» агенты активизации социального потенциала устойчивости

**Экономическая
социология**
Т. 27. № 1
Январь 2026

Электронный журнал
www.ecsoc.hse.ru
[ojs.hse.ru/index.php/
ecsoc](http://ojs.hse.ru/index.php/ecsoc)

ISSN 1726-3247

Адрес редакции

101000, Россия,
г. Москва,
ул. Мясницкая,
д. 11, комн. 530
тел.: +7 (495) 628-48-86
email: ecsoc@hse.ru

Электронный журнал «Экономическая социология» издаётся с 2000 г. Учредителями являются Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (с 2007 г.) и Вадим Валерьевич Радаев (главный редактор).

Цель журнала — утверждать международные стандарты экономико-социологических исследований в России, представлять современные работы российских и зарубежных авторов в области экономической социологии, информировать профессиональное сообщество о новых актуальных публикациях и исследовательских проектах, а также вовлекать в профессиональное сообщество молодых коллег.

Журнал представляет собой специализированное академическое издание. В нём публикуются материалы, отражающие современное состояние экономической социологии и способствующие развитию данной области в её современном понимании. В числе приоритетных тем: теоретические направления экономической социологии, социологические исследования рынков и организаций, социально-экономические стратегии индивидов и домашних хозяйств, неформальная экономика. Также публикуются тексты из смежных дисциплин — неоинституциональной экономической теории, антропологии, экономической психологии и других областей, которые могут представлять интерес для экономсоциологов.

Журнал публикует пять номеров в год: в январе, марте, мае, сентябре и ноябре. Доступ ко всем номерам журнала постоянный, свободный и бесплатный по адресу: <http://www.ecsoc.hse.ru>. Каждый номер содержится в едином файле (10–12 п. л. в PDF).

Журнал входит в список ВАК России, индексируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), Emerging Sources Citation Index (ESCI) из Web of Science Core Collection и Scopus (2-й квартиль).

Требования к авторам изложены по адресу: http://ecsoc.hse.ru/author_requirements.html

В журнале применяется двойное анонимное рецензирование статей. Все материалы проходят через полный цикл редакторской обработки и корректуры.

Плата с авторов журнала не взимается. Ускоренные сроки публикации статей не предусмотрены.

Journal of Economic Sociology was established in 2000 as one of the first academic e-journals in Russia. It is funded by HSE University.

Journal of Economic Sociology promotes international standards of research in economic sociology, presenting new research carried out by Russian and international scholars, introducing new books and research projects, and attracting young scholars into the field.

Journal of Economic Sociology is a specialized academic journal representing the mainstreams of thinking and research in international and Russian economic sociology. Journal of Economic Sociology provides a framework for discussion of the following key issues: major theoretical paradigms in economic sociology, sociology of markets and organizations, social and economic strategies of households, informal economy. Journal of Economic Sociology also welcomes research papers written within neighboring disciplines — new institutional economics, anthropology, economic psychology and related fields, which can be of interest for economic sociologists.

Journal of Economic Sociology has a wide Russian speaking audience, living both in Russia and abroad. Its main target group comprises research scholars, university professors, policy-makers, post-graduates, undergraduates and others who are interested in economic sociology.

Journal of Economic Sociology is indexed by Emerging Sources Citation Index (ESCI) from Web of Science™ Core Collection and Scopus (Q2).

Journal of Economic Sociology is a bimonthly journal released in five issues (January, March, May, September, and November). Journal of Economic Sociology provides permanent free access to all issues in PDF. Journal of Economic Sociology applies blind peer-review procedures (two referees for each research paper). All papers are subject to editing, proofreading, and professional design layout.

Guidelines for authors: http://ecsoc.hse.ru/author_requirements.html

**Journal of
Economic Sociology**
Vol. 27. No 1.
January 2026

Electronic journal
www.ecsoc.hse.ru
[ojs.hse.ru/index.php/
ecsoc](http://ojs.hse.ru/index.php/ecsoc)
ISSN 1726-3247

Contacts

11 Myasnitskaya str.,
room 530
101000, Moscow,
Russian Federation
phone: +7 (495) 628-48-86
email: ecsoc@hse.ru

Экономическая
социология
Т. 27. № 1.
Январь 2026

Электронный журнал
www.ecsoc.hse.ru
ojs.hse.ru/index.php/ecsoc

ISSN 1726-3247

Журнал выходит
пять раз в год

Учредители:

- Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
- В. В. Радаев

Издаётся с 2000 года

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Редакция

Главный редактор:

Радаев Вадим Валерьевич (НИУ ВШЭ, Россия)

Редактор выпуска:

Соколова Татьяна Виленовна (Россия)

Вёрстка:

Мишина Мария Евгеньевна (Россия)

Корректор:

Андрианова Надежда Викторовна (НИУ ВШЭ, Россия)

Ответственный
секретарь:

Котельникова Зоя Владиславовна (НИУ ВШЭ, Россия)

Сотрудники редакции:

Конрой Наталья Викторовна (НИУ ВШЭ, Россия)

Редакционный совет

Богомолова
Татьяна Юрьевна

НГУ, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (Россия)

Веселов
Юрий Васильевич

Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Волков
Вадим Викторович

Европейский университет в Санкт-Петербурге (Россия)

Гимпельсон
Владимир Ефимович

НИУ ВШЭ (Россия)

Козырева
Полина Михайловна

НИУ ВШЭ (Россия)

Косалс
Леонид Янович

Университет Торонто (Канада)

Малева
Татьяна Михайловна

Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС (Россия)

Овчарова
Лилия Николаевна

НИУ ВШЭ (Россия)

Радаев
Вадим Валерьевич
(главный редактор)

НИУ ВШЭ (Россия)

Тихонова
Наталья Евгеньевна

НИУ ВШЭ (Россия)

Хахулина
Людмила Александровна

(Россия)

Чепуренко Александр Юльевич

НИУ ВШЭ (Россия)

**Journal of
Economic Sociology**

Vol. 27. No 1.
January 2026

Electronic journal
www.ecsoc.msses.ru
[ojs.hse.ru/index.php/
ecsoc](http://ojs.hse.ru/index.php/ecsoc)

ISSN 1726-3247

Journal of Economic
Sociology is a bimonthly
journal released in five
issues in annual volume

Establishers

- HSE University
- Vadim Radaev

Editors

Editor-in-Chief:

Vadim Radaev (HSE University, Russia)

Editor:

Tatyana Sokolova (Russia)

Design and Layout:

Maria Mishina (Russia)

Proofreader:

Nadezda Andrianova (HSE University, Russia)

Managing Editor:

Zoya Kotelnikova (HSE University, Russia)

Editorial Staff:

Natalia Conroy (HSE University, Russia)

Editorial Council

Tatyana Bogomolova

Institute of Economics and Industrial
Engineering of the Siberian Branch
of Russian Academy of Sciences (Russia)

Alexander Chepurenko

HSE University (Russia)

Vladimir Gimpelson

HSE University (Russia)

Lyudmila Khakhulina

(Russia)

Leonid Kosals

University of Toronto (Canada)

Polina Kozyreva

HSE University (Russia)

Tatyana Maleva

Institute of Social Analysis and Forecasting,
The Russian Presidential Academy
of National Economy and
Public Administration (Russia)

Lilia Ovcharova

HSE University (Russia)

Vadim Radaev (Editor-in-Chief)

HSE University (Russia)

Natalya Tikhonova

HSE University (Russia)

Yuriy Veselov

Saint Petersburg State University (Russia)

Vadim Volkov

European University at Saint Petersburg
(Russia)

NATIONAL RESEARCH
UNIVERSITY

Содержание

Вступительное слово главного редактора (*В. В. Радаев*)..... 7

Новые тексты

А. А. Зудина

Неформальная занятость под санкциями: случай России (2022–2023 гг.)..... 11

К. Халиков, Я. М. Рощина

Факторы мобильности на рынке труда в современной России:
имеют ли значение социальные связи?..... 43

Новые переводы

Т. Х. Эриксен, М. Визентин

Ускорение и культурные изменения: диалоги из перегретого мира (фрагмент)..... 79

Расширение границ

Н. А. Маткин, А. А. Новикова

Эмодукты счастья: коммодификация и маркетинговые стратегии в популярной психологии..... 92

Профессиональные обзоры

Е. В. Недосека, В. Н. Минина, С. А. Иванов

Развитие малых городов России: «низовые» агенты активизации
социального потенциала устойчивости..... 125

Дебютные работы

А. А. Лукина, Д. С. Толстых

Между меритократией и структурными барьерами:
как студенты первого поколения оценивают социальную мобильность..... 153

Новые книги

А.А. Субботин

Интеллектуальный капитал как драйвер долгосрочного экономического роста:
переосмысление роли образования

Рецензия на книгу: Ханушек Э., Вёссманн Л. 2022. *Интеллектуальный капитал
в разных странах мира. Образование и экономическая теория роста*

(перев. с англ. Ю. Каптуревского; под науч. ред. А. Рябова). М.: Изд. дом ВШЭ. 349 с.. 194

Contents

Editor's Foreword (*Vadim Radaev*) 7

New Texts

Anna Zudina

Informal Employment under Sanctions: The Case of Russia in 2022–2023 11

Kirill Khalikov, Yana Roshchina

The Influence of Social Capital on Labor Market Mobility in Modern Russia 43

New Translations

Thomas Hylland Eriksen, Martina Visentin

Acceleration and Cultural Change: Dialogues from an Overheated World (excerpt) 79

Beyond Borders

Nikita Matkin, Anna Novikova

Happiness Emodities: Commodification and Marketing Strategies in Popular Psychology 92

Professional Reviews

Elena Nedoseka, Vera Minina, Sergey Ivanov

Developing Russia's Small Towns: "Grassroots" Agents
of Activating Social Potential for Sustainability 125

Debut Studies

Anastasia Lukina, Daria Tolstykh

Navigating Meritocracy and Structural Constraints:
First-Generation Students' Perceptions of Social Mobility 153

New Books

Alexander Subbotin

Knowledge Capital as a Driver of Long-Term Economic Growth:
Rethinking the Role of Education

Book Review: Hanushek E., Woessmann L. (2022) *Intellektualnyy kapital*

v raznykh stranakh mira. Obrazovaniye i ekonomicheskaya teoriya rosta

[The Knowledge Capital of Nations. Education and the Economics of Growth].

Moscow: HSE Publishing House (in Russian). 349 p. 194

VR ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемые читатели!

Представляем новый номер нашего журнала.

В рубрике **«Новые тексты»** предлагается материал кандидата социологических наук *А. А. Зудиной* (научный сотрудник Центра трудовых исследований НИУ ВШЭ) «Неформальная занятость под санкциями: случай России (2022–2023 гг.)». В фокусе внимания данной работы находятся изменение структуры различных типов неформальной занятости после начала СВО, а также оценка возможного влияния санкций на динамику вероятности неформальной занятости, позволяющие уточнить реакцию российского рынка труда на масштабное санкционное давление и адаптацию к нему. Полученные на данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья

(РМЭЗ) НИУ ВШЭ результаты свидетельствуют о том, что первоначальная реакция российского рынка труда в 2022 г. сопровождалась ростом доли как формальных, так и неформальных работников в общей структуре населения, при этом уже в 2023 г. общий уровень неформальной занятости и его характеристики возвращаются к досанкционным значениям, а доля формальных работников продолжает расти.

К. Халиков и кандидат экономических наук *Я. М. Рощина* (ЛЭСИ НИУ ВШЭ) знакомят нас с результатами исследования «Факторы мобильности на рынке труда в современной России: имеют ли значение социальные связи?». Основное предположение данной работы заключается в том, что слабые связи способствуют занятию «лучших» рабочих мест. Используются данные РМЭЗ НИУ ВШЭ за 2016–2017 и 2018–2019 гг. Оценки моделей показали устойчивое и одинаково сильное влияние как сильных (с друзьями), так и слабых (со знакомыми, бывшими коллегами, соседями) связей на шансы найти работу для незанятых, а также негативное влияние социальных онлайн-сетей на шансы стать неактивным для занятых.

В рубрику **«Новые переводы»** включён перевод фрагмента книги *Томаса Хюлланда Эриксона* (1962–2024) и *Мартины Визентин* (Университет Падуи, Италия) «Ускорение и культурные изменения: диалоги из перегретого мира» (*Acceleration and Cultural Change: Dialogues from an Overheated World*. Cham, Switzerland: Springerbriefs, 2023). Используя метафору «перегрев», авторы книги рассуждают о самых актуальных вопросах современности: исчезновение биологического и культурного разнообразия под давлением глобализации; появление новых форм различий благодаря миграции; интерсекциональное измерение климатических изменений; рост протестных настроений и «перегретых» идентичностей, связанных с правым национализмом; влияние цифровых технологий на восприятие времени; давление на университеты из-за глобализации, массовизации и коммерциализации; ослабление веры молодёжи в прогресс на фоне неравенства, отчуждения и экологического кризиса и др. Журнал публикует седьмую главу книги — «Жизнь в цифровом мире» («Living in Digital World»), в которой авторы обсуждают тему смартфонов, их роль в изменении ритмов повседневной жизни людей. Перевод с английского *Юрия Никитина*. Публикуется с разрешения Издательского дома ВШЭ.

В рубрике **«Расширение границ»** публикуется статья *Н. А. Маткина* и доктора культурологии *А. А. Новиковой* (Институт медиа НИУ ВШЭ) «Эмодукты счастья: коммодификация и маркетинговые стратегии в популярной психологии». Данная статья анализирует, как популярные российские психологические блогеры на цифровых платформах конструируют, упаковывают и продают абстрактную идею «счастья» в качестве стандартизированного рыночного продукта — эмодукта. На основе анализа

118 видео и риторических приёмов установлены три различные цели блогеров: легитимация авторитета (через науку, мудрость и житейский опыт); диагностика проблемы (через критику советской системы и несоответствие гендерным ролям); демонстрация эמודукта (концептуализированные как психология, рефлексия и позитивная психология).

В рубрике «**Профессиональные обзоры**» нас ожидает материал «Развитие малых городов России: “низовые” агенты активизации социального потенциала устойчивости». Авторы — кандидат социологических наук *Е. В. Недосека* (Социологический институт РАН, Санкт-Петербург), доктор социологических наук *В. Н. Минина* (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург) и доктор экономических наук *С. А. Иванов* (Социологический институт РАН, Санкт-Петербург). В статье предпринята попытка исследовать социальный потенциал малого города, сфокусировав внимание на деятельности «низовых» агентов устойчивости, образующих ядро социального потенциала устойчивого развития малого города. Под «низовыми» агентами устойчивости авторы понимают функционирующих и потенциальных инициаторов изменений, как отдельных индивидов, так и групп, которые используют свои власть, знания, опыт и связи для развития локальной среды и местного общества.

В рубрике «**Дебютные работы**» предлагается статья *А. А. Лукиной* и *Д. С. Толстых* (Центр развития навыков и профессионального образования Института образования НИУ ВШЭ) «Между меритократией и структурными барьерами: как студенты первого поколения оценивают социальную мобильность». В статье анализируются паттерны восходящей субъективной мобильности и стратификационные установки российских студентов первого поколения (СПП) — выпускников вузов без семейного опыта получения высшего образования. Эмпирическую базу составляют данные 9–10-й волн лонгитюда «Траектории в образовании и профессии» (2020–2021 гг.). Результаты исследования демонстрируют, что СПП занимают промежуточную позицию между группами с разным уровнем образования, сочетая веру в меритократические принципы с частичным осознанием структурных барьеров.

В рубрике «**Новые книги**» публикуется рецензия на книгу: *Ханушек Э., Вёссманн Л.* Интеллектуальный капитал в разных странах мира. Образование и экономическая теория роста (перев. с англ. Ю. Каптуревского; под науч. ред. А. Рябова). М.: Изд. дом ВШЭ, 2022. Авторы книги предлагают при оценке вклада человеческого капитала в экономическое развитие перейти от традиционных количественных показателей (средняя продолжительность обучения, охват населения образованием) к когнитивным навыкам людей (способность критически мыслить, решать сложные задачи, адаптироваться к изменениям и воспринимать новую информацию). Работа демонстрирует, что когнитивные навыки стимулируют инновации и рост производительности. Эмпирический анализ на данных международной программы оценки образовательных достижений PISA (Programme for International Student Assessment), мониторингового исследования качества школьного математического и естественнонаучного образования TIMSS (Trends in Mathematics and Science Study) и исследования качества и тенденций читательской грамотности четвероклассников PIRLS (Progress in International Reading Literacy Study) подтверждает устойчивую связь между уровнем когнитивных навыков населения и экономическим развитием стран. Рецензия подготовлена кандидатом социологических наук *А. А. Субботиным* (доцент кафедры демографии, Высшая школа современных социальных наук МГУ имени М. В. Ломоносова).

VR INTRODUCTORY REMARKS

Dear colleagues,

Let us introduce of a new journal issue.

Dr. *Anna Zudina* (Research Fellow, Centre for Labour Market Studies, HSE University) presents a new study titled ‘Informal Employment under Sanctions: The Case of Russia in 2022–2023.’ This paper focuses on changes in the structure of various types of informal employment in 2022–2023, as well as on an assessment of the possible impact of sanctions on the dynamics of the probability of informal employment, which allows to clarify the reaction of the Russian labour market to large-scale sanctions pressure and adaptation to it. The results, obtained on the basis of the RLMS HSE data, indicate that the initial reaction of the Russian labour market in 2022 was accompanied by an increase in the share of both formal and informal workers in the overall structure of the population. By 2023, however, the overall level of informal employment and its characteristics had returned to pre-sanction values, while the share of formal workers continued to grow.

Kirill Khalikov and Dr. *Yana Roshchina* (LSES, HSE University) share the outcomes of their research titled ‘The Influence of Social Capital on Labor Market Mobility in Modern Russia.’ The main assumption is that weak ties facilitate taking a ‘better’ job. The empirical base consists of data from the Russian Longitudinal Monitoring Survey (RLMS) of HSE for 2016–2017 and 2018–2019. The model estimates showed a stable and equally strong effect of both strong (with friends) and weak (with acquaintances, former colleagues, neighbors) ties on the chances of finding a job for the unemployed, as well as a negative effect of online social networks on the chances of becoming inactive for the employed.

Then, we publish a translation of a fragment from the book by *Thomas Hylland Eriksen* (1962–2024) and *Martina Visentin* (University of Padua, Italy) titled *Acceleration and Cultural Change Dialogues from an Overheated World*. Using overheating as a metaphor for unregulated acceleration since the 1990s, the authors discuss key topics including biodiversity loss, migration-driven differences, climate intersections, heated identities and protests, digital time perception, university pressures, youth disillusionment, and post-COVID reflections. The *Journal of Economic Sociology* publishes the seventh chapter, “Life in the Digital World,” where the authors explore smartphones’ role in reshaping daily social life rhythms. Translated by *Yury Nukitin*. Published with kind permission of HSE Publishing House.

Nikita Matkin and Professor *Anna Novikova* (Institute of Media, HSE University) present their paper titled ‘Happiness Emodyities: Commodification and Marketing Strategies in Popular Psychology.’ This article examines how popular Russian psychological bloggers on YouTube construct, package, and commodify the abstract concept of ‘happiness’ as a standardized commodity, which they term an ‘emodyity.’ Based on the analysis of 118 videos and rhetorical strategies, the study reveals four dominant marketing personas—‘academic’, ‘esoteric’, ‘caring’, and ‘hybrid’—and three primary performative goals: establishing authority (via science, wisdom, or personal experience), diagnosing consumer problems (often by invoking Soviet history or gender stereotypes), and presenting distinct ‘emodyity’ packages (conceptualized as either reflective psychology or positive psychology).

Dr. *E. V. Nedoseka* (Sociological Institute, St. Petersburg), Dr. *V. N. Minina* (HSE University, St. Petersburg), and Dr. *S. A. Ivanov* (Sociological Institute, St. Petersburg) present a paper titled ‘Developing Russia’s Small Towns: “Grassroots” Agents of Activating Social Potential for Sustainability.’ This article explores the social potential of a small town through the lens of “grassroots” sustainability agents, who form the core of sustainable development. The authors define “grassroots” agents of sustainability as initiators of change—both

individuals and groups—who leverage their power, knowledge, experience, and relations to develop the local environment and society. These include entrepreneurs (creative, institutional, social), representatives of government and civil society (NGOs), and public opinion leaders.

A. A. Lukina and *D. S. Tolstykh* (Centre for Vocational Education and Skills Development, Institute of Education, HSE University) submitted a paper titled ‘Navigating Meritocracy and Structural Constraints: First-Generation Students’ Perceptions of Social Mobility.’ This study analyzes patterns of subjective upward mobility and stratification beliefs among first-generation students (FGS)—individuals without familial experience of higher education. The empirical foundation is drawn from waves 9–10 (2020–2021) of the longitudinal study ‘Trajectories in Education and Careers’. Findings reveal that FGS perceive higher education as a critical social elevator. Notably, embracing a ‘dual consciousness’—assigning equal importance to both individual agency and structural factors—proves especially advantageous for FGS’s subjective upward mobility.

Alexander Subbotin (PhD in Social Sciences, Associate Professor at the Department of Demography of Higher School of Contemporary Social Sciences, Lomonosov Moscow State University) produced a review of a book by Hanushek E. and Woessmann L. (2022) *Intellektualnyy kapital v raznykh stranakh mira. Obrazovaniye i ekonomicheskaya teoriya rosta* [The Knowledge Capital of Nations. Education and the Economics of Growth], translated from English by Yu. Kapturevsky; edited by A. Ryabov, Moscow: HSE Publishing House (in Russian). The authors propose shifting the assessment of human capital’s contribution to economic development from traditional quantitative indicators—such as average years of schooling and enrollment rates—to individuals’ cognitive skills, including the capacity for critical thinking, problem-solving, adaptability, and assimilation of new knowledge. The book demonstrates that cognitive skills stimulate innovation and productivity. Empirical analyses based on international assessments such as PISA, TIMSS, and PIRLS provide robust evidence of the enduring link between the level of cognitive skills in the population and countries’ economic performance.

НОВЫЕ ТЕКСТЫ

А. А. Зудина

Неформальная занятость под санкциями: случай России (2022–2023 гг.)¹

ЗУДИНА Анна Алексеевна — кандидат социологических наук, научный сотрудник, Центр трудовых исследований НИУ ВШЭ. Адрес: 109028, Россия, г. Москва, Покровский бульвар, д. 11.

Email: azudina@hse.ru

Настоящая работа представляет собой первую попытку комплексного анализа влияния второй волны зарубежных санкций на неформальную занятость на российском рынке труда. В фокусе внимания находятся изменение структуры различных типов неформальной занятости в 2022–2023 гг. и оценка возможного влияния санкций на динамику вероятности неформальной занятости, позволяющие уточнить реакцию российского рынка труда на масштабное санкционное давление и адаптацию к нему. Общая аналитическая рамка исследования определяется теоретическими подходами и эмпирическими работами, рассматривающими изменение уровня неформальной занятости в зависимости от стадий экономического цикла. Полученные на данных РМЭЗ ВШЭ результаты свидетельствуют о том, что первоначальная реакция российского рынка труда в 2022 г. сопровождалась ростом доли как формальных, так и неформальных работников в общей структуре населения, при этом уже в 2023 г. общий уровень неформальной занятости и его характеристики возвращаются к досанкционным значениям, а доля формальных работников продолжает расти. В основе этого процесса — кратковременное перемещение работников между формальными и неформальными рабочими местами (например, в различные варианты самозанятости и индивидуального предпринимательства) после потери работы или в поисках более высокого заработка, которое вновь сменяется официальной работой по найму по мере адаптации предприятий к санкционному давлению. Выявленная динамика неформальной занятости оказалась сосредоточена в определённых отраслях (бюджетный сектор, строительство, сфера ЖКХ и социального обслуживания). При этом оценивание динамических мультиномиальных логит-моделей не выявило общего самостоятельного влияния санкций на вероятность неформальной занятости различных типов, подтверждая то, что оно аккумулировалось в конкретных отраслях. Санкционное давление в 2022–2023 гг. при прочих равных условиях, не привело и к росту рисков потери работы (к переходу в состояние безработицы или неактивности) после предшествующей занятости (в противоположность периоду ковидного кризиса риски в большинстве случаев либо оставались неизменными, либо сокращались).

Ключевые слова: неформальная занятость; рынок труда; Россия; санкции; экономический цикл; отрасли экономики.

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Автор признателен за ценные замечания и комментарии Н. Т. Вишневской, а также благодарен всем участникам секции «Рынок труда» Седьмой Международной конференции пользователей данными РМЭЗ ВШЭ (24 мая 2025 г.).

Введение

По мере того как число стран-целей, подпадающих под те или иные внешние искусственные ограничения на ведение экономической деятельности со стороны стран-инициаторов², продолжает увеличиваться, изучение последствий для рынков труда также представляет все большую актуальность. Однако в настоящий момент оно является менее разработанным направлением по сравнению с анализом динамики показателей ВВП, международной торговли, зарубежных инвестиций, статистики предприятий, банковской деятельности, а также доходного неравенства и бедности в подсанкционных странах [Moghaddasi Kelishomi, Nisticò 2023].

Соответствующие работы по зарубежным странам в настоящий момент представлены преимущественно исследованиями по рынку труда Исламской Республики Иран (то есть страны, которая находится под санкциями более 40 лет) и Сирии. При этом особое внимание уделяется динамике неформальной занятости, расширение которой стало важным механизмом адаптации национальной экономики [Early, Peksen 2019; Aita 2020; Salehi-Isfahani 2022; Karimi Moughari 2022; Moghaddasi Kelishomi, Nisticò 2022; 2023].

Целенаправленное изучение динамики различных параметров неформальной занятости в России в условиях санкционного воздействия в 2022–2023 гг. также представляет несомненный академический и практический интерес.

Во-первых, масштаб санкций, введённых в отношении России в 2022–2023 гг., оказался несопоставим с ранее существовавшими прецедентами, как зарубежными, так и вводимыми в отношении нашей страны в предыдущие годы [Zareei, Wadensjö 2024]. Страны-инициаторы санкций задействовали практически все возможные виды ограничений, включая меры экспортного контроля в отношении промышленных товаров³, технологий и продукции двойного назначения, финансовые санкции различного типа, ограничения на импорт товаров и природных ресурсов из России, транспортные ограничения, а также вторичные санкции для партнёров России из дружественных стран [Тимофеев, Соколышник, Морозов 2023]. В итоге санкциями были затронуты практически все отрасли российской экономики [Тимофеев, Чуприянова 2024], и они были направлены прежде всего на наиболее конкурентоспособные предприятия, создавая ограничения как на спрос, так и на предложение [Симачёв, Федюнина, Светова 2023]. Одновременно с этим в течение 2022–2023 гг. внешнее давление на российскую экономику происходило и через ограничение или полное прекращение поставок товаров, технологий и услуг зарубежных компаний, чья деятельность на территории нашей страны формально не была регламентирована санкциями (это коснулось продуктов питания, лекарственных средств, бытовой электроники, одежды, обуви, программного обеспечения, строительных материалов и проч.)⁴. При этом в 2023 г., с одной стороны, наблюдалось значительное расширение экономического давления от недружественных стран, а с другой — происходила активная адаптация российских компаний к санкционным реалиям [Малкина, Балакин 2024], включая работу «на упреждение»⁵, то есть выстраивание новой логистики,

² О характеристиках и издержках стран-целей и стран-инициаторов санкций см. подробнее: [Тимофеев 2019; 2020].

³ Например, комплектующих для аэрокосмической промышленности, судостроения, самолетостроения и оборонно-промышленного комплекса, оборудования для нефтедобычи; см: Виноградова Е., Деготькова И. 2022. Путеводитель по санкциям и ограничениям против России. Главное. РБК. 28 февраля. Электронный ресурс [код доступа]: <https://www.rbc.ru/business/28/02/2022/621a20109a79471f8295dade> (дата обращения: 17 декабря 2025).

⁴ См. подробнее: Орлова А. 2024. Все санкции против России за 2 года. *Контур.Фокус*. 19 апреля. Электронный ресурс [код доступа]: https://focus.kontur.ru/site/news/50868-vse_sankcii_protiv_rossii_za_2_goda (дата обращения: 17 декабря 2025).

⁵ См. подробнее: Тимофеев И. 2023. Какие санкции вводились против России в 2023 году, и каким был их результат. *Профиль*. 26 декабря. Электронный ресурс [код доступа]: <https://profile.ru/economy/kakie-sankcii-vvodilis-protiv-rossii-v-2023-godu-i-kakim-byt-ih-rezultat-1433042/> (дата обращения: 17 декабря 2025).

поиск новых деловых партнёров, поставщиков и технологий, перепрофилирование хозяйственной деятельности и импортозамещение отечественными аналогами.

Во-вторых, согласно результатам предыдущих исследований, роль неформальной занятости в качестве активного механизма подстройки экономики в периоды различных негативных макроэкономических шоков оказывается наиболее заметной в тех странах, где она широко распространена. К ним относится и Россия, где существующие оценки свидетельствуют о том, что доля неформальной занятости устойчиво составляет более 20%; такая занятость абсорбирует тех, кто не может по тем или иным причинам войти в сегмент формальной занятости. При этом неформальность, как правило, предполагает более низкий уровень зависимости от технологий или зарубежных комплектующих и представлена преимущественно отраслями услуг, мелкой торговли, транспорта, сельского хозяйства, строительства [Синявская 2005; Perry et al. 2007], поэтому в меньшей степени должна сжиматься под влиянием санкций, продолжая предоставлять возможность заработка. Тем не менее в существующих исследованиях по России в контексте анализа эффекта санкций неформальная занятость подробно не рассматривается, а в фокусе внимания находятся такие параметры рынка труда, как уровень заработных плат и трудовая мобильность [Williams 2020], динамика численности работников предприятий пострадавших отраслей [Ahn, Ludema 2020], экономическая активность, безработица, нестандартная занятость, заработные платы и вакансии [Капелюшников 2023], а также потоки рабочей силы между различными состояниями на рынке труда, включая неформальную занятость в целом [Зудина 2024].

В настоящей работе на данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ впервые изучается изменение структуры различных типов неформальной занятости в 2022–2023 гг., а также оценивается влияние санкций на динамику вероятности неформальной занятости, что позволяет уточнить реакцию российского рынка труда на масштабное санкционное давление и адаптацию к нему.

Неформальная занятость в условиях санкционного давления: обзор теоретических подходов к анализу и эмпирических исследований

Неформальная занятость является важной характеристикой современных рынков труда по всему миру. Доля работников, так или иначе вовлечённых в неформальные трудовые отношения, составляет в среднем около 60%, варьируясь от 12–15% в странах Европы и Центральной Азии и 43–46% в арабских государствах до 85% в странах Африки⁶.

Согласно обновлённому определению, принятому на 21-й Международной конференции статистиков труда в 2023 г., под неформальной занятостью понимается любая деятельность по производству товаров или предоставлению услуг, которая полностью или частично, де-юре или де-факто, осуществляется за пределами официального регулирования коммерческой деятельности, процедур отчётности, налогообложения доходов, трудового законодательства, социального обеспечения или защиты занятости [ILO 2023]. Неформальная занятость может осуществляться как в формальном (официальном), так и в неформальном (теневом) сегментах экономики [ILO 2023], поэтому понятия «неформальная занятость» и «занятость в неформальном секторе» не являются синонимами.

Общая аналитическая рамка изучения влияния экономических санкций на показатели неформальной занятости определяется теоретическими подходами и эмпирическими исследованиями, рассматривающими изменение её уровня в зависимости от стадий экономического цикла⁷. Первоначальные иссле-

⁶ См.: Informal Employment Rate. *ILO*. Available at: <https://ilostat.ilo.org/data/snapshots/informal-employment-rate/> (accessed 17 December 2025).

⁷ См. об этом: [Зудина 2024].

довательские представления базировались на идее неформальной занятости как отдельного сегмента рынка труда, выступающего в виде «страховочной сетки» для тех, кто потерял рабочие места в формальном сегменте во время экономического спада. В соответствии с данной точкой зрения, неформальная занятость является вынужденным состоянием (зачастую осуществляется в виде низкопроизводительной и неквалифицированной самозанятости), а её уровень должен изменяться контрциклическим образом. Противоположная точка зрения была представлена авторами, указывающими на интегрированную, а не сегментированную природу неформальной занятости. Согласно этой логике, неформальная занятость является лишь одной из разновидностей занятости наряду с формальной, поэтому не обособлена от остального рынка труда. Решение о переходе в неформальную занятость из формальной может быть вполне добровольным, так как она предполагает определённые преимущества: например, возможность свободной организации рабочего графика и сравнительно более высокий трудовой доход (из-за уклонения от уплаты налогов). При этом в периоды экономического подъёма взаимонаправленные потоки между состояниями формальной и неформальной занятости возрастают, отражая улучшение делового климата, в то время как в периоды спада они сокращаются [Perry et al. 2007].

Согласно результатам эмпирических исследований, в периоды экономического спада и его наиболее острой фазы (то есть кризиса) неформальная занятость может как возрастать, так и сокращаться. При этом рост неформальности достигается преимущественно за счёт остающихся высокими показателей найма работников на неформальной основе, поскольку соответствующие рабочие места не сопряжены с необходимостью уплаты налогов и компенсационных выплат при увольнении, а заработная плата является более гибкой, поэтому работодатели продолжают нанимать работников «без оформления»; наём же на формальные рабочие места значительно сокращается [Perry et al. 2007]. В «тень», стремясь сократить издержки, могут уходить не только отдельные работники, но и небольшие предприятия в целом [Early, Peksen 2019; Owolabi, Berdiev, Saunorisa 2022; Симачёв, Федюнина, Светова 2023]. Одновременно с этим в периоды экономического спада возможно и уменьшение уровня неформальной занятости. Неформальные работники представляют собой одну из наиболее уязвимых категорий на рынке труда, так как на них не распространяется законодательство о защите занятости, и не только их наём, но и увольнение обходятся работодателям дешевле, поэтому работодатели легче расстаются с ними в периоды спада [Perry et al. 2007]. Значительное сокращение неформальной занятости в период экономического спада также возникает в тех случаях, когда в отраслях с наибольшей долей неформальных работников оказывается сосредоточен основной источник предшествующего экономического роста. Подобные ситуации наблюдались на рынках труда многих европейских стран в период мирового финансового кризиса, когда источниками предшествующего экономического роста были неторгуемые секторы с высокой долей неформальных трудовых контрактов (например, строительство), поэтому в период Великой рецессии уровень неформальной занятости сокращался по мере роста показателей безработицы [Packard, Koettl, Montenegro 2012]. Ещё одним примером является значительное сокращение неформальной занятости в первые месяцы пандемии коронавируса в отраслях услуг и торговли, оказавшихся в наибольшей степени затронутыми эпидемиологическими ограничениями [Torres-Favela, Luna 2024].

Обсуждение влияния экономических санкций на рынки труда стран-целей и распределение работников между их формальной и неформальной частями также производится через призму сравнительного отраслевого анализа. Отмечается, что резкое введение торгового эмбарго способствует значительному сокращению показателей занятости в отраслях, в наибольшей степени зависимых от внешней торговли с точки зрения как закупки необходимых комплектующих за рубежом, так и сбыта готовой продукции [Moghaddasi Kelishomi, Nisticò 2023]. Это, в свою очередь, влияет на перемещение рабочей силы из данных отраслей: например, в результате экономической блокады сектора Газа в 2007–2010 гг. произошло перераспределение занятых на производстве в услуги [Etkes, Zimring 2015]. При этом с точностью до специфики распределения занятости по отраслям на конкретных рынках труда [Moghaddasi

Kelishomi, Nisticò 2022] определённая часть подобной реаллокации сопровождается и перемещениями работников между формальной и неформальной занятостью и, соответственно, ростом неформальной занятости [Early, Peksen 2019; Moghaddasi Kelishomi, Nisticò 2023]. В то же время уход зарубежных компаний из-за санкций может также стимулировать отечественное производство и рост формальной занятости в соответствующих отраслях [Petrescu 2016; Moghaddasi Kelishomi, Nisticò 2023; Симачёв, Федюнина, Светова 2023].

Эмпирические исследования влияния введения санкций на размер и динамику неформальной занятости в зарубежных странах в настоящий момент ограничены из-за отсутствия необходимых данных. Так, с одной стороны, показатели, позволяющие отделить формальную занятость от неформальной, могут отсутствовать в административных данных или выборочных обследованиях подсанкционных стран. С другой стороны, в некоторых случаях представляется невозможным отделить эффект санкционного воздействия на неформальную занятость от влияния других негативных процессов (например, вооружённых конфликтов), происходящих в тот же период [Moghaddasi Kelishomi, Nisticò 2023].

Одним из немногочисленных исключений в зарубежной литературе являются исследования иранского рынка труда. Они позволяют оценить изменения в вероятности занятости без оформления после введения масштабных финансовых и торговых санкций против Ирана в 2012–2014 гг., направленных против как нефтяной отрасли страны, так и ненефтяного экспорта, доступа к зарубежным инвестициям и импорта промежуточных товаров. Полученные результаты свидетельствуют о том, что значительное ужесточение санкций не привело к снижению вероятности занятости как таковой, напротив, показатели общей занятости возросли, а безработица сократилась. Данный период получил название «занятость без роста». При этом ключевые негативные последствия были связаны с изменением структуры рынка труда, в результате чего значительно увеличилось число низкопроизводительных рабочих мест в секторе услуг, куда переместились бывшие работники частного сектора. Основную долю этих новых рабочих мест составляли неформальные. Период ужесточения санкций также был отмечен ростом низкопроизводительной самозанятости (водители такси, уличные торговцы). В неё оказалась вовлечена даже высокообразованная молодёжь, которая не могла позволить себе длительный поиск более качественных рабочих мест и потому соглашалась на низкоквалифицированную работу. В 2011–2019 гг. доля самозанятых возросла с 32,2 до 36,7%, и этот прирост в численном эквиваленте составил 1,7 млн человек. Также возросла доля неформальных наёмных работников малых предприятий, преимущественно занятых на условиях краткосрочных договоров. В результате к 2019 г. около 60% занятых на иранском рынке труда находились за пределами сферы регулирования защиты занятости [Salehi-Isfahani 2022; Karimi Moughari 2022].

Ужесточение санкций может увеличить и вероятность перехода из формальной занятости в неформальную внутри предприятий для снижения издержек [Early, Peksen 2019]. Ожидается выше она будет в отраслях, в наибольшей степени подверженных торговому эмбарго (с точки зрения как импорта необходимых комплектующих, так и экспорта продукции). Так, санкции, связанные с ограничением доступа иранских предприятий к различным рынкам, привели к снижению производительности и увеличили стимулы для перевода сотрудников на неформальные трудовые договоры для сокращения общих издержек. При этом максимальные вероятности перехода из формальной занятости в неформальную наблюдались среди работников с низкими уровнями образования, и неформальность выступала в качестве страховочной сетки для наиболее уязвимых работников [Moghaddasi Kelishomi, Nisticò 2023].

Исследования сирийского рынка труда также свидетельствуют о значительном неформальном сегменте, представленном фирмами небольшого размера и низкооплачиваемыми и низкопроизводительными рабочими местами: в 2010 г. доля неформальных работников составляла около 66% всех занятых [SESS-UNDP 2018; Aita 2020]. В соответствии с традиционным «сегментационным» подходом сирий-

ская неформальность абсорбирует «излишки» занятых, переезжающих из сел в города в поисках работы⁸, однако именно самозанятые, владельцы и сотрудники небольших фирм оказываются также среди наиболее пострадавших категорий в результате зарубежных санкций. Так, в 2010–2019 гг. численность рабочих мест на сирийском рынке труда сократилась на 2,2 млн, при этом около 2 млн относились к частному сектору, из них около 400 тыс. — рабочие места на микропредприятиях и самозанятые. Одновременно возросла безработица — с 15% в 2011 г. до 52% в 2016 г. и 43% в 2019 г. [Aita 2020]. В 2000-е гг. в структуре неформальной занятости также существенно увеличилась доля молодёжи с высшим образованием из-за значительного рассогласования спроса и предложения на их труд [SESS-UNDP 2018].

Результаты предшествующих исследований влияния экономических санкций на российский рынок труда свидетельствуют о падении среднемесячных заработков и сокращении рабочего времени в результате первой волны, начавшейся в 2014 г., в наиболее пострадавших отраслях, к которым относятся финансы, оборонно-промышленный комплекс, энергетика, строительство и электроснабжение, а также о сравнительно небольшом сокращении численности занятых в этих отраслях [Williams 2020; Капелюшников 2023], которое выражалось не в росте увольнений, а в приостановке найма новых работников [Капелюшников 2023]. При этом в результате ответных специальных экономических мер, преимущественно направленных на введение эмбарго на продовольственную продукцию из стран-инициаторов санкций и защиту отечественной отрасли сельского хозяйства (см. подробнее, например: [Лихачева 2023]), занятость в этой отрасли возросла [Williams 2020].

Существующие исследования показывают, что неформальная занятость в России также выступает одним из важных механизмов подстройки рынка труда к санкционному давлению. В первую волну санкций (2014–2015 гг.) увеличение уровня неформальной занятости замедляло рост показателей безработицы, в то время как вторая волна санкций, начавшаяся в 2022 г., характеризовалась одновременным сокращением показателей неформальной занятости и безработицы, а уровень общей занятости возрастал [Капелюшников 2023]. Анализ динамики потоков рабочей силы между состояниями формальной и неформальной занятости также согласуется с этими результатами и свидетельствует о том, что в 2014–2015 гг., во время первого «санкционного шока», неформальные работники теряли работу чаще, чем формальные, однако показатели найма на неформальных рабочих местах оставались устойчивыми, в то время как формальный наём сокращался. В свою очередь, во время второй волны санкций происходило снижение вероятности потери работы как с официальным оформлением, так и без него, и увеличение показателей трудоустройства на формальных рабочих местах после безработицы, отражая возросший спрос на труд со стороны корпоративного сектора в условиях обострения нехватки рабочей силы [Зудина 2024].

Указанные исследования либо были выполнены на кросс-секционных данных «Обследования рабочей силы» (ОРС) Росстата [Капелюшников 2023] и потому не позволяли ответить на вопрос о характеристиках мобильности между статусами занятости в анализируемый период, либо рассматривали потоки рабочей силы между формальной и неформальной занятостью в целом, не разделяя эту последнюю на типы [Зудина 2024]. Таким образом, вопрос об особенностях динамики неформальности на рынке труда во вторую волну санкций (2022–2023 гг.) остаётся открытым.

⁸ Зарубежные санкции против сирийской экономики в значительной степени затронули сектор сельского хозяйства — как напрямую, так и через ограничения нефтяного экспорта и импорта. В результате возросшая стоимость и труднодоступность энергоресурсов сократили возможности для помпового орошения возделываемых земель и растениеводства, что привело к сокращению занятости в сельском хозяйстве [Aita 2020].

Эмпирическая база и методология исследования

Целью настоящей работы является комплексный анализ различных типов неформальной занятости в 2022–2023 гг., включающий изучение динамики её характеристик по показателям уровня образования и отраслевой принадлежности работников, а также оценку влияния эффекта санкций на вероятность неформальной занятости.

Эмпирическую основу составляют панельные данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (РМЭЗ ВШЭ) за 2019–2023 гг. Выбор временного периода обосновывается тем, что показатели вовлечённости работников в неформальную занятость во вторую волну санкций (2022–2023 гг.) необходимо сравнить с более ранними значениями, однако включение данных только за 2020–2021 гг. сопряжено со смещениями: на показатели неформальной занятости в тот момент оказывал влияние внешний негативный шок пандемии коронавируса. Таким образом, изучение данных за 2019–2023 гг. позволит сопоставить реакцию российского рынка труда на санкционное воздействие с особенностями его подстройки в период пандемии COVID-19.

Преимуществом данных РМЭЗ ВШЭ является то, что они позволяют выделить несколько различных типов неформальной занятости⁹. Так, согласно так называемому производственному¹⁰ подходу к определению неформальной занятости, к её представителям относятся все занятые вне корпоративного сектора [Husmanns 2004]. Соответственно, на основе вопроса регулярной анкеты РМЭЗ ВШЭ о месте основной работы (на предприятии или вне предприятия) к неформальным работникам можно отнести всех, кто ответил, что занят не на предприятии¹¹. В свою очередь, согласно так называемому легалистскому определению неформальной занятости, ключевой характеристикой является выпадение работников из сферы защиты занятости и трудового законодательства [Maloney 2004], и вопрос регулярной анкеты РМЭЗ ВШЭ о наличии официального трудового договора или контракта у занятых на предприятии позволяет выделить соответствующий тип неформальных работников.

На первом этапе анализа рассматривались общая динамика структуры населения в зависимости от статуса на рынке труда, уровень и структура неформальной занятости по составляющим (отдельно для мужчин и для женщин). Это позволило получить первоначальное представление об изменениях, происходивших на рынке труда в анализируемый период.

Как уже отмечалось выше, использование панельных данных РМЭЗ ВШЭ позволяет отследить трудовую мобильность¹² между рабочими местами разных типов и состояниями безработицы и экономической неактивности. При этом, в соответствии с методологией предшествующих исследований влияния санкций на различные параметры российского рынка труда [Williams 2020], интерес представляют факторы попадания в один из типов занятости или перехода из предшествующей занятости

⁹ В некоторых предшествующих работах, посвящённых анализу неформальной занятости на российском рынке труда с использованием данных РМЭЗ ВШЭ, исследователи дополнительно выделяли нерегулярную занятость, под которой понималось производство каких-либо товаров или услуг за деньги за последний месяц при отсутствии основной работы [Синявская 2005; Slonimczyk 2013; Зудина 2024]. Однако по данному типу занятости в обследовании отсутствует информация о его отраслевой принадлежности, поэтому в настоящей работе он был исключён из анализа и не участвовал в формировании показателя общей занятости.

¹⁰ См. подробнее о производственном и легалистском определениях неформальной занятости и их соотношении: [Капелюшников 2013].

¹¹ Сюда относятся как самозанятые и индивидуальные предприниматели (в том числе, например, платформенные работники), так и занятые по найму у физических лиц.

¹² Ранее данные РМЭЗ ВШЭ уже использовались в исследованиях, посвящённых изучению эффектов экономических санкций на трудовую мобильность на российском рынке труда, а именно — на показатели внутриотраслевой межфирменной трудовой мобильности после первой волны санкций 2014 г. [Williams 2020].

в состоянии безработицы либо экономической неактивности, произошедшие в анализируемый период, поэтому на втором этапе оценивались динамические мультиномиальные логит-модели, в которых зависимой переменной выступал показатель статуса на рынке труда, принимающий пять значений:

- формальная наёмная занятость на предприятии;
- неформальная наёмная занятость на предприятии;
- неформальная занятость вне корпоративного сектора;
- безработица¹³;
- экономическая неактивность¹⁴.

Модель оценивалась на подвыборке тех, кто имел работу в предшествующем году [Williams 2020]. Соответственно, в качестве независимой переменной в регрессионное уравнение был включён лагированный показатель типа занятости с тремя значениями:

- формальная наёмная занятость на предприятии;
- неформальная наёмная занятость на предприятии;
- неформальная занятость вне корпоративного сектора.

Отметим, что в эконометрических моделях для измерения эффекта санкций, как правило, включается либо показатель года обследования для измерения общегодового «санкционного шока» [Early, Peksen 2019; Williams 2020], либо различные отраслевые показатели, позволяющие оценивать вариацию воздействия санкций по отраслям: эффект пересечения переменной отрасли с переменной периода опроса [Williams 2020], специальным образом рассчитываемый индекс жёсткости наложенных отраслевых санкций [Williams 2020], досанкционный уровень «торгового воздействия» (*trade exposure*), отражающий соотношение доли импорта и экспорта в конкретной отрасли [Moghaddasi Kelishomi, Nisticò 2023]. В настоящей работе в качестве прокси-показателя санкций использовался либо год проведения обследования (для измерения общего влияния санкционного давления на вероятность неформальной занятости), либо эффект пересечения года обследования и отрасли занятости респондента в предшествующем году (для оценки динамики сравнительных рисков по отраслям в период санкций).

Модели оценивались отдельно для мужчин и женщин, при этом в качестве независимых переменных также включались возрастная группа, семейное положение¹⁵, уровень образования, логарифм дефлированного душевого дохода, самооценка здоровья¹⁶, наличие детей, тип населённого пункта, федеральный округ. Эти переменные представляют собой традиционный набор показателей, включаемых в регрессионные модели при изучении вероятности того или иного состояния на рынке труда (к при-

¹³ Безработные определялись как те, кто не имел основной работы, искал её и был готов к ней приступить в случае нахождения.

¹⁴ Экономически неактивные — те, кто не имел работы и не искал её.

¹⁵ Использовалась дамми-переменная, описывающая, состоит ли респондент в браке (зарегистрированном или нет). Разведённые и вдовы респонденты, а также те, кто состоял в официально зарегистрированном браке, но не проживали совместно, были отнесены в категорию не состоящих в браке.

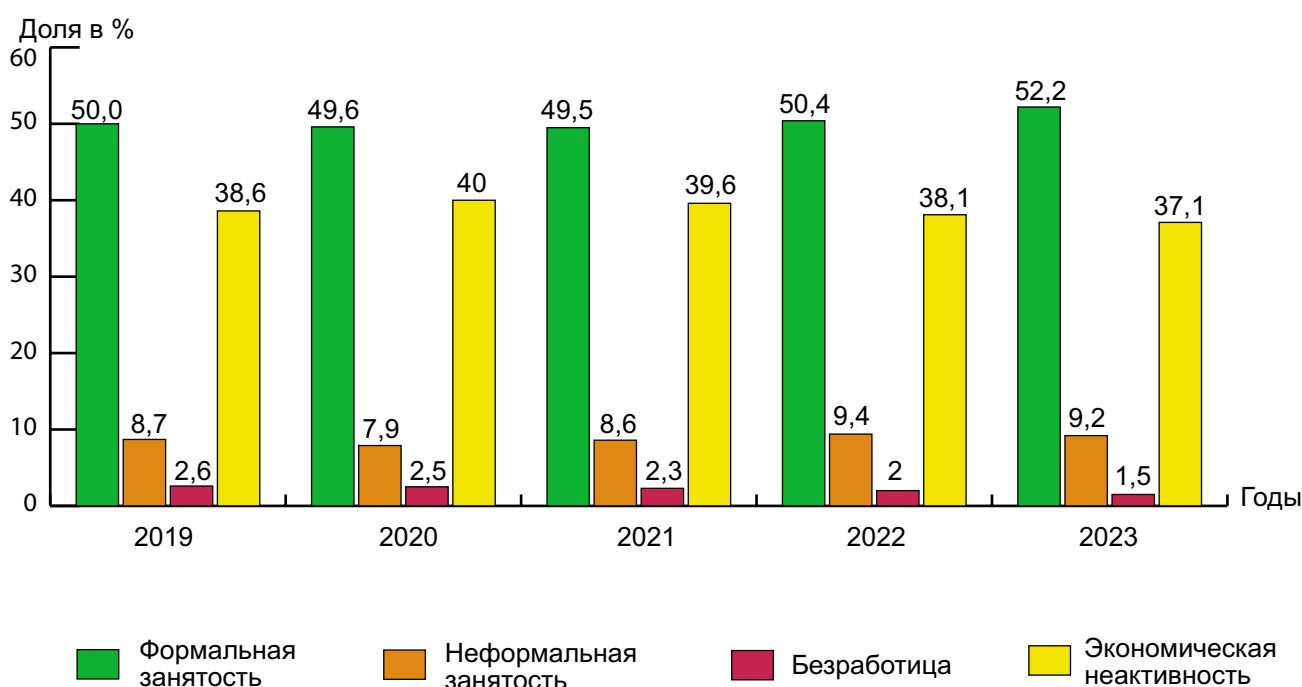
¹⁶ В качестве самооценки здоровья использовался ответ на вопрос: «Были у Вас в течение последних 30 дней какие-либо проблемы со здоровьем?».

меру, наличие детей, семейное положение и самооценка здоровья могут быть значимыми факторами экономической неактивности, а вероятность безработицы может варьироваться в зависимости от типа населённого пункта и уровня образования).

Как ограничение анализа необходимо отметить, что годовая периодичность сбора данных РМЭЗ ВШЭ делает невозможным анализ изменений в показателях рынка труда внутри года. С учётом активных изменений в политике введения санкций в 2022–2023 гг. и государственных мер по борьбе с ними анализируемые показатели могут не в полной мере отражать всю динамику подстройки занятости. Представленные в работе оценки неформальной занятости также до некоторой степени занижают общий масштаб явления, поскольку не учитывают миграционные потоки (выборка обследования РМЭЗ ВШЭ включает постоянное население России), а также неформальную занятость на второй (дополнительной) работе при наличии первой официальной занятости. Настоящее исследование также анализирует данные РМЭЗ ВШЭ только за два «санкционных» года, так как на момент подготовки работы данные обследования за 2024 г. ещё не были доступны.

Масштаб и динамика неформальной занятости в 2022–2023 гг.

На рисунке 1 представлена динамика структуры российского населения в возрасте 15–72 лет в 2019–2023 гг. Накануне начала пандемии COVID-19 половина населения относилась к категории формальных работников, то есть наёмных работников предприятий, имеющих официальный трудовой контракт; немногим менее 9% принадлежали к тому или иному типу неформальных работников; ещё около 3% были безработными (не имели работы, находились в поиске работы и готовы были приступить к ней в случае нахождения) и около 39% были экономически неактивными (не имели работу и не искали её).

Примечание: расчёты автора.

Рис. 1. Динамика структуры населения России, доля в % от всего населения в возрасте 15–72 лет, РМЭЗ ВШЭ, 2019–2023 гг.

С началом пандемии коронавируса в структуре населения сократилась доля занятых, при этом отрицательная динамика была более выраженной среди неформальных работников — их доля сократилась

примерно на 0,8 п. п., в то время как доля формальных работников уменьшилась на 0,4 п. п. Доля безработных осталась практически неизменной, при этом возросло на 1,4 п. п. присутствие экономически неактивных. Таким образом, перераспределение рабочей силы на начальном этапе пандемии осуществлялось при помощи перемещения работников разного типа за пределы рынка труда; наиболее выраженное сокращение занятости происходило за счёт представителей неформальной занятости, что согласуется с имеющимися исследованиями по зарубежным странам. Восстановление экономики в 2021 г. сопровождалось ростом доли неформальных работников на 0,7 п. п. при практически неизменной доле формальных работников, а также сокращением доли безработных и экономически неактивных.

С началом второй волны санкций в 2022 г. происходит увеличение доли занятых в структуре населения, которое прослеживается как по формальным, так и по неформальным работникам, и составило 0,9 п. п. и 0,8 п. п. соответственно. Увеличение обеспечивается преимущественно за счёт снижения доли экономически неактивных на 1,5 п. п., однако одновременно наблюдается и сокращение доли безработных. Тенденция к уменьшению доли экономически неактивных и безработных, а также к росту доли формальных работников в структуре населения продолжается и в 2023 г. В результате доля безработных и экономически неактивных достигает минимальных значений за анализируемый период (1,5 и 37% от всего населения в возрасте 15–72 лет соответственно), а доля работников предприятий, имеющих официальный трудовой контракт, превышает 52% от всего населения в возрасте 15–72 лет.

В таблице 1 представлена динамика уровней неформальной занятости на российском рынке труда в 2019–2023 гг.

Таблица 1

Уровень и структура неформальной занятости в России, 2019–2023 гг., РМЭЗ ВШЭ, доля в % от всех занятых в возрасте 15–72 лет

Уровень неформальной занятости (доля в % по годам)	Годы				
	2019	2020	2021	2022	2023
<i>Всего</i>	14,8	13,8	14,7	15,8	15,0
Неформальная занятость по найму на предприятиях	5,9	4,9	5,2	5,6	5,4
Неформальная занятость вне корпоративного сектора	8,9	8,9	9,5	10,2	9,6
<i>Мужчины (всего)</i>	17,4	16,8	17,9	18,8	18,0
Неформальная занятость по найму на предприятиях	6,7	5,9	6,0	6,4	6,3
Неформальная занятость вне корпоративного сектора	10,7	10,9	11,9	12,4	11,7
<i>Женщины (всего)</i>	12,4	10,9	12,1	12,9	12,4
Неформальная занятость по найму на предприятиях	5,2	3,9	4,6	4,8	4,6
Неформальная занятость вне корпоративного сектора	7,2	7,0	7,5	8,1	7,8

Примечание: расчёты автора.

В анализируемый период общий уровень неформальной занятости составлял 14–16% от всего занятого населения в возрасте 15–72 лет. В структуре доминировала неформальная занятость вне корпоративного сектора: соответствующие значения составляли 9–10% всех занятых; уровень неформальной наёмной занятости на предприятиях не превышал 6%. Динамика общего уровня неформальной занятости в целом повторяет тенденции изменения доли неформальных работников в общей структуре населения. Так, в 2020 г. уровень неформальной занятости сократился на 1,1 п. п.; в 2021 г. происходит возвращение показателя к допандемийным значениям. Начало второй санкционной волны в 2022 г. характеризуется дальнейшим ростом уровня неформальной занятости на 0,9 п. п., а в 2023 г., по мере адаптации российской экономики, происходит сокращение на 0,7 п. п. При этом уменьшение неформальной занятости в первый год пандемии полностью объясняется сокращением уровня неформальной наёмной

занятости на предприятиях, а разнонаправленная динамика в 2022–2023 гг. — соответствующим изменением уровня неформальной занятости вне корпоративного сектора. Также отметим, что среди мужчин оказывается выше как общий уровень неформальной занятости (17–19 против 11–13% среди женщин), так и уровни участия в неформальной занятости обоих типов. При этом наибольший разрыв между показателями участия мужчин и женщин наблюдается в категории неформальной занятости вне корпоративного сектора.

Рассмотрим далее динамику различных типов занятости на российском рынке труда в разрезе уровня образования и отрасли. В таблице 2 представлена динамика уровней формальной и неформальной занятости в зависимости от образования среди мужчин.

Таблица 2

Уровни формальной и неформальной занятости на российском рынке труда в зависимости от образования, 2019–2023 гг., РМЭЗ ВШЭ, мужчины 15–72 лет, доля в %

Уровень образования, доля в % по годам	Годы				
	2019	2020	2021	2022	2023
<i>Формальная занятость</i>					
Неполное среднее и ниже	69,6	69,1	69,3	65,0	68,5
Неполное среднее и ПТУ	79,8	79,2	83,6	78,5	78,5
Полное среднее	78,4	80,4	78,2	76,4	74,4
Полное среднее и ПТУ	79,7	82,4	79,1	80,6	80,8
Среднее профессиональное	85,4	84,8	84,0	83,7	85,8
Высшее профессиональное	89,2	89,0	88,8	87,6	88,5
<i>Неформальная занятость по найму на предприятиях</i>					
Неполное среднее и ниже	14,1	11,9	11,9	15,8	14,9
Неполное среднее и ПТУ	8,9	8,3	5,5	7,6	4,6
Полное среднее	8,0	6,0	7,6	7,6	9,3
Полное среднее и ПТУ	8,0	6,7	7,6	8,4	7,2
Среднее профессиональное	6,7	6,0	5,4	4,9	4,7
Высшее профессиональное	2,7	3,1	2,7	2,6	2,8
<i>Неформальная занятость вне корпоративного сектора</i>					
Неполное среднее и ниже	16,3	19,1	18,8	19,3	16,6
Неполное среднее и ПТУ	11,4	12,5	11,0	13,9	16,9
Полное среднее	13,6	13,7	14,2	16,0	16,4
Полное среднее и ПТУ	12,4	10,9	13,3	11,0	12,0
Среднее профессиональное	8,0	9,2	10,6	11,5	9,6
Высшее профессиональное	8,1	8,0	8,5	9,8	8,8

Примечание: расчёты автора.

Можно отметить, что подавляющее большинство работников каждой из выделенных образовательных категорий заняты на формальных рабочих местах. При этом показатели вовлечённости в занятость с официальным оформлением на предприятиях возрастают с увеличением уровня образования. Так, они варьируются от 65 до 68,5% среди работников с наиболее низким уровнем образования (неполное среднее и ниже) и составляют немногим менее 89% среди тех, кто имеет высшее профессиональное образование. Уровень формальной занятости оказывается более устойчивым среди работников со средним профессиональным и высшим профессиональным образованием, в то время как среди занятых с полным средним образованием он последовательно снижается на протяжении 2020–2023 гг.

В период пандемии коронавируса среди работников с полным средним образованием и ниже происходит наиболее выраженное сокращение уровня неформальной наёмной занятости на предприятиях, которое варьируется от 0,6 до 2,1 п. п., и это согласуется с данными зарубежных исследований, в которых показано, что неформальные работники с невысокими уровнями образования первыми теряют работу. В данных категориях одновременно наблюдаются тенденции к росту неформальной занятости вне корпоративного сектора, поэтому можно предположить, что работники перемещаются между этими двумя типами неформальности. Исключение составляют только занятые с дипломом ПТУ после полного среднего образования: среди них снижаются уровни неформальной занятости обоих типов.

Наиболее выраженные изменения в период второй санкционной волны также наблюдаются среди наименее образованных. В 2022 г. происходит сокращение на 4 п. п. уровня формальной занятости среди занятых с неполным средним образованием и ниже, которое сменяется возвращением к досанкционным значениям в 2023 г. Описанная динамика 2022 г. практически полностью объясняется ростом уровня неформальной наёмной занятости на предприятиях (с 11,9 до 15,8%), в то время как рост «формализации» в 2023 г. — сокращением уровня неформальной занятости вне корпоративного сектора (с 19 до 16,6%). Таким образом, можно предположить, что первоначальная адаптация предприятий ко второй санкционной волне происходила по сценарию перевода работников с низкими уровнями образования с формальных на неформальные рабочие места или нового найма работников на неформальные рабочие места (аналогично подстройке иранского рынка труда [Moghaddasi Kelishomi, Nisticò 2023]). Впоследствии же вновь активизировался официальный наём работников с данным уровнем образования, в результате чего на формальных рабочих местах оказались и те, кто ранее был занят без оформления не на предприятиях. Также можно отметить рост уровня неформальной наёмной занятости на предприятиях в 2022 г. среди работников с полным и неполным средним образованием и дипломом ПТУ, однако уже к 2023 г. происходит возвращение к досанкционным значениям. В противоположность этому уровень неформальной занятости вне корпоративного сектора внутри указанных двух категорий работников последовательно возрастал в период второй санкционной волны. Среди работников с высшим и средним профессиональным образованием также наблюдается рост уровня неформальной занятости вне корпоративного сектора в 2022 г. при относительно устойчивых уровнях неформальной занятости на предприятиях, что может свидетельствовать о том, что данные работники могли перемещаться с формальных рабочих мест в высококвалифицированную самозанятость. Однако уже в 2023 г. происходит снижение показателей на фоне роста «формализации» данных категорий работников.

В таблице 3 представлена динамика уровней формальной и неформальной занятости в зависимости от образования среди женщин.

Таблица 3

Уровни формальной и неформальной занятости на российском рынке труда в зависимости от образования, 2019–2023 гг., РМЭЗ ВШЭ, женщины 15–72 лет, доля в %

Уровень образования, доля в % по годам	Годы				
	2019	2020	2021	2022	2023
<i>Формальная занятость</i>					
Неполное среднее и ниже	74,6	78,7	82,5	77,5	80,4
Неполное среднее и ПТУ	71,0	81,1	61,3	76,3	74,3
Полное среднее	80,0	80,8	79,8	77,0	78,0
Полное среднее и ПТУ	82,6	83,3	82,9	82,0	82,2
Среднее профессиональное	87,2	89,6	87,8	87,5	88,4
Высшее профессиональное	93,3	94,0	93,0	92,3	92,6
<i>Неформальная занятость по найму на предприятиях</i>					
Неполное среднее и ниже	11,9	11,2	10,1	13,6	8,5
Неполное среднее и ПТУ	9,7	13,5	16,1	7,9	8,6
Полное среднее	8,6	9,6	8,9	8,0	9,5
Полное среднее и ПТУ	8,4	6,0	6,5	7,8	7,1
Среднее профессиональное	5,2	3,0	4,7	4,4	4,6
Высшее профессиональное	2,5	1,2	1,9	2,3	1,9
<i>Неформальная занятость вне корпоративного сектора</i>					
Неполное среднее и ниже	13,5	10,1	7,4	8,9	11,1
Неполное среднее и ПТУ	19,4	5,4	22,6	15,8	17,1
Полное среднее	11,4	9,6	11,2	15,1	12,6
Полное среднее и ПТУ	9,0	10,7	10,6	10,2	10,7
Среднее профессиональное	7,6	7,4	7,6	8,1	7,1
Высшее профессиональное	4,3	4,8	5,1	5,3	5,5

Примечание: расчёты автора.

Среди женщин доля формальных работников независимо от уровня образования оказывается выше, чем среди мужчин, и среди наименее образованных составляет 75–83%, а среди обладателей высшего профессионального образования превышает 92%. При этом подстройка рынка труда к ковидному кризису происходила главным образом за счёт значительного сокращения уровня неформальной занятости вне корпоративного сектора среди занятых с невысокими уровнями образования (неполное среднее с или без ПТУ), в то время как уровень формальной и неформальной занятости на предприятиях среди работников этих образовательных категорий либо незначительно сокращался, либо возрастал.

Основные изменения в уровнях формальной и неформальной занятости в период второй санкционной волны также наблюдались среди работников с невысокими уровнями образования (неполное среднее разного типа и полное среднее образование). При этом если среди обладателей самого низкого уровня образования доля формальных работников предприятий в 2022 г. снижалась (– 5 п. п.), то среди обладателей диплома ПТУ с неполным средним образованием она, наоборот, возрастала (+ 15 п. п.). Соответственно зеркально изменялись доли неформальных работников предприятий и неформально занятых вне корпоративного сектора, то есть их доля увеличивалась среди наименее образованных (+ 3,5 и + 1,5 п. п.) и сокращалась среди выпускников ПТУ после неполного среднего образования (– 8 и –7 п. п.). Среди работников с полным средним образованием уровни неформальной занятости в 2022 г. изменялись разнонаправленно: доля неформальных работников предприятий сокращалась, а

доля неформально занятых вне корпоративного сектора увеличивалась. При этом позднее, в 2023 г., заметна тенденция к возвращению к допандемийным значениям практически по всем указанным категориям работников.

В таблице 4 представлена динамика уровней формальной и неформальной занятости по отраслям среди мужчин.

Таблица 4

Уровни формальной и неформальной занятости на российском рынке труда по отраслям, 2019–2023 гг., РМЭЗ ВШЭ, мужчины 15–72 лет, доля в %

Отрасль	Годы				
	2019	2020	2021	2022	2023
<i>Формальная занятость</i>					
Промышленность	93,0	94,6	92,7	92,1	92,1
Строительство, транспорт, связь	70,9	71,7	71,3	72,0	71,2
Сельское хозяйство	78,3	75,3	78,1	76,1	76,7
Бюджетный сектор (управление, здравоохранение, образование, наука, культура)	92,6	95,3	93,2	90,4	91,7
ЖКХ, социальное обслуживание, услуги населению и проч.	85,4	86,2	84,6	83,7	84,6
Финансы, операции с недвижимостью, юриспруденция, ИТ	86,7	86,5	81,7	86,2	86,2
Торговля, бытовое обслуживание	74,8	74,9	74,4	70,5	75,6
<i>Неформальная занятость по найму на предприятиях</i>					
Промышленность	3,4	2,5	2,5	3,4	3,0
Строительство, транспорт, связь	9,8	9,6	10,2	9,4	10,5
Сельское хозяйство	3,7	5,5	3,4	3,8	6,1
Бюджетный сектор (управление, здравоохранение, образование, наука, культура)	2,0	1,0	1,3	1,3	1,3
ЖКХ, социальное обслуживание, услуги населению и проч.	6,7	4,7	3,5	3,6	4,1
Финансы, операции с недвижимостью, юриспруденция, ИТ	3,8	4,2	4,4	1,8	2,0
Торговля, бытовое обслуживание	12,5	9,3	10,5	13,1	10,3
<i>Неформальная занятость вне корпоративного сектора</i>					
Промышленность	3,5	2,9	4,8	4,5	4,8
Строительство, транспорт, связь	19,3	18,7	18,6	18,6	18,3
Сельское хозяйство	18,0	19,2	18,5	20,1	17,2
Бюджетный сектор (управление, здравоохранение, образование, наука, культура)	5,4	3,7	5,5	8,3	7,0
ЖКХ, социальное обслуживание, услуги населению и проч.	7,9	9,1	11,9	12,8	11,4
Финансы, операции с недвижимостью, юриспруденция, ИТ	9,5	9,4	13,9	11,9	11,8
Торговля, бытовое обслуживание	12,8	15,8	15,2	16,4	14,1

Примечание: расчёты автора.

Вовлечённость в официальную занятость среди мужчин ожидаемо достигает максимальных значений в промышленности и бюджетных секторах, где соответствующие доли составляют более 90%. Доля

формальных работников в сфере финансов, операций с недвижимостью, юриспруденции и *IT* также велика и составляет 82–87%; в сфере ЖКХ, социального обслуживания и услуг населения — 84–86%. Наименьший уровень формальной занятости наблюдается среди работников отраслей строительства, транспорта и связи (71–72%), а также торговли и бытового обслуживания (70–76%), что согласуется с предшествующими исследованиями неформальной занятости на российском рынке труда [Гимпельсон, Зудина 2011]. При этом доминирующим типом неформальности в указанных отраслях является неформальная занятость вне корпоративного сектора. Так, доля соответствующих работников среди всех занятых в строительстве и на транспорте немногим менее 20%, среди работников торговли и бытового обслуживания она составляет 13–16%. На долю неформальной наёмной занятости на предприятиях приходится около 10% всех работников сферы строительства и транспорта и около 10–13% занятых в торговле и бытовом обслуживании.

В 2020 г. наблюдается сокращение уровней неформальной наёмной занятости на предприятиях в промышленности (– 0,9 п. п.) и в бюджетном секторе (– 1 п. п.), сфере ЖКХ, социального обслуживания и услуг населению (– 2 п. п.), а также торговле и бытовом обслуживании (– 3,2 п. п.). Одновременно уровень неформальной занятости вне корпоративного сектора значительно уменьшается в бюджетном секторе (– 2,7 п. п.), но возрастает в сфере ЖКХ, социального обслуживания и услуг населению (+ 1,2 п. п.), в торговле и бытовом обслуживании (+ 3 п. п.). Можно предположить, что разнонаправленность динамики в одних и тех же отраслях в зависимости от типа неформальной занятости объясняется различиями в реакции предприятий и домохозяйств, предъявляющих спрос на труд неформальных работников. Так, предприятия стремятся сократить издержки на труд, увольняя неформальных работников, однако часть из них может переместиться за пределы корпоративного сектора — например, в низкоквалифицированную самозанятость (напомним, что в 2020 г. также произошло увеличение уровней неформальной занятости вне корпоративного сектора среди мужчин с неполным средним образованием различного типа, что было показано выше). Также в 2020 г. можно отметить тенденцию к «деформализации» сельского хозяйства (– 3 п. п.), которая сопровождается увеличением уровней неформальной занятости обоих типов.

Для сравнения: в 2022 г. происходит сокращение уровня формальной наёмной занятости в бюджетном секторе (– 2,8 п. п.), промышленности (– 0,6 п. п.), торговле (– 3,9 п. п.), в ЖКХ, социальном обслуживании и услугах населению (– 0,9 п. п.), сельском хозяйстве (– 2 п. п.). Изменения в бюджетном секторе, сфере ЖКХ и сельском хозяйстве сопровождаются соответствующим ростом неформальной занятости вне корпоративного сектора, в то время как тенденции к сокращению уровня формальной наёмной занятости в промышленности и торговле характеризуется ростом неформальной наёмной занятости на предприятиях среди занятых в этих отраслях. Можно предположить, что работники могли в том числе переходить между рабочими местами соответствующих типов внутри предприятия. Важно отметить выраженную формализацию сектора финансов, *IT* и юриспруденции (+ 4,5 п. п.), которая происходит на фоне снижения уровня неформальной занятости обоих типов среди работников данных отраслей. В 2023 г. происходит обратный рост уровня формальной занятости в бюджетном секторе (+ 1,3 п. п.) и сфере ЖКХ (+ 0,9 п. п.) и торговле (+ 5,1 п. п.). В первых двух секторах одновременно наблюдается выраженное сокращение уровня неформальной занятости вне корпоративного сектора при гораздо более скромных показателях негативной динамики неформального найма на предприятиях; в торговле же сокращается уровень неформальной занятости обоих типов. Можно предположить, что рост «формализации» в том числе объясняется переходом работников в корпоративный сектор в результате активизации политики предприятий по привлечению рабочей силы [Симачёв, Федюнина, Светова 2023].

В таблице 5 представлена динамика уровней формальной и неформальной занятости по отраслям среди женщин.

Таблица 5

Уровни формальной и неформальной занятости на российском рынке труда по отраслям, 2019–2023 гг., РМЭЗ ВШЭ, женщины 15–72 лет, доля в %

Отрасль	Годы				
	2019	2020	2021	2022	2023
<i>Формальная занятость</i>					
Промышленность	91,8	93,5	91,4	92,7	92,7
Строительство, транспорт, связь	90,1	93,4	91,0	91,1	94,5
Сельское хозяйство	87,2	93,5	91,4	87,1	89,2
Бюджетный сектор (управление, здравоохранение, образование, наука, культура)	96,3	97,2	96,5	95,5	95,0
ЖКХ, социальное обслуживание, услуги населению и проч.	85,2	83,7	80,4	84,6	85,4
Финансы, операции с недвижимостью, юриспруденция, ИТ	86,1	91,0	86,5	89,7	88,8
Торговля, бытовое обслуживание	71,3	73,7	74,8	71,6	72,0
<i>Неформальная занятость по найму на предприятиях</i>					
Промышленность	5,5	3,5	4,8	3,6	4,0
Строительство, транспорт, связь	5,8	3,1	3,4	2,6	2,7
Сельское хозяйство	2,6	1,3	0,0	3,2	2,4
Бюджетный сектор (управление, здравоохранение, образование, наука, культура)	1,2	0,6	0,6	1,0	1,0
ЖКХ, социальное обслуживание, услуги населению и проч.	4,4	4,0	5,0	4,4	5,4
Финансы, операции с недвижимостью, юриспруденция, ИТ	4,9	2,5	4,2	1,6	1,3
Торговля, бытовое обслуживание	11,9	10,0	10,9	12,1	11,4
<i>Неформальная занятость вне корпоративного сектора</i>					
Промышленность	2,7	2,9	3,8	3,8	3,3
Строительство, транспорт, связь	4,2	3,5	5,6	6,3	2,7
Сельское хозяйство	10,3	5,2	8,6	9,7	8,4
Бюджетный сектор (управление, здравоохранение, образование, наука, культура)	2,5	2,3	2,9	3,5	4,0
ЖКХ, социальное обслуживание, услуги населению и проч.	10,3	12,3	14,6	11,0	9,2
Финансы, операции с недвижимостью, юриспруденция, ИТ	9,0	6,5	9,3	8,7	10,0
Торговля, бытовое обслуживание	16,8	16,4	14,3	16,4	16,6

Примечание: расчёты автора.

Уровни формальной занятости среди женщин достигают максимальных значений в бюджетном секторе (95–97%), промышленности (91–94%) и строительстве, транспорте (90–95%). Высокие показатели также устойчиво характерны для отраслей сельского хозяйства и финансов, ИТ, сферы недвижимости и юриспруденции (более 86–87%). Доля занятых с официальным трудовым договором составляет 80–85% в сфере ЖКХ и социальном обслуживании и не превышает 75% в торговле и бытовом обслуживании. При этом в структуре неформальности вновь преобладает занятость вне корпоративного сектора. Исключение составляет только промышленность, где доля занятых по найму без оформления устойчиво превышает аналогичный показатель занятых вне корпоративного сектора.

В 2020 г. происходит увеличение уровня формальной занятости практически во всех рассматриваемых отраслях, за исключением сферы ЖКХ (– 1,5 п. п.). Рост «формализации» объясняется преимущественно сокращением неформальной занятости по найму на предприятиях (можно предположить, что данные категории работников теряли работу), прежде всего в промышленности (– 2 п. п.), строительстве (– 2,7 п. п.) и торговле (– 1,9 п. п.). Исключение составляет сельское хозяйство, где происходило более выраженное сокращение доли неформально занятых вне корпоративного сектора (– 5,1 п. п.). В свою очередь, сокращение формальной занятости среди работников сферы ЖКХ и социального обслуживания сопровождается ростом уровня неформальной занятости вне корпоративного сектора внутри данной отрасли (+ 2 п. п.).

В 2022 г. происходит сокращение уровней неформальной занятости в промышленности, ЖКХ и финансах, ИТ, недвижимости. При этом в промышленности и сфере финансов оно соотносится с выраженным уменьшением доли неформальных наёмных работников предприятий (– 0,8 п. п., – 0,6 п. п. и – 2,6 п. п. соответственно), а в отрасли ЖКХ и социальных услуг — с сокращением доли неформально занятых вне корпоративного сектора (– 3,6 п. п.). Одновременно с этим происходит увеличение доли неформальных работников обоих типов в сельском хозяйстве, а также в торговле и бытовом обслуживании. В 2023 г. уровни неформальной занятости по найму на предприятиях начинают вновь расти в промышленности, ЖКХ и бытовом обслуживании, также увеличивается уровень неформальной занятости вне корпоративного сектора в сфере финансов, юриспруденции и ИТ. В сельском хозяйстве и торговле уровень неформальной наёмной занятости на предприятиях, напротив, сокращается после скачка в 2022 г. Аналогичное сокращение уровня неформальной занятости вне корпоративного сектора происходит в промышленности, строительстве и сельском хозяйстве.

Таким образом, можно отметить, что вторая санкционная волна характеризуется выраженными изменениями в отраслевой структуре. Часть из них связана с увеличением неформальности в сфере торговли и бытового обслуживания, а также сельского хозяйства, которые являются традиционными отраслями сосредоточения неформальной занятости. Растёт и уровень неформальной занятости в бюджетном секторе, который, с одной стороны, гораздо меньше зависит от зарубежных технологий, а с другой — по определению зависит от государственного финансирования. В то же время происходит сокращение уровня неформальной наёмной занятости на предприятиях в строительстве, связи, транспорте, что может быть связано с тем, что данные отрасли относятся к числу более уязвимых к внешним ограничениям из-за сложностей доступа к комплектующим и изменению потребительского спроса из-за возросших цен, поэтому работодатели стремятся сократить свои трудовые издержки, увольняя неформальных работников. Выделяются и отчётливые гендерные различия: в 2022 г. неформальная занятость по найму на предприятиях промышленности среди мужчин возрастает, а среди женщин сокращается, что можно объяснить различиями в специализации рабочих мест. Обращает внимание и то, что в 2023 г. зачастую происходит возвращение отраслевой структуры неформальной занятости к досанкционным значениям.

Представленные выше результаты характеризуют общую картину особенностей динамики неформальной занятости в период второй санкционной волны, однако не позволяют ответить на вопрос о том, повлияли ли санкции на вероятность неформальной занятости при прочих равных условиях. Для этого мы обратимся к результатам регрессионного оценивания, которые представлены далее.

Влияние санкций на вероятность неформальной занятости: эконометрический анализ

Таблица 6 отражает предельные эффекты при контролируемых переменных уровня образования, типа и отрасли занятости в предыдущем году, а также года обследования для состояний неформальной на-

ёмной занятости на предприятиях, неформальной занятости вне корпоративного сектора, безработицы и экономической неактивности (состояние формальной занятости являлось базой для сравнения) среди мужчин. Напомним, что в уравнение включалась лагированная переменная типа занятости в предшествующем году, так как, в соответствии с методологией (см.: [Williams 2020]), в фокусе исследовательского внимания находилось возможное влияние годовых шоков (прежде всего, санкционной волны 2022–2023 гг.) на положение тех, кто в предшествующий шоку период имел работу.

Таблица 6

Динамическая мультиномиальная логит-регрессия, средние предельные эффекты, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2019–2023 гг. (зависимая переменная: статус на рынке труда; база: формальная занятость), мужчины 15–72 лет

Контролируемые переменные	Неформальная наёмная занятость на предприятиях	Неформальная занятость вне корпоративного сектора	Безработица	Экономическая неактивность
<i>Уровень образования</i>				
Неполное среднее и ниже	0,026*** (0,009)	– 0,006 (0,008)	– 0,006 (0,005)	0,019* (0,012)
Неполное среднее и ПТУ	– 0,0004 (0,013)	0,006 (0,016)	0,018 (0,013)	0,005 (0,014)
Полное среднее	База			
Полное среднее и ПТУ	0,008 (0,006)	0,006 (0,007)	– 0,004 (0,004)	0,001 (0,007)
Среднее профессиональное	0,002 (0,006)	– 0,004 (0,007)	– 0,003 (0,004)	0,001 (0,007)
Высшее профессиональное	– 0,007 (0,006)	0 (0,007)	– 0,007* (0,004)	– 0,009 (0,006)
<i>Тип занятости в предыдущем году</i>				
Формальная	База			
Неформальная наёмная на предприятиях	0,423*** (0,028)	0,089*** (0,015)	0,025*** (0,007)	0,044*** (0,012)
Неформальная вне корпоративного сектора	0,033*** (0,007)	0,574*** (0,02)	0,014** (0,005)	0,061*** (0,011)
<i>Отрасль занятости в предыдущем году</i>				
Промышленность	База			
Строительство, транспорт, связь	0,013** (0,005)	0,036*** (0,007)	– 0,002 (0,004)	– 0,008 (0,006)
Сельское хозяйство	0,021* (0,011)	0,030** (0,012)	0,007 (0,008)	– 0,009 (0,01)
Бюджетный сектор (управление, здравоохранение, образование, наука, культура)	– 0,012 (0,009)	0,030** (0,012)	– 0,005 (0,005)	– 0,003 (0,009)
ЖКХ, социальное обслуживание, услуги населению и проч.	0,008 (0,009)	0,027*** (0,01)	0,003 (0,006)	– 0,001 (0,009)
Финансы, операции с недвижимостью, юриспруденция, ИТ	0,003 (0,014)	0,040** (0,016)	0,006 (0,009)	– 0,035*** (0,011)
Торговля, бытовое обслуживание	0,019*** (0,006)	0,030*** (0,008)	– 0,001 (0,004)	– 0,008 (0,008)
<i>Год</i>				
2019	– 0,0006 (0,005)	– 0,005 (0,006)	0,002 (0,004)	0,012** (0,006)

Таблица 6. Окончание

Контролируемые переменные	Неформальная наёмная занятость на предприятиях	Неформальная занятость вне корпоративного сектора	Безработица	Экономическая неактивность
2020	– 0,01* (0,005)	– 0,007 (0,007)	0,007 (0,004)	0,020*** (0,006)
2021			База	
2022	– 0,001 (0,007)	0,01 (0,009)	– 0,006 (0,004)	0,013 (0,008)
2023	– 0,0004 (0,007)	– 0,015* (0,008)	– 0,007 (0,004)	– 0,003 (0,007)
Число наблюдений		10 558		
Вероятность > χ^2		0,0000		
<i>Pseudo R</i> ²		0,3567		

Примечания:

Расчёты автора. Также контролируются возрастная группа, семейное положение, наличие детей, натуральный логарифм дефлированного душевого дохода, самооценка здоровья, тип поселения, федеральный округ. В скобках приведены робастные стандартные ошибки, кластеризованные по индивидам.

* $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$.

Анализируя полученные результаты, можно отметить незначимость большинства уровней образования. К исключениям относятся занятые с наиболее низкими уровнями образования (неполное среднее и ниже), среди которых при прочих равных условиях оказываются выше риски неформальной наёмной занятости на предприятиях, а также уход с рынка труда (это последнее значимо только на 10-процентном уровне). Также исключение — занятые с высшим профессиональным образованием, которые реже переходят в состояние безработицы (тоже значимо только на 10-процентном уровне). Тем не менее неформальные работники по своей образовательной структуре при прочих равных условиях в анализируемый период значимо не отличаются от формальных, что соответствует предшествующим исследованиям российского рынка труда, согласно которым неформальные и формальные работники по своим характеристикам человеческого капитала в целом похожи [Гимпельсон, Капелюшников 2013; Зудина 2023].

В противоположность этому различия в отрасли в предыдущем году являются значимыми параметрами текущего статуса на рынке труда. Так, неформальная наёмная занятость на предприятиях среди мужчин оказывается связана с предшествующей работой в сфере строительства, транспорта и связи (значимость на 5-процентном уровне), сельского хозяйства (значимость на 10-процентном уровне), а также торговли и бытового обслуживания (значимость на однопроцентном уровне)¹⁷. Неформальная занятость вне корпоративного сектора оказывается в наименьшей степени характерна для работников, ранее занятых в промышленности. Вероятности перехода в состояние безработицы или экономической неактивности равномерно распределены среди представителей разных отраслей, за исключением сферы финансов, недвижимости и ИТ, где соответствующий показатель последующего ухода с рынка труда значимо ниже. Также отметим, что наибольшие риски неформальной занятости того или иного типа

¹⁷ Поскольку в фокусе эконометрического анализа находится возможное неоднородное влияние санкций на положение тех, кто ранее имел работу, в регрессиях не может контролироваться текущая отрасль занятости (у безработных и неактивных её нет). Как показал дополнительный анализ, проведённый на данных 2019–2023 гг. только на подвыборке «текущих» занятых, доля тех, у кого отрасль занятости не изменяется по сравнению с предшествующим годом, составляет около 85%. Дополнительное оценивание регрессий на данной подвыборке занятых с включением показателя текущей отрасли занятости и дамми-переменной смены отрасли по сравнению с предыдущим годом также подтвердили устойчивость представленных в настоящей работе результатов по факторам неформальной занятости различных типов по отраслям.

оказываются связаны с предшествующей неформальной занятостью этого же типа; соответствующие предельные эффекты значимо выше базовых значений, соответствующих переходу из формальной занятости в предшествующем году, что означает, что вероятность остаться в состоянии неформальной занятости оказывается выше вероятности сменить формальную занятость на неформальную, при прочих равных условиях.

Анализируя предельные эффекты при переменных года, отметим незначимость большинства соответствующих показателей, в том числе показателей 2022 и 2023 гг., при прочих равных условиях, по сравнению с принятым за базу 2021 г. Выделяется значимо более высокая вероятность перехода из состояния занятости в экономическую неактивность в 2020 г., что соответствует проведённым ранее исследованиям, фиксирующим значительные потоки, направленные за пределы рынка труда в этот период и связанные с эпидемиологическими ограничениями. Также обращает на себя внимание более низкая вероятность неформальной наёмной занятости на предприятиях в 2020 г., что тоже связано с особенностями адаптации предприятий к ковидному кризису (значимо только на 10-процентном уровне). При этом риски безработицы в принципе значимо не варьируются в зависимости от года обследования. Предельные эффекты 2022 г. значимо не отличаются от базового 2021 г., а в 2023 г. наблюдается более низкая вероятность неформальной занятости вне корпоративного сектора по сравнению с 2021 г. (значимо на 10-процентном уровне), что соответствует результатам описательного анализа, представленным выше.

Перейдём к рассмотрению результатов, полученных на подвыборке женщин (см. табл. 7). Предельные эффекты при значениях переменной уровня образования, как и среди мужчин, оказываются в большинстве случаев незначимыми. Тем не менее риски неформальной наёмной занятости на предприятиях, перехода в безработицу и ухода в неактивность после занятости, при прочих равных условиях, значимо ниже среди женщин с высшим профессиональным образованием. Анализируя результаты по - отрасли занятости в предшествующем году, можно отметить, что вероятность неформальной наёмной занятости на предприятиях оказывается значимо ниже среди женщин, ранее занятых в бюджетном секторе, и выше среди женщин, ранее работавших в сфере торговли и бытового обслуживания. Неформальная занятость вне корпоративного сектора также в большей степени характерна для женщин, ранее занятых в торговле и бытовом обслуживании. Помимо этого, более высокие значения соответствующих предельных эффектов были получены для сферы ЖКХ, социального обслуживания и услуг населению, а также финансов, операций с недвижимостью, юриспруденции и ИТ, для отрасли строительства, транспорта и связи (последнее значимо на однопроцентном уровне).

Таблица 7

Динамическая мультиномиальная логит-регрессия, средние предельные эффекты, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2019–2023 гг. (зависимая переменная: статус на рынке труда; база: формальная занятость), женщины 15–72 лет

Контролируемые переменные	Неформальная наёмная занятость на предприятиях	Неформальная занятость вне корпоративного сектора	Безработица	Экономическая неактивность
<i>Уровень образования</i>				
Неполное среднее и ниже	– 0,002 (0,006)	– 0,001 (0,008)	0 (0,005)	0,013 (0,013)
Неполное среднее и ПТУ	0,018 (0,015)	0,001 (0,011)	0,003 (0,016)	0,013 (0,025)
Полное среднее			База	
Полное среднее и ПТУ	– 0,004 (0,005)	0,001 (0,006)	– 0,005 (0,004)	0,002 (0,009)
Среднее профессиональное	– 0,005 (0,005)	– 0,005 (0,005)	– 0,003 (0,004)	– 0,007 (0,007)

Таблица 7. Окончание

Контролируемые переменные	Неформальная наёмная занятость на предприятиях	Неформальная занятость вне корпоративного сектора	Безработица	Экономическая неактивность
Высшее профессиональное	- 0,020*** (0,005)	- 0,003 (0,005)	- 0,009** (0,004)	- 0,014* (0,007)
<i>Тип занятости в предыдущем году</i>				
Формальная			База	
Неформальная наёмная на предприятиях	0,313*** (0,027)	0,057*** (0,011)	0,014** (0,006)	0,135*** (0,018)
Неформальная вне корпоративного сектора	0,033*** (0,008)	0,513*** (0,023)	- 0,001 (0,004)	0,093*** (0,014)
<i>Отрасль занятости в предыдущем году</i>				
Промышленность			База	
Строительство, транспорт, связь	- 0,004 (0,006)	0,014* (0,007)	0,006 (0,004)	0,014 (0,011)
Сельское хозяйство	- 0,008 (0,011)	0,011 (0,011)	0,006 (0,007)	0,054*** (0,02)
Бюджетный сектор (управление, здравоохранение, образование, наука, культура)	- 0,014*** (0,005)	0,008 (0,005)	- 0,001 (0,003)	- 0,006 (0,007)
ЖКХ, социальное обслуживание, услуги населению и проч.	0,004 (0,007)	0,021*** (0,007)	0,007 (0,005)	0,018 (0,011)
Финансы, операции с недвижимостью, юриспруденция, ИТ	- 0,005 (0,007)	0,036*** (0,009)	0,009 (0,007)	- 0,014 (0,013)
Торговля, бытовое обслуживание	0,011** (0,005)	0,034*** (0,006)	0,009*** 0,003	0,015* (0,008)
<i>Год</i>				
2019	0,005 (0,004)	0,003 (0,004)	0,005 (0,003)	- 0,003 (0,006)
2020	- 0,004 (0,004)	- 0,009* (0,004)	0,005 (0,004)	0,011 (0,007)
2021			База	
2022	0,006 (0,006)	- 0,004 (0,006)	- 0,008** (0,003)	- 0,003 (0,009)
2023	0,007 (0,005)	- 0,004 (0,005)	- 0,008** (0,003)	- 0,022*** (0,008)
Число наблюдений	13 743			
Вероятность > χ^2	0,0000			
<i>Pseudo R2</i>	0,3115			

Примечания

Расчёты автора. Также контролируются возрастная группа, семейное положение, наличие детей, натуральный логарифм дефлированного душевого дохода, самооценка здоровья, тип поселения, федеральный округ. В скобках приведены робастные стандартные ошибки, кластеризованные по индивидам.

* $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$.

Переход из предшествующего состояния занятости в безработицу и экономическую неактивность, при прочих равных, также в большей степени характерен для тех, кто ранее был занят в торговле и сфере бытового обслуживания (при переходе в неактивность уровень значимости составляет 10%),

при этом более высокая вероятность ухода с рынка труда также наблюдается среди тех, кто ранее был занят в сфере сельского хозяйства. Вероятность остаться в состоянии неформальной занятости того или иного типа среди женщин, как и среди мужчин, оказывается выше вероятности сменить формальную занятость на неформальную при прочих равных условиях. При этом в безработицу и экономическую неактивность чаще переходят те, кто ранее был занят на условиях неформального найма на предприятиях.

Предельные эффекты при переменных года также оказываются в большинстве случаев незначимыми, тем не менее можно выделить значимо более низкие вероятности перехода в безработицу после предшествующей формальной занятости при прочих равных условиях в 2022 и 2023 гг., а также более низкую вероятность ухода с рынка труда в 2023 г., что согласуется с результатами дескриптивного анализа, представленными выше.

В таблице 8 приведены знаки и значимость¹⁸ эффектов пересечения отрасли занятости в предшествующем году и года обследования среди мужчин и женщин, которые оценивались в рамках дополнительных спецификаций динамического мультиномиального логита¹⁹.

Таблица 8

Результаты оценивания динамической мультиномиальной логит-модели с включением эффекта пересечения отрасли занятости в предшествующем году и года обследования (база: 2021 г.), знак и значимость предельных эффектов, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2019–2023 гг.

(зависимая переменная: статус на рынке труда; база: формальная занятость), 15–72 лет

Контролируемые переменные	Неформальная наёмная занятость на предприятиях	Неформальная занятость вне корпоративного сектора	Безработица	Экономическая неактивность
Мужчины				
<i>Отрасль в предыдущем году#2019</i>				
Промышленность	+*			
Сельское хозяйство		+		***
<i>Отрасль в предыдущем году#2020</i>				
Промышленность		—***	+**	+*
Сельское хозяйство				+*
ЖКХ, социальное обслуживание, услуги населению	—**			***
<i>Отрасль в предыдущем году#2022</i>				
Бюджетный сектор	—*	+**		
ЖКХ, социальное обслуживание, услуги населению		+**		***
Строительство, транспорт, связь			—*	
Финансы, операции с недвижимостью, юриспруденция, ИТ	+**			
<i>Отрасль в предыдущем году#2023</i>				
Число наблюдений		Незначима		
Вероятность > χ^2		10 558		
<i>Pseudo R²</i>		0,0000		
		0,3639		

¹⁸ Уровень значимости большинства приведённых в таблице эффектов составляет 5–10%.

¹⁹ При расчёте значимости предельных эффектов применялась оценка контрастности (*contrasts of margins*).

Таблица 8. Окончание

Контролируемые переменные	Неформальная наёмная заня- тость на пред- приятиях	Неформальная занятость вне корпоративного сектора	Безра- ботица	Эконо- мическая неактив- ность
Женщины				
<i>Отрасль в предыдущем году#2019</i>				
Бюджетный сектор				—*
ЖКХ, социальное обслуживание, услуги населению				+**
<i>Отрасль в предыдущем году#2020</i>				
Промышленность				+*
Сельское хозяйство			+*	—***
Строительство, транспорт, связь		—**		
ЖКХ, социальное обслуживание, услуги населению				+*
Торговля				+*
<i>Отрасль в предыдущем году#2022</i>				
Сельское хозяйство			—**	
Строительство, транспорт, связь			—**	
Бюджетный сектор			—*	
<i>Отрасль в предыдущем году#2023</i>				
Сельское хозяйство			—**	—*
Строительство, транспорт, связь	+*		—*	—*
Бюджетный сектор	+*			—***
ЖКХ, социальное обслуживание, услуги населению			—**	
Финансы, операции с недвижимостью, юриспруденция, ИТ	—*			
Число наблюдений		13 743		
Вероятность > χ^2		0,0000		
<i>Pseudo R²</i>		0,3173		

Примечания:

Расчёты автора. Также контролируются возрастная группа, уровень образования, семейное положение, наличие детей, натуральный логарифм дефлированного душевого дохода, самооценка здоровья, тип поселения, федеральный округ.

* $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$.

По сравнению с базовым 2021 г. начало пандемии коронавируса в России в 2020 г. характеризуется значимо более низкой вероятностью неформальной наёмной занятости на предприятиях среди мужчин, которые годом ранее были заняты в сфере ЖКХ и социального обслуживания, и более низкой вероятностью неформальной занятости вне корпоративного сектора среди тех, кто ранее работал в промышленности. Одновременно с этим среди тех, кто был занят в промышленности, в первый год пандемии в России оказываются выше риски потери работы, то есть переход в состояние безработицы или экономической неактивности. Вероятность ухода с рынка труда также выше среди тех, кто ранее был занят в ЖКХ и социальном обслуживании, а также в сельском хозяйстве. Таким образом, эконометрический анализ подтверждает результаты, полученные на предыдущем этапе, свидетельствовавшие о сокращении неформальной занятости в промышленности и сфере ЖКХ и социального обслуживания в период пандемии коронавируса среди мужчин, что сопровождалось увольнением работников.

Среди женщин период начала пандемии отмечен снижением вероятности неформальной занятости вне предприятий после предшествующей работы в сфере строительства, транспорта и связи, более высокой вероятностью безработицы после занятости в сельском хозяйстве и увеличением рисков перехода в состояние экономической неактивности после занятости в промышленности, сфере ЖКХ и торговле. Эти результаты также в целом согласуются с выводами описательного анализа, представленными выше.

В свою очередь, вторая санкционная волна в 2022 г. среди мужчин, ранее занятых в бюджетном секторе, характеризуется значимым сокращением вероятности неформальной наёмной занятости на предприятиях, но и увеличением вероятности неформальной занятости вне корпоративного сектора. Также можно отметить рост вероятности неформальной наёмной занятости среди тех, кто ранее был занят в сфере финансов и ИТ, а также увеличение вероятности неформальной занятости вне корпоративного сектора среди ранее занятых в сфере ЖКХ и социальном обслуживании. Среди этих последних также оказываются выше риски ухода с рынка труда, а среди бывших работников строительства и транспорта — вероятность перехода в безработицу. Эффекты переменной предшествующей отрасли в 2023 г. значимо не отличались от соответствующих значений в базовом 2021 г., что также согласуется с результатами описательного анализа, свидетельствовавшими о возвращении отраслевой структуры рынка труда к досанкционным значениям в 2023 г. Полученные результаты о динамике вероятности неформальной занятости среди работников бюджетного сектора и сферы ЖКХ в 2022 гг. также подтверждают представленный выше дескриптивный анализ.

В 2022 г. среди женщин наблюдается сокращение вероятности безработицы после предшествующей занятости в строительстве и транспорте, а также в сельском хозяйстве и бюджетном секторе. Какие-либо другие различия в отраслевой динамике в 2022 г. являются незначимыми. Ситуация меняется в 2023 г., когда происходит рост вероятности неформальной наёмной занятости на предприятиях среди тех, кто ранее был занят в сфере строительства, транспорта, связи и в бюджетном секторе, а также сокращается аналогичный показатель среди работников сферы финансов и ИТ. Обращают внимание более низкая вероятность потери работы (то есть переход как в безработицу, так и в неактивность) занятыми в отраслях строительства и сельского хозяйства, снижение вероятности безработицы среди занятых в сфере ЖКХ и уход с рынка труда работников бюджетного сектора. Данные результаты согласуются с описательным анализом, представленным выше, исходя из которого на рынке труда в 2023 г. происходит активизация формального найма в корпоративном секторе.

Заключение

Настоящая работа представляет собой первую попытку комплексного анализа влияния второй волны зарубежных санкций на неформальную занятость на российском рынке труда. Вопреки выводам большинства исследований по зарубежным подсанкционным странам полученные на данных РМЭЗ ВШЭ результаты свидетельствуют об увеличении присутствия формальных работников в структуре населения России во время второй санкционной волны, что обеспечивалось преимущественно снижением доли экономически неактивного населения. При этом в 2023 г. доля работников, занятых по найму на предприятиях с официальным оформлением, достигает максимального значения за весь анализируемый период (2019–2023 гг.). Это согласуется с предшествующими работами по анализу российского рынка труда во время второй санкционной волны, согласно которым общая безработица достигла в этот период исторического минимума из-за одновременного сокращения предложения труда, изменений в его возрастной и образовательной структуре и активизации спроса на труд в наиболее пострадавших отраслях [Капелюшников 2023].

Первоначальная реакция российского рынка труда на санкции в 2022 г. также сопровождается ростом доли неформальных работников, прежде всего за счёт увеличения неформальной занятости вне корпо-

ративного сектора. Примечательно, что в составе неформальных оказываются работники как с невысокими уровнями образования (полное среднее и неполное среднее различных типов), так и со средним и высшим профессиональным образованием. Однако уже в 2023 г. общий уровень неформальной занятости и её структура возвращаются к досанкционным значениям. Можно предположить, что представители данных категорий кратковременно перемещались между корпоративным и некорпоративным секторами (например, в различные варианты самозанятости и индивидуального предпринимательства) после потери работы или в поисках более высокого заработка. Однако по мере адаптации предприятий к санкциям и роста интенсивности найма со стороны предприятий [Капелюшников 2023] (в том числе благодаря специальным мерам государственной поддержки, направленным на сохранение рабочих мест, привлечению новых работников и росту заработной платы²⁰) они возвращались в официальную занятость. В 2022 г. также наблюдался кратковременный рост доли неформальных наёмных работников предприятий, характерный для занятых с наиболее низкими уровнями образования, что согласуется с результатами предшествующих исследований о реакции рынка труда на санкции, свидетельствующими либо о переводе таких работников с формальных на неформальные рабочие места внутри предприятий, либо о найме без оформления в рамках оптимизации расходов на рабочую силу во время внешнего санкционного шока [Moghaddasi Kelishomi, Nisticò 2023]. Выявленная динамика неформальной занятости оказалась сосредоточена в определённых отраслях — бюджетном секторе, строительстве, а также в сфере ЖКХ и социального обслуживания. Несмотря на наличие этих отдельных значимых отраслевых эффектов, эконометрический анализ не показал общего самостоятельного влияния санкций на вероятность неформальной занятости различных типов, и это подтверждает, что оно аккумулировалось в конкретных отраслях. При этом санкционное давление в 2022–2023 гг. при прочих равных условиях, не привело и к росту рисков потери работы, переходу в состояние безработицы или неактивности после предшествующей занятости; в противоположность периоду ковидного кризиса в период санкций риски в большинстве случаев либо оставались неизменными, либо сокращались.

Среди дальнейших направлений исследования влияния санкций на неформальную занятость на российском рынке труда можно выделить более подробное изучение гендерных различий. Изменение показателей вовлечённости в неформальную занятость и эконометрическая оценка отраслевых рисков выявляют отчётливые различия в структуре и хронологии реакции мужской и женской занятости на санкционные ограничения (к примеру, в сфере ИТ, юриспруденции и финансов) при прочих равных условиях. Это может объясняться различиями в содержании труда и характеристиках рабочих мест, занимаемых мужчинами и женщинами внутри одних и тех же отраслей, и заслуживает отдельного исследования. Ещё одно направление исследований может быть сосредоточено на более подробном изучении категории занятых, то есть на перемещениях формальных и неформальных работников между отраслями в период санкций, что позволит уточнить полученные выводы, касающиеся сравнительной динамики отраслевого спроса на труд в период второй санкционной волны.

Литература

- Гимпельсон В. Е., Зудина А. А. 2011. «Неформалы» в российской экономике: сколько их и кто они? *Вопросы экономики*. 10: 53–76. doi: [10.32609/0042-8736-2011-10-53-76](https://doi.org/10.32609/0042-8736-2011-10-53-76)
- Гимпельсон В. Е., Капелюшников Р. И. 2013. Жить «в тени» или умереть «на свету»: неформальность на российском рынке труда. *Вопросы экономики*. 11: 65–88. doi: [10.32609/0042-8736-2013-11-65-88](https://doi.org/10.32609/0042-8736-2013-11-65-88)

²⁰ См. подробнее раздел «Меры Правительства по повышению устойчивости экономики и поддержке граждан в условиях санкций» на официальном сайте Правительства РФ. Электронный ресурс [код доступа]: http://government.ru/sanctions_measures/ (дата обращения: 19 декабря 2025).

- Зудина А. А. 2023. Человеческий капитал неформальных работников в России: о чём говорят некогнитивные навыки. *Мир России: Социология, этнология*. 32 (1): 37–60. doi: 10.17323/1811-038X-2023-32-1-37-60
- Зудина А. А. 2024. Неформальная занятость в периоды кризиса: анализ потоков рабочей силы на российском рынке труда. *Экономический журнал Высшей школы экономики*. 28 (4): 565–586. doi: 10.17323/1813-8691-2024-28-4-565-586
- Капелюшников Р. И. 2013. Неформальная занятость в России: что говорят альтернативные определения? *Журнал Новой экономической ассоциации*. 4 (20): 52–83. Электронный ресурс [код доступа]: <https://www.econorus.org/repec/journal/2013-20-52-83r.pdf> (дата обращения: 20 декабря 2025).
- Капелюшников Р. И. 2023. Российский рынок труда: статистический портрет на фоне кризисов. *Вопросы экономики*. 8: 5–37. doi: 10.32609/0042-8736-2023-8-5-37
- Лихачева А. Б. 2023. О стратегических эффектах односторонних санкций: российский опыт. В кн.: Тимофеев И. Н., Чуприянова П. И., Троицкая К. В. (сост.) *Политика санкций: цели, стратегии, инструменты: хрестоматия*. Изд. 3-е, переработанное и дополненное. М.: Некоммерческое партнёрство «Российский совет по международным делам» (НП РСМД); 286–304. Электронный ресурс [код доступа]: <https://russiancouncil.ru/upload/iblock/0b9/pkrbr9114elgpdyg1ia9g43o0n3s7xc6/SanctionsPolicy2023.pdf> (дата обращения: 20 декабря 2025).
- Малкина М. Ю., Балакин Р. В. 2024. Тенденции развития российской экономики в период новых антироссийских санкций. *Russian Journal of Economics and Law*. 18 (2): 287–313. doi: 10.21202/2782-2923.2024.2.287-313
- Симачёв Ю. В., Федюнина А. А., Светова В. А. 2023. Россия под санкциями: теневая экономика — фактор гибкости? *ЭКО*. 53 (12): 30–47. doi: 10.30680/ЕСО0131-7652-2023-12-30-47
- Синявская О. В. 2005. Неформальная занятость в современной России: измерение, масштабы, динамика. *Экономическая социология*. 6 (2): 12–28. Электронный ресурс [код доступа]: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204930/ecsoc_t6_n2.pdf#page=12 (дата обращения: 20 декабря 2025).
- Тимофеев И. Н. 2019. Политика санкций: однополярный или многополярный мир? *Вестник международных организаций*. 14 (3): 9–26. doi: 10.17323/1996-7845-2019-03-01
- Тимофеев И. Н. 2020. Принуждение непокорных: идеальный шторм санкционной войны. В кн.: Тимофеев И. Н., Морозов В. А., Тимофеева Ю. С. (сост.) *Политика санкций: цели, стратегии, инструменты: хрестоматия*. Изд. 2-е, переработанное и дополненное. М.: Некоммерческое партнёрство «Российский совет по международным делам» (НП РСМД); 54–71. Электронный ресурс [код доступа]: https://russiancouncil.ru/upload/iblock/692/sanctions_policy_2020.pdf (дата обращения: 20 декабря 2025).
- Тимофеев И. Н., Соколыщик Ю. С., Морозов В. А. 2023. Санкции против Ирана: уроки для России в новых международных условиях. В кн.: Тимофеев И. Н., Чуприянова П. И., Троицкая К. В. (сост.) *Политика санкций: цели, стратегии, инструменты: хрестоматия*. Изд. 3-е, переработанное и дополненное. М.: Некоммерческое партнёрство «Российский совет по международным делам» (НП РСМД); 425–440. Электронный ресурс [код доступа]: <https://russiancouncil.ru/upload/iblock/0b9/pkrbr9114elgpdyg1ia9g43o0n3s7xc6/SanctionsPolicy2023.pdf> (дата обращения: 20 декабря 2025).

- Тимофеев И. Н., Чуприянова П. И. 2024. Политика санкций ЕС в отношении России после февраля 2022 г.: направления изменений. *Современная мировая экономика*. 2 (2): 43–59. doi: [10.17323/2949-5776-2024-2-2-43-59](https://doi.org/10.17323/2949-5776-2024-2-2-43-59)
- Ahn D. P., Ludema R. D. 2020. The Sword and the Shield: The Economics of Targeted Sanctions. *European Economic Review*. 130: art. 103587. doi: [10.1016/j.euroecorev.2020.103587](https://doi.org/10.1016/j.euroecorev.2020.103587)
- Aita S. 2020. *The Unintended Consequences of U.S. and European Unilateral Measures on Syria's Economy and Its Small and Medium Enterprises*. The Carter Center. Atlanta, GA: The Carter Center.
- Early B., Peksen D. 2019. Searching in the Shadows: The Impact of Economic Sanctions on Informal Economies. *Political Research Quarterly*. 72 (4): 821–834. Available at: <https://www.jstor.org/stable/45223005> (accessed 20 December 2025).
- Etkes H., Zimring A. 2015. When Trade Stops: Lessons from the Gaza Blockade. *Journal of International Economics*. 95 (1): 16–27. doi: [10.1016/j.jinteco.2014.10.005](https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2014.10.005)
- Hussmanns R. 2004. Measuring the Informal Economy: From Employment in the Formal Sector to Informal Employment. *International Labour Office Working Paper*. 53. Geneva: ILO. Available at: <https://researchrepository.ilo.org/esploro/outputs/encyclopediaEntry/Measuring-the-informaleconomy/995328416002676#file-0> (accessed 20 December 2025).
- ILO. 2023. *Resolution Concerning Statistics on the Informal Economy*. Adopted by the 21st International Conference of Labour Statisticians (October 2023). ICLS/21/2023/RES. I. Available at: <https://www.ilo.org/resource/resolution-concerning-statistics-informal-economy> (accessed 20 December 2025).
- Karimi Moughari Z. 2022. Iran Labour Market under the Sanctions. *International Journal of New Political Economy*. 3 (1): 183–202. doi: [10.52547/jep.3.1.183](https://doi.org/10.52547/jep.3.1.183)
- Maloney W. F. 2004. Informality Revisited. *World Development*. 32 (7): 1159–1178. doi: [10.1016/j.worlddev.2004.01.008](https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2004.01.008)
- Moghaddasi Kelishomi A., Nisticò R. 2022. Employment Effects of Economic Sanctions in Iran. *World Development*. 151: art. 105760. doi: [10.1016/j.worlddev.2021.105760](https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2021.105760)
- Moghaddasi Kelishomi A., Nisticò R. 2023. Economic Sanctions and Informal Employment. *IZA Discussion Paper Series*. 16589. Bonn: Institute of Labor Economics (IZA). Available at: <https://docs.iza.org/dp16589.pdf> (accessed 20 December 2025).
- Owolabia A. O., Berdiev A. N., Saunorisa J. W. 2022. Is the Shadow Economy Procyclical or Countercyclical over the Business Cycle? International Evidence. *The Quarterly Review of Economics and Finance*. 84: 257–270. doi: [10.1016/j.qref.2022.01.017](https://doi.org/10.1016/j.qref.2022.01.017)
- Packard T., Koettl J., Montenegro C. 2012. *In from the Shadows: Integrating Europe's Informal Labor*. Washington, DC: The World Bank. Available at: <http://documents.worldbank.org/curated/en/458701468035954123/In-from-the-shadow-integrating-Europes-informal-labor> (accessed 20 December 2025).
- Perry G. E. et al. 2007. *Informality: Exit and Exclusion*. Latin America and the Caribbean Studies Report. Washington, DC: The World Bank. Available at: <https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/5e8b4c90-3ccd-5d7b-bea7-40efce9cafdc/content> (accessed 20 December 2025).

- Petrescu I. M. 2016 The Effects of Economic Sanctions on the Informal Economy. *Management Dynamics in the Knowledge Economy*. 4 (4): 623–648. Available at: <https://zbw.eu/econis-archiv/bitstream/11159/1518/1/1009620908.pdf> (accessed 20 December 2025).
- Salehi-Isfahani D. 2022. *The Impact of Sanctions on Household Welfare and Employment in Iran*. *Social Science Research Network (SSRN)*. Available at: <https://ssrn.com/abstract=4259396> (accessed 28 December 2025). doi: 10.2139/ssrn.4259396
- SESS-UNDP. 2018. *Employment and Livelihood Support in Syria*. Syria Economic Sciences Society and United Nations Development Programme Syria Report. Available at: http://www.sy.undp.org/content/syria/en/home/library/Employment_and_Livelihood_Support_in_Syria.html (accessed 20 December 2025).
- Slonimczyk F. 2013. Informality as a Stepping Stone. *Working Paper WP3/2013/05 (Series WP3 “Labour Markets in Transition”)*. Moscow: HSE Publishing House. Available at: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/grvr8pvvbp/82731098.pdf> (accessed 20 December 2025).
- Torres-Favela M., Luna E. M. 2024. The Role of Informality in the Economic Growth, Employment, and Inflation during the COVID-19 Crisis. *Latin American Journal of Central Banking*. 6 (1): art. 100150 doi: <https://doi.org/10.1016/j.latacb.2024.100150>
- Williams C. H. 2020. *The Impact of Economic Sanctions on Labor Markets: A Micro-level Analysis of Russian Earnings and Job-Switch Behavior* (Honors Thesis), The University of North Carolina at Chapel Hill. Available at: https://cdr.lib.unc.edu/concern/honors_theses/4b29bc05n (accessed 20 December 2025).
- Zareei A., Wadensjö E. 2024. Sanctions and Their Effects on the Labor Market and the Economy. IZA. *Discussion Paper Series*. 17467. Bohn: Institute of Labor Economics (IZA). Available at: <https://docs.iza.org/dp17467.pdf> (accessed 20 December 2025).

NEW TEXTS

Anna Zudina

Informal Employment under Sanctions: The Case of Russia in 2022–2023

ZUDINA, Anna —

Candidate of Sciences
in Sociology, Research
Fellow, Centre for Labour
Market Studies, HSE
University. Address:
11 Pokrovsky Blvd.,
Moscow, 109028, Russian
Federation.

Email: azudina@hse.ru

Abstract

This paper represents the first comprehensive analysis of the impact of the second wave of foreign sanctions on informal employment in the Russian labour market. It focuses on changes in the structure of various types of informal employment in 2022–2023, as well as on an assessment of the possible impact of sanctions on the dynamics of the probability of informal employment, which allows to clarify the reaction of the Russian labour market to large-scale sanctions pressure and adaptation to it. The general analytical framework of the study is based on theoretical approaches and empirical works that consider changes in the level of informal employment depending on the stages of the economic cycle. The results, obtained on the basis of the RLMS HSE data, indicate that the

initial reaction of the Russian labour market in 2022 is accompanied by an increase in the share of both formal and informal workers in the overall structure of the population, while already in 2023 the overall level of informal employment and its characteristics return to pre-sanction values, and the share of formal workers continues to grow. This process is explained by the short-term movement of workers between formal and informal jobs (for example, to various forms of self-employment and individual entrepreneurship) after losing their job or in search for higher earnings, which is again replaced by formal employment as enterprises adapt to the sanctions pressure. The identified dynamics of informal employment was concentrated in certain economic sectors—the public sector, construction, as well as in the housing and communal services and social services. At the same time, the estimation of dynamic multinomial logit models did not reveal any independent effect of sanctions on the probability of informal employment of various types, confirming that it was accumulated in specific industries. Sanctions pressure in 2022–2023, all other things being equal, also did not lead to an increase in the risks of job loss (transition to unemployment or inactivity state) after previous employment—in contrast to the period of the COVID crisis, they generally either remained stable or decreased.

Keywords: informal employment; labour market; Russia; sanctions; economic cycle; economic sectors.

Acknowledgements

This article is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University). I would like to express special gratitude to Nina Vishnevskaya for her helpful comments and to all participants of the “Labour market” section of the 7th International RLMS-HSE User Conference (24th May 2025).

References

Ahn D. P., Ludema R. D. (2020) The Sword and the Shield: The Economics of Targeted Sanctions. *European Economic Review*, vol. 130, art. 103587. doi: [10.1016/j.eurocorev.2020.103587](https://doi.org/10.1016/j.eurocorev.2020.103587)

- Aita S. (2020) *The Unintended Consequences of U.S. and European Unilateral Measures on Syria's Economy and Its Small and Medium Enterprises*, Atlanta, GA: The Carter Center.
- Early B., Peksen D. (2019) Searching in the Shadows: The Impact of Economic Sanctions on Informal Economies. *Political Research Quarterly*, vol. 72, no 4, pp. 821–834. Available at: <https://www.jstor.org/stable/45223005> (accessed 20 December 2025).
- Etkes H., Zimring A. (2015) When trade stops: Lessons from the Gaza blockade. *Journal of International Economics*, vol. 95, no 1, pp. 16–27. doi: 10.1016/j.jinteco.2014.10.005
- Gimpelson V. E., Kapeliushnikov R. I. (2013) Zhit “v teni” ili umeret “na svetu”: ne-formalnost na rossiyskom rynke truda [To Live in the Shadows or to Die in the Light: Informality in the Russian Labour Market]. *Voprosy Ekonomiki*, no 11, pp. 65–88. doi: 10.32609/0042-8736-2013-11-65-88 (in Russian).
- Gimpelson V. E., Zudina A. (2011) “Neformaly” v rossiyskoy ekonomike: skol’ko ikh i kto oni? [Informal Workers in the Russian Economy: Who Are They and How Many?]. *Voprosy Ekonomiki*, no 10, pp. 53–76. doi: 10.32609/0042-8736-2011-10-53-76 (in Russian).
- Hussmanns R. (2004) *Measuring the Informal Economy: From Employment in the Formal Sector to Informal Employment*. International Labour Office Working Paper, no 53, Geneva: ILO. Available at: <https://researchrepository.ilo.org/esploro/outputs/encyclopediaEntry/Measuring-the-informaleconomy/995328416002676#file-0> (accessed 20 December 2025).
- ILO (2023) *Resolution Concerning Statistics on the Informal Economy*. Adopted by the 21st International Conference of Labour Statisticians (October 2023). ICLS/21/2023/RES. I. Available at: <https://www.ilo.org/resource/resolution-concerning-statistics-informal-economy> (accessed 20 December 2025).
- Karimi Moughari Z. (2022) Iran Labour Market under the Sanctions. *International Journal of New Political Economy*, vol. 3, no 1, pp. 183–202. doi: 10.52547/jep.3.1.183
- Kapeliushnikov R. I. (2013) Neformalnaya zanyatost v Rossii: chto govoryat alternativnyye opredeleniya? [Informality in the Russian Labor Market: What Do Alternative Definitions Tell Us?] *The Journal of the New Economic Association = Zhurnal Novoi Ekonomicheskoi Associacii*, vol. 4, no 20, pp. 52–83. Available at: <https://www.econorus.org/repec/journal/2013-20-52-83r.pdf> (accessed 20 December 2025) (in Russian).
- Kapeliushnikov R. I. (2023) Rossiyskiy rynek truda: statisticheskiy portret na fone krizisov [The Russian Labor Market: A Statistical Portrait on the Crises Background]. *Voprosy Ekonomiki*, no 8, pp. 5–37. doi: 10.32609/0042-8736-2023-8-5-37 (in Russian).
- Likhacheva A. B. (2023) O strategicheskikh effektakh odnostoronnikh sanktsiy: rossiyskiy opyt [On the Strategic Effects of Unilateral Sanctions]. *Politika sanktsiy: tseli, strategii, instrumenty: khrestomatiya*. [Sanctions Policy: Objectives, Strategies, Instruments: Reader], 3rd ed, Revised and Expanded] (eds. I. N. Timofeev, P. I. Chupriyanova, R. V. Trotskaya), Moscow: The Russian International Affairs Council (RIAC), pp. 286–304. Available at: <https://russiancouncil.ru/upload/iblock/0b9/pkrbr9114elgpdyg1ia9g43o0n3s7xc6/SanctionsPolicy2023.pdf> (accessed 20 December 2025) (in Russian).
- Malkina M. Yu., Balakin R. V. (2024) Tendentsii razvitiya rossiyskoy ekonomiki v period novykh antirossiyskikh sanktsiy [Trends in the Russian Economy Development during the New Anti-Russian Sanctions].

- Russian Journal of Economics and Law*, vol. 18, no 2, pp. 287–313. doi: 10.21202/2782-2923.2024.2.287-313 (in Russian).
- Maloney W. F. (2004) Informality Revisited. *World Development*, vol. 32, no 7, pp. 1159–1178. doi: 10.1016/j.worlddev.2004.01.008
- Moghaddasi Kelishomi A., Nisticò R. (2022) Employment Effects of Economic Sanctions in Iran. *World Development*, vol. 151, art. 105760. doi: 10.1016/j.worlddev.2021.105760
- Moghaddasi Kelishomi A., Nisticò R. (2023) *Economic Sanctions and Informal Employment*. IZA. Discussion Paper Series, no 16589, Bohn: Institute of Labor Economics (IZA). Available at: <https://docs.iza.org/dp16589.pdf> (accessed 20 December 2025).
- Owolabia A. O., Berdiev A. N., Saunorisa J. W. (2022) Is the Shadow Economy Procyclical or Countercyclical over the Business Cycle? International Evidence. *The Quarterly Review of Economics and Finance*, vol. 84, pp. 257–270. doi: 10.1016/j.qref.2022.01.017
- Packard T., Koettl J., Montenegro C. (2012) *In from the Shadows: Integrating Europe's Informal Labor*, Washington, DC: The World Bank. Available at: <http://documents.worldbank.org/curated/en/458701468035954123/In-from-the-shadow-integrating-Europes-informal-labor> (accessed 20 December 2025).
- Perry G. E., Maloney W. F., Arias O. S., Fajnzylber P., Mason A. D., Saavedra-Chanduvi J. (2007) *Informality: Exit and exclusion. Latin America and the Caribbean Studies Report*, Washington, DC: The World Bank. Available at: <https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/5e8b4c90-3ccd-5d7b-bea7-40efce9cafdc/content> (accessed 20 December 2025).
- Petrescu I. M. (2016) The Effects of Economic Sanctions on the Informal Economy. *Management Dynamics in the Knowledge Economy*, vol. 4, no 4, pp. 623–648. Available at: <https://zbw.eu/econis-archiv/bitstream/11159/1518/1/1009620908.pdf> (accessed 20 December 2025).
- Salehi-Isfahani D. (2022) The Impact of Sanctions on Household Welfare and Employment in Iran. *Social Science Research Network (SSRN)*. Available at: <https://ssrn.com/abstract=4259396> (accessed 28 December 2025). doi: 10.2139/ssrn.4259396
- SESS-UNDP (2018) *Employment and Livelihood Support in Syria*. Syria Economic Sciences Society and United Nations Development Programme Syria Report. Available at: http://www.sy.undp.org/content/syria/en/home/library/Employment_and_Livelihood_Support_in_Syria.html (accessed 20 December 2025).
- Simachev Yu. V., Fedyunina A. A., Svetova V. A. (2023) Rossiya pod sanktsiyami: tenevaya ekonomika — faktor gibkosti? [Russia under Sanctions: Is Shadow Economy a Factor of Flexibility?]. *ECO*, vol. 53, no 12, pp. 30–47. doi: 10.30680/ECO0131-7652-2023-12-30-47 (in Russian).
- Sinyavskaya O. V. (2005) Nephormalnaya zanyatost v sovremennoy Rossii: izmereniye, masshtaby, dinamika [Informal Employment in Modern Russia: Measurement, Scale, Dynamics]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 6, no 2, pp. 12–28. Available at: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204930/ecsoc_t6_n2.pdf#page=12 (accessed 20 December 2025) (in Russian).
- Slonimczyk F. (2013) Informality as a Stepping Stone. *Working Paper WP3/2013/05 (Series WP3 “Labour Markets in Transition”)*, Moscow: HSE Publishing House. Available at: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/grvr8pvvbp/82731098.pdf> (accessed 20 December 2025).

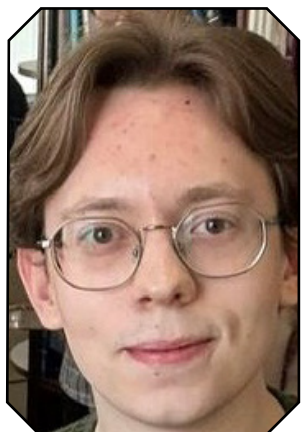
- Timofeev I. N. (2019) Sanctions' Policy: Unipolar or Multipolar World?]. *International Organisations Research Journal*, vol. 14, no 3., pp. 9–26. doi: [10.17323/1996-7845-2019-03-01](https://doi.org/10.17323/1996-7845-2019-03-01) (in English).
- Timofeev I. N. (2020) Prinuzhdeniye nepokornykh: idealnyy shtorm sanktsionnoy voyny [Coercing the Recalcitrant: The Perfect Storm of a Sanctions War]. *Politika sanktsiy: tseli, strategii, instrumenty: khrestomatiya* [Sanctions Policy: Objectives, Strategies, Instruments: Reader] (eds. I. N. Timofeev, V. A. Morozov, Yu. S. Timofeeva), 2nd edn., Revised and Expanded, Moscow: The Russian International Affairs Council (RIAC), pp. 54–71. Available at: https://russiancouncil.ru/upload/iblock/692/sanctions_policy_2020.pdf (accessed 20 December 2025) (in Russian).
- Timofeev I. N., Sokolshchik Yu. S., Morozov V. A. (2023) Sanktsii protiv Irana: uroki dlya Rossii v novykh mezhdunarodnykh usloviyakh [Sanctions against Iran: Lessons for Russia in the New International Conditions]. *Politika sanktsiy: tseli, strategii, instrumenty: khrestomatiya* [Sanctions Policy: Objectives, Strategies, Instruments: Reader] (eds. I. N. Timofeev, P. I. Chupriyanova, K. V. Trotskaya), 3rd edn., Revised and Expanded, Moscow: The Russian International Affairs Council (RIAC), pp. 425–440. Available at: <https://russiancouncil.ru/upload/iblock/0b9/pkrbr9114elgpdyg1ia9g43o0n3s7xc6/SanctionsPolicy2023.pdf> (accessed 20 December 2025) (in Russian).
- Timofeev I. N., Chupriyanova P. I (2024) Politika sanktsiy ES v otnoshenii Rossii posle phevrallya 2022 g.: napravleniya izmeneniy [EU Sanctions Policy Toward Russia After February 2022: Major Transformation Trends], *Contemporary World Economy*, vol. 2, no 2, pp. 43–59. doi: [10.17323/2949-5776-2024-2-2-43-59](https://doi.org/10.17323/2949-5776-2024-2-2-43-59) (in Russian).
- Torres-Favela M., Luna E. M. (2024) The Role of Informality in the Economic Growth, Employment, and Inflation during the COVID-19 Crisis. *Latin American Journal of Central Banking*, vol. 6, no 1, art. 100150. doi: [10.1016/j.latab.2024.100150](https://doi.org/10.1016/j.latab.2024.100150)
- Williams C. H. (2020) *The Impact of Economic Sanctions on Labor Markets: A Micro-level Analysis of Russian Earnings and Job-Switch Behavior (Honors Thesis)*, The University of North Carolina at Chapel Hill. Available at: https://cdr.lib.unc.edu/concern/honors_theses/4b29bc05n (accessed 20 December 2025).
- Zareei A., Wadensjö E. (2024) *Sanctions and Their Effects on the Labor Market and the Economy. IZA. Discussion Paper Series*, no 17467, Bohn: Institute of Labor Economics (IZA). Available at: <https://docs.iza.org/dp17467.pdf> (accessed 20 December 2025).
- Zudina A. A. (2023) Chelovecheskiy kapital nephormalnykh rabotnikov v Rossii: o chem govoryat nekognitivnyye navyki [The Human Capital of Russian Informal Workers: A Non-Cognitive Skills Perspective]. *Universe of Russia. Sociology. Ethnology = Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*, vol. 32, no 1, pp. 37–60. doi: [10.17323/1811-038X-2023-32-1-37-60](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2023-32-1-37-60) (in Russian).
- Zudina A. A. (2024) Nephormalnaya zanyatost v periody krizisa: analiz potokov rabochey sily na rossiyskom rynke truda [Informal Employment during Crises: Analysis of Labour Force Flows in the Russian Labour Market]. *HSE Economic Journal = Ekonomicheskij zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki*, vol. 28, no 4, pp. 565–586. doi: [10.17323/1813-8691-2024-28-4-565-586](https://doi.org/10.17323/1813-8691-2024-28-4-565-586) (in Russian).

Received: April 22, 2025

Citation: Zudina A. (2026) Nephormalnaya zanyatost pod sanktsiyami: sluchay Rossii (2022–2023 gg.) [Informal Employment under Sanctions: The Case of Russia in 2022–2023]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 27, no 1, pp. 11–42. doi: [10.17323/1726-3247-2026-1-11-42](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2026-1-11-42) (in Russian).

К. Халиков, Я. М. Рощина

Факторы мобильности на рынке труда в современной России: имеют ли значение социальные связи?¹

ХАЛИКОВ Кирилл — выпускник магистерской программы «Социальный анализ рынков на цифровых и опросных данных», НИУ ВШЭ. Адрес: 101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Email: kkhalikov@edu.hse.ru

Целью настоящего исследования является оценка влияния разных факторов, в том числе социальных связей, на мобильность на рынке труда в современной России. Основное предположение заключается в том, что слабые связи будут способствовать занятию «лучшего» рабочего места. Эмпирическая база — данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения России (РМЭЗ) НИУ ВШЭ за 2016–2017 и 2018–2019 гг. На основании оценки модели разведывательного факторного анализа были построены индикаторы разных видов социальных связей. К слабым можно отнести связи со знакомыми и коллегами; с организациями; онлайн-сети; а к сильным — связи с друзьями и с родственниками. Мы оценили бинарную логистическую регрессию шансов выйти на работу для незанятых, и мультиномиальную логистическую регрессию шансов работающих людей на вертикальную и горизонтальную межфирменную и внутрифирменную мобильность, а также перехода в состояние безработного или неактивного. К трудовой мобильности более склонны мужчины, люди с высшим образованием, более низким специфическим стажем. Лучшие возможности внутрифирменного роста у занятых на государственных предприятиях и занимающих более высокую должность. Мы обнаружили значимое позитивное влияние на мобильность повышения уровня образования и улучшения здоровья, и негативное влияние его ухудшения; более высокую склонность к мобильности тех, кто не удовлетворён нынешней работой. Предположение М. Грановеттера о большем влиянии слабых социальных связей на возможности занять хорошее рабочее место подтвердить не удалось, хотя в силу неустойчивости результатов говорить об опровержении также нельзя. Оценки моделей показали устойчивое и одинаково сильное влияние как сильных (друзья), так и слабых (знакомые, бывшие коллеги, соседи) связей на шансы найти работу для незанятых, а также негативное влияние социальных онлайн-сетей на шансы стать неактивным для занятых. Не было выявлено влияния социальных связей на внутрифирменный рост, также наблюдается неустойчивое влияние онлайн-сетей на межфирменное продвижение.

Ключевые слова: мобильность на рынке труда; социальные сети; слабые социальные связи; сильные социальные связи; социальный капитал; поиск работы.

¹ В данной научной работе использованы результаты проекта «Динамика потребительского, финансового и трудового поведения российского населения в новой геополитической ситуации», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2025 г.

РОЩИНА Яна Михайловна — кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник, Лаборатория экономико-социологических исследований (ЛЭСИ), НИУ ВШЭ. Адрес: 101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Email: yroshchina@hse.ru

Введение

Мобильность на рынке труда, то есть смена должности, места работы или трудового статуса, может быть как вынужденной (например, в случае увольнения), так и добровольной, с целью получить более высокую заработную плату или улучшить условия труда [Standing 2011; Гимпельсон, Капелюшников 2017]. Для поиска работы могут быть использованы как формальные каналы (биржа труда, обращение к фирмам и др.), так и неформальные, то есть социальные связи, в которых укоренён социальный капитал (далее для его обозначения мы будем использовать аббревиатуру СК) [Lin 2008]. Этот капитал включает саму сеть, а также активы, которые могут быть мобилизованы через неё [Nahapiet, Ghoshal 1998]. Социальная сеть — это группа людей, объединённых семейными, экономическими, дружескими, политическими, профессиональными и иными связями [Jimenez, Salazar 2022]. Накоплению СК свойственна гомофилия, то есть стремление людей объединяться с людьми близких социально-демографических характеристик [Krauth 1998], что, наоборот, может препятствовать переходу на лучшие рабочие места.

В ряде исследований, осуществлённых в разных странах, было показано, что использование социальных сетей при трудоустройстве позволяет найти работу с более высокой заработной платой или снизить период безработицы [Granovetter 1985; Holzer 1988; Montgomery 1991; Роцин, Маркова 2004; Franzen, Hangartner 2006]. Это особенно важно, когда на рынке труда предприятия увольняют больше сотрудников, чем нанимают, как происходило в России в 2009–2020 гг. [Смирных, Емелина 2021]. Социальные связи в этот период могли быть компенсаторным инструментом, смягчающим негативный эффект нестабильной экономической ситуации для трудовой мобильности.

Изучению каналов поиска работы в России, в том числе через знакомых, родственников и социальные онлайн-сети, в разные годы было посвящено несколько исследований, в основном с использованием данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ) НИУ ВШЭ, однако они касались либо именно стратегий поиска работы [Роцин, Маркова 2004; Yakubovich 2005; Лаврусевич 2006; Tartakovskaia 2006], либо трудоустройства определённых категорий населения [Креховец, Шпилев 2020].

Собственно проблеме трудовой мобильности в России также были посвящены ряд публикаций, авторы которых изучали текучесть в переходной экономике [Lehmann, Wadsworth 2000], исследовали факторы профессиональной мобильности в России в 1990-е гг. [Sabirianova 2002], занимались взаимосвязью межфирменной мобильности и заработной платы [Мальцева 2009], анализировали межфирменную мобильность молодых работников [Роцин, Слесарева 2012], рассматривали факторы межфирменной и внутрифирменной трудовой мобильности занятых в 2006–2013 гг. [Гимпельсон, Капелюшников, Шарунина 2016]. Однако изучение возможности перехода в статус безработных или неактивных не входило в задачу упомянутых

авторов. Фундаментальная монография В. Е. Гимпельсона и Р. И. Капелюшникова была посвящена теме мобильности и стабильности на российском рынке труда [Гимпельсон, Капелюшников 2017]. Тем не менее ни в одной из перечисленных работ в число факторов мобильности не включались социальные связи. Нам не удалось найти актуальные публикации, посвященные оценке влияния социальных связей на трудовую мобильность в России во второй половине 2010-х гг. Восполнению этого пробела посвящена настоящая статья.

Мобильность на рынке труда и влияющие на неё факторы

Под мобильностью на рынке труда в самом широком смысле понимают изменение значимых характеристик трудовой активности индивидов, включая как смену трудового статуса (переходы между статусами занятости, безработицы и неактивности), так и других характеристик (должность, профессия, предприятие и проч.) [Гимпельсон, Капелюшников 2017: 7]. В более узком смысле трудовая мобильность — это процесс перемещения рабочей силы на новые рабочие места, который может сопровождаться изменением вида занятости (в том числе профессии), территории и самого работодателя [Роцин, Разумова 2000]. Следует разделять внутрифирменную и межфирменную, восходящую или горизонтальную мобильности, а также изменение статуса занятости — прекращение работы (различая безработицу и неактивность) или, наоборот, выход на работу для незанятых [Nicholson, West 1989]. Согласно экономической теории, работник, принимая решение о мобильности, максимизирует ожидаемую полезность от работы (в том числе заработную плату, условия труда и проч.). Есть несколько теоретических подходов к анализу трудовой мобильности: теория человеческого капитала, теория мэтчинга и теория поиска работы [Гимпельсон, Капелюшников 2017: 202]. Эти теории предсказывают влияние на вероятность трудовой мобильности разных факторов, таких как пол, возраст, заработная плата, образование, специфический человеческий капитал, стаж, размер фирмы и других, что было подтверждено в ряде исследований на российских данных [Роцин, Разумова 2000; Sabirianova 2002; Роцин, Маркова 2004; Роцин, Слесарева 2012; Гимпельсон, Капелюшников, Шарунина 2016; Гимпельсон, Капелюшников 2017]. В то же время решение о занятости (работать или не работать) лежит в несколько другой плоскости, представляя собой проблему предложения труда, поэтому на такое решение, согласно теории экономики труда, в первую очередь влияют резервная заработная плата и нетрудовые доходы, включая доходы других членов семьи.

Влияние социальных связей на мобильность на рынке труда

Получение работы через социальные сети может быть связано с более высокими показателями удовлетворенности работой и более низкими показателями увольнения. Весьма популярна идея М. Грановеттера о «силе слабых связей»: знакомые являются более ценными контактами для поиска работы, чем близкие друзья, из-за того, что первые могут распространять большой пласт информации для широкого круга лиц, а их количество при этом может быть очень велико [Granovetter 1973]. В ряде исследований также описано влияние социального капитала на трудовую мобильность, таких его видов, в частности, как (1) закрытый, или связывающий, и (2) открытый, или соединяющий [Putnam 2001; Рогозин 2023]. Первый основан на так называемых сильных связях человека, то есть на связях с близкими людьми из первичного социального круга общения человека (друзья и родственники), с которыми он тесно и постоянно взаимодействует, кого хорошо знает, а сам этот круг гомогенен и стабилен. Второй базируется на слабых связях, то есть на общении со знакомыми, которые принадлежат к разным социальным группам, зачастую не пересекающимся, и предполагает более высокий уровень генерализированного доверия [Granovetter 1973].

Однако тестирование гипотезы Грановеттера не дало однозначного ответа. Действительно, в целом ряде работ было подтверждено, что использование неформальных каналов, но без разделения связей на силь-

ные и слабые, повышает вероятность трудоустройства, особенно для некоторых категорий населения, таких как женщины, мигранты, безработные, выпускники колледжей [Franzen, Hangartner 2006; Federico, Rosolia 2012; Maher, Cawley 2015; Schmutte 2016]. Исследования трудоустройства безработных в Швейцарии [Bonoli, Turtchi 2015] и США [Ioannides, Loury 2004] показали, что дружеские связи помогают им найти работу, при этом важными являются такие характеристики друзей, как уровень их заработной платы и стабильность занятости. В Италии работу также помогают найти прежде всего друзья и семья [Pellizzari 2010]. Некоторые исследования показали, что использование социальных сетей не только повышает возможность найти работу [Holzer 1988; Montgomery 1991; Рошин, Маркова 2004], но также способствует более высокому качеству рабочего места, о чём свидетельствует более высокая заработная плата тех, кто обращался к социальным сетям, то есть использовал слабые связи для трудоустройства [Granovetter 1985]. На данных 1985–2001 гг. было выявлено, что мужчины более активно задействуют социальный капитал при поиске работы и для повышения на рабочем месте [Gerber, Mayorova 2006].

Также было обнаружено, что сильные связи работают в трудоустройстве лучше слабых [Gee, Jones, Burke 2017; Özer, Perc 2021], а влияние сильных и слабых связей существенно различается в разных странах и группах людей, зависит от профессии, пола, сектора занятости, оценок при обучении в вузе, может приводить к неоптимальным рабочим местам [Wegener 1991; Stoloff, Glanville, Bienenstock 1999; Brook 2005; Bentolila, Michelacci, Suarez 2010; Pellizzari 2010; Chua 2011; Kramarz, Skans 2014; Schmutte 2016; Xiong et al. 2017]. В некоторых исследованиях не выявлено влияния социальных связей и социального капитала на успешную трудовую мобильность [Winkelmann 2009; Khan, Lehrer 2013].

В ряде публикаций было показано, что в России по сравнению с другими развитыми странами ниже уровень генерализованного и институционального доверия, участия в некоммерческих организациях, и открытого социального капитала в целом [Аникин, Пашков, Сорокина 2022]. Данные РМЭЗ НИУ ВШЭ за 2019 г. показывают, по нашим расчётам, что среди ищущих работу обращались к друзьям и знакомым 83,2%, к родственникам — 57,3%, к социальным сетям — 33,2%, к объявлениям в Интернете — 72,1%, на предприятия — 51,3%, тогда как в государственную службу занятости — 21,6%, а в негосударственные агентства — 12,1%. Это делает актуальным вопрос о том, подтверждается ли на российских данных гипотеза Грановеттера о силе слабых связей.

Цель исследования и гипотеза

Цель настоящего исследования — выявление с учётом сильных и слабых социальных связей детерминант мобильности на рынке труда в предковидной России. Мы проверим на российских данных предположение Грановеттера о том, что слабые связи положительно влияют на вероятность вертикальной мобильности для занятых и трудоустройства незанятых [Granovetter 1985].

Эмпирическая база исследования

В исследовании используется Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ) НИУ ВШЭ², поскольку в нём представлены репрезентативные панельные данные по России. Выбраны волны исследования за 2016 и 2018 гг., так как в них включён перечень дополнительных вопросов, направленных на изучение социальных связей и социального капитала. Эти годы мы рассматриваем как базовые (момент времени T), измеряем трудовой статус респондента и основные соци-

² Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ), или The Russia Longitudinal Monitoring Survey (RLMS), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел-Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (см. подробнее: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms>).

ально-демографические характеристики. Используются данные о статусе занятости человека (а также о его должности, заработной плате, смене места работы) в годах $T + 1$ (то есть в 2017 г. по отношению к 2016 г. и в 2019 г. по отношению к 2018 г.), что возможно благодаря панельному характеру данных. Мы полагаем неправильным отбирать только тех респондентов, которые хотели бы найти (новую) работу в базовом году, так как, разумеется, в течение года переходят на новую работу не только те, кто хотел бы это сделать в момент опроса.

В настоящем исследовании возраст респондентов был ограничен: 18–60 лет. Мы полагаем это оправданным, так как рассматриваем социальную трудовую мобильность, а среди людей до 18 лет доля занятых крайне мала. После 60 лет также начинается период активного выхода на пенсию, который складывается под влиянием других факторов. Объём выборки за два года составил 11 198 наблюдений (с учётом пропусков в некоторых переменных в регрессионном анализе).

Методы анализа данных

Из базы данных были выбраны 15 переменных, измеряющих разные аспекты сильных и слабых социальных связей (описательные характеристики представлены в приложении, см. табл. П.1):

- количество лет пользования социальными онлайн-сетями;
- количество социальных сетей, которыми пользуется респондент;
- частота онлайн-посещений социальной сети;
- количество друзей в социальной сети;
- количество близких друзей;
- частота общения с друзьями;
- частота общения с родственниками;
- частота посещения религиозных мероприятий;
- количество видов возможной помощи от (а) родственников; (b) друзей; (c) знакомых; (d) соседей; (e) коллег по работе, в том числе бывших; (f) контактов в Интернете; (g) организаций, незнакомых людей.

Вопрос о возможной помощи включает три направления: (1) совет в трудной жизненной ситуации; (2) покупка лекарств; (3) заём денег в долг (не более 20% от месячного дохода человека). Для каждого источника помощи был создан индекс в диапазоне от 0 (ни один вид помощи не доступен) до 3 (все виды помощи доступны). Все вышеперечисленные переменные используются в модели факторного анализа для измерения социальных связей разных уровней.

Трудовой статус человека в текущем (T) и будущем ($T + 1$) годах измерялся следующим образом:

- *безработный* (по определению Международной организации труда, МОТ): у человека не было работы, и он обращался куда-либо в поисках её в течение последних 30 дней, при этом он готов был приступить к работе на следующей неделе;

- *экономически неактивный*: не работающий и не ищущий работу;
- *трудоустроенный*: имеющий работу на момент опроса.

Основной метод исследования — регрессионный анализ. Была оценена бинарная логистическая регрессия с зависимой переменной, принимающей следующие значения: 0 — остался незанятым в следующем году; 1 — стал занятым (23,6%). Модель оценена для всей совокупности незанятых (безработные + экономически неактивные, 3078 наблюдений).

Также использовался вопрос о смене профессии и места работы в году $T + 1$ для тех, у кого была работа в году T (8120 наблюдений). Кроме того, для людей, которые перешли в году $T + 1$ на работу в другую компанию, мы сравнивали текущую и будущую трудовые позиции на основании переменной о профессиональном статусе. Таким образом, была построена переменная о статусе в году $T + 1$ для тех, кто имел основную работу в году T :

- стабильность: работа в той же организации на той же должности (78,5%);
- внутрифирменная вертикальная мобильность: продвижение в той же организации (2,82%);
- внутрифирменная горизонтальная мобильность: другая должность того же уровня или ниже в той же организации (1,71%);
- межфирменная горизонтальная мобильность: переход в другую компанию на ту же должность или ниже (8,32%);
- межфирменная вертикальная мобильность: переход в другую компанию на более высокую должность (1,49%);
- переход в статус безработного (1,27%);
- переход в статус экономически неактивного (3,3%);
- трудовой статус в будущем году неизвестен (2,56%).

Эта переменная использовалась в качестве зависимой в мультиномиальной логистической регрессии (базовая категория: те же место работы и должность в году $T + 1$), показывающей вероятность трудовой мобильности (как внутрифирменной, так и межфирменной, а также потерю работы или уход с неё по сравнению с отсутствием мобильности). Кроме того, мы дополнительно оценили модель только для тех, кто не стал безработным или неактивным (первые пять категорий), то есть учитывающую только трудовую мобильность в узком смысле слова (её результаты практически не отличаются от модели с зависимой переменной, включающей все категории). Отметим, что данные не позволяют различать добровольную и вынужденную (в связи с увольнением) мобильность. Оценки уровня мобильности занятых совпадают с полученными для 2006–2013 гг. на тех же данных и составляют 22% [Гимпельсон, Капельюшников, Шарунина 2016]. Для того чтобы сравнить влияние социальных связей на шансы вертикальной мобильности по сравнению с горизонтальной для межфирменных перемещений, мы дополнительно оценили мультиномиальную модель с базовой категорией «межфирменная горизонтальная мобильность».

В обеих регрессиях целевыми детерминантами были переменные, измеряющие интенсивность сильных и слабых социальных связей. В качестве контрольных переменных для всех моделей использо-

вался набор социально-демографических переменных: пол; возраст; наивысший достигнутый уровень образования и его изменение в следующей году; количество своих детей в домохозяйстве по возрастам; работает ли супруг(-а); логарифм дефлированного дохода супруга(-и); самооценка здоровья и её изменение в следующем году; уровень безработицы и логарифм дефлированной средней заработной платы в регионе проживания; статус безработного (в модели для незанятых). В модели на совокупности занятых в году T дополнительно использовались следующие переменные: специфический стаж; собственник предприятия (государство, российское частное лицо, иностранный владелец); искал ли работу в году T ; удовлетворённость текущей работой; профессиональная группа; отрасль; количество часов работы в неделю. Дефлирование производилось с использованием российского индекса потребительских цен³. Модели были оценены как для сквозной регрессии (2016 + 2018 гг.), так и отдельно для базовых лет (2016 и 2018 гг.).

Эмпирические результаты

Измерение интенсивности социальных связей

В исходных данных много переменных, характеризующих наличие, объём и потенциальную продуктивность социальных связей (см. выше), однако мы исходим из того, что эти переменные являются наблюдаемыми измерениями нескольких латентных факторов. Обычно считается, что для оценки регрессионных моделей лучше снизить размерность, хотя в первом варианте расчётов мы использовали исходный набор (15 переменных). Однако действительно в такой спецификации значимых коэффициентов у этих переменных не было.

Во втором варианте мы построили пять индексов, которые соответствовали двум видам сильных связей (с друзьями и с родственниками) и трём видам слабых связей (со знакомыми, организациями, онлайн-сеть). Мы полагаем, что объединение всех сильных связей и всех слабых связей только в две переменные некорректно, так как они слабо коррелируют между собой. Для построения индексов мы нормировали все исходные переменные и рассчитали среднее по соответствующим пяти группам. Недостаток такого подхода в том, что полученные переменные коррелируют между собой, их трудно интерпретировать. Тем не менее в одном из вариантов оценки моделей они использовались как детерминанты; полученные результаты близки к изложенным далее.

Третий вариант расчётов был основан на замене исходного набора 15 переменных на их меньшее количество, полученных в результате разведывательного факторного анализа. Это хорошо известный способ снижения размерности [Rencher 2002; Hoshino 2003; Kohler, Müller, Walk 2015] и перехода от наблюдаемых к латентным детерминантам. Разведывательный факторный анализ позволяет выявить внутреннюю структуру данных и получить нескоррелированные независимые переменные. В результате процедуры с извлечением методом главных компонент с вращением эквимакс при ограничении собственного значения выше 1 были выявлены пять факторов (см. приложение, табл. П.2), объясняющих 54% дисперсии. Примечательно, что выделенные факторы достаточно хорошо интерпретируются и соответствуют обозначенным выше трём видам слабых и двум видам сильных связей:

- «слабые связи: онлайн»: количество друзей в онлайн-сетях; частота пользования сетями; сколько лет респондент пользуется соцсетями и сколькими именно (фактор имеет высокие нагрузки на эти переменные); возможность помощи в онлайн-сетях (у фактора меньшая нагрузка на эту переменную);

³ Средние значения детерминант см. в приложении, табл. П.3.

- «слабые связи: близкий круг»: возможность помощи от знакомых; от соседей; от коллег по работе; в онлайн-сетях и от друзей (с меньшей нагрузкой на эту переменную);
- «слабые связи: дальний круг»: возможность помощи от разных организаций, от незнакомых людей, а также частота посещения религиозных мероприятий (аппроксимирующая связь с верующими и церковной организацией);
- «сильные связи: друзья»: количество близких друзей, частота общения с ними и возможность потенциальной помощи от них;
- «сильные связи: родственники»: частота общения с родственниками, возможность помощи от них.

Слабые связи могут быть интерпретированы и как путь для накопления открытого социального капитала, а сильные — закрытого. Близкие результаты измерения СК были получены и в других исследованиях (см.: [Durkin 2000; Putnam 2001, Alesina, Giuliano 2010; 2011; Growiec, Growiec 2014; Рощина, Куфлина 2022; Vacchiano, Lazega, Spini 2022]).

Влияние социальных связей на шанс трудоустройства в году $T + 1$ для незанятых

Оценка бинарной логистической регрессии (см. приложение, табл П.4) показала, что шансы найти работу среди незанятых людей с сильными дружескими связями выше на 12,3% ($p < 0,05$) и среди людей со слабыми связями первого круга (знакомые, соседи, коллеги) на 10,2% (но с меньшей значимостью, $p < 0,1$). Однако значимость сохраняется только для 2016 г., но не для 2018 г. ($OR = 1,131$ для людей со связями с друзьями; $OR = 1,190$ для людей со связями со знакомыми), поэтому результат следует признать неустойчивым. Остальные виды социальных связей не оказывают влияния на шансы найти работу. Это соответствует более ранним исследованиям, показавшим, что для безработных обращение к друзьям наряду с негосударственными агентствами занятости является значимым фактором последующего трудоустройства, но наиболее эффективно использование как социальных сетей, так и формальных каналов [Рощин, Маркова 2004]. На рынке труда Ирландии также было обнаружено влияние на трудоустройство как сильных, так и слабых связей [Brady 2015]. Данные США и Европы показали, что использование социальных сетей сокращает время поиска работы для безработных, но приводит к более низкой заработной плате [Bentolila, Michelacci, Suarez 2009].

Этот результат отчасти может противоречить известной гипотезе Грановеттера о том, что в поиске работы более важными оказываются именно слабые связи, так как «те, с кем мы связаны слабо, с большей вероятностью входят в те круги, в которые не входим мы сами, и тем самым они имеют доступ к информации, которой мы не располагаем» [Granovetter 1973: 1371]. Хотя в анкете не задавался вопрос о задействовании социальных связей для поиска работы, среди людей с выраженными сильными родственными связями не увеличивается шанс найти работу по сравнению с людьми с выраженными слабыми связями (как и предполагал Грановеттер), однако сильные связи с друзьями оказываются не менее результативными, чем слабые связи со знакомыми, соседями, бывшими коллегами. Это свидетельствует о том, что хотя друзья по сравнению с родственниками способствуют получению дополнительной информации о возможных вакансиях или даже могут дать рекомендацию, помочь устройству на работу в обход социальных правил и законов, но дальнейшее расширение сети имеет убывающую эффективность. Также подтверждается факт атомизации в России, низкого уровня обобщенного доверия, когда в обществе слабо развит открытый социальный капитал. В результате человек недостаточно доверяет институтам и малознакомым людям и обращается в поиске работы в первую очередь к сильным связям.

Влияние социальных связей на шансы мобильности в году $T + 1$ для занятых

Наибольший интерес представляет влияние социальных связей на разные виды трудовой мобильности занятых. Как отмечалось выше, для этого мы использовали мультиномиальную логистическую регрессию, в которой зависимая переменная принимает восемь различных значений. Базовая категория — стабильность, то есть сохранение прежнего места работы; две категории означают внутрифирменную мобильность (вертикальную и горизонтальную), две — межфирменную (также вертикальную и горизонтальную), две — переход к безработице и незанятости, и ещё одна, последняя, сформирована для тех респондентов, информации о которых в будущем году у нас нет (для них результаты мы опустим, так как не знаем причины выбытия). Мы оценили модели как для объединённой базы за 2016–2018 гг., так и для каждого года в отдельности (см. приложение, табл. П.5, П.5а, П.5б).

Следует признать, что нам, к сожалению, не удалось получить устойчивых результатов: во всех трёх моделях есть значимые детерминанты, но они в каждой модели разные, за исключением негативного влияния социальных онлайн-сетей на шансы стать неактивным ($RRR = 0,795, p < 0,001$) по сравнению с базовой категорией (остаться на той же работе). В 2016 г. значимо также влияние слабых связей с близким кругом ($RRR = 0,786, p < 0,001$). Шансы перехода в статус безработного ниже у тех, кто имел выраженные слабые связи со знакомыми, коллегами и соседями ($RRR = 0,790, p < 0,05$), но эта зависимость характерна лишь для 2016 г. ($RRR = 0,670, p < 0,05$). Несмотря на неустойчивость результатов, в данном случае мы видим именно влияние слабых связей на предотвращение потери работы (по сравнению со стабильностью рабочего места).

В общей модели к горизонтальной внутрифирменной мобильности более склонны люди с большим количеством друзей и возможностью оказания помощи ($RRR = 1,108, p < 0,1$), хотя эта связь слабо значима и не подтверждается ни для одного года в отдельности. Напротив, с препятствием в мобильности сталкиваются люди с выраженными сильными родственными связями ($RRR = 0,819, p < 0,05$), но эта закономерность типична только для 2016 г. ($RRR = 0,770, p < 0,05$). В 2016 г. (но не в 2018 г.) также значимо негативное влияние онлайн-сетей ($RRR = 0,735, p < 0,05$). Ни в одной модели не выявлено влияние наличия социальных связей на вертикальную внутрифирменную мобильность (по сравнению со стабильностью). С теоретической точки зрения это логично, так как продвижение по службе всё же обычно осуществляется по инициативе руководства, а не самого работника, и в данном случае как раз слабые связи этому вряд ли способствуют. Напротив, переходу в другое подразделение в той же организации как раз могли бы способствовать прежде всего связи с коллегами, однако такое влияние не обнаруживается. С теоретической точки зрения закрытый социальный капитал, которому свойственна гомофилия, инкорпорированный в сильные связи, действительно может быть барьером изменения статуса, но относительно открытого социального капитала такого заключения сделать нельзя.

В модели для 2018 г. наличие выраженных сильных связей с друзьями позитивно влияет на шансы горизонтальной межфирменной мобильности ($RRR = 1,136, p < 0,05$) по сравнению с сохранением текущей позиции, но эта закономерность не подтверждается ни для 2016 г., ни для общей модели. Другие виды социальных связей также незначимы. Вертикальная межфирменная мобильность в 2016 г. была ниже среди людей с сильными дружескими связями ($RRR = 0,710, p < 0,05$), а в 2018 г. — среди людей со слабыми связями со знакомыми, соседями и коллегами ($RRR = 0,634, p < 0,05$), но в общей модели эти зависимости не подтверждаются. Таким образом, по сравнению с ситуацией стабильности нельзя утверждать, что наличие социальных связей способствует межфирменной мобильности. Однако, конечно, такие связи задействуются только в случае необходимости, то есть при переходе к активному поиску работы. Мы контролируем переменную «респондент хотел найти (другую) работу в базовом году», но у нас нет данных о таком желании в течение следующего года (между опросами), и тем более о переходе к активным поискам. Однако можно предположить, что при переходе в другую организа-

цию социальные связи «работают» для получения более высокой должности. По этой причине мы оценили ту же мультиномиальную регрессию с базовой категорией «горизонтальная межфирменная мобильность». Но по сравнению с этим вариантом шансы на вертикальную межфирменную мобильность не зависели ни от одного вида социальных связей.

Таким образом, нам не удалось подтвердить гипотезу Грановеттера о силе слабых связей: наличие ни одного из их видов не способствовало вертикальной мобильности, то есть занятию лучшего рабочего места. Однако в силу неустойчивости значимых коэффициентов говорить о её опровержении также было бы некорректно. В некоторых более ранних исследованиях тоже не было обнаружено устойчивого влияния социальных сетей на вертикальную трудовую мобильность [Winkelmann 2009; Khan, Lehrer 2013], хотя в большинстве публикаций результат был противоположным. В то же время достаточно характерным является анализ влияния социальных сетей на трудовую мобильность определённых категорий занятых — мигрантов [Maher, Cawley 2015; Keskiner, Eve, Ryan 2022], учёных [Schaer 2022], рабочих [Schmutte 2016], занятых в высокотехнологичных отраслях [Podolny, Baron 1997] и др. Важно и то, что результаты различаются в зависимости от разных параметров — возраста и места жительства [Brady 2015], страны [Pellizzari 2010], пола и типа рабочих мест [Xiong et al. 2017]. Российские исследования показывали, что эффективность поиска работы через друзей, знакомых и родственников в начале 2000-х гг. была невысока [Рошин, Маркова 2004].

Влияние социально-экономических характеристик на мобильность на рынке труда

В отличие от неоднозначных результатов влияния сильных и слабых связей на трудовую мобильность, оценка регрессий показала устойчивое влияние социально-экономических характеристик, которые в целом совпадают с предыдущими публикациями (см. приложение, табл. П.4 и П.5). Принадлежность к мужскому полу повышает шансы не только найти работу для незанятых ($OR = 1,484, p < 0,001$), но и перейти с повышением в другую компанию для занятых ($RRR = 2,281, p < 0,001$), а также снижает шансы стать неактивным ($RRR = 0,666, p < 0,05$). Это соответствует многочисленным предыдущим исследованиям трудовой мобильности, в том числе российского рынка труда [Sabirianova 2002; Мальцева, Рошин 2006; Гимпельсон, Капелюшников, Шарунина 2016].

Влияние образования

Положительный эффект имеет наличие высшего образования (по сравнению с теми, у кого было и осталось полное среднее), влияя на шансы горизонтальной мобильности для занятых ($RRR = 1,328, p < 0,05$) и трудоустройства для незанятых ($OR = 1,564, p < 0,001$), что соответствует результатам и более ранних исследований [Рошин, Маркова 2004; Гимпельсон, Капелюшников, Шарунина 2016]. В отличие от них, мы использовали данные об изменении образования в течение года. Оказалось, что ещё выше шансы найти работу для неработающих ($OR = 2,504, p < 0,001$) или продвигнуться в той же фирме для занятых ($RRR = 3,080, p < 0,001$) у тех, кто в течение года получил высшее образование, однако это изменение не способствует внутрифирменной горизонтальной мобильности. Горизонтальной межфирменной мобильности способствует получение полного среднего ($RRR = 2,219, p < 0,001$) или среднего профессионального образования ($RRR = 2,374, p < 0,001$). Неожиданным выглядит положительное влияние на шансы вертикальной межфирменной мобильности неполного среднего ($RRR = 3,347, p < 0,001$) и получения полного среднего образования ($RRR = 3,886, p < 0,001$), но говорит лишь о том, что эти люди занимали самые низкие позиции и смогли их изменить на чуть более высокие. Повышение уровня образования устойчиво коррелирует с уровнем институционального и обобщённого доверия, что может повышать уровень социального капитала, косвенно способствуя мобильности [Натхов 2011].

Влияние возраста

Возраст оказывает квадратичный эффект на шансы найти работу среди незанятых (то есть такие шансы выше всего для людей среднего возраста), а также на шансы выйти из рабочей силы для занятых (то есть для людей среднего возраста шансы ниже). При этом, по нашим данным, возраст не влияет ни на внутрифирменную, ни на межфирменную мобильности, что противоречит как экономической теории, так и предыдущим исследованиям [Гимпельсон, Капелюшников, Шарунина 2016].

Влияние здоровья

Плохое здоровье может быть важным ограничением трудовой мобильности и занятости в целом. Однако в российских исследованиях почему-то здоровье не рассматривалось как влияющий фактор, за исключением статьи С. Ю. Рощина и А. А. Слесаревой, которые его влияние на смену работы молодёжью не обнаружили [Рощин, Слесарева 2012]. Мы включили в модель не только самооценку здоровья в базовом году, но и её изменение в следующем. Как оказалось, для незанятых по сравнению с теми, у кого по самооценке был и остался средний уровень здоровья, улучшение здоровья со среднего до хорошего способствует выходу на работу ($OR = 2,071, p < 0,001$), как и сохранение хорошего уровня здоровья ($OR = 1,646, p < 0,001$). На трудовую мобильность занятых уровень здоровья или его изменение имеет меньший эффект: только ухудшение здоровья до плохого повышает более чем в 4,5 раза шансы стать неактивным ($OR = 4,598, p < 0,001$).

Влияние брачного статуса

Если незанятый человек состоит в браке, это улучшает его шансы найти работу ($OR = 1,776, p < 0,001$), но не влияет на трудовую мобильность занятых. Исследователи выявили, что состоящие в браке люди более склонны к межфирменной мобильности [Гимпельсон, Капелюшников, Шарунина 2016]. Ожидаемо, что количество маленьких детей уменьшает шансы незанятых выйти на работу; сильнее всего — при наличии детей до года ($OR = 0,234, p < 0,001$), менее сильно — при наличии детей одного–двух лет ($OR = 0,700, p < 0,05$) или трёх–пяти лет ($OR = 0,744, p < 0,05$). И касается это в основном женщин. В то же время количество детей до пяти лет не влияет на трудовую мобильность занятых. Если женщина в году $T + 1$ родила ребёнка, её шансы на горизонтальную внутрифирменную и межфирменную мобильность, а также на переход к безработице очень низки, хотя и не влияют на шансы стать экономически неактивной или безработной или на вертикальную внутрифирменную мобильность. Количество других взрослых в семье (кроме респондента и его или её супруги или супруга) не влияет на трудовую мобильность занятых (эта переменная была исключена) и слабо значимо снижает шансы выйти на работу для незанятых.

Влияние нетрудовых доходов

Как и предсказывает экономическая теория труда (см.: [Рощин, Разумова 2000]), шансы стать неактивным для занятых повышаются вместе с нетрудовыми доходами человека ($RRR = 1,044, p < 0,05$), как и доходы его (её) супруги (супруга) ($RRR = 1,076, p < 0,05$). Шансы найти работу для незанятых не зависят от собственного трудового дохода, но снижаются с ростом дохода супруга (супруги) ($OR = 0,944, p < 0,001$). Менее ожидаем выход на работу тех, кто учится ($OR = 0,295, p < 0,001$), и, напротив, шансы выше у безработных по сравнению с неактивными ($OR = 2,856, p < 0,001$).

Влияние удовлетворённости рабочим местом

Оценки регрессии для занятых показали значимое влияние на шансы трудовой мобильности характеристик рабочего места. Представляется логичным, что люди, недовольные своей нынешней работой,

более склонны её изменить, хотя в опубликованных работах о российском рынке труда мы не обнаружили этот фактор. Действительно, высокая неудовлетворённость работой (по сравнению со средним уровнем) повышает шансы горизонтальной мобильности, как межфирменной ($RRR = 1,854, p < 0,05$), так и внутрифирменной ($RRR = 2,624, p < 0,1$), а также шансы перехода в статус безработного ($RRR = 2,488, p < 0,1$). Если человек «скорее не удовлетворён» работой, растут его шансы перестать работать ($RRR = 1,480, p < 0,1$). Напротив, шансы вертикальной межфирменной мобильности снижаются, если человек «скорее удовлетворён» работой ($RRR = 0,589, p < 0,05$). На продвижение на той же работе удовлетворённость не влияет. Ожидаемо, что те люди, которые в базовом году хотели бы найти другую работу, более склонны к межфирменной мобильности, как горизонтальной ($RRR = 1,915, p < 0,001$), так и вертикальной ($RRR = 1867, p < 0,05$); у них также выше шансы стать безработным ($RRR = 2,258, p < 0,001$) или неактивным ($RRR = 1,471, p < 0,05$) в том, вероятно, случае, если им не удастся найти подходящую работу.

Влияние стажа

Каждый год стажа на текущем месте работы снижает шансы любого вида мобильности: внутрифирменной вертикальной — на 2,6% ($RRR = 0,974, p < 0,05$), горизонтальной — на 2,5% ($RRR = 0,975, p < 0,05$), межфирменной горизонтальной — на 10,3% ($RRR = 0,897, p < 0,001$), вертикальной — на 15,1% ($RRR = 0,849, p < 0,001$), переход в состояние безработного — на 6,9% ($RRR = 0,931, p < 0,001$), неактивного — на 3,1% ($RRR = 0,969, p < 0,001$). Это связано с накоплением специфического человеческого капитала, который позволяет иметь более высокую заработную плату на текущем месте работы, но препятствует отдаче на другом месте работы, что предполагается экономической теорией и было подтверждено эмпирически [Мальцева 2009].

Влияние уровня квалификации

По сравнению со специалистами высшей квалификации руководители и крупные чиновники имеют более низкие шансы горизонтальной межфирменной мобильности ($RRR = 0,362, p < 0,001$) и более высокие шансы перехода в другое подразделение ($RRR = 2,092, p < 0,1$). Специалисты среднего уровня квалификации более склонны к межфирменной горизонтальной мобильности ($RRR = 1,512, p < 0,05$) и менее — к вертикальной ($RRR = 0,299, p < 0,001$). Квалифицированные рабочие чаще переходят на другую работу без изменения должностного статуса ($RRR = 2,259, p < 0,001$), но имеют меньшие шансы внутрифирменной вертикальной мобильности ($RRR = 0,401, p < 0,001$) и межфирменной ($RRR = 0,072, p < 0,001$). Неквалифицированные рабочие по сравнению с высококвалифицированными специалистами имеют более высокие шансы для межфирменной горизонтальной мобильности ($RRR = 2,347, p < 0,001$) и близкие к нулевым для вертикальной ($RRR = 0,000, p < 0,001$), а также более склонны перестать работать ($RRR = 2,102, p < 0,05$). Таким образом, можно заключить, что у специалистов высшего уровня квалификации выше шансы вертикальной межфирменной мобильности по сравнению со всеми остальными категориями, кроме руководителей, а горизонтальной межфирменной мобильности — ниже. Это связано с тем, что для вертикальной мобильности рабочим обычно требуется получение дополнительного образования, тогда как специалисты могут стать руководителями по мере накопления человеческого капитала (близкие результаты были получены в работе: [Гимпельсон, Капелюшников, Шарунина 2016]).

Влияние отрасли, в которой работает человек

Отраслевая принадлежность предприятия имеет небольшое влияние на шансы мобильности: лишь для горизонтальной межфирменной мобильности значимо негативное влияние добывающей или тяжёлой промышленности, химии и энергетики ($RRR = 0,547, p < 0,001$), управления и безопасности ($RRR =$

0,551, $p < 0,001$), в меньшей степени — сельского хозяйства ($RRR = 0,631, p < 0,1$). У сотрудников государственных организаций лучше возможности для карьерного роста внутри своей организации ($RRR = 2,041, p < 0,001$), но хуже для перехода в другую фирму на ту же должность ($RRR = 0,723, p < 0,05$). Они также менее склонны перестать работать ($RRR = 0,615, p < 0,05$). Работа в иностранной или частной компании значимо не влияет на трудовую мобильность занятых. Это лишь частично соответствует результатам, полученным Гимпельсоном, Капелюшниковым и Шаруниной, которые также обнаружили негативное влияние на мобильность сферы сельского хозяйства и позитивное влияние государственных предприятий на внутрифирменную мобильность [Гимпельсон, Капелюшников, Шарунина 2016].

Влияние отработанных рабочих часов

Рабочее время (логарифм отработанных часов в неделю) почти не влияет на межфирменную и внутрифирменную мобильность (что противоречит результатам, представленным в работе: [Рошин, Слесарева 2012]; однако в этом исследовании рассматривалась только молодёжь). Тем не менее рабочее время стимулирует переход в безработные ($RRR = 1,931, p < 0,05$). Несколько неожиданным с теоретической точки зрения выглядит следующий результат: более высокая ставка заработной платы снижает шансы стать неактивным ($RRR = 0,644, p < 0,001$) и с невысокой значимостью повышает шансы перейти на более высокую должность в той же фирме ($RRR = 1,315, p < 0,1$), но не влияет на другие виды трудовой мобильности. Однако, как показывают предыдущие исследования, для изучения взаимосвязи заработков и трудовой мобильности нужны специальные модели, не входящие в предмет нашего исследования [Гимпельсон, Капелюшников, Шарунина 2016; Гимпельсон, Капелюшников 2017]. Высокая региональная безработица способствует росту шансов стать экономически неактивным или безработным ($RRR = 1,056, p < 0,1$), но не другим видам мобильности. По сравнению с областными центрами в Москве и Санкт-Петербурге в 5,6 раза выше шансы выхода из рабочей силы ($RRR = 5,622, p < 0,001$) и в 2 раза — стать безработным ($RRR = 2,094, p < 0,1$), но шансы на внутрифирменную или межфирменную мобильность те же, что противоречит результатам, полученным ранее [Гимпельсон, Капелюшников, Шарунина 2016]. Однако, как и в упомянутом исследовании, мы также обнаружили более низкие шансы горизонтальной межфирменной мобильности в малых городах ($RRR = 0,692, p < 0,001$) и сёлах ($RRR = 0,765, p < 0,001$), что объясняется малым количеством доступных предприятий и рабочих мест.

Ограничения исследования и анализ устойчивости

В настоящей работе мы использовали только данные 2016 и 2018 гг. как базовые, поскольку в этих волнах были заданы специальные вопросы для измерения социальных связей (такие вопросы задавались и в 2023 г., но данные за 2024 г. на момент написания статьи не доступны, что лишает нас возможности анализировать мобильность). Таким образом, наша выборка несколько снижена по сравнению с предыдущими публикациями, поэтому количество людей, сменивших работу или должность, в регрессии для занятых невелико. Внутренняя и внешняя вертикальная и горизонтальная мобильности оцениваются на основании разных вопросов: первая — по самооценке респондента, а вторая — на основании сравнения уровней должности в базовом году и в следующем. Это может приводить к ошибкам измерения. Кроме того, в РМЭЗ ВШЭ не отслеживаются респонденты, переехавшие в другой населённый пункт, а некоторые могут быть не опрошены по другим причинам, поэтому мы «теряем» 2,5% респондентов, о статусе которых в будущем году мы ничего не знаем. Весьма важным может оказаться и понимание «лучшего» рабочего места как более высокой профессионально-должностной позиции, а не как приносящего более высокий заработок. Этот недостаток может быть компенсирован в будущих исследованиях.

Сравнение результатов моделей за разные годы показало высокую устойчивость влияния социально-экономических характеристик, но не социальных связей. Напротив, спецификация моделей с исполь-

зованием факторного анализа для снижения размерности и измерения латентных переменных либо построенных для этой цели индексов дала близкие результаты.

Выводы

В настоящем исследовании оценивались факторы, влияющие на мобильность на рынке труда в России в 2016–2017 и 2018–2019 гг., и использовались данные РМЭЗ НИУ ВШЭ. Специфика работы заключается в том, что среди влияющих факторов мы рассматривали социальные связи, которые можно адекватно измерить на этих данных лишь в 2016 и 2018 гг. В то же время можно сравнить факторы трудовой мобильности в предковидные годы с данными предыдущих исследований, в которых анализировался российский рынок труда в более ранние годы [Sabirianova 2002; Мальцева 2009; Рошин, Слесарева 2012; Гимпельсон, Капелюшников, Шарунина 2016; Гимпельсон, Капелюшников 2017]. Мы получили результаты, как подтвердившие предыдущие публикации (в частности, более высокую склонность к трудовой мобильности мужчин, людей с высшим образованием, которые меньше время работают на данном предприятии; лучшие возможности внутрифирменного роста на государственных предприятиях и занимающих более высокую должность), так и противоречащие им (в частности, отсутствие влияния на внутри- и межфирменную мобильность возраста, семейного положения, проживания в Москве или Санкт-Петербурге и других факторов). Мы также включили в модели детерминанты, не использовавшиеся ранее. В частности, обнаружили значимое позитивное влияние повышения уровня образования и улучшения здоровья и, наоборот, негативное влияние его ухудшения. Логичным выглядит более высокая склонность к мобильности тех, кто не удовлетворён нынешней работой, и тех, кто хотел бы её сменить.

Что касается основной проверяемой гипотезы о большем влиянии слабых социальных связей на возможности занять хорошее рабочее место [Granovetter 1985], её подтвердить не удалось, хотя в силу неустойчивости результатов говорить о её опровержении также нельзя. Фактически мы увидели лишь устойчивое и почти одинаково сильное влияние как сильных связей (с друзьями), так и слабых (со знакомыми, бывшими коллегами, соседями) на шансы найти работу для незанятых, а также негативное влияние социальных онлайн-сетей на шансы стать неактивным для занятых (по сравнению с вариантом остаться на той же работе в той же должности). Не было выявлено влияние социальных связей на внутрифирменный рост. Более того, в разные годы влияние на межфирменную вертикальную мобильность как слабых (со знакомыми), так и сильных (с друзьями) связей оказалось негативным. Это может свидетельствовать как о низком уровне доверия в России, атомизации общества, гомофилии социального капитала, так и о необходимости развития моделей и включения в них новых волн обследования.

Мы полагаем, что вопрос о влиянии социальных связей и, более широко, социального капитала на трудовую мобильность не закрыт. Как минимум, мы ограничились таким критерием «лучших» рабочих мест, как более высокая должность, но не учитывали заработную плату. Это может быть важным развитием данного направления, как и включение в модели новых волн РМЭЗ НИУ ВШЭ.

Приложение

Таблица П.1

Описательные характеристики переменных для факторного анализа (N=11 198)

Переменные	Среднее	Статистическое отклонение	Min	Max
Количество лет пользования социальными сетями	4,2	4,129	0	18
Количество социальных сетей, которыми пользуется респондент	1	0,993	0	5
Частота посещения социальной сети (сколько раз в месяц)	10,7	11,5	0	25
Количество друзей в социальной сети	79,6	249,8	0	3000
Количество близких друзей	3,2	3,976	0	200
Частота общения с родственниками (сколько раз в месяц)	15,57	7,443	0	20
Частота общения с друзьями (сколько раз в месяц)	8,21	7,96	0	20
Частота посещения религиозных мест (сколько раз в месяц)	0,66	0,9456	1	4
Количество видов возможной помощи от всех родственников	2,68	0,659	0	3
Количество видов возможной помощи от друзей	1,86	1,222	0	3
Количество видов возможной помощи от знакомых	0,35	0,74	0	3
Количество видов возможной помощи от соседей	0,38	0,801	0	3
Количество видов возможной помощи от коллег по работе, в том числе бывших	0,66	1,003	0	3
Количество видов возможной помощи от знакомых в Интернете	0,08	0,333	0	3
Количество видов возможной помощи от организаций	0,04	0,229	0	2
Количество видов возможной помощи от других людей (кроме друзей, знакомых, родственников и т. д.)	0,03	0,204	0	3

Таблица П.2

**Повёрнутая матрица компонентов модели факторного анализа.
Выделение факторов методом главных компонент. Вращение —
Варимакс с нормализацией Кайзера (N = 11 198)**

Переменные	Ф 1	Ф 2	Ф 3	Ф 4	Ф 5
Количество лет пользования социальными сетями	0,859	– 0,019	0,008	0,055	0,137
Количество социальных сетей, которыми пользуется респондент	0,862	0,01	0,016	0,051	0,105
Частота посещения социальной сети (сколько раз в месяц)	0,836	– 0,025	– 0,025	0,106	0,122
Количество друзей в социальной сети	0,477	0,015	0,018	0,132	– 0,131
Количество близких друзей	0,062	0,078	0,04	0,749	– 0,161
Частота общения с родственниками (сколько раз в месяц)	0,052	– 0,091	0,06	0,132	0,631
Частота общения с друзьями (сколько раз в месяц)	0,206	0,081	– 0,032	0,626	0,179
Частота посещения религиозных мест (сколько раз в месяц)	– 0,028	– 0,16	0,657	0,183	0,193
Количество видов возможной помощи от всех родственников	0,048	0,218	– 0,03	– 0,111	0,720
Количество видов возможной помощи от друзей	0,131	0,439	0,007	0,459	0,332
Количество видов возможной помощи от знакомых	– 0,03	0,77	0,058	0,066	– 0,012
Количество видов возможной помощи от соседей	– 0,147	0,726	0,008	0,116	0,013
Количество видов возможной помощи от коллег по работе, в том числе бывших	0,064	0,638	0,054	0,056	0,123
Количество видов возможной помощи от знакомых в Интернете	0,332	0,402	0,209	– 0,066	– 0,157
Количество видов возможной помощи от организаций	0,001	0,134	0,786	– 0,009	– 0,012
Количество видов возможной помощи от других людей (кроме друзей, знакомых, родственников и т. д.)	0,077	0,118	0,619	0,098	0,083

Примечание: Выделена переменная, отнесённая к тому или иному фактору.

Таблица П.3

Средние значения переменных: регрессии шанса незанятых найти работу (P 1) и регрессии шансов занятых на трудовую мобильность (P 2)

Переменные	P 1	P 2
Работает в году $T + 1$	0,236 (0,425)	
В году $T + 1$: остался на той же работе в той же должности (базовая категория)		0,785 (0,411)
В году $T + 1$: внутрифирменная вертикальная мобильность		0,0282 (0,166)
В году $T + 1$: внутрифирменная горизонтальная мобильность		0,0171 (0,130)
В году $T + 1$: межфирменная горизонтальная мобильность		0,0832 (0,276)
В году $T + 1$: межфирменная вертикальная мобильность		0,0149 (0,121)
В году $T + 1$: стал безработным		0,0127 (0,112)
В году $T + 1$: стал неактивным (оказался вне рабочей силы)		0,0330 (0,179)
В году $T + 1$: статус неизвестен		0,0256 (0,158)
Слабые связи (онлайн)	- 0,208 (0,983)	0,0136 (0,960)
Слабые связи (близкий круг)	- 0,151 (1,099)	0,0364 (0,973)
Слабые связи (дальний круг)	- 0,130 (0,929)	- 0,0317 (0,898)
Сильные связи (друзья)	0,0195 (1,091)	0,00936 (0,996)
Сильные связи (родственники)	- 0,147 (1,074)	0,0519 (0,984)
Пол (мужчины)	0,340 (0,474)	0,473 (0,499)
Возраст, делённый на 10	4,010 (1,525)	3,974 (1,045)
Возраст в квадрате, делённый на 100	18,41 (12,04)	16,88 (8,482)
Образование: неполное среднее было в году T и осталось в году $T + 1$	0,127 (0,333)	0,0655 (0,247)
Образование: полное среднее получил в году $T + 1$	0,0277 (0,164)	0,0223 (0,148)
Образование: среднее профессиональное получил в году $T + 1$	0,0650 (0,246)	0,0223 (0,148)
Образование: среднее было и осталось (база)	0,348 (0,476)	0,281 (0,450)
Образование: среднее профессиональное было в году T и осталось	0,270 (0,444)	0,272 (0,445)
Образование: высшее, получил в году $T + 1$	0,0237 (0,152)	0,0124 (0,111)
Образование: высшее, было в году T	0,139 (0,346)	0,324 (0,468)
Здоровье: плохое было в году T и осталось в году $T + 1$	0,0983 (0,298)	0,0134 (0,115)
Здоровье: было плохое в году T , улучшилось в году $T + 1$	0,0514 (0,221)	0,0166 (0,128)
Здоровье: стало плохое в году $T + 1$	0,0406 (0,197)	0,0147 (0,120)
Здоровье: было и осталось среднее (база)	0,350 (0,477)	0,384 (0,486)
Здоровье: среднее было в году T , стало хорошее в году $T + 1$	0,0973 (0,296)	0,114 (0,318)
Здоровье: хорошее было в году T , стало среднее в году $T + 1$	0,0686 (0,253)	0,103 (0,304)
Здоровье: хорошее было в году T и осталось в году $T + 1$	0,294 (0,456)	0,355 (0,478)
Состоит в браке (включая неформальный)	0,540 (0,498)	0,731 (0,443)
Логарифм дефлированного дохода супруга (супруги), при наличии супруга (супруги)	5,078 (5,057)	6,721 (4,785)
Логарифм дефлированных нетрудовых доходов респондента	5,908 (4,349)	2,006 (3,746)
Логарифм душевых дефлированных доходов остальных членов семьи	6,238 (4,262)	5,105 (4,344)
Количество своих детей до года	0,0138 (0,117)	
Количество своих детей в возрасте одного — двух лет	0,0623 (0,244)	
Количество своих детей в возрасте трёх — пяти лет	0,0864 (0,315)	

Таблица П.3. Окончание

Переменные	P 1	P 2
Количество своих детей в возрасте до пяти лет		0,218 (0,476)
Если респондент — женщина: родила ребёнка в году $T + 1$ (для мужчин = 0)	0,0130 (0,113)	0,0134 (0,115)
Хотел найти работу в году T		0,170 (0,376)
Удовлетворённость работой: совсем не удовлетворён		0,0151 (0,122)
Удовлетворённость работой: и да, и нет (база)		0,0808 (0,273)
Удовлетворённость работой: скорее не удовлетворён		0,220 (0,414)
Удовлетворённость работой: скорее удовлетворён		0,547 (0,498)
Удовлетворённость работой: полностью удовлетворён		0,137 (0,344)
Трудовой стаж на данном месте работы		8,055 (8,267)
Законодатели, крупные чиновники, руководители		0,0559 (0,230)
Специалисты высшей квалификации (база)		0,165 (0,371)
Специалисты среднего уровня квалификации		0,437 (0,496)
Квалифицированные рабочие		0,270 (0,444)
Неквалифицированные рабочие		0,0717 (0,258)
Наличие дополнительной работы		0,0602 (0,238)
Отрасль: лёгкая и пищевая		0,0671 (0,250)
Отрасль: добывающая, тяжёлая, химия и энергетика		0,124 (0,329)
Отрасль: строительство, транспорт, связь		0,166 (0,372)
Отрасль: сельское, рыбное, лесное хозяйство		0,0416 (0,200)
Отрасль: управление и безопасность		0,0781 (0,268)
Отрасль: образование, наука, культура		0,134 (0,341)
Отрасль: здравоохранение, социальное обеспечение		0,0793 (0,270)
Отрасль: торговля, бытовое обслуживание, общественное питание, ЖКХ и другие услуги (базовая)		0,269 (0,443)
Отрасль: финансы, страхование		0,0413 (0,199)
Государство является собственником предприятия		0,408 (0,492)
Иностранная компания является собственником предприятия		0,0284 (0,166)
Частное лицо является собственником предприятия		0,535 (0,499)
Логарифм дефлированной ставки заработной платы за 30 дней		4,930 (0,563)
Логарифм отработанных часов в неделю		3,747 (0,271)
Учится в учебном заведении	0,175 (0,380)	
Безработный	0,122 (0,327)	
Логарифм дефлированной региональной заработной платы	10,54 (0,339)	
Региональный уровень безработицы, в среднем за год, доля в %	5,346 (2,142)	5,047 (1,784)
Тип места проживания: Москва или Санкт-Петербург	0,0933 (0,291)	0,0776 (0,268)
Тип места проживания: областной центр (база)	0,275 (0,447)	0,315 (0,465)
Тип места проживания: город	0,238 (0,426)	0,321 (0,467)
Тип места проживания: село или посёлок городского типа	0,394 (0,489)	0,286 (0,452)
2016 г. (база)	0,529 (0,499)	0,528 (0,499)
2018 г.	0,471 (0,499)	0,472 (0,499)
Количество наблюдений	3078	8120

Примечание: Числа в скобках означают статистическое отклонение.

Таблица П.4

Бинарная логистическая регрессия: отношение шансов (OR) найти работу в году $T + 1$ для неработающих в году T

Переменные	Годы		
	2016–2018	2016	2018
Слабые связи (онлайн)	1,050 (0,0639)	1,066 (0,0883)	1,041 (0,0880)
Слабые связи (близкий круг)	1,102* (0,0597)	1,190** (0,0870)	1,074 (0,0824)
Слабые связи (дальний круг)	0,976 (0,0562)	1,032 (0,0655)	0,890 (0,0672)
Сильные связи (друзья)	1,123** (0,0538)	1,131* (0,0796)	1,102 (0,0822)
Сильные связи (родственники)	0,983 (0,0508)	1,002 (0,0714)	0,985 (0,0722)
Пол (мужчины)	1,484*** (0,162)	1,303* (0,194)	1,693*** (0,264)
Возраст, делённый на 10	3,881*** (1,284)	4,525*** (2,084)	3,497*** (1,665)
Возраст в квадрате, делённый на 100	0,798*** (0,0320)	0,776*** (0,0440)	0,814*** (0,0473)
Образование: неполное среднее было в году T и осталось в году $T + 1$ неполное среднее (база: было и осталось среднее)	0,483*** (0,0849)	0,475*** (0,114)	0,475*** (0,121)
Образование: полное среднее получил в году $T + 1$	1,067 (0,298)	1,334 (0,474)	0,755 (0,401)
Образование: среднее профессиональное получил в году $T + 1$	1,417 (0,305)	1,173 (0,346)	1,750* (0,562)
Образование: среднее профессиональное было в году T и осталось	1,069 (0,148)	1,065 (0,198)	1,086 (0,213)
Образование: высшее получил в году $T + 1$	2,504*** (0,704)	2,187** (0,829)	2,984** (1,347)
Образование: высшее было в году T	1,564*** (0,250)	1,687** (0,373)	1,557** (0,344)
Здоровье: плохое было в году T и осталось в году $T + 1$ (база: было и осталось среднее)	0,388*** (0,109)	0,511** (0,173)	0,275*** (0,110)
Здоровье: плохое было в году T , улучшилось в году $T + 1$	1,123 (0,267)	1,286 (0,430)	0,948 (0,320)
Здоровье: стало плохое в году $T + 1$	0,657 (0,206)	0,830 (0,340)	0,529 (0,248)
Здоровье: среднее было в году T , стало хорошее в году $T + 1$	2,071*** (0,346)	2,926*** (0,673)	1,435 (0,342)
Здоровье: хорошее было в году T , стало среднее в году $T + 1$	1,707*** (0,321)	1,775** (0,477)	1,616* (0,434)
Здоровье: хорошее было в году T и осталось в году $T + 1$	1,646*** (0,224)	1,919*** (0,360)	1,438* (0,285)
Состоит в браке (включая неформальный)	1,776** (0,429)	1,892* (0,630)	1,582 (0,563)
Логарифм дефлированного дохода супруга (супруги) при наличии супруга (супруги)	0,944** (0,0221)	0,941* (0,0303)	0,952 (0,0325)
Логарифм дефлированных нетрудовых доходов респондента	0,984 (0,0122)	0,999 (0,0170)	0,969* (0,0173)
Логарифм дефлированного душевого дохода остальных членов семьи	1,007 (0,0148)	1,033 (0,0216)	0,977 (0,0206)
Количество других взрослых в домохозяйстве (кроме респондента и супруги или супруга)	0,928* (0,0412)	0,892** (0,0504)	0,981 (0,0735)
Количество детей в домохозяйстве в возрасте до года	0,234*** (0,122)	0,313** (0,185)	0,0922** (0,0978)
Количество детей в домохозяйстве в возрасте от года до двух лет	0,700* (0,142)	0,435*** (0,117)	1,252 (0,367)
Количество детей в домохозяйстве в возрасте от трёх до пяти лет	0,744** (0,109)	0,737 (0,153)	0,738 (0,164)

Таблица П.4. Окончание

Переменные	Годы		
	2016–2018	2016	2018
Если респондент — женщина: родила ребёнка в году $T + 1$ (для мужчин = 0)	0,320** (0,154)	0,251** (0,148)	0,382 (0,303)
Учится в учебном заведении	0,295*** (0,0626)	0,280*** (0,0821)	0,294*** (0,0916)
Безработный	2,856*** (0,384)	2,973*** (0,525)	2,540*** (0,542)
Логарифм дефлированной региональной заработной платы	1,201 (0,298)	1,031 (0,319)	1,522 (0,509)
Региональный уровень безработицы, в среднем за год, доля в %	1,056* (0,0349)	1,100** (0,0451)	0,991 (0,0543)
Тип места проживания: Москва или Санкт-Петербург (база: областной центр)	0,684 (0,198)	0,842 (0,309)	0,508* (0,191)
Тип места проживания: город	0,954 (0,136)	0,889 (0,171)	1,039 (0,208)
Тип места проживания: село или посёлок городского типа	0,924 (0,123)	0,880 (0,163)	0,966 (0,183)
2018 г. (база: 2016 г.)	0,988 (0,0989)		
Константа	0,00758* (0,0209)	0,0205 (0,0705)	0,00113* (0,00421)
<i>N</i>	3078	1629	1449
Псевдо <i>R</i> ²	0,1789	0,2064	0,1661

Примечания:

Числа в скобках — стандартное отклонение.

Уровень значимости: * $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,001$.

Таблица П.5

Мультиномиальная регрессия: относительный коэффициент риска (RRR) вариантов трудовой мобильности в году $T + 1$ для занятых в году T ($N = 8120$), псевдо $R^2 = 0,1452$, 2016–2018 гг.

Переменные	Варианты трудовой мобильности					
	В 2	В 3	В 4	В 5	В 6	В 7
Слабые связи (онлайн)	0,967 (0,0860)	0,870 (0,0844)	1,064 (0,0570)	1,199 (0,141)	0,886 (0,123)	0,795*** (0,0665)
Слабые связи (близкий круг)	1,085 (0,0767)	1,014 (0,0875)	0,947 (0,0440)	0,904 (0,0983)	0,790* (0,109)	0,919 (0,0659)
Слабые связи (дальний круг)	1,006 (0,0950)	0,951 (0,101)	0,971 (0,0537)	0,883 (0,130)	0,929 (0,145)	0,939 (0,0847)
Сильные связи (друзья)	1,095 (0,0622)	1,108* (0,0599)	1,051 (0,0452)	0,917 (0,0988)	0,853 (0,0981)	0,964 (0,0676)
Сильные связи (родственники)	0,986 (0,0787)	0,819** (0,0697)	0,976 (0,0437)	0,983 (0,102)	1,100 (0,121)	0,927 (0,0620)
Пол (мужчины)	1,030 (0,170)	0,821 (0,186)	0,921 (0,0985)	2,281*** (0,552)	0,852 (0,227)	0,666** (0,122)
Возраст, делённый на 10	0,458 (0,265)	0,759 (0,563)	0,603 (0,205)	2,617 (1,989)	0,341 (0,262)	0,0156*** (0,0076)
Возраст в квадрате, делённый на 100	1,024 (0,0752)	1,024 (0,0930)	1,057 (0,0449)	0,870 (0,0855)	1,109 (0,110)	1,705*** (0,101)
Образование: неполное среднее было в году T и осталось в году $T + 1$ (база: было и осталось среднее)	0,913 (0,346)	0,573 (0,258)	1,269 (0,220)	3,347*** (1,111)	0,789 (0,328)	1,050 (0,271)
Образование: полное среднее получил в году $T + 1$	1,78e ⁻⁰⁷ *** (3,73e ⁻⁰⁸)	0,635 (0,477)	2,219*** (0,514)	3,886*** (1,806)	2,458* (1,168)	1,825* (0,643)
Образование: среднее профессиональное получил в году $T + 1$	0,968 (0,514)	1,044 (0,610)	2,374*** (0,544)	1,504 (0,852)	0,563 (0,396)	1,601 (0,563)
Образование: среднее профессиональное было в году T и осталось	1,084 (0,243)	0,788 (0,190)	1,083 (0,131)	0,883 (0,258)	0,846 (0,231)	0,881 (0,157)
Образование: высшее получил в году $T + 1$	3,080*** (1,329)	6,65e ⁻⁰⁸ *** (1,70e ⁻⁰⁸)	0,626 (0,274)	1,118 (0,815)	0,442 (0,469)	0,731 (0,478)
Образование: высшее было в году T	1,450 (0,341)	0,960 (0,254)	1,328** (0,171)	0,550* (0,171)	0,564* (0,186)	0,700 (0,155)
Здоровье: плохое было в году T и осталось в году $T + 1$ (база: среднее было и осталось)	0,547 (0,567)	1,297 (0,973)	0,521 (0,245)	1,409 (1,015)	0,454 (0,438)	1,208 (0,514)
Здоровье: плохое было в году T , улучшилось в году $T + 1$	0,342 (0,349)	1,482 (0,909)	0,836 (0,302)	2,177 (1,179)	2,978** (1,520)	0,638 (0,365)
Здоровье: плохое стало в году $T + 1$	1,101 (0,833)	1,333 (0,978)	1,224 (0,436)	1,591 (1,133)	2,806 (1,836)	4,598*** (1,437)
Здоровье: среднее было в году T , хорошее стало в году $T + 1$	1,231 (0,279)	1,424 (0,401)	1,196 (0,171)	0,890 (0,275)	1,253 (0,430)	0,639* (0,167)
Здоровье: хорошее было в году T , среднее стало в году $T + 1$	0,899 (0,232)	1,539 (0,439)	1,154 (0,165)	0,829 (0,274)	1,258 (0,432)	1,348 (0,300)
Здоровье: хорошее было в году T и осталось в году $T + 1$	0,900 (0,161)	0,957 (0,229)	0,914 (0,0978)	0,667 (0,164)	0,925 (0,263)	0,870 (0,151)
Состоит в браке (включая неформальный)	1,032 (0,283)	1,286 (0,511)	0,820 (0,142)	1,117 (0,417)	0,634 (0,299)	0,572 (0,215)

Таблица П.5. Продолжение

Переменные	Варианты трудовой мобильности					
	В 2	В 3	В 4	В 5	В 6	В 7
Логарифм дефлированного дохода супруга (супруги), при наличии супруга (супруги)	0,977 (0,0250)	0,996 (0,0351)	1,002 (0,0158)	0,959 (0,0319)	0,970 (0,0390)	1,076** (0,0391)
Логарифм дефлированных нетрудовых доходов респондента	1,043** (0,0211)	1,000 (0,0252)	1,005 (0,0132)	1,000 (0,0273)	0,979 (0,0337)	1,044** (0,0189)
Логарифм душевых дефлированных доходов остальных членов семьи	0,979 (0,0175)	1,002 (0,0226)	0,993 (0,0109)	0,968 (0,0234)	0,952* (0,0249)	1,025 (0,0166)
Количество своих детей до пяти лет	0,974 (0,151)	0,905 (0,183)	1,108 (0,0997)	0,906 (0,201)	0,788 (0,199)	1,188 (0,196)
Если респондент — женщина: родила ребёнка в году $T + 1$ (для мужчин = 0)	0,459 (0,280)	7,29e ^{-08***} (1,60e ⁻⁰⁸)	0,162** (0,119)	1,25e ^{-07***} (3,15e ⁻⁰⁸)	1,12e ^{-07***} (3,13e ⁻⁰⁸)	1,002 (0,578)
Хотел найти работу в году T	0,985 (0,199)	0,968 (0,271)	1,915*** (0,203)	1,867** (0,474)	2,258*** (0,569)	1,471** (0,264)
Удовлетворённость работой: совсем не удовлетворён (база: и да, и нет)	0,793 (0,568)	2,624* (1,523)	1,854** (0,493)	1,127 (0,706)	2,488* (1,224)	0,287 (0,225)
Удовлетворённость работой: скорее не удовлетворён	0,776 (0,262)	1,495 (0,533)	1,217 (0,183)	0,779 (0,281)	1,461 (0,529)	1,480* (0,337)
Удовлетворённость работой: скорее удовлетворён	0,806 (0,146)	1,067 (0,244)	0,877 (0,0925)	0,589** (0,140)	1,055 (0,306)	0,939 (0,158)
Удовлетворённость работой: полностью удовлетворён	0,882 (0,209)	0,888 (0,300)	0,765 (0,126)	0,724 (0,252)	0,774 (0,330)	0,720 (0,191)
Трудовой стаж на данном месте работы	0,974** (0,0127)	0,975** (0,0119)	0,897*** (0,0119)	0,849*** (0,0253)	0,931*** (0,0226)	0,969*** (0,00918)
Законодатели, крупные чиновники, руководители (база: специалисты высшей квалификации)	1,145 (0,357)	2,092* (0,844)	0,362** (0,148)	1,350 (0,489)	1,201 (0,754)	1,244 (0,557)
Специалисты среднего уровня квалификации	1,081 (0,227)	1,269 (0,408)	1,512** (0,260)	0,299*** (0,0932)	1,097 (0,449)	1,452 (0,400)
Квалифицированные рабочие	0,401*** (0,122)	1,204 (0,493)	2,259*** (0,450)	0,0720*** (0,0297)	0,780 (0,370)	1,425 (0,454)
Неквалифицированные рабочие	0,595 (0,257)	1,809 (0,831)	2,347*** (0,517)	1,58e-08*** (5,95e ⁻⁰⁹)	0,998 (0,543)	2,102** (0,703)
Наличие дополнительной работы	0,696 (0,241)	0,986 (0,358)	1,061 (0,188)	0,820 (0,337)	0,402 (0,294)	0,398** (0,162)
Отрасль: лёгкая и пищевая промышленность (база: торговля, бытовое обслуживание, общественное питание, ЖКХ и другие услуги)	1,473 (0,433)	1,098 (0,466)	0,757 (0,134)	1,790 (0,669)	0,911 (0,351)	1,053 (0,299)
Отрасль: добывающая, тяжёлая промышленность, химия и энергетика	1,368 (0,339)	1,693* (0,504)	0,547*** (0,0960)	0,595 (0,259)	0,533 (0,257)	1,053 (0,285)
Отрасль: строительство, транспорт, связь	1,178 (0,287)	1,124 (0,352)	0,958 (0,118)	1,208 (0,358)	0,863 (0,281)	0,950 (0,218)
Отрасль: сельское, рыбное, лесное хозяйство	1,163 (0,511)	0,763 (0,444)	0,631* (0,154)	0,970 (0,486)	0,695 (0,365)	0,726 (0,254)

Таблица П.5. Окончание

Переменные	Варианты трудовой мобильности					
	В 2	В 3	В 4	В 5	В 6	В 7
Отрасль: управление и безопасность	1,309 (0,356)	1,173 (0,478)	0,551** (0,131)	1,679 (0,596)	0,374 (0,261)	0,752 (0,243)
Отрасль: образование, наука, культура	0,646 (0,191)	1,083 (0,406)	0,820 (0,174)	0,673 (0,289)	0,770 (0,402)	1,033 (0,293)
Отрасль: здравоохранение, социальное обеспечение	0,491* (0,189)	1,673 (0,684)	1,071 (0,218)	0,519 (0,351)	0,376 (0,265)	1,197 (0,335)
Отрасль: финансы, страхование	0,997 (0,327)	1,487 (0,675)	0,851 (0,203)	0,602 (0,340)	1,136 (0,533)	1,157 (0,458)
Государство является собственником предприятия	2,041*** (0,411)	1,345 (0,313)	0,723** (0,102)	0,763 (0,271)	0,969 (0,379)	0,615** (0,131)
Иностранная компания является собственником предприятия	1,474 (0,517)	1,272 (0,610)	1,237 (0,301)	1,020 (0,646)	0,937 (0,562)	0,929 (0,482)
Частное лицо является собственником предприятия	1,273 (0,248)	1,238 (0,291)	1,034 (0,118)	1,248 (0,371)	1,132 (0,349)	0,734* (0,134)
Логарифм дефлированной ставки заработной платы за 30 дней	1,315* (0,198)	1,314 (0,225)	1,118 (0,105)	0,817 (0,178)	0,996 (0,196)	0,644*** (0,0811)
Логарифм отработанных часов в неделю	1,606 (0,585)	0,704 (0,200)	1,322* (0,220)	0,866 (0,323)	1,931** (0,640)	0,712 (0,150)
Региональный уровень безработицы, в среднем за год, доля в %	0,950 (0,0609)	0,991 (0,0636)	1,050 (0,0340)	1,057 (0,0694)	0,957 (0,0766)	1,351*** (0,0613)
Тип места проживания: Москва или Санкт-Петербург (база: областной центр)	1,098 (0,382)	0,550 (0,247)	1,124 (0,221)	1,626 (0,668)	2,094* (0,931)	5,622*** (1,884)
Тип места проживания: город	0,833 (0,154)	0,913 (0,197)	0,692*** (0,0754)	0,953 (0,234)	0,581* (0,170)	0,878 (0,164)
Тип места проживания: село или посёлок городского типа	1,207 (0,233)	1,041 (0,244)	0,765** (0,0917)	1,179 (0,306)	1,184 (0,340)	1,473** (0,260)
2018 г. (база: 2016 г.)	0,865 (0,128)	0,824 (0,156)	0,951 (0,0844)	0,964 (0,205)	1,070 (0,242)	1,085 (0,161)
Константа	0,0276* (0,0539)	0,0279* (0,0565)	0,0783** (0,0826)	0,136 (0,327)	0,0799 (0,169)	322,8*** (448,1)

Примечания:

Варианты зависимой переменной:

В 1 — базовая категория: остался на той же работе в той же должности;

В 2 — продвижение на той же работе;

В 3 — перешёл в другое подразделение без продвижения на той же работе;

В 4 — перешёл на другую работу, где имеет тот же уровень должности или ниже;

В 5 — перешёл на другую работу на более высокую должность;

В 6 — стал безработным;

В 7 — стал неактивным (В 7).

Опущено — статус в году $T + 1$ не известен.

Числа в скобках — стандартное отклонение.

Уровень значимости: * $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,001$.

Таблица П.5а

Мультиномиальная регрессия: относительный коэффициент риска (*RRR*) вариантов трудовой мобильности в году *T + 1* для занятых в году *T* (*N* = 4283), псевдо *R*² = 0,1792. 2016 г.

Переменные	Варианты трудовой мобильности					
	В 2	В 3	В 4	В 5	В 6	В 7
Слабые связи (онлайн)	1,089 (0,125)	0,735** (0,111)	1,039 (0,0775)	1,087 (0,188)	0,971 (0,191)	0,781** (0,0930)
Слабые связи (близкий круг)	1,008 (0,0965)	1,015 (0,118)	0,925 (0,0584)	1,096 (0,143)	0,670** (0,132)	0,786** (0,0821)
Слабые связи (дальний круг)	1,113 (0,0957)	0,920 (0,135)	0,912 (0,0712)	0,882 (0,156)	0,896 (0,196)	0,815 (0,119)
Сильные связи (друзья)	1,051 (0,0725)	1,064 (0,0773)	1,004 (0,0556)	0,710** (0,118)	0,825 (0,144)	0,990 (0,0831)
Сильные связи (родственники)	0,879 (0,0839)	0,770** (0,0844)	0,952 (0,0550)	1,003 (0,146)	1,275 (0,212)	0,925 (0,0829)

Примечания:

Приведены только коэффициенты для измерения социальных связей.

Варианты зависимой переменной:

В 1 — базовая категория: остался на той же работе в той же должности;

В 2 — продвижение на той же работе;

В 3 — перешёл в другое подразделение без продвижения на той же работе;

В 4 — перешёл на другую работу, где имеет тот же уровень должности или ниже;

В 5 — перешёл на другую работу на более высокую должность;

В 6 — стал безработным;

В 7 — стал неактивным.

Числа в скобках — стандартное отклонение.

Уровень значимости: * $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,001$.

Таблица 5b

Мультиномиальная регрессия: относительный коэффициент риска (*RRR*) вариантов трудовой мобильности в году *T + 1* для занятых в году *T* (*N* = 3837), псевдо *R*² = 0,1677, 2018 г.

Переменные	Варианты трудовой мобильности					
	В 2	В 3	В 4	В 5	В 6	В 7
Слабые связи (онлайн)	0,827 (0,100)	1,021 (0,161)	1,097 (0,0827)	1,210 (0,210)	0,799 (0,144)	0,793* (0,104)
Слабые связи (близкий круг)	1,132 (0,123)	0,998 (0,146)	0,966 (0,0680)	0,634** (0,125)	0,906 (0,154)	1,059 (0,102)
Слабые связи (дальний круг)	0,816 (0,116)	0,980 (0,151)	1,018 (0,0710)	0,818 (0,229)	0,913 (0,185)	1,052 (0,111)
Сильные связи (друзья)	1,042 (0,125)	1,112 (0,118)	1,136* (0,0752)	1,203 (0,164)	0,851 (0,146)	0,889 (0,103)
Сильные связи (родственники)	1,216 (0,169)	0,843 (0,120)	0,991 (0,0690)	1,000 (0,160)	0,981 (0,152)	0,899 (0,100)

Примечания:

Варианты зависимой переменной:

В 1 — базовая категория: остался на той же работе в той же должности;

В 2 — продвижение на той же работе;

В 3 — перешёл в другое подразделение без продвижения на той же работе;

В 4 — перешёл на другую работу, где имеет тот же уровень должности или ниже;

В 5 — перешёл на другую работу на более высокую должность;

В 6 — стал безработным;

В 7 — стал неактивным.

Числа в скобках — стандартное отклонение.

Уровень значимости: * $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,001$.

Литература

- Аникин В. А., Пашков С. Г., Сорокина И. А. 2022. *Обзорное исследование социального капитала в контексте улучшения человека*. Доклад «Глобальный ландшафт исследований и перспективных разработок в области укрепления человека». 7. М.: Электронное издательство «Эгитас». Электронный ресурс [код доступа]: <https://stratpro.hse.ru/mirror/pubs/share/805026198.pdf> (дата обращения: 26 декабря 2025).
- Гимпельсон В. Е., Капелюшников Р. И. (отв. ред.) 2017. *Мобильность и стабильность на российском рынке труда*. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Гимпельсон В. Е., Капелюшников Р. И., Шарунина А. В. 2016. «Дороги, которые мы выбираем»: перемещения на внешнем и внутреннем рынках труда. *Экономический журнал Высшей школы экономики*. 20 (2): 201–242. Электронный ресурс [код доступа]: <https://ej.hse.ru/data/2016/06/28/1115846040/Гимпельсон.pdf> (дата обращения: 26 декабря 2025).
- Емелина Н. К. et al. 2022. *Выпускники высшего образования на российском рынке труда: тренды и вызовы*. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Креховец Е. В., Шпилев Д. А. 2020. Роль неформальных социальных связей при трудоустройстве студентов и выпускников. *Социологические исследования*. 8: 78–89.
- Лаврусевич П. Е. 2006. Социальные сети в стратегиях трудоустройства на российском рынке труда. *Экономическая социология*. 7 (2): 74–85. Электронный ресурс [код доступа]: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204935/ecsoc_t7_n2.pdf#page=74 (дата обращения: 26 декабря 2025).
- Мальцева И. О. 2009. Трудовая мобильность и стабильность: насколько высока отдача от специфического человеческого капитала в России? *Экономический журнал Высшей школы экономики*. 13 (2): 243–278. Электронный ресурс [код доступа]: <https://ej.hse.ru/2009-13-2/26547352.html> (дата обращения: 26 декабря 2025).
- Мальцева И. О., Рощин С. Ю. 2006. *Гендерная сегрегация и трудовая мобильность на российском рынке труда*. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Натхов Т. В. 2011. Образование и доверие в России. Эмпирический анализ. *Экономический журнал Высшей школы экономики*. 15 (3): 353–373. Электронный ресурс [код доступа]: <https://ej.hse.ru/2011-15-3/43988076.html> (дата обращения: 26 декабря 2025).
- Рогозин Д. М. 2023. Перспективы развития теории социального капитала. *Экономическая социология*. 24 (4): 12–37. doi: 10.17323/1726-3247-2023-4-12-37
- Рощин С. Ю., Маркова К. В. 2004. *Поиск работы на российском рынке труда*. М.: ТЕИС.
- Рощин С. Ю., Разумова Т. О. 2000. *Экономика труда*. М.: ИНФРА-М.
- Рощин С. Ю., Слесарева А. А. 2012. *Межфирменная мобильность молодых работников на российском рынке труда*. Препринт WP15/2012/03. Серия WP15: Научные труды Лаборатории исследований рынка труда. М.: Изд. дом ВШЭ.

- Рощина Я. М., Куфлина Е. Д. 2022. Типы социального капитала россиян и их детерминанты. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 1: 307–327. doi: [10.14515/monitoring.2022.1.1869](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.1.1869)
- Смирных Л. И., Емелина Н. 2021. *Движение рабочей силы и рабочих мест на российском рынке труда: факты, тенденции, перспективы*. Информационный бюллетень. М.: Изд. дом ВШЭ. Электронный ресурс [код доступа]: <https://lirt.hse.ru/mirror/pubs/share/511202147.pdf> (дата обращения: 26 декабря 2025). doi: [10.17323/978-5-7598-2284-4](https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2284-4)
- Alesina A., Giuliano P. 2010. The Power of the Family. *Journal of Economic Growth*. 15 (2): 93–125. doi: [10.3386/w13051](https://doi.org/10.3386/w13051)
- Alesina A., Giuliano P., Nunn N. 2011. Fertility and the Plough. *American Economic Review*. 101 (3): 499–503. doi: [10.1257/aer.101.3.499](https://doi.org/10.1257/aer.101.3.499)
- Bentolila S., Michelacci C., Suarez J. 2010. Social Contacts and Occupational Choice. *Economica*. 77 (305): 20–45. doi: [10.1111/j.1468-0335.2008.00717.x](https://doi.org/10.1111/j.1468-0335.2008.00717.x)
- Bonoli G., Turttschi N. 2015. Inequality in Social Capital and Labour Market Re-Entry among Unemployed People. *Research in Social Stratification and Mobility*. 42 (December): 87–95. doi: [10.1016/j.rssm.2015.09.004](https://doi.org/10.1016/j.rssm.2015.09.004)
- Brady G. 2015. Network Social Capital and Labour Market Outcomes: Evidence For Ireland. *The Economic and Social Review*. 46 (2): 163–95.
- Brook K. 2005. Labour Market Participation: The Influence of Social Capital. *Labour Market Trends*. London: Office for National Statistics. 113 (3): 113–123.
- Chua V. 2011. Social Networks and Labour Market Outcomes in a Meritocracy. *Social Network*. 33 (1): 1–11. doi: [10.1016/j.socnet.2010.08.001](https://doi.org/10.1016/j.socnet.2010.08.001)
- Davern M., Hachen D. S. 2006. The Role of Information and Influence in Social Networks: Examining the Association between Social Network Structure and Job Mobility. *The American Journal of Economics and Sociology*. 65 (2): 269–294. doi: [10.1111/j.1536-7150.2006.00451.x](https://doi.org/10.1111/j.1536-7150.2006.00451.x)
- Durkin J. 2000. *Measuring Social Capital and its Economic Impact*. Chicago: Harris Graduate School of Public Policy Studies University of Chicago. Available at: <https://pdfs.semanticscholar.org/15e0/ef15f03a184b9c52f60cd7cdfffae46c64a1.pdf> (accessed 26 December 2025).
- Federico C., Rosolia A. 2012. People I Know: Job Search and Social Networks. *Journal of Labor Economics*. 30 (2): 291–332. doi: [10.1086/663357](https://doi.org/10.1086/663357)
- Franzen A., Hangartner D. 2006. Social Networks and Labour Market Outcomes: The Non-Monetary Benefits of Social Capital. *European Sociological Review*. 22 (4): 353–368. doi: [10.1093/esr/jcl001](https://doi.org/10.1093/esr/jcl001)
- Gee L. K., Jones J., Burke M. 2017. Social Networks and Labor Markets: How Strong Ties Relate to Job Finding on Facebook’s Social Network. *Journal of Labor Economics*. 35 (2): 485–518. doi: [10.1086/686225](https://doi.org/10.1086/686225)
- Gerber T. P., Mayorova O. 2006. Dynamic Gender Differences in a Post-Socialist Labor Market: Russia, 1991–1997. *Social Forces*. 84 (4): 2047–2075. doi: [10.1353/sof.2006.0088](https://doi.org/10.1353/sof.2006.0088)

- Granovetter M. S. 1973. The Strength of Weak Ties. *American Journal of Sociology*. 78 (6): 1360–1380. doi: 10.1086/225469
- Granovetter M. S. 1985. Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness. *American Journal of Sociology*. 91 (3): 481–510. Available at: <https://www.jstor.org/stable/2780199> (accessed 26 December 2025).
- Growiec K., Growiec J. 2014. Trusting Only Whom You Know, Knowing Only Whom You Trust: The Joint Impact of Social Capital and Trust on Happiness in CEE Countries. *Journal of Happiness Studies*. 15: 1015–1040. doi: 10.1007/s10902-013-9461-8
- Holzer H. J. 1988. Search Method Use by Unemployed Youth. *Journal of Labor Economics*. 6 (1): 1–20. doi: 10.1086/298172
- Hoshino T. 2003. Stagewise Estimation for Regression Analysis When Independent Variables are Latent Variables. *The Japanese Journal of Psychology*. 74 (3): 218–226. doi: 0.4992/jjpsy.74.218
- Ioannides Y. M., Loury L. D. 2004. Job Information Networks, Neighborhood Effects, and Inequality. *Journal of Economic Literature*. 42 (4): 1056–1093. Available at: <https://doi.org/10.1257/0022051043004595> (accessed 26 December 2025).
- Jimenez D. M., Salazar B. 2022. Connections and Social Capital, or Why Job Vacancy Information Does Not Reach Those Who Need It. *Revista de Economía Institucional*. 24 (47): 89–115. Available at: <https://doi.org/10.18601/01245996.v24n47.04> (accessed 26 December 2025).
- Keskiner E., Eve M., Ryan L. (eds) 2022. *Revisiting Migrant Networks: Migrants and Their Descendants in Labour Markets*. IMISCOE Research Series. Cham: Springer International Publishing. doi: 10.1007/978-3-030-94972-3
- Khan A. Q., Lehrer S. F. 2013. The Impact of Social Networks on Labour Market Outcomes: New Evidence from Cape Breton. *Canadian Public Policy*. 39 (1): S1–24. doi: 10.3138/CPP.39.Supplement1.S1
- Kohler M., Müller F., Walk H. 2015. Estimation of a Regression Function Corresponding to Latent Variables. *Journal of Statistical Planning and Inference*. 162 (July): 88–109. doi: 10.1016/j.jspi.2014.12.006
- Kramarz F., Skans O. N. 2014. When Strong Ties Are Strong: Networks and Youth Labour Market Entry. *The Review of Economic Studies*. 81 (3): 1164–1200. doi: 10.1093/restud/rdt049
- Krauth B. 1998. *A Dynamic Model of Job Networks and Persistent Inequality*. Santa Fe: Santa Fe Institute. Available at: <https://www.santafe.edu/research/results/working-papers/a-dynamic-model-of-job-networks-and-persistent-ine> (accessed 26 December 2025).
- Lehmann H., Wadsworth J. 2000. Tenures That Shook the World: Worker Turnover in Russia, Poland, and Britain. *Journal of Comparative Economics*. 28 (4): 639–664. doi: 10.1006/jceec.2000.1691
- Lin N. 2008. A Network Theory of Social Capital. In: Castiglione D., Deth J. van (eds.) *The Handbook of Social Capital*. Oxford. New York: Oxford University Press; 50–69.
- Maher G., Cawley M. 2015. Social Networks and Labour Market Access among Brazilian Migrants in Ireland. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 41 (14): 2336–2356. doi: 10.1080/1369183X.2015.1061424

- Montgomery J. D. 1991. Social Networks and Labor-Market Outcomes: Toward an Economic Analysis. *The American Economic Review*. 81 (5): 1408–1418. Available at: <https://www.jstor.org/stable/2006929> (accessed 26 December 2025).
- Nahapiet J., Ghoshal S. 1998. Social Capital, Intellectual Capital, and the Organizational Advantage. *The Academy of Management Review*. 23 (2): 242–266. doi: [10.2307/259373](https://doi.org/10.2307/259373)
- Nicholson N., West M. A. 1989 Review of Managerial Job Change: Men and Women in Transition. *The Academy of Management Review*. 14 (4): 604–606. doi: [10.2307/2393577](https://doi.org/10.2307/2393577)
- Özer M., Perc M. 2021. Impact of Social Networks on the Labor Market Inequalities and School-to-Work Transitions. *Yükseköğretim Dergisi*. 11 (1): 38–50. doi: [10.2399/yod.21.868353](https://doi.org/10.2399/yod.21.868353)
- Pellizzari M. 2010. Do Friends and Relatives Really Help in Getting a Good Job? *ILR Review*. 63 (3): 494–510. doi: [10.1177/001979391006300307](https://doi.org/10.1177/001979391006300307)
- Podolny J. M., Baron J. N. 1997. Resources and Relationships: Social Networks and Mobility in the Workplace. *American Sociological Review*. 62 (5): 673–93. doi: [10.2307/2657354](https://doi.org/10.2307/2657354).
- Putnam R. D. 2001. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York: Touchstone Books by Simon & Schuster.
- Rencher A. C. (ed.) 2002. *Principal Component Analysis*. 2nd ed. New York: John Wiley & Sons, Inc.
- Sabirianova K. Z. 2002. The Great Human Capital Reallocation: A Study of Occupational Mobility in Transitional Russia. *Journal of Comparative economics*. 30 (1): 191–217. doi: [10.1006/jceec.2001.1760](https://doi.org/10.1006/jceec.2001.1760)
- Schaer M. 2022. Early-Career Academics' Transnational Moves: The Gendered Role of Vertical Social Ties in Obtaining Academic Positions Abroad. In: Keskiner E., Eve M., Ryan L. (eds) *Revisiting Migrant Networks. Migrants and their Descendants in Labour Markets*. IMISCOE Research Series. Cham: Springer International Publishing; 205–226. doi: [10.1007/978-3-030-94972-3_10](https://doi.org/10.1007/978-3-030-94972-3_10)
- Schmutte I. 2016. How Do Social Networks Affect Labor Markets? *IZA World of Labor*. 304. doi: [10.15185/izawol.304](https://doi.org/10.15185/izawol.304)
- Standing G. 2011. *The Precariat: The New Dangerous Class*. London: Bloomsbury Publishing.
- Stoloff J. A., Glanville J. L., Bienenstock E. J. 1999. Women's Participation in the Labor Force: The Role of Social Networks. *Social Networks*. 21 (1): 91–108. doi: [10.1016/S0378-8733\(99\)00003-9](https://doi.org/10.1016/S0378-8733(99)00003-9)
- Tartakovskaia I. N. 2006. Social Networks and Behavior in the Labor Market. *Sociological Research*. 45 (3): 21–42. doi: [10.2753/SOR1061-0154450302](https://doi.org/10.2753/SOR1061-0154450302)
- Vacchiano M., Lazega E., Spini D. 2022. Multilevel Networks and Status Attainment. *Advances in Life Course Research*. 52 (June): 100479. doi: [10.1016/j.alcr.2022.100479](https://doi.org/10.1016/j.alcr.2022.100479)
- Vogler C., Pahl J. 1994. Money, Power and Inequality within Marriage. *The Sociological Review*. 42 (2): 263–288. doi: [10.1111/j.1467-954X.1994.tb00090.x](https://doi.org/10.1111/j.1467-954X.1994.tb00090.x)

- Wegener B. 1991. Job Mobility and Social Ties: Social Resources, Prior Job, and Status Attainment. *American Sociological Review*. 56 (1): 60–71. doi: [10.2307/2095673](https://doi.org/10.2307/2095673)
- Winkelmann R. 2009. Unemployment, Social Capital, and Subjective Well-Being. *Journal of Happiness Studies*. 10: 421–430. doi: [10.1007/s10902-008-9097-2](https://doi.org/10.1007/s10902-008-9097-2)
- Xiong A. et al. 2017. Social Networks, Job Satisfaction and Job Searching Behavior in the Chinese Labor Market. *China Economic Review*. 43 (April): 1–15. doi: [10.1016/j.chieco.2017.01.001](https://doi.org/10.1016/j.chieco.2017.01.001)
- Yakubovich V. 2005. Weak Ties, Information, and Influence: How Workers Find Jobs in a Local Russian Labor Market. *American Sociological Review*. 70 (3): 408–421. doi: [10.1177/000312240507000303](https://doi.org/10.1177/000312240507000303)

Kirill Khalikov, Yana Roshchina

The Influence of Social Capital on Labor Market Mobility in Modern Russia

KHALIKOV, Kirill —

Graduate from the Master's program "Social Analysis of Markets Based on Digital and Survey Data", HSE University. Address: 20 Myasnitskaya str., 101000, Moscow, Russian Federation.

Email: kkhalikov@edu.hse.ru

ROSHCHINA, Yana —

Candidate of Sciences in Economics, Associate Professor, Senior Research Fellow, Laboratory for Studies in Economic Sociology, HSE University. Address: 20 Myasnitskaya str., 101000, Moscow, Russian Federation.

Email: yroshchina@hse.ru

Abstract

The aim of this study is to assess the impact of various factors, including social networks, on labor market mobility in modern Russia. The main assumption is that weak ties facilitate taking a better job. The empirical base consists of data from the Russian Longitudinal Monitoring Survey (RLMS) of HSE for 2016–2017 and 2018–2019. Based on exploratory factor analysis, indicators of different types of social ties were constructed: weak ties include ties with acquaintances and colleagues; with organizations; online networks; and strong ties include ties with friends and relatives. Binary logistic regression estimated the chances of the unemployed going to work, while multinomial logistic regression assessed the chances of employed people for vertical and horizontal interfirm and intrafirm mobility, as well as transitions to unemployment or inactivity. Men, people with higher education, and lower specific work experience are more inclined to labor mobility. The best opportunities for intra-firm growth are among those employed by state enterprises and those holding a higher position. The study found a significant positive effect of increased education and improved health on mobility, a negative effect of health deterioration, and a higher propensity for mobility among those dissatisfied with their current job. Granovetter's assumption about a greater influence of weak social ties on the ability to get a good job could not be confirmed, although due to the instability of the results, it cannot be refuted either. The model estimates showed a stable and equally strong effect of both strong (with friends) and weak (with acquaintances, former colleagues, neighbors) ties on the chances of finding a job for the unemployed, as well as a negative effect of online social networks on the chances of becoming inactive for the employed. No effect of social connections on intra-firm growth was found, and the effect of online networks on inter-firm promotion was inconsistent.

Keywords: labor market mobility; social networks; weak social ties; strong social ties; social capital; job search.

Acknowledgments

This research paper uses the results of the project "Dynamics of Consumer, Financial and Labor Behavior in Russians under the New Geopolitical Conditions" carried out within the framework of the HSE Program of Fundamental Research in 2025.

References

- Alesina A., Giuliano P. (2010) The Power of the Family. *Journal of Economic growth*, vol. 15, no 2. pp. 93–125. doi: [10.3386/w13051](https://doi.org/10.3386/w13051)
- Alesina A., Giuliano P., Nunn N. (2011) Fertility and the Plough. *American Economic Review*, vol. 101, no 3, pp. 499–503. doi: [10.1257/aer.101.3.499](https://doi.org/10.1257/aer.101.3.499)

- Anikin B. A., Pashkov S. G., Sorokina I. A. (2022) Obzornoe issledovanie sotsialnogo kapitala v kontekste uluchsheniya cheloveka [A Review Study of Social Capital in the Context of Human Enhancement]. *Doklad "Globalnyy landshaft issledovaniy i perspektivnykh razrabotok v oblasti ukrepleniya cheloveka"* [Report "Global Landscape of Research and Advanced Development in Human Enhancement"], vol. 7, Moscow: Elektronnoe izdatel'stvo "Eegitas". Available at: <https://stratpro.hse.ru/mirror/pubs/share/805026198.pdf> (accessed 26 December 2025) (in Russian).
- Bentolila S., Michelacci C., Suarez J. (2010) Social Contacts and Occupational Choice. *Economica*, vol. 77, no 305, pp. 20–45. doi: [10.1111/j.1468-0335.2008.00717.x](https://doi.org/10.1111/j.1468-0335.2008.00717.x)
- Bonoli G., Turtschi N. (2015) Inequality in Social Capital and Labour Market Re-Entry among Unemployed People. *Research in Social Stratification and Mobility*, vol. 42, December, pp. 87–95. doi: [10.1016/j.rssm.2015.09.004](https://doi.org/10.1016/j.rssm.2015.09.004)
- Brady G. (2015) Network Social Capital and Labour Market Outcomes: Evidence For Ireland. *The Economic and Social Review*, vol. 46, no 2, pp. 163–195.
- Brook K. (2005) Labour Market Participation: The Influence of Social Capital. *Labour Market Trends. London: Office for National Statistics*, vol. 113, no 3, pp. 113–123.
- Chua V. (2011) Social Networks and Labour Market Outcomes in a Meritocracy. *Social Network*, vol. 33, no 1, pp. 1–11. doi: [10.1016/j.socnet.2010.08.001](https://doi.org/10.1016/j.socnet.2010.08.001)
- Davern M., Hachen D. S. (2006) The Role of Information and Influence in Social Networks: Examining the Association between Social Network Structure and Job Mobility. *The American Journal of Economics and Sociology*, vol. 65, no 2, pp. 269–294. doi: [10.1111/j.1536-7150.2006.00451.x](https://doi.org/10.1111/j.1536-7150.2006.00451.x)
- Durkin J. T. (2000) *Measuring Social Capital and its Economic Impact*. Chicago: Harris Graduate School of Public Policy Studies University of Chicago. Available at: <https://pdfs.semanticscholar.org/15e0/ef-15f03a184b9c52f60cd7cdfffae46c64a1.pdf> (accessed 26 December 2025).
- Emelina N. K., Rozhkova K. V., Roshchin S. Yu., Solncev S. A., Travkin P. V. (2022) *Vypuskniki vysshego obrazovaniya na Rossiyskom rynke truda: trendy i vyzovy* [Higher Education Graduates in the Russian Labor Market: Trends and Challenges]. Moscow: HSE Publishing House (in Russian).
- Federico C., Rosolia A. (2012) People I Know: Job Search and Social Networks. *Journal of Labor Economics*, vol. 30, no 2, pp. 291–332. doi: [10.1086/663357](https://doi.org/10.1086/663357)
- Franzen A., Hangartner D. (2006) Social Networks and Labour Market Outcomes: The Non-Monetary Benefits of Social Capital. *European Sociological Review*, vol. 22, no 1, pp. 353–368. doi: [10.1093/esr/jcl001](https://doi.org/10.1093/esr/jcl001)
- Gee L. K., Jones J., Burke M. (2017) Social Networks and Labor Markets: How Strong Ties Relate to Job Finding on Facebook's Social Network. *Journal of Labor Economics*, vol. 35, no 2, pp. 485–518. doi: [10.1086/686225](https://doi.org/10.1086/686225)
- Gerber T. P., Mayorova O. (2006) Dynamic Gender Differences in a Post-Socialist Labor Market: Russia, 1991–1997. *Social Forces*, vol. 84, no 4, pp. 2047–2075. doi: [10.1353/sof.2006.0088](https://doi.org/10.1353/sof.2006.0088)
- Gimpelson V. E., Kapelyushnikov R. I. (eds) (2017) *Mobilnost i stabilnost na rossiyskom rynke Truda* [Mobility and Stability in the Russian Labor Market], Moscow: HSE Publishing House (in Russian).

- Gimpelson V. E., Kapelyushnikov R. I., Sharunina A. V. (2016) “Dorogi, kotorye my vybiraem”: peremeshcheniya na vneshnem i vnutrennem rynkakh truda [“The Roads We Take”: Movements in External and Internal Labor Markets]. *HSE Economic Journal = Ekonomicheskij zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki*, vol. 20, no 2, pp. 201–242. Available at: <https://ej.hse.ru/data/2016/06/28/1115846040/Гимпельсон.pdf> (accessed 26 December 2025) (in Russian).
- Granovetter M. S. (1973) The Strength of Weak Ties. *American Journal of Sociology*, vol. 78, no 6, pp. 1360–1380. doi: [10.1086/225469](https://doi.org/10.1086/225469)
- Granovetter M. S. (1985) Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness. *American Journal of Sociology*, vol. 91, no 3, pp. 481–510. Available at: <https://www.jstor.org/stable/2780199> (accessed 26 December 2025).
- Growiec K., Growiec J. (2014) Trusting Only Whom You Know, Knowing Only Whom You Trust: The Joint Impact of Social Capital and Trust on Happiness in CEE Countries. *Journal of Happiness Studies*, vol. 15, pp. 1015–1040. Available at: <https://doi.org/10.1007/s10902-013-9461-8> (accessed 26 December 2025).
- Holzer H. J. (1988) Search Method Use by Unemployed Youth. *Journal of Labor Economics*, vol. 6, no 1, pp. 1–20. doi: [10.1086/298172](https://doi.org/10.1086/298172)
- Hoshino T. (2003) Stagewise Estimation for Regression Analysis When Independent Variables are Latent Variables. *The Japanese Journal of Psychology*, vol. 74, no 3, pp. 218–226. doi: [0.4992/jjpsy.74.218](https://doi.org/10.4992/jjpsy.74.218)
- Ioannides Y. M., Loury L. D. (2004) Job Information Networks, Neighborhood Effects, and Inequality. *Journal of Economic Literature*, vol. 42, no 4, pp. 1056–1093. doi: [10.1257/0022051043004595](https://doi.org/10.1257/0022051043004595)
- Jimenez D. M., Salazar B. (2022) Connections and Social Capital, or Why Job Vacancy Information Does Not Reach Those Who Need It. *Revista de Economía Institucional*, vol. 24, no 47, pp. 89–115. doi: [10.18601/01245996.v24n47.04](https://doi.org/10.18601/01245996.v24n47.04)
- Keskiner E., Eve M., Ryan L. (eds) (2022) *Revisiting Migrant Networks: Migrants and Their Descendants in Labour Markets*. IMISCOE Research Series, Cham: Springer International Publishing. doi: [10.1007/978-3-030-94972-3](https://doi.org/10.1007/978-3-030-94972-3)
- Khan A. Q., Lehrer S. F. (2013) The Impact of Social Networks on Labour Market Outcomes: New Evidence from Cape Breton. *Canadian Public Policy*, vol. 39, no 1, pp. S1–24. doi: [10.3138/CP.39.S1](https://doi.org/10.3138/CP.39.S1)
- Kohler M., Müller F., Walk H. (2015) Estimation of a Regression Function Corresponding to Latent Variables. *Journal of Statistical Planning and Inference*, vol. 162, July, pp. 88–109. doi: [10.1016/j.jspi.2014.12.006](https://doi.org/10.1016/j.jspi.2014.12.006)
- Kramarz F., Skans O. N. (2014) When Strong Ties Are Strong: Networks and Youth Labour Market Entry. *The Review of Economic Studies*, vol. 81, no 3, pp. 1164–1200. doi: [10.1093/restud/rdt049](https://doi.org/10.1093/restud/rdt049)
- Krauth B. (1998) *A Dynamic Model of Job Networks and Persistent Inequality*. Santa Fe Institute. Available at: <https://www.santafe.edu/research/results/working-papers/a-dynamic-model-of-job-networks-and-persistent-ine> (accessed 26 December 2025).
- Krekhovets E. V., Shpilev D. A. (2020) Rol nephormalnykh sotsialnykh svyazey pri trudoustroystve studentov i vypusnikov [Student and Graduate Adaptation in the Labor Market: The Role of Informal Social Ties]. *Sociological Studies = Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 8, pp. 78–89 (in Russian).

- Lavrusevich P. E. (2006) Sotsialnye seti v strategiyakh trudoustrojstva na rossiyskom rynke Truda [Social Networks in Employment Strategies in the Russian Labor Market]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 7, no 2, pp. 74–85. Available at: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204935/ecsoc_t7_n2.pdf#page=74 (accessed 26 December 2025) (in Russian).
- Lehmann H., Wadsworth J. (2000) Tenures That Shook the World: Worker Turnover in Russia, Poland, and Britain. *Journal of Comparative Economics*, vol. 28, no 4, pp. 639–664. doi: [10.1006/jcec.2000.1691](https://doi.org/10.1006/jcec.2000.1691)
- Lin N. (2008) A Network Theory of Social Capital. *The Handbook of Social Capital* (eds. D. Castiglione, J. van Deth), Oxford; New York: Oxford University Press, pp. 50–69.
- Maher G., Cawley M. (2015) Social Networks and Labour Market Access among Brazilian Migrants in Ireland. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 41, no 14, pp. 2336–2356. doi: [10.1080/1369183X.2015.1061424](https://doi.org/10.1080/1369183X.2015.1061424)
- Maltseva I. O. (2009) Trudovaya mobilnost i stabilnost: naskolko vysoka otdacha ot spetsificheskogo chelovecheskogo kapitala v Rossii? [Labor Mobility and Stability: How High is the Return on Specific Human Capital in Russia?]. *HSE Economic Journal = Ekonomicheskij zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki*, vol. 13, no 2, pp. 243–278. Available at: <https://ej.hse.ru/2009-13-2/26547352.html> (accessed 26 December 2025) (in Russian)
- Maltseva I. O., Roshchin S. Yu. (2006) *Gendernaya segregatsiya i trudovaya mobilnost' na rossiyskom rynke truda* [Gender Segregation and Labor Mobility in the Russian Labor Market], Moscow: HSE Publishing House (in Russian).
- Montgomery J. D. (1991) Social Networks and Labor-Market Outcomes: Toward an Economic Analysis. *The American Economic Review*, vol. 81, no 5, pp. 1408–1418. Available at: <https://www.jstor.org/stable/2006929> (accessed 26 December 2025).
- Nahapiet J., Ghoshal S. (1998) Social Capital, Intellectual Capital, and the Organizational Advantage. *The Academy of Management Review*, vol. 23, no 2, pp. 242–266. doi: [10.2307/259373](https://doi.org/10.2307/259373)
- Nathov T. V. (2011) Obrazovanie i doverie v Rossii. Empiricheskij analiz [Education and Trust in Russia. An Empirical Analysis]. *HSE Economic Journal = Ekonomicheskij zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki*, vol. 15, no 3, pp. 353–373. Available at: <https://ej.hse.ru/2011-15-3/43988076.html> (accessed 26 December 2025) (in Russian).
- Nicholson N., West M. A. (1989) Review of Managerial Job Change: Men and Women in Transition. *The Academy of Management Review*, vol. 14, no 4, pp. 604–606. doi: [10.2307/2393577](https://doi.org/10.2307/2393577)
- Özer M., Perc M. (2021) Impact of Social Networks on the Labor Market Inequalities and School-to-Work Transitions. *Yükseköğretim Dergisi*, vol. 11, no 1, pp. 38–50. doi: [10.2399/yod.21.868353](https://doi.org/10.2399/yod.21.868353)
- Pellizzari M. (2010) Do Friends and Relatives Really Help in Getting a Good Job? *ILR Review*, vol. 63, no 3, pp. 494–510. doi: [10.1177/001979391006300307](https://doi.org/10.1177/001979391006300307)
- Podolny J. M., Baron J. N. (1997) Resources and Relationships: Social Networks and Mobility in the Workplace. *American Sociological Review*, vol. 62, no 5, pp. 673–93. doi: [10.2307/2657354](https://doi.org/10.2307/2657354)

- Putnam R. D. (2001) *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*, New York: Touchstone Books by Simon & Schuster.
- Rencher A. C. (ed.) (2002) *Principal Component Analysis*, 2nd edn., New York: John Wiley & Sons, Inc.
- Rogozin D. M. (2023) Perspektivy razvitiya teorii sotsialnogo kapitala [Social Capital: Prospects for Theory Development]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 24, no 4, pp. 12–37. doi: [10.17323/1726-3247-2023-4-12-37](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2023-4-12-37) (in Russian).
- Roshchin S. Yu., Markova K. V. (2004) *Poisk raboty na rossiyskom rynke truda* [Job Search in the Russian Labor Market], Moscow: TEIS (in Russian).
- Roshchin S. Yu., Razumova T. O. (2000) *Ekonomika truda* [Labor Economics], Moscow: INFRA-M (in Russian).
- Roshchin S. Yu., Slesareva A. A. (2012) *Mezhphirmennaya mobilnost molodykh rabotnikov na rossiyskom rynke truda* [Interfirm Mobility of Young Workers on the Russian Labor Market] Working paper WP15/2012/03, Moscow: HSE Publishing House (in Russian).
- Roshchina Y. M., Kufina E. D. (2022) Tipy sotsialnogo kapitala rossiyan i ikh determinant [Types of Social Capital of Russians and Their Determinants]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes = Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*, no 1, pp. 307–327. doi: [10.14515/monitoring.2022.1.1869](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.1.1869) (in Russian).
- Sabirianova K. Z. (2002) The Great Human Capital Reallocation: A Study of Occupational Mobility in Transitional Russia. *Journal of Comparative Economics*, vol. 30, no 1, pp. 191–217. doi: [10.1006/jcec.2001.1760](https://doi.org/10.1006/jcec.2001.1760)
- Schaer M. (2022) Early-Career Academics' Transnational Moves: The Gendered Role of Vertical Social Ties in Obtaining Academic Positions Abroad. *Revisiting Migrant Networks. Migrants and their Descendants in Labour Markets* (eds. E. Keskiner, M. Eve, L. Ryan), Cham: Springer International Publishing, pp. 205–226 (IMISCOE Research Series). doi: [10.1007/978-3-030-94972-3_10](https://doi.org/10.1007/978-3-030-94972-3_10)
- Schmutte I. (2016) *How Do Social Networks Affect Labor Markets?* IZA World of Labor, no 304. doi: [10.15185/izawol.304](https://doi.org/10.15185/izawol.304). Available at: <https://wol.iza.org/articles/how-do-social-networks-affect-labor-markets/long> (accessed 26 December 2025).
- Smirnykh L. I., Emelina N. (2021) *Dvizhenie rabochey sily i rabochikh mest na rossiyskom rynke truda: fakty, tendentsii, perspektivy: inphormacionnyy byulleten* [Labor Migration and Jobs in the Russian Labor Market: Facts, Trends, Prospects. Information Bulletin], Moscow: HSE Publishing House. Available at: <https://lirt.hse.ru/mirror/pubs/share/511202147.pdf> (accessed 26 December 2025). doi: [10.17323/978-5-7598-2284-4](https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2284-4) (in Russian).
- Standing G. (2011) *The Precariat: The New Dangerous Class*, London: Bloomsbury Publishing.
- Stoloff J. A., Glanville J. L., Bienenstock E. J. (1999) Women's Participation in the Labor Force: The Role of Social Networks. *Social Networks*, vol. 21, no 1, pp. 91–108. doi: [10.1016/S0378-8733\(99\)00003-9](https://doi.org/10.1016/S0378-8733(99)00003-9)
- Tartakovskaia I. N. (2006) Social Networks and Behavior in the Labor Market. *Sociological Research*, vol. 45, no 3, pp. 21–42. doi: [10.2753/SOR1061-0154450302](https://doi.org/10.2753/SOR1061-0154450302)

- Vacchiano M., Lazega E., Spini D. (2022) Multilevel Networks and Status Attainment. *Advances in Life Course Research*, vol. 52, June, art. 100479. doi: [10.1016/j.alcr.2022.100479](https://doi.org/10.1016/j.alcr.2022.100479)
- Vogler C., Pahl J. (1994) Money, Power and Inequality within Marriage. *The Sociological Review*, vol. 42, no 2. pp. 263–288. doi: [10.1111/j.1467-954X.1994.tb00090.x](https://doi.org/10.1111/j.1467-954X.1994.tb00090.x)
- Wegener B. (1991) Job Mobility and Social Ties: Social Resources, Prior Job, and Status Attainment. *American Sociological Review*, vol. 56, no 1, pp. 60–71. doi: [10.2307/2095673](https://doi.org/10.2307/2095673)
- Winkelmann R. (2009) Unemployment, Social Capital, and Subjective Well-Being. *Journal of Happiness Studies*, vol. 10, pp. 421–430. doi: [10.1007/s10902-008-9097-2](https://doi.org/10.1007/s10902-008-9097-2)
- Xiong A., Li H., Westlund H., Pu Y. (2017) Social Networks, Job Satisfaction and Job Searching Behavior in the Chinese Labor Market. *China Economic Review*, vol. 43, April, pp. 1–15. doi: [10.1016/j.chieco.2017.01.001](https://doi.org/10.1016/j.chieco.2017.01.001)
- Yakubovich V. (2005) Weak Ties, Information, and Influence: How Workers Find Jobs in a Local Russian Labor Market. *American Sociological Review*, vol. 70, no 3, pp. 408–421. doi: [10.1177/000312240507000303](https://doi.org/10.1177/000312240507000303)

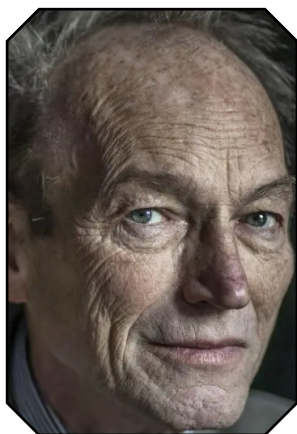
Received: March 3, 2025

Citation: Khalikov K., Roshchina Y. (2026) Phactory mobilnosti na rynke truda v sovremennoy Rossii: imeyut li znachenie sotsialnye svyazi? [The Influence of Social Capital on Labor Market Mobility in Modern Russia]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 27, no 1, pp. 43–78. doi: [10.17323/1726-3247-2026-1-43-78](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2026-1-43-78) (in Russian).

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Т. Х. Эриксен, М. Визентин

Ускорение и культурные изменения: диалоги из перегретого мира (фрагмент)

ЭРИКСЕН Томас Хюлланд (1962–2024) — автор многих научно-популярных книг, учебников, полемических публикаций и эссе о политике идентичности, этничности, национализме и глобализации в сравнительной перспективе. Среди работ, изданных в русском переводе: «Тирания момента» (М.: Весь мир, 2003) и «Что такое антропология?» (М.: Изд. дом ВШЭ, 2014).

Источник: Эриксен Т. Х., Визентин М. (готовится к изданию) *Ускорение и культурные изменения: диалоги из перегретого мира*. М.: Издательский дом ВШЭ; *перев. с англ.:* Eriksen T. H., Visentin M. 2023.

Acceleration and Cultural Change: Dialogues from an Overheated World. Cham, Switzerland: Springerbriefs.

Перевод с английского
Юрия Никитина

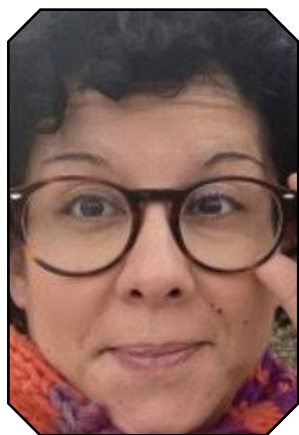
Книга «Ускорение и культурные изменения: диалоги из перегретого мира» построена в форме бесед между одним из ведущих антропологов мира Томасом Хюлландом Эриксоном и молодым учёным Мартиной Визентин. Цель книги — познакомить академическую и широкую аудиторию с авторским подходом к глобализации, способным синтезировать и интерпретировать социальные изменения, которые происходят молниеносно, неравномерно и неоднородно. Начиная с 1990-х гг., по мнению профессора Эриксона, изменения разрастаются с увеличивающейся скоростью, что может вызвать «перегрев», если термостат не обеспечит безопасность работы двигателя. И в этом — проблема современности. Применяя метафору «перегрев», авторы книги обсуждают самые актуальные вопросы: исчезновение биологического и культурного разнообразия под давлением глобализации; появление новых форм различий благодаря миграции; интерсекциональное измерение климатических изменений; рост протестных настроений и «перегретых» идентичностей, связанных с правым национализмом; влияние цифровых технологий на восприятие времени; давление на университеты из-за глобализации, массовизации и коммерциализации; ослабление веры молодёжи в прогресс на фоне неравенства, отчуждения и экологического кризиса; новейшие исследования и теории об изменениях в перегретом мире; размышления о том, какой будет жизнь после коронавируса.

Журнал «Экономическая социология» публикует седьмую главу книги — «Living in Digital World» («Жизнь в цифровом мире»), в которой авторы рассуждают о роли смартфонов в изменении ритмов повседневной жизни людей.

Ключевые слова: «перегрев» как подход; ускорение; культурные изменения; глобализация; социальная антропология; платформизация.

Жизнь в цифровом мире

Смартфону после появления на мировом рынке в 2007 г. потребовалось немногим более 10 лет, чтобы завоевать мир. Всего 15 лет спустя он фактически стал продолжением тела для сотен миллионов людей. В этой беседе мы исследуем некоторые из способов, которыми характер времени был затронут проникновением смартфона в повседневную жизнь людей. Смартфон повлиял на ритмы повседневной жизни. Раньше встречи обычно назначались за несколько дней или недель. Небольшие корректировки были невозможны, а сейчас обычным делом стало отправлять сообщение, если немного опаздываешь. Раньше приходилось быть более

ВИЗЕНТИН *Мартина* — старший преподаватель Университета Падуи.

Адрес: Италия, 35122, г. Падуя, ул. М. Чезаротти, д. 10/12.

Email: martina.visentin@unipd.it

гибким. Ты был свободен, если был недоступен, и мог заполнять своё время чем угодно или ничем вовсе. Другими словами, до мобильного Интернета мы могли свободнее и более гибко распоряжаться собственным временем, а теперь стали свободнее относиться к пространству.

Мартина: Мы много говорили о скорости, и есть ещё один аспект, который я хотела бы с тобой обсудить: платформизация мира, в котором мы живём. Ты также недавно написал книгу о приложениях [Eriksen 2022]. Какова связь между миром платформ и «перегревом»?

Томас: Мы погружены в платформы, замаринованы в алгоритмах. Определённо существует очень сильная связь между масштабным развитием платформ и приложений и ускорением технологических разработок. Но есть много способов, которые позволяют осмыслить это явление. Мы говорим о платформизации, но исследования, использующие этот термин, всё ещё очень фрагментированы и часто имеют предварительный характер. Безусловно, они интересны и отвечают на ряд вопросов. В книге, которая называется «Planet of the Apps» («Планета приложений»), я в основном придерживаюсь феноменологического подхода, подчёркиваю глобальное и локальное разнообразие в использовании смартфонов и то, как они делают жизнь одновременно и более свободной, и более ограниченной. Другие фокусируются на корпоративной власти, слежке и стандартизации. Эти вопросы нужно рассматривать отдельно, чтобы избежать путаницы в мыслях. Мир алгоритмов и мобильной коммуникации многогранен, и для начала важно не смешивать уровни, даже если они являются следствиями «перегрева» и имеют общий источник. Давай по порядку. Платформизация благодаря Интернету и доступным, теперь почти вездесущим устройствам, которые соединяют мир, представляет собой многогранную трансформацию глобализированных обществ. Действительно, очень важно понять, как работает платформизация, и создать новые воображаемые модели, которые помогут перестроить отношения на всех уровнях, не в последнюю очередь для сохранения личной и межличностной автономии. Мы погружены в платформы, нам приходится иметь с ними дело каждый день, потому что смартфон с поразительной скоростью стал продолжением наших тел. Становимся ли мы глупее или умнее из-за смартфона? Простого ответа на этот вопрос нет. Но, безусловно, его использование с антропологической точки зрения следует изучать «снизу и изнутри», всерьёз воспринимая пользователей, к которым относимся и мы с тобой, и ещё более четырёх миллиардов людей. У всех всё очень по-разному: смартфон что-то в жизнь добавляет, что-то отнимает, что-то усиливает. Но в любом случае использование приложений будет неизбежно надстраиваться и сочленяться с твоей жизнью до появления в ней смартфона.

Смартфон и беженцы

Томас: Наличие смартфона может означать свободу. Подумай о беженцах. Стремительное распространение смартфона почти в точности совпало с Гражданской войной в Сирии и исходом из неё. Люди, вынужденные бежать, приобретали смартфон иногда непосредственно перед отъездом. И это

было просто спасением: можно было следить за новостями, быть на связи, находить дорогу, хранить памятные моменты. Тем не менее жизнь беженцев — это всё равно сплошная неопределённость и ожидание. Говорят, что они всё время в пути, но на самом деле большую часть времени они просто сидят и ждут. Их время менее кумулятивно, менее структурировано и менее направлено, чем им хотелось бы. Мы также видим, как смартфон подслащивает пилюлю, облегчая заполнение временных промежутков и обеспечивая социальное общение, но он не устраняет более инертные и неповоротливые структурные условия, в которых живут мигранты, не имеющие документов. Так что материальный мир остаётся инертным и сопротивляющимся, независимо от твоих цифровых возможностей и оснащённости.

Мартина: Цифровые формы услуг все больше становятся нормой и быстро трансформируют работу и повседневную жизнь, создавая новые цифровые социально-пространственные отношения. Платформенная экономика, в частности, предлагает новые способы работы и новые средства потребления. По-моему, мы не должны забывать, что всё это является частью надзорного капитализма и подразумевает дополнительную прекаризацию форм труда. Как, по-твоему, связаны эти аспекты? Это что, параллельные процессы «перегрева» и «остывания»?

Томас: Именно так. Прежде чем мы перейдём к корпоративной власти и надзорному капитализму, о которых хорошо написали другие (я имею в виду таких людей, как Евгений Морозов и Шошана Зубофф [Morozov 2013; Zuboff 2019]), давай подумаем, как технологии это все усилили. Ты делаешь очень важные замечания. Феномен Uber был бы невозможен без приложений и смартфонов. Вызвать Uber сейчас настолько беспрепятственно и легко, что мы почти забыли, как это было мучительно раньше. Обратная сторона заключается в том, что водители Uber всегда должны быть на связи, поскольку компания забирает значительную часть их дохода, и они еле сводят концы с концами. В Южной Африке большинство водителей Uber из Зимбабве. Почему? Потому, что им трудно найти нормальную работу из-за этнической дискриминации, а не потому, что это отличная работа.

Это также относится и к другим составляющим гиг-экономики. Службы доставки еды — хороший пример, поскольку они тоже полностью полагаются на приложения и смартфоны. Как и в случае с Uber, доставка еды стала доступной — для глобального высшего и среднего классов — и быстрой, эффективной, беспрепятственной. Для людей, осуществляющих доставку, или для ресторанов, готовящих еду, ситуация иная: их кусок пирога невелик и становится всё меньше из-за агрессивной конкуренции, поощряемой системой. Это спираль безжалостной, безудержной конкуренции, которая наносит вред работникам и окружающей среде, но приносит пользу — в краткосрочной перспективе — конечному потребителю.

И раз уж ты упомянула надзорный капитализм, давай немного остановимся и на этом. Как говорится, если услуга бесплатна, значит, товар — это ты. Увеличивать потребление среди населения никогда не было так просто. Гиганты, такие как Tencent и Amazon, знают, на что давить, чтобы заставить людей покупать больше. Но то же самое делают и более мелкие игроки, которые также собирают огромное количество информации о том, что они называют «рынком», но что раньше было людьми. Этот вид «перегрева», сочетающий эксплуатацию работников с агрессивным маркетингом, естественно, способствует другому, о котором мы говорили ранее, а именно разрушению окружающей среды и изменению климата. Так что вопрос, который следует поднять, — это связь между революцией смартфонов и глобальной экологической катастрофой.

Смартфон и время

Томас: Но давай вернёмся к вопросу о смартфоне и времени. Люди прекрасно управляли своей жизнью до того, как попали под власть смартфона, но внезапно он стал незаменимым. Моя знакомая на

днях разбила экран на своём iPhone. Я предложил отнести его в мастерскую, но она колебалась. Ей пришлось бы расстаться с ним на несколько часов, что было бы непрактично. У жизни действительно был другой ритм ещё в 1980-х гг., до того, как началась интернет-революция и в нашу жизнь вошли мобильные телефоны. Возможно, формы социального взаимодействия не так уж сильно изменились, но совершенно очевидно, что смартфон позволяет совершать несколько действий одновременно и заполнять все временные промежутки виртуальным общением, даже когда физически находишься с другими людьми. Я думаю, мы все знакомы с этим синдромом. Но это не просто какая-то примитивная история. Смартфон сжимает и дестабилизирует время и пространство, но также он имеет потенциал расширения пространства, а время становится более гибким. Смартфон делает потребление, коммуникацию и производство более эффективными. Но в то же время скорость различается в зависимости от страны и контекста. Ускорение, фрагментированное время и зависимость от скорости, безусловно, способствуют стрессу. Это проблема обеспеченных классов в перегретых странах, и именно отсюда происходят все обеспокоенные газетные колумнисты и авторы тревожных книг о загрязнении мозга и потере концентрации.

Но в то же время во многих местах, особенно на Глобальном Юге, где всё слишком замедленно и много упущений, то есть в самых жарких странах, «перегрев» оказывается наименьшим. Вклад смартфона в экономику и общую скорость в африканском городе, где формальный сектор экономики отсутствует, у людей нет банковских счетов, а логистика работы была медленной и неспешной, потенциально очень значителен. Но даже там не всё ускоряется: подумай о семейной организации, религиозных ценностях, кулинарных практиках — все эти важные аспекты жизни могли и не измениться. Быстрые ритмы, которые задаёт смартфон, сталкиваются с медленными ритмами природного и физического мира. Жизнь полиритмична, и смартфон может синхронизировать лишь некоторые её части. Аналогично Хабермас уже в 1960-х упоминал о колонизации жизненных миров рынком, но спустя 60 лет большинство из нас всё ещё способны защищать важные части своей жизни от транзакционной логики. Не стоит недооценивать агентность обычных людей, таких как ты, я, африканские торговцы и подростки в TikTok.

Мартина: Давай вернёмся к теме времени. Она с самого начала присутствовала в твоих работах. Смартфон подталкивает к фрагментации времени, в котором мы живём. Его режимы непрерывно накладываются друг на друга, а мы оказываемся в этой ситуации, не правда ли?

Томас: В 2020-х гг. смартфон — хорошая отправная точка для этой темы, потому что позволяет затронуть способы восприятия времени после проникновения смартфонов в повседневную жизнь людей. Мы уже говорили о существенных различиях, но давай сосредоточимся на общих, структурных особенностях смартфона, которые действуют схожим образом повсюду. До мобильной революции многие полагались на телефоны-автоматы. Мы всегда носили с собой монеты, но сегодня некоторые общества движутся к безналичной экономике. Из-за этого даже взять тележку в супермаркете стало затруднительным. Кроме того, во многих странах в течение многих лет лишь у меньшинства домохозяйств был свой стационарный телефон. В той же Великобритании миллионам людей долго приходилось ходить в паб, чтобы позвонить по телефону даже тогда, когда уже появились радио и телевизор. Ритмы жизни были другими. Когда мы отправлялись в отпуск в Рим или на Крит, мы покупали стопку открыток и почтовые марки в первый день, а в течение следующих нескольких дней писали на этих открытках письма и отправляли их по почте. В начале нулевых всегда было некоторое волнение по поводу того, дойдут ли открытки до моей мамы и тещи до того, как мы вернёмся из отпуска. Затем открытка постепенно вышла из употребления. Она всё ещё существует, но многие из покупаемых сейчас открыток вряд ли кто-то действительно отправляет; они, вероятно, оказываются на холодильниках, в ящиках или используются в качестве сувениров. Тем не менее в своё время открытка являлась способом ускорения и повышенной эффективности. Написать и отправить её было быстрее, чем написать письмо, и в качестве бонуса ты получал красивое и выразительное фото на обороте. Технологии, ориентированные на

будущее, часто быстро устаревали, и их заменяли изобретения, выполнявшие те же задачи быстрее и эффективнее. Пожалуй, самым эффективным из всех был дирижабль. Цеппелины сравнивали с динозаврами, а более безопасные и гибкие самолёты играли метафорическую роль млекопитающих, которым удалось выжить после удара метеорита 66 миллионов лет назад. Но это сравнение несовершенно и несправедливо по отношению к динозаврам. Разные виды динозавров господствовали на планете почти 200 миллионов лет, в то время как дирижабль был лишь краткой интерлюдией, более слабой альтернативой самолёту. Даже сегодня одна из ветвей динозавров продолжает жить в виде птиц. Смартфон — это среди прочего развлекательная машина, бездонный источник знаний, новостная служба, атлас и прогноз погоды. Этот аспект смартфона может представить его как более молодого, уменьшенного и оторванного от физического носителя родственника газеты, кино и телевизора. Он миниатюризирует, упрощает, стандартизирует и ускоряет. Для беженцев, которые находятся в подвешенном состоянии, смартфон может быть потомком стационарного телефона и телефонной будки, письма и физической встречи на вокзале. Он превратил розетки и бесплатный Wi-Fi в дефицитные и желанные ресурсы именно потому, что стал таким «спасательным кругом». Общее у этих двух очень разных групп — привилегированных жителей Глобального Севера и беженцев с Глобального Юга — то, что смартфон в обоих случаях способствует дестабилизации времени и пространства. Это устройство «перегрева» в чистом виде, и именно поэтому два самых значимых объекта, определяющих нынешнее десятилетие, — это смартфон и контейнеровоз.

Между синхронизацией и десинхронизацией

Мартина: Кажется невозможным, что было время, когда у нас не было смартфона. Как мы справлялись без него?

Томас: Знаешь, этот риторический вопрос уже стал банальностью, его обычно задают с такой самоироничной улыбкой. Известно, что люди хорошо справлялись со своей жизнью до того, как были колонизированы этой новой мобильной технологией. Но, как я сказал, у жизни тогда был другой ритм. Встречи могли назначаться заранее, за дни или недели. Микрокорректировка была невозможна, в то время как сейчас вошло в повседневную рутину отправлять сообщение, если немного опаздываешь. До появления этой возможности требовалась большая гибкость, иными словами, нужны были временные промежутки, пространство для манёвра, свободное время, которое можно было заполнять чем угодно. Ты был защищён от микрокоординат, когда был недоступен, и мог заполнять эти промежутки чем угодно или ничем. До мобильного Интернета можно было более гибко распоряжаться своим временем, а с его появлением возросла гибкость пространственная.

Смартфон — это то, что называют полимедиаумом [Madianou, Miller 2012], то есть мощный карманный мультимедийный компьютер. Именно эта универсальность делает смартфон многообещающим кандидатом для сравнительных исследований; устройство более или менее идентично везде, но используют его в разных местах по-разному. Всего за несколько лет на рубеже веков социальная жизнь была реорганизована (ещё до появления смартфона) мобильным телефоном. И это произошло так гладко и спокойно, что большинство из нас этого и не заметили; до тех пор, пока мы не обнаружили, насколько непрактично и неприятно было оставить мобильник дома. Или, наоборот, как хорошо провести несколько часов офлайн, без этого вечного давления быть на связи 24/7.

Мартина: Итак, смартфон, можно сказать, это синекдоха созданных им гибридных временных режимов. Или тех способов, которыми мы его используем.

Томас: Это отличная формулировка. Время и пространство таким образом сжимаются. То, где ты находишься, не мешает твоей онлайн-активности, и это очень важно для людей, которые находятся в движе-

нии, таких как беженцы, а также мелкие преступники. Стационарный телефон был бы для них бесполезен. Я упоминал исследование о беженцах и смартфоне. Для них смартфон может функционировать как архив и личный музей. Он используется не только для заполнения настоящего и планирования будущего, но и для упорядочивания прошлого. Просто подумай, что твоя электронная адресная книга говорит о твоей жизни. Заполучить её было бы ценной находкой для твоего будущего биографа, но если ты мигрант без документов, она ещё очень интересна полиции. Онлайн-личность сжимает и уплотняет время, растягивает его (когда мы ждём день или два, прежде чем ответить на сообщение), смотрит целый сезон сериала за один присест, а не по одной серии каждый четверг и взаимодействует на основе микрокоординации с друзьями и семьёй, избегая необходимости втискивать встречи между уже существующими. Так что этот гаджет — щедрый подарок и смазка для глобального капитализма, который полагается на увеличение скорости. Стоит напомнить себе, что смартфон также способен помочь тебе замедлиться. Например, если ты сидишь в лагере беженцев, убивая время за просмотром музыкальных клипов или чтением сообщений от друзей, неправительственных организаций, родственников и других людей; ты можешь играть в старые игры или читать на фарси о поэте Руми в Википедии. Природа мобильного телефона поощряет «здесь и сейчас» в ущерб «там и тогда». Она усиливает тиранию момента, но с его же помощью можно протянуть ниточки в прошлое, будущее и к другим людям. В частности, синхронизация и ускорение являются одними из самых важных эффектов смартфона независимо от того, беженец ты или благополучно устроен, богат или беден. Это не в последнюю очередь незаменимый инструмент для любого, кто занимается экономической деятельностью, требующей координации с другими, особенно в странах, где формальный сектор экономики слабо развит. На рынке в Лусаке замбийские женщины, которые покупают и продают всё — от овощей до тканей, — используют WhatsApp для повышения своей производительности. Как и можно было ожидать, в какие-то тихие моменты дня они болтают по телефону с друзьями, но также поддерживают контакт с клиентами и поставщиками в реальном времени с помощью нового гаджета, который быстро распространился в Замбии, как и во многих других африканских странах (примерно с 2015 г.). Представим, что у тебя овощной ларёк и закончилась спаржевая фасоль. Всего несколько лет назад тебе пришлось бы ждать до завтра, пока снова не появится разносчик на своём дребезжащем скутере. А сейчас ты можешь написать оптовика и пообещать накинуть 20%, если он привезёт фасоль за час. Оборот увеличивается для обеих сторон, и фермер, который поставяет оптовика, получает стимул полоть и удобрять немного больше обычного. Как я уже говорил, среди обеспеченных классов распространены жалобы на чрезмерную скорость. Говорят, что всё слишком быстро; становится трудно концентрироваться на чём-то одном; жизнь уже слишком «перегрета», и существует большой спрос на всякие «тормоза»: центры медитации, курсы осознанности и приложения, которые раз в час напоминают тебе, что нужно замереть и замедлить дыхание. Ирония в том, что это приложения, которые должны освобождать нас от приложений!

Теперь мы пару раз кликаем по сенсорному экрану и ждём минут пять, пока приедет такси. С помощью подобного приложения незанятые таксисты в африканском городе могли бы мгновенно получать заказы, а когда их не было, они могли бы проводить время простаивая, помогая своему дяде на арахисовом поле или продавая прохладительные напитки туристам. Проблема там не в скорости и стрессе, а, наоборот, в том, что всё слишком медленно и полно «окон». И подсчитать вклад смартфона в экономику в разных странах было бы невозможной задачей не в последнюю очередь потому, что большая часть возросшей производительности приходится на неформальный сектор и остаётся незамеченной для тех, кто измеряет ВВП. Его экономический вклад тем не менее, вне всякого сомнения, очень значителен там, где он внедряется, благодаря улучшенной логистике и возросшей общей скорости.

Между личным и социальным временем

Мартина: Учитывая, что цифровые технологии формируют повседневную жизнь и встроены в неё, я хотела бы перевести наш разговор об отношениях между временем и технологией на более индивиду-

альный уровень. Э. Зерубавель ещё в 1987 г. замечал, что личного времени становилось всё меньше; при этом способность быть доступным всегда остаётся мощным символом быстро умирающего традиционного социального порядка и до сих пор высоко ценится в традиционных сферах, таких как семья и дружба. Степень, в которой человек приближается к идеально-типическому состоянию постоянной доступности, остаётся наиболее распространённым критерием для оценки того, насколько ты хороший родитель, ребёнок, брат, сестра или друг [Zerubavel 1987: 343–350]. Видишь ли ты в этом форму сопротивления ускоренному ускорению? Может быть, это такая защита, такая «медленная забота» о самых важных для нас отношениях?

Томас: Интересное замечание. Я уже упоминал Хабермаса и его предупреждение о колонизации жизненных миров, и нельзя забывать, что на самом деле важные части наших жизненных миров не колонизированы. Мы продолжаем жить в разных темпоральностях — долгих, коротких, быстрых и медленных. Так что нет одностороннего движения к «перегреву» всего. Это не означает, что нет проблем. Временные режимы сталкиваются, и быстрое, как правило, берет верх над медленным. Есть историческая ирония в том, что мы сейчас живём гораздо дольше наших предков, но мыслим более короткими категориями. Противоядие (или сопротивление) может быть двояким. Отдавать приоритет медленному и кумулятивному (например: посадке дуба или браку), а также присутствовать в моменте, здесь и сейчас, не устремляя взгляд на 10 секунд в будущее. Чтобы эти стратегии сопротивления были жизнеспособными (думаю, они того заслуживают, поскольку возвращают часть отнятой автономии), необходима также системная критика на более высоком уровне. В конечном счёте, именно экономика роста крадёт нашу медлительность и личное время. Возможно, нам следует быть яснее в этом вопросе, поскольку всякая хорошая социальная наука не ограничивается простыми симптомами, а ищет причины.

Мартина: Давай сделаем шаг назад, вернувшись к Э. Дюркгейму, одному из твоих любимых авторов, общих для социологии и антропологии. Если использовать его понятие «плотность» наших отношений [Durkheim 1966: 198–202; 1982: 201–205], измеряемую частотой, с которой мы встречаемся, говорим по телефону или обмениваемся сообщениями в WhatsApp и по электронной почте, то это понятие обычно рассматривается как показатель степени социальной дистанции или близости. Таким образом, мой список избранных чатов или контактов в Gmail говорит мне об их относительной значимости в жизни и о степени моей вовлечённости в отношения с каждым из них, онлайн и офлайн. В «перегретом» обществе довольно сложно управлять различными режимами времени, в которые мы ежедневно погружены, но, на мой взгляд, та же самая важная символическая значимость сохраняется онлайн и офлайн для привилегированных и личных отношений. Что ты думаешь об этом?

Томас: Хм... Если ты говоришь о тех же самых отношениях, с теми же значимыми другими, с которыми ты общаешься онлайн и офлайн, то да, согласен. Не ответить на чей-то звонок или сообщение может быть так же невежливо, как не прийти на чью-то вечеринку. Но если мы различаем людей, которых знаем и онлайн, и офлайн, и тех, кого знаем только в одной из этих сред, можно прийти к другому выводу. И вот тут-то и раскрывается вся суть идеи Дюркгейма о «моральной плотности». Можно начать с классификации социальных отношений по шкале личной вовлечённости или, если угодно, инвестиций в социальный капитал. «Лайкнуть» почти ничего не стоит, но выйти из дома, сесть на автобус, позвонить в дверь — это всё требует больших усилий. Позвонить по телефону — нечто среднее. Но дело не только в физическом присутствии. Ты можешь быть глубоко вовлечён в отношения с людьми, которых не встречаешь физически, и безразличен к тем, кого встречаешь. Полагаю, это отвечает на наш вопрос об уменьшении морального капитала, когда ты не выполняешь свою часть морального контракта. Различие, которое действительно имеет значение, это не «цифровое против аналогового», а степень вовлечённости. Возможно, Э. Гидденс был прав лишь отчасти, когда говорил, что «присутствие-доступность» становится дефицитным ресурсом [Giddens 1991]. Да, как показала пандемия, есть много регистров общения, которые активируются только тогда, когда мы находимся вместе в одном месте. Но

не стоит быть слишком категоричными. Существуют и контексты, где чисто цифровые отношения также чрезвычайно значимы и придают содержательность и глубину социальной жизни. Я думаю, например, о людях с ограниченными физическими возможностями. Они могут иметь довольно насыщенную и полноценную социальную жизнь онлайн, часто в игровых сообществах.

Мартина: Я хотела бы вернуться к истокам концепции «перегрева», используя наш академический опыт. Как мы отмечали в беседе о «быстрой и медленной академической жизни», мы часто испытываем конфликт между различными режимами времени. Если я не ошибаюсь, где-то ты писал, что мы барахтаемся между двумя из них — давлением, требующим производить больше, и ожиданием, что мы должны делать хорошую и тщательную работу. Жизнь — это хаос, и — снова цитируя тебя — она полиритмична, а смартфон может синхронизировать лишь небольшие её части, одновременно напоминая нам о нашей десинхронизации, потому что он регулярно показывает с минутной точностью, что мы на самом деле рассинхронизированы. Итак, мой вопрос: думал ли ты когда-нибудь о семиотической перспективе режимов времени в связи с твоим подходом «перегрева»? Я помню, что в «Тирании момента» ты различаешь характеристики медленного и быстрого времени [Eriksen 2001]... Я думала о чём-то подобном в отношении режимов времени.

Томас: Конечно, у медленного и быстрого времени есть отчётливые феноменологические характеристики. Но, должен признать, что я не думал об этом различии в терминах семиотики, хотя и использую семиотические инструменты в других контекстах. Дай-ка подумать... Совершенно очевидно, что режимы времени, о которых мы говорим в контексте цифровизации, часто можно рассматривать как «медленные против быстрых», но иногда требуется уточнение: например, фрагментированное время против непрерывного; греческое «хронос против кайроса», поток времени против подходящего момента для действия также говорит нам нечто интересное о темпоральностях. Мы все живём во вложенных, иногда противоречивых темпоральностях, верно? И поэтому быстрое, фрагментированное, неотложное время каннибализирует медленное, непрерывное, органическое время. Это происходит повсеместно. Быстрорастущие свиньи и пшеница ценятся больше, чем те, что растут не торопясь. В ускоренном режиме времени обмен знаками является лихорадочным и непрерывным. Это знакомая проблема в перегретом, перенасыщенном информационном обществе. И наоборот, более медленный режим времени позволяет обмениваться меньшим количеством знаков, сам процесс создания смыслов замедляется, но в качестве компенсации даёт бóльшую глубину; каждый акт придания значения становится более осмысленным. Да, мы могли бы разработать семиотический анализ в этом ключе и связать его с другими аспектами скорости и медлительности. Медленный рост лесного дуба против быстрого роста дерева с плантации. Скорость самолёта против медлительности парусного судна. Давай подумаем об этом ещё.

К гибридным временным режимам?

Мартина: Если попытаться создать модель, мы увидим, как идеальные типы гибридизируются друг с другом. Я всегда возвращаюсь к «Тирании момента», потому что для меня это интеллектуальный исток подхода «перегрева». Когда ты писал о новых напряжениях, которые дополняют старые [Eriksen 2001: 29], мы могли бы перечитать это через то, о чём ты только что сказал. Таким образом, процесс, вышедший из-под контроля, можно изобразить как набор взаимосвязанных дихотомий. Слева направо можно расположить идеальные типы ускорения и ответной реакции (см. табл. 1).

Таблица 1

Взаимосвязанные дихотомии

Мир ускорения	«Остужающие» реакции
1. Быстрое время	1. Медленное время
2. Свобода	2. Уверенность
3. Непредсказуемость	3. Предсказуемость
4. Индивид	4. Общность
5. Импульсы	5. Традиция
6. Двойственность	6. Фундаментализм
7. Непосредственность (настоящее настоящего)	7. Будущее будущего
8. Непрерывность изменений	8. Кумулятивный и линейный рост
9. Молодость	9. Зрелость

Среди всех этих элементов я хотела бы попросить тебя остановиться именно на времени, то есть на пункте 7 (см. табл. 1). Мне кажется, что единственная возможная альтернатива в ответ на это нестабильное ускорение — вернуться к чувству времени. Невозможно остановить автомобиль на высокой скорости без ручного тормоза. Но если начать воспринимать настоящее как небольшой фрагмент ближайшего будущего, мы могли бы производить то, что кто-то назвал «небольшими, постепенными изменениями». Что ты думаешь?

Томас: Спасибо, Мартина, ты всегда помогаешь мне прояснить порой сумбурные мысли, это здорово. Сначала я хотел бы прокомментировать твою девятую строку (см. табл. 1). Тенденция нашего времени прославлять молодость и выносить за скобки старение — это симптом быстрых перемен и развитой системной амнезии: будто всё существует здесь и сейчас, и ничего — там и тогда. Утверждать, что молодые люди должны иметь больше политической власти, глупо. Мы, пожилые мужчины и женщины, должны вместо этого стремиться стать для них хорошими предками, ролевыми моделями и учителями. Я не говорю, что нужно перестать слушать молодых, но если существует общее убеждение, что истина всегда приходит в облике молодого человека, из этого следует, что ни опыт, ни знание, ни осмысленное размышление не имеют никакой ценности. Всё, что имеет значение в такого рода запыхавшемся, презентистском, то есть признающем реальностью только настоящее, обществе, — это открытость к переменам.

В большинстве исторических обществ взрослые и старики, их знания и опыт, пользовались уважением у молодых. В сложных современных обществах пожилые люди не обладают особо высоким авторитетом в силу возраста: они больше не считаются успешными и поэтому менее ценны. Исключения всё ещё существуют. В современной Японии пожилые люди по-прежнему пользуются высоким статусом благодаря своей большей мудрости и опыту. Знаешь, когда Tesla работала над алгоритмом действий при аварии для своих беспилотных автомобилей, стало очевидно, что им пришлось применять разные критерии для США и Японии. Если бы автомобилю пришлось «выбирать», кого сбить — ребёнка или пожилого человека, в Америке машина спасла бы ребёнка, а в Японии — пенсионера. Японское общество, по-своему суперэффективное и быстрое, нашло баланс между медленным и быстрым, моментом и *longue durée*¹, который отличается от баланса в обществах, превозносящих молодость.

Но давай вернёмся к связи между настоящим и тем будущим, которое наступит уже не при нашей жизни. Презентизм — это рецепт гедонизма и глупости, и отсутствие исторического сознания является

¹ Букв. долгий срок, длительное время, продолжительное время (*франц.*). Ключевое понятие, введённое Ф. Бродемом, которое обозначает подход к изучению истории, фокусирующийся на медленно меняющихся структурах — географических, климатических, социальных — и долгосрочных процессах, а не на краткосрочных событиях. — *Примеч. ред.*

проблемой не только для понимания прошлого, но и для конструктивного мышления о будущем. Как напоминал нам Оруэлл в романе «1984», тот, кто контролирует прошлое, контролирует будущее. В настоящее время историческое сознание довольно слабо. У нас, кажется, нет убедительной истории о переходе от индустриального общества к информационному, в то время как существовали некоторые стандартные нарративы — спорные, но по-своему полезные — о более ранних великих трансформациях. В результате системной амнезии трудно конструктивно мыслить о будущем. Новые и не очень новые социальные движения, такие как «Осциру» («Захвати») и «Fridays for Future» («Пятницы ради будущего»), не предлагают ни рецептов, ни решений, ни утопических или идеальных моделей общества. Их критика нынешнего мирового порядка, который они считают несправедливым и разрушительным, справедлива. Но что дальше? Ещё в 1980-х гг. разрабатывались серьёзные проекты более устойчивого, справедливого и равноправного общества. Они были поглощены, съедены заживо презентизмом перегретого информационного общества.

Небольшие постепенные изменения — это хорошо, но достаточно ли их? Как ты можешь догадаться, мой ответ: нет. К моему удивлению, Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш в начале 2020-х гг. выступил с серией речей, в которых предложил нечто более радикальное. По сути, он говорил: если мы хотим преуспеть в спасении планеты, нам необходимо построить общества, которые будут фундаментально отличаться от сегодняшних. Его взгляды действительно очень радикальны. И когда я его слушаю, со своей колокольни я слышу, что он призывает изменить наши системы ценностей, экономические системы и доминирующие взгляды на хорошую жизнь; замедляться, остывать, уменьшать масштабы и делать так, чтобы наши потомки могли чтить нас как хороших предков.

Но, как ты и говоришь, Мартина, начинать нужно с себя. Питаться более экологично, использовать велосипед или трамвай вместо автомобиля, ограничить авиаперелёты до минимума... Да, такие изменения в потребительских привычках представляют собой систему ценностей, совместимую с более гуманным и ответственным обществом. Но как насчёт того, чтобы потихоньку менять не только то, что мы потребляем? Работу, повседневную жизнь, общение? Существует много возможностей. На самом деле, у нас больше свободы, чем государство и рынок хотят, чтобы мы думали. Менее «перегретый» мир и менее «перегретые» жизни должны создаваться сверху, снизу и сбоку. И один непреходящий урок пандемии, который не особенно популярен среди правящих классов, это осознание того, что самые важные вещи в жизни — те, что делают её по-настоящему полной и осмысленной, они бесплатны и не вредят планете. И вот на этом можно что-то строить.

Литература

- Durkheim E. 1966. *Suicide*. New York: Free Press. См. также рус. перев.: Дюркгейм Э. 1994. *Самоубийство: Социологический этюд*. М.: Мысль.
- Durkheim E. 1982 [1895]. *Rules of Sociological Method*. New York: Free Press. См. также рус. перев.: Дюркгейм Э. 2021. *Правила социологического метода*. М.: АСТ.
- Eriksen T. H. 2001. *Tyranny of the Moment: Fast and Slow Time in the Information Age*. London: Pluto Press. См. также рус. перев.: Эриксен Т. Х. 2003. *Тирания момента: время в эпоху информации*. М.: Весь мир.
- Eriksen T. H. 2022. *Appenes Planet*. Oslo: Aschehoug.
- Giddens A. 1991. *Modernity and Self-Identity*. Cambridge: Polity.

Madianou M., Miller D. 2012. Polymedia: Towards a New Theory of Digital Media in Interpersonal Communication. *International Journal of Cultural Studies*. 16 (2): 169–187.

Morozov E. 2013. *To Save Everything, Click Here: The Folly of Technological Solutionism*. New York: PublicAffairs.

Zerubavel E. 1987. The Language of Time: Toward a Semiotics of Temporality. *The Sociological Quarterly*. 28 (3): 343–356.

Zuboff S. 2019. *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. London: Profile.

NEW TRANSLATIONS

Thomas Hylland Eriksen, Martina Visentin

Acceleration and Cultural Change: Dialogues from an Overheated World (excerpt)

ERIKSEN, Thomas Hylland (1962–2024) — author of numerous popular academic books, study books, polemical publications, and essays on the politics of identity, ethnicity, nationalism, and globalization from a comparative perspective. Among works published in Russian translation: “Tyranny of the Moment” (Moscow: Vesny Mir, 2003) and “What is Anthropology?” (Moscow: HSE Publishing House, 2014).

VISENTIN, Martina — Associate Professor at Department of Political Science of University of Pavia. Address: 10/12 Via M. Cesarotti, Padova, 35122, Italy.

Email: martina.visentin@unipd.it

Abstract

The book “Acceleration and Cultural Changes: Dialogues from an Overheated World” features dialogues between leading anthropologist Thomas Hylland Eriksen and young scholar Martina Visentin. This volume aims to introduce academic and non-academic readers to a novel approach to globalization capable of synthesizing and interpreting social change that has been happening at lightning speed, unequally and unevenly. According to Professor Eriksen, the social issue is that modernity faced accelerating processes of change and various developments that are growing and accelerating without a thermostat, without a regulating mechanism which tells them it’s time to stop. Using overheating as a metaphor for unregulated acceleration since the 1990s, the authors discuss key topics including biodiversity loss, migration-driven differences, climate intersections, heated identities and protests, digital time perception, university pressures, youth disillusionment, and post-COVID reflections.

The *Journal of Economic Sociology* publishes the seventh chapter, “Life in the Digital World,” where the authors explore smartphones’ role in reshaping daily social life rhythms.

Keywords: overheating approach; acceleration; cultural changes; globalization; social anthropology; platformization.

References

Durkheim E. (1966) *Suicide*, New York: Free Press.

Durkheim E. (1982 [1895]) *Rules of Sociological Method*, New York: Free Press.

Eriksen T. H. (2001) *Tyranny of the Moment: Fast and Slow Time in the Information Age*, London: Pluto Press.

Eriksen T. H. (2022) *Appenes Planet*, Oslo: Aschehoug.

Giddens A. (1991) *Modernity and Self-Identity*, Cambridge: Polity.

Madianou M., Miller D. (2012) Polymedia: Towards a New Theory of Digital Media in Interpersonal Communication. *International Journal of Cultural Studies*, vol. 16, no 2, pp. 169–187.

Morozov E. (2013) *To Save Everything, Click Here: The Folly of Technological Solutionism*, New York: PublicAffairs.

Zerubavel E. (1987) The Language of Time: Toward a Semiotics of Temporality. *The Sociological Quarterly*, vol. 28, no 3, pp. 343–356.

Zuboff S. (2019) *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*, London: Profile.

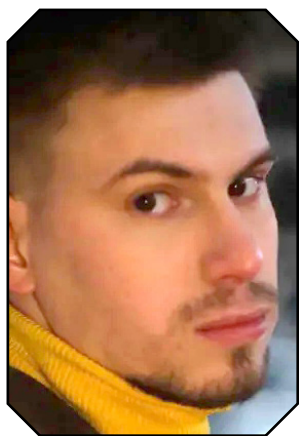
Received: December 29, 2025

Citation: Eriksen T. H., Visentin M. (2026) Uskorenie i kulturnye izmeneniya: dialogi iz peregretoogo mira (phragment) [Acceleration and Cultural Change Dialogues from an Overheated World (excerpt)]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 27, no 1, pp. 79–91. doi: [10.17323/1726-3247-2026-1-79-91](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2026-1-79-91) (in Russian).

РАСШИРЕНИЕ ГРАНИЦ

Н. А. Маткин, А. А. Новикова

Эмодукты счастья: коммодификация и маркетинговые стратегии в популярной психологии¹

МАТКИН Никита Андреевич — стажёр-исследователь Международной лаборатории экономики нематериальных активов НИУ ВШЭ (Пермь), аспирант Института медиа НИУ ВШЭ. Адрес: 614060, Россия, Пермский край, г. Пермь, бульвар Гагарина, д. 37.

Email: namatkin@hse.ru

На фоне роста спроса на психологические услуги в России и распространения терапевтической культуры цифровые платформы становятся ключевой площадкой для коммерциализации эмоций. Однако механизмы коммодификации эмоций, особенно счастья, на цифровых платформах ещё мало изучены. Данная статья анализирует, как популярные российские психологические блогеры конструируют, упаковывают и продают абстрактную идею «счастья» как стандартизированный рыночный продукт — эмодукт. Исследование основано на последовательном объяснительном смешанном дизайне, сочетающем количественный (контент-анализ и тематическое моделирование на корпусе в 118 видео) и качественный (анализ риторических и перформативных стратегий) этапы. На количественном этапе выявлены 15 различных тем, которые интерпретируются как «упаковки» для эмодуктов «счастья». На основе риторических приёмов установлены три различные цели блогеров — это легитимация авторитета (через науку, мудрость и житейский опыт), диагностика проблемы (через критику советской системы и несоответствие гендерным ролям) и демонстрация эмодукта (концептуализированная через психологию как рефлексивную и позитивную психологию). Анализ выявил четыре доминирующие маркетинговые стратегии: академическая, эзотерическая, заботливая и гибридная. Каждая стратегия предлагает ряд уникальных эмодуктов и ориентируется на определённый сегмент аудитории. Выделяются три способа продвижения эмодуктов: (1) максимизации охвата, (2) максимизации лояльности и (3) ориентации на вирусный контент. Исследование развивает концепт эмодуктов для отечественной терапевтической культуры и описывает, как западный индивидуалистический терапевтический нарратив становится «соизмеримым» с постсоветским социальным воображаемым. Статья вносит вклад в экономическую социологию, демонстрируя, как рынок эмоций превращает социальные тревоги в индивидуальные потребительские практики.

Ключевые слова: терапевтическая культура; счастье; эмодукт; цифровые платформы; тематическое моделирование; социальные маски; маркетинговое позиционирование.

Введение

В конце 2024 г. в России наблюдался рекордный за последние 15 лет рост индекса потребности в психологической помощи [ВЦИОМ 2025], что при-

¹ Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

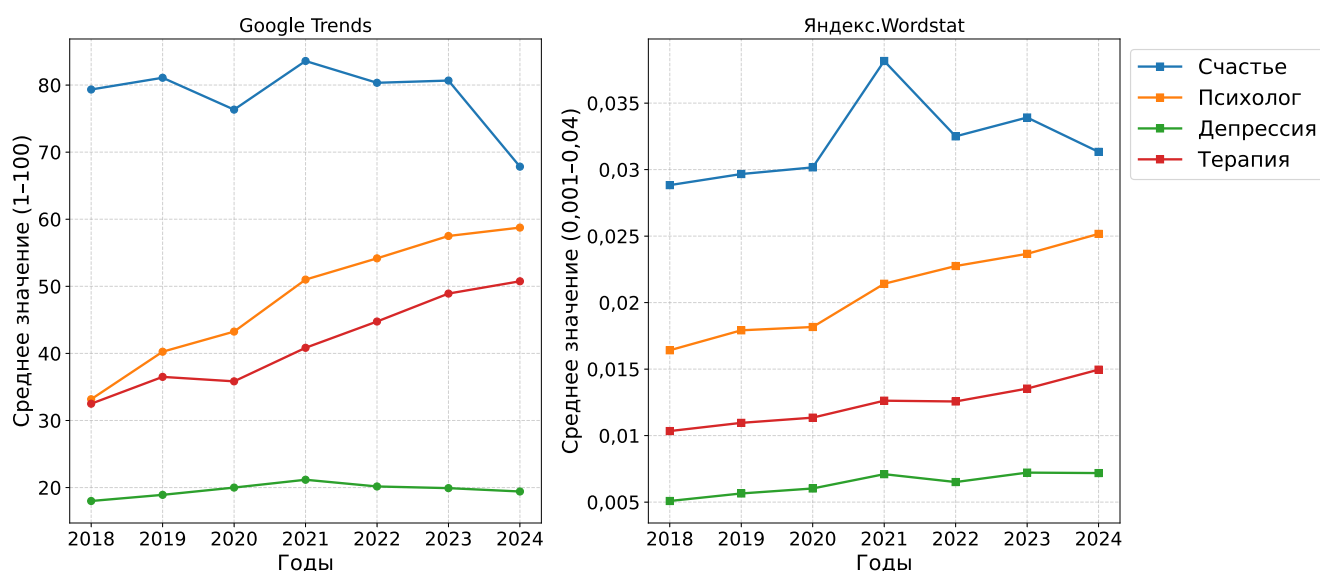

НОВИКОВА Анна Алексеевна — доктор культурологии, профессор Института медиа НИУ ВШЭ. Адрес: 101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Email: anovikova@hse.ru

вело к увеличению объёма рынка оказываемых психологических услуг [РБК 2025]. На графике (см. рис. 1) показана статистика интереса к поиску по словам «психолог», «терапия», «счастье» и «депрессия» в сервисах Google и Яндекс в 2018–2024 гг. Вертикальная ось — это индекс соответствия данной теме, который отражает её относительную популярность, а не абсолютное количество запросов. График демонстрирует, что интерес к теме «счастье» достиг пика в 2021 г., но в следующих годах значительно снижается. Интерес к темам «психолог» и «терапия» показывает постепенный ежегодный рост с 2020 г., что свидетельствует об увеличении актуальности темы. Интерес к теме «депрессия» остаётся стабильным.

Одной из эффективных платформ маркетингового продвижения психологических услуг остаётся YouTube², чьи каналы на тему «психология» могут собрать несколько миллионов подписчиков. Блогеры предлагают платные курсы, марафоны и консультации, обещающие избавление от проблем. В статье этот феномен рассматривается не только как симптом распространения терапевтической культуры в России, но и как пример коммодификации эмоций. В центре исследования — феномен «счастья» как одна из главных ценностей терапевтической культуры [Seligman 2004]. В процессе коммодификации счастье трансформируется в специфический товар — эмодукт (*emodity*), эмоциональное состояние, которое преобразовано в стандартный рыночный продукт или услугу [Illouz 2017]. Цель нашего исследования — проанализировать стратегии маркетингового позиционирования счастья, вскрывая механизмы российского цифрового рынка, связанного с распространением эмоционального капитализма [Illouz 2008]. Повышение запросов именно на услуги психолога и терапии демонстрирует возрастающий спрос на поиск эмодуктов в России.

Рис. 1. Графики средней актуальности запросов по словам «счастье», «психолог», «депрессия», «терапия». Данные инструментов Google Trends и Яндекс.Wordstat. 2018–2024 гг.

² Доступ на территории РФ ограничен с августа 2024 г.

Тема счастья активно развивается в рамках терапевтического дискурса, в котором счастье — это индивидуальное достижение, часто связанное с самосовершенствованием, управлением эмоциями и психологическим благополучием [Seligman 2004]. Терапевтическая культура в своём популярном изводе основана на предпосылке, что эмоции играют решающую роль в понимании общества, а работа с эмоциями необходима для саморазвития; главная же цель каждого человека — счастье [Seligman 2004]. Позитивные психологи применяют модель субъективного благополучия (*subjective well-being*), которая определяет счастье как результат высокой частоты положительных эмоций и низкой частоты отрицательных эмоций в сочетании с высоким уровнем удовлетворённости жизнью [Diener 2009]. Позитивная психология рассматривает счастье с позиций двух подходов. Гедонистический подход интерпретирует счастье как стремление к максимизации удовольствия и минимизации страданий, тогда как эвдемонический подход, основанный на идеях Аристотеля о добродетели и самореализации, акцентирует внимание на поиске смысла, личностного роста и жизни в соответствии с ценностями и потенциалом человека [Henderson, Knight 2012]. Для изучения счастья применяются количественные методы и опросники, которые измеряют уровень его достижения. Полученные результаты ложатся в основу таких отчётов, как «Всемирный доклад о счастье» («World Happiness Report»), ежегодно публикуемый ООН. В то же время данные отчётов не отражают представления людей о счастье и их интерпретации этого термина [Carlquist et al. 2017; De Paola, Nakoköngäs, Nakanen 2020]. Критики подхода подчёркивают, что научные направления о счастье — в частности, позитивная психология — не описывают, а формируют образ счастья [Иллуз, Кабанас 2023], приписывая последователям определённые критерии его достижения. Социологи понимают счастье как социальный конструкт [McKenzie 2016; Frawley 2018; De Paola, Nakoköngäs, Nakanen 2020; Neville 2020] и изучают социальные репрезентации данного феномена.

В основе современной науки о счастье лежат идеи инструментального индивидуализма, рассматривающего представление себя (*self*) как проект, требующий постоянного саморазвития [Nehring et al. 2016]. Ещё одной важной чертой выступает идея терапевтического этоса, ставящего ценности позитивного мышления, управления эмоциями и аутентичности как инструменты для достижения благополучия [Иллуз, Кабанас 2023]. Эти идеи становятся основой современного западного социального воображаемого [Taylor 2004], что создаёт благодатную почву для широкой продажи эמודуктов.

Превращение абстрактной идеи счастья в конкретный платный продукт требует проведения сложной перформативной работы, включающей использование стратегий маркетингового позиционирования. Для анализа перформативной работы по репрезентации образа счастья в статье используется драматургический подход Ирвинга Гофмана [Гофман 2000]. В этом контексте YouTube-канал выступает как авансцена, на которой блогер выстраивает свой перформанс. Центральное место в таком перформансе занимает управление вниманием и впечатлением. Блогер демонстрирует атрибуты «счастливой жизни» и раскрывает свою «аутентичность» (к примеру, через личные истории стремления к счастью). Его собственный опыт становится витриной и в то же время упаковкой, доказывающей эффективность продаваемого эמודукта. Блогер может рассказать о своих прошлых неудачах (закулисье), но он делает это с позиции уже победившего героя. Наше исследование фокусируется на риторических приёмах, что обусловлено единообразием медиаформатов блогеров. В основном видеозаписи популярных психологов представлены в виде монолога, где основные элементы перформанса — это риторика, а невербальные приёмы — интерьер (декорации), костюм и жестикуляция — являются дополнением к риторической базе.

В российском контексте распространение западных императивов терапевтической культуры имеет собственную специфику [Симонова 2024]. Несмотря на рекордное увеличение индекса потребности в психологической помощи, опрос ВЦИОМа показывает, что 84% населения РФ считают себя счастливыми [ВЦИОМ 2024]. Результаты «Всемирного доклада о счастье» за 2024 г. показывают, что Россия

занимает 72-е место из 143 стран с оценкой среднего уровня жизни на 5,785 [Helliwell et al. 2024]. Не соответствие данных двух организаций может отражать как различия в методах оценки уровня счастья, так и различия в интерпретациях самого феномена счастья в российской и глобальной среде. Глобальное терапевтическое воображаемое накладывается на постсоветский фон, в котором индивидуальные установки сталкиваются с коллективистскими ценностями [Лернер 2011], а терапевтический дискурс часто строится на противопоставлении себя советскому прошлому [Matza 2018].

Терапевтический дискурс становится особенно актуальным во времена социальных перемен, поскольку предлагает инструменты, обещающие возможность справиться с эмоциональным стрессом или, наоборот, манипулировать людьми. Т. Матца, автор книги «Shock Therapy» («Шоковая терапия»), предлагает рассматривать возросший интерес к психологии в постсоветской России как прямой ответ на социально-экономический шок 1990-х гг. [Matza 2018]. «Слишком много шока, слишком мало терапии», — так он характеризует реформы 1990-х [Matza 2018: 18]. И это привело общество к состоянию травмы и неопределённости. Кризис затронул не только экономику, но и социальное воображаемое [Taylor 2004], то есть общие представления о нормальной жизни, коллективной идентичности и будущем страны. В образовавшемся вакууме ценностей и социальных связей рынок запустил процесс коммодификации эмоций, который проявляется в росте запроса на эמודукты.

Научных работ по выявлению репрезентаций счастья в социальных сетях, особенно в содержании видео-записей YouTube, немного. В исследовании репрезентаций счастья в финском Instagram³ показано, что счастье представлено семью основными темами: социальные отношения; внешность; свободное время; природа; успех; домашние животные; материальные вещи. Эти темы структурированы вокруг таких дихотомий, как социальное—индивидуальное, расслабление—погоня и нематериальное—материальное, привязанных к благодарности (ориентированное на других) и гордости (ориентированное на себя) [De Paola, Nakoköngäs, Nakanen 2020]. При анализе представлений о счастье у потребителей и их репрезентаций в рекламе было также установлено, что счастье связывают с субъективным благополучием, акцентируя эмоциональные состояния (радость, отсутствие тревог), социальные связи (семья, друзья) и материальные факторы (безопасность, комфорт). В обоих случаях доминируют аффективные ассоциации (смех, удовольствие от потребления), а не когнитивная оценка, при этом реклама усиливает идею, что счастье достигается через покупку товаров (еда, парфюмерия, автомобили) [Iancu, Hanța 2010]. Некоторые исследователи описывают практики по достижению счастья и благополучия на YouTube, игнорируя рыночный интерес блогеров [Del Rio Carral, Volpato, Michoud 2024].

Исследования постсоветского терапевтического дискурса были сосредоточены на старых медиа, таких как книги [Salmenniemi, Vorona 2014], телепрограммы [Lerner, Zbenovich 2013] и фильмы [Лернер 2011], автобиографии и некоторые посты из социальных сетей [Глухова 2024]. Однако в последнее время начали появляться исследования терапии через российские [Lerner, Novikova 2024] и зарубежные YouTube-видео [Del Rio Carral, Volpato, Michoud 2024]. Между тем YouTube становится основным каналом распространения и продажи «эמודуктов». Опираясь на представленную теоретическую рамку, мы ставим следующие исследовательские вопросы:

- Как счастье конструируется в качестве товара (эמודукта) популярными российскими психологическими блогерами на YouTube?
- Какие драматургические приёмы используются для создания ценности этого продукта и его легитимации?

³ Принадлежит Meta Platforms Inc., которая в 2022 г. признана в РФ экстремистской организацией и официально запрещена, как и связанные с ней платформы.

— Как маркетинговые стратегии отражают гибридность социального воображаемого в постсоветском контексте?

Репрезентация счастья в социальных медиа

Популярный российский психологический контент на YouTube не просто обсуждает счастье, а активно конструирует, упаковывает и продаёт его как стандартизированный товар. Этот процесс коммодификации эмоций опирается на терапевтический дискурс [Illouz 2008], неолиберальную идеологию личного успеха [Nehring et al. 2016] и использует цифровые платформы как главный канал дистрибуции [De Vos 2020]. В результате вместо подлинного благополучия пользователям предлагается симулякр счастья, потребление которого может усугублять психологические проблемы.

Двойственность терапевтической культуры давно вызывает беспокойство исследователей. Ева Иллуз пишет о том, что, с одной стороны, эта культура формирует психологическую жизнь людей и помогает противостоять насилию, а с другой стороны, терапевтический дискурс может усугубить психологические проблемы: «Чем больше причин для страданий кроется в нашем “я”, тем лучше мы понимаем себя с точки зрения затруднительных положений и тем больше “реальных” болезней у нас будет возникать» [Illouz 2008: 256]. Такая двойственность, по мнению Иллуз, смещает акцент со структурных проблем на личную психологическую нехватку, создавая спрос на эמודукты. Российские блогеры, выступающие агентами терапевтической культуры, часто ставят диагноз на основе личностных проблем:

Когда женщина поднимает свою самооценку, мужчина, который не хотел жениться, делает предложение (Анетта Орлова).

И сразу же предлагают решения в виде своих эמודуктов:

Я с удовольствием приглашаю на свой курс по самооценке (Анетта Орлова).

Эמודукты имеют конкретные товарные воплощения в виде курсов, марафонов, медитаций, книг, дневников самопомощи и многого другого. В российских условиях, где критика подобных подходов пока не развита, аудитория воспринимает их как безопасное решение личных проблем.

Однако клинический психолог Барбара Хелд, описывая феномен «тирании позитивности», говорит об опасности ситуаций, когда негативные мысли и чувства воспринимаются как личные пороки [Held 2002]. По мнению исследователей, несчастные люди чувствуют себя постоянно виноватыми за негативные мысли, что провоцирует их страдать ещё больше [Бринкман 2017]. Сара Ахмед критикует неолиберальную политику счастья, утверждая, что она создаёт нарратив токсичной позитивности, стигматизирующий негативные эмоции и представляющий страдание как личную неудачу [Ahmed 2020]. Эти наблюдения подтверждает и Ольга Симонова, исследующая российскую ситуацию: «Большинство проблем воспринимаются как следствие личной неадекватности и психологической уязвимости» [Симонова 2024: 16]. Люди начинают искать средства преодоления внутреннего кризиса и приобретать эמודукты.

Такие тенденции усугубляются особенностями цифровой среды. Социальные сети позволяют легко смешивать дискурсы счастья со сложными, часто деструктивными нарративами [Колпинец 2022: 19]. Продаваемое счастье — это не чётко определённое состояние, а особая знаковая система, упаковка, в которую можно обернуть любые позитивные состояния. Счастье не описывается, а конструируется, создавая вместо реального продукта симулякр, замещение отсутствия реальности [Бодрийяр 2020]. Потребитель покупает не само состояние счастья, а возможность приобщиться к его симуляции, изображению. Такая упаковка идеально ложится на визуальную природу социальных сетей, особенно таких, как YouTube.

Фокусировка социальных сетей на совершенстве способствует деструктивным сравнениям, связывая счастье с недостижимыми стандартами успеха или эстетики [Ehrenreich 2009]. О. Симонова отмечает, что люди «ощущают обиду, когда внешняя оценка не соответствует их внутреннему позитивному восприятию самих себя. Это противоречие особенно заметно в контексте усиления эмоциональной коммуникации в социальных сетях» [Симонова 2024: 16]. Э. Кабанас и Е. Иллуз подробно описывают, как цифровые платформы превращают счастье в товар, продвигая потребительские идеалы (например, «покупка радости») и скрывая структурное неравенство [Иллуз, Кабанас 2023]. Ян Де Вос считает, что «цифровизация предлагает больше возможностей индустрии счастья, чем когда-либо ещё» [De Vos 2020: 233], так как терапевтическая культура позволяет реализовать наиболее актуальную в настоящее время бизнес-модель, что создаёт противоречие между желанием помочь и желанием заработать.

Индустрия счастья привлекает публичных личностей, предлагающих собственные интерпретации счастья широкой аудитории с целью продажи своих продуктов. Часто такие блогеры не обладают профильным психологическим образованием. Их экспертность основана не на психологической науке, а на умении конструировать убедительный нарратив «экспертности» [Neville 2020: 34] и успешно продавать собственные эמודукты. Исходя из терминологии Гофмана, экспертность и связанная с ней продажа эמודукта основываются на успешном выполнении перформанса. Реальные люди, блогеры в медиареальности, становятся «социальными масками, транслирующими зрителям типичные представления об обществе, о ценностях и моделях поведения» [Новикова 2018: 6]. Одна из задач нашего исследования — выявление и систематизация приёмов конструирования социальных масок сетевых «торговцев счастьем».

В отличие от исследователей, выясняющих корреляцию между использованием социальных сетей и субъективным благополучием [Janicke-Bowles, Rieger, Connor 2019; Beyens et al. 2020], мы сосредоточили своё внимание на самом содержании контента. Нам представляется, что такой подход позволит понять, какое именно представление о счастье конструируется и продаётся на этих платформах. Фокус на содержании позволяет вскрыть механизмы привлекательности, повышающие продажи счастья как эמודукта.

Описание набора данных

Для исследования стратегий по продаже эמודукта «счастье» в контенте популярных российских психологов отобраны 12 наиболее популярных каналов на тему «психология» на YouTube. Видео собраны по наличию формы «счаст» с января 2022 г. по декабрь 2024 г. Выбор этого периода обусловлен ростом потребности в психологических услугах с рекордно низких 23 п. п. в 2022 г. до рекордно высоких 30 п. п. в 2024 г. [ВЦИОМ 2025]. В основном блогеры на тему «психология» общаются со своей аудиторией через видеозаписи или личные встречи. Исследование сфокусировано на официальных видеозаписях блогеров, так как доступ к групповым встречам и лекциям часто является платным. Именно открытый видеоконтент считается основным инструментом маркетинговой коммуникации блогеров и даёт представление о продаваемых эמודуктах и стилиобразующих приёмах коммуникации с аудиторией. В выборку попали наиболее популярные каналы, освещающие тему счастья. Необходимо отметить, что данный метод отбора специально концентрирует внимание на модели личного бренда блогера-эксперта, что позволяет изучить, как конструируется образ эксперта и продаются эמודукты в рамках экосистемы, выстроенной вокруг одной личности. В связи с этим из выборки исключены другие медиаформаты популяризации психологии, а именно каналы-агрегаторы, каналы с интервью и научно-популярные каналы.

В начале были собраны все каналы блогеров на YouTube, в описании которых присутствовало позиционирование себя как психолога, с количеством подписчиков более 10 тыс. Этот порог обусловлен несколькими критериями. Во-первых, в российском законодательстве такие каналы несут повышенную

ответственность за распространяемый контент и приравниваются к СМИ. Во-вторых, такие каналы доказали свою жизнеспособность и сформировали ядро лояльной аудитории, а соответственно, их маркетинговая стратегия по продаже эמודуктов становится осознанной и систематической. В-третьих, выбор порога позволяет отсеять неактивные каналы и каналы—«однодневки». Всего было выявлено 36 каналов, отвечающих нашим целям. Поскольку в статье представлены первые исследовательские результаты, анализ осуществлялся на верхней половине выборки (каналы со значением выше медианы в 382 500 подписчиков). Такой подход исключает из анализа ряд влиятельных блогеров из второй четверти — к примеру, Виола Маро (320 000), Олег Гадецкий (238 000), Олег Торсунов (377 000), — что является ограничением данного исследования. В перспективе планируется расширение выборки с включением этих каналов. На отобранных каналах автоматически выбраны видеозаписи со стеммой «счаст» за представленный промежуток времени. На трёх каналах не было таких видео: Алексей Знаков, Максим Вердикт, Lina Dianova. На каналах Ярослава Самойлова, Ирины Ковалевой и Виктории Юшкевич видео про счастье в этот промежуток времени отсутствовали. Итоговая выборка состоит из следующих блогеров с указанием количества видео у каждого: Сатъя Дас (33), Марк Бартон (21), Татьяна Другова (14), Михаил Лабковский (12), Алексей Ситников (8), Татьяна Мужичкая (7), Альберт Сафин (6), Юлия Ивлиева (6), Наталья Грейс (4), Андрей Курпатов (3), Анетта Орлова (3), Вероника Степанова (1). Некоторые из представленных спикеров не обладают высшим психологическим образованием и подвергаются критике в профессиональном сообществе, поэтому обозначение их как психологов имеет условный характер. Общее количество выборки составляет 118 видеозаписей разной продолжительности (см. табл. 1). В столбце «Высшее психологическое образование» отражена попытка поиска документа или сведений, подтверждающих наличие такого образования. По данному показателю каналы делятся на три категории: «Да» — диплом о высшем психологическом образовании размещён на сайте блогера или найдены доказательства наличия образования в других источниках; «Нет» — блогер не имеет высшего психологического образования; «Нет информации» — данные об образовании присутствуют на сайте, но нет возможности объективно проверить эту информацию. Наличие или отсутствие высшего психологического образования стало важным параметром анализа. В работе намеренно используется термин «популярный психологический блогер», а не «психолог», поскольку авторитет строится не столько на верифицируемом образовании, сколько на медийном капитале и умении работать с аудиторией. Таким образом, предметом анализа становится дискурс популярной психологии, где статус «эксперт» конструируется за счёт маркетинговых и коммуникационных инструментов.

Таблица 1

Описание популярных каналов на тему «психология»

Название канала	Количество подписчиков	Высшее психологическое образование	Длительность видео в корпусе (сек.)
Сатъя. Официальный канал	942 тыс.	Нет	67 027
Марк Бартон	2.65 млн	Нет информации	33 078
Андрей Курпатов	1.17 млн	Да	6 688
Michail Labkovskiy	787 тыс.	Да	23 135
Юлия Широких (Ивлиева)	387 тыс.	Нет	15 368
Natalia Grace	952 тыс.	Нет	12 719
Алексей Ситников	2.16 млн	Да	5502
Татьяна Мужичкая	466 тыс.	Нет информации	22 673
Альберт Сафин	601 тыс.	Нет	29 211
Психолог Вероника Степанова	3.12 млн	Да	1 504
Татьяна Другова, психолог	457 тыс.	Нет	30 857
Психология с Анеттой Орловой	495 тыс.	Да	3 408

Как видно из таблицы, 7 из 12 блогеров не имеют подтверждённого высшего психологического образования. Сатъя Дас и Юлия Ивлиева используют альтернативные самоназвания («специалист», «мастер по психологии»), избегая термина «психолог». У всех блогеров отсутствует причастность к какой-либо научной школе, однако Алексей Ситников и Татьяна Мужичкая причисляют себя к методикам нейролингвистического программирования (НЛП), которые критикуются в научном сообществе из-за отсутствия доказательной базы [Thyer, Pignotti 2015: 166].

Основной доход блогеров формируется за счёт продажи книг и проведения платных лекций, что создаёт конфликт интересов между образовательной миссией и предпринимательской деятельностью [Иллуз, Канабас 2023]. Блогеры упрощают концепты счастья, что ведёт к формированию тривиальных и часто ложных представлений о психическом здоровье [Lilienfeld et al. 2013]. Отсутствие привязки к академической школе и позиционирование своего метода как уникального (к примеру, Метод Лабковского или «Метод легализации правды») позволяют ставить завышенные цены на свои услуги. Таким образом, блогеры используют тематику «счастья» для продажи собственных эמודуктов в виде образовательных курсов и книг.

Сбор данных

Для сбора и транскрибирования видеозаписей разработан парсер на языке программирования Python с использованием библиотеки yt-dlp и модели для расшифровки whisper-medium, разработанной компанией OpenAI. Программа получает на входе ссылку с видеозаписью, а на выходе выгружает аудиофайл в формате .wav. Далее программа расшифровывает полученный аудиофайл и создаёт .txt файл с текстом видео. В процессе обработки обнаружены некоторые ограничения. Модель не определяет голоса и абзацы, поэтому весь текст получается монотонным и не передаёт диалог. Выбранные видео носят в основном лекционный характер, поэтому дискуссии и диалоги не сильно влияют на итоговую выборку.

Расшифровки видеозаписей были предобработаны. Сначала они прошли токенизацию, очищены от наиболее частотных стоп-слов и приведены к начальной форме с использованием библиотеки rymorphu3. Процесс предобработки позволяет повысить качество работы модели на следующих этапах. Все данные и код обработки выложены в открытый доступ⁴.

Методология

В нашем исследовании используется смешанная методология, сочетающая количественный и качественный методы. Такой подход позволяет преодолеть ограничения количественного метода (выявление общих трендов) и качественного метода (низкая репрезентативность небольшой выборки) [Creswell, Creswell 2017] и даёт более широкий взгляд на изучение стратегий продажи эמודукта «счастье». Последовательный объяснительный смешанный дизайн исследования [Ivanova, Creswell, Stick 2006] начинает всё чаще использоваться для анализа коммуникации на YouTube [Salihoglu, Çetin 2024; Kaya et al. 2025], в том числе и для исследований терапевтической культуры [Choi, Kim, Nuh-Yoo 2021; Do et al. 2024]. Количественный анализ в данном исследовании позволяет эмпирически зафиксировать процесс стандартизации счастья в набор типовых эמודуктов, выявляя доминирующие темы в дискурсе. Качественный анализ даёт возможность раскрыть эти тематические стандарты и проанализировать их содержимое: как терапевтический язык используется для создания спроса? С помощью каких маркетинговых техник абстрактное «счастье» превращается в конкретный эמודукт?

⁴ Материалы доступны по ссылке: https://github.com/mrbigant343/popular_psychology_analysis

Количественный анализ состоял из двух этапов. На первом этапе проведён частотный анализ текстов. Вначале были выявлены наиболее частотные леммы, подсчитано количество их встречаемости, результаты визуализированы в облаке слов. Для более корректной интерпретации были определены самые устойчивые коллокации по типу существительное и зависимое прилагательное, подлежащее и сказуемое. Их частотность также подсчитана.

На втором этапе протестированы методы тематического моделирования для выявления типовых эмоджиков счастья в контенте популярных психологических блогеров. Тематическое моделирование текстов осуществляется с помощью различных методов. Среди современных решений выделяется метод BERTopic [Митрофанова, Атугодаге 2023], обладающий высокой точностью и интерпретируемостью. Для оценки качества построенных моделей используется набор метрик Coherence Score. BERTopic был протестирован в исследовании, однако был отвергнут. Во-первых, задача исследования состоит в выявлении распределения тем внутри одного документа, тогда как метод устанавливает одну тему для одного документа. Во-вторых, доля выбросов (тем в кластере «- 1») составила 31,36%. В-третьих, метод показал самую низкую метрику интерпретируемости Coherence Score среди двух других методов (0,35).

В связи с этими ограничениями для тематического моделирования были выбраны классические методы, такие как LDA (Latent Dirichlet allocation) и NMF (Non-negative matrix factorization). Л. Тен выделяет следующие отличия этих моделей для работы с русским языком: способность ассоциативного разграничения тем; способность выявлять более связанные темы; отсутствие необходимости в точной настройке гиперпараметров [Тен 2023]. Для каждой модели необходимо сначала создать векторные представления слов. Модель LDA использует метод векторизации *bag-of-words*, а модель NMF — метод векторизации TF-IDF.

Метрика Coherence Score показывает интерпретируемость представленной модели NMF (0,48), в отличие от LDA (0,36). Для подбора оптимального количества тем модели строятся несколько раз с разным количеством тем и подсчитывается метрика CUCI. При построении двух видов моделей метрика была ниже 0, однако метрика CV, описывающая различие тем друг от друга, показала результат 8 на модели NMF. При интерпретации тем выявлено, что темы, полученные моделью NMF, легче интерпретировать, поэтому для описания результатов исследования выбрана данная модель.

Для выявления актуальности тем подсчитан индекс соответствия (Affinity Index) для каждого блогера. Подсчёт индекса произведён по следующей формуле:

$$\text{Affinity Index} = p/P * 100,$$

где p — доля темы в текстах блогера;

P — доля темы во всех текстах.

Доля считается как сумма 15 ключевых для темы слов, разделённая на все слова в видео блогера. Если значение индекса выше 100, то тема является актуальной в данном канале. По итогам анализа создана матрица актуальности тем для каждого канала.

В рамках качественного анализа было просмотрено около 33 часов материалов, посвящённых тематике «счастья». В ходе просмотра фиксировались риторические приёмы с указанием точной цитаты и тайм-кода. После этого для каждого блогера составлено описание, в котором выделены важные риторические приёмы, маркетинговые техники и другие особенности их дискурса. Далее риторические приёмы сгруппированы в восемь групп, на основе которых осуществлялась классификация блогеров на четыре основных типа перформанса (социальные маски) [Новикова 2018]. В конце для каждого типа выделе-

са групповой психотерапии. Упоминание *семейной жизни* (41) и *семейных отношений* (29) встречается в видео половины блогеров, но наиболее часто возникает в контенте Сатьи Даса и Альберта Сафина:

Семейная жизнь — как болт и гайка. Если есть гайка, это не значит, что она правильно наворачтывается и подойдет (Сатья Дас);

Наставления молодым, которые сделают их семейную жизнь неизбежно счастливой (Альберт Сафин).

На каналах Марка Бартона, Алексея Ситникова и Татьяны Друговой встречается использование терапевтической лексики: *личное пространство* (31), *детская позиция* (30). Но в то же время упоминается *родовая программа* (33), что относится к эзотерической концепции родологии. Словосочетание употребляется в позитивном контексте, поэтому можно предположить, что авторы разделяют и распространяют данную псевдонаучную концепцию. Обращение к идеям родологии характерно для постсоветского терапевтического дискурса в целях организации своего отношения к советскому прошлому и для понимания фундаментальных изменений, происходящих в политическом устройстве постсоветской России [Leykin 2015].

Отдельно выделяется биологизированный подход к психике и счастью, проявляющийся в таких маркерах, как *нервная система* (21), *побочный эффект* (19) и *зеркальный нейрон* (17):

Вы неправильно управляете своим организмом, биохимическими процессами, вегетативной нервной системой, приводите себя к саморазрушению (Марк Бартон);

А знаете ещё, какой побочный эффект, очень неприятный, если вы с помощью секса миритесь? Через какое-то время вы уже без конфликта не сможете сексом заниматься (Сатья Дас);

По-другому не бывает, потому что мир зеркалит нас. Это зеркальные нейроны (Татьяна Другова);

Двигательные зеркальные нейроны, которые просто подталкивают нас повторять чужую моторику (Татьяна Мужичкая).

Отмеченная тенденция особенно заметна на каналах Марка Бартона и Татьяны Друговой и свидетельствует о маскировке эзотерических концепций под научное знание.

Далее были выявлены наиболее частотные коллокации по типу «подлежащее и сказуемое» и характерные для психологии я-конструкции: *я говорю* (363), *я хочу* (338), *я думаю* (239), *я мочу* (212), *мне казаться* (173), *я даю* (154). Данная тенденция указывает, что терапевтический дискурс строится вокруг личного опыта, саморефлексии и активной позиции говорящего. Сочетания *я мочу* (212), *вы мочу* (195), *это мочу* (118), *ты мочу* (113), *мы мочу* (93) указывают, что значительная часть контента направлена на поддержку аудитории и осознание возможностей. Наличие личных местоимений единственного числа (*я, ты*) и множественного числа (*вы, мы*) указывает на групповую и индивидуальную динамику работы блогера.

Результаты тематического моделирования

Модель NMF выделила 15 наиболее частых тем, фигурирующих в видео популярных психологических блогеров. Для каждой темы автоматически выявлены 15 наиболее характерных ключевых слов. На основе данных ключевых слов произведена интерпретация темы с позиции эמודукта. Данный метод позволил увидеть макрокартину и определить стандартизированные формы продажи «счастья».

Результаты тематического моделирования (см. табл. 2) показывают, что дискурс о счастье не хаотичен, а структурирован вокруг ограниченного набора товарных предложений. Каждая выявленная тема представляет собой маркетинговую упаковку, предлагающую аудитории определённый образ счастья и пути его достижения.

Слова внутри кластеров семантически близки и позволяют дать интерпретацию темы, однако в некоторых темах есть семантически далёкие слова, которые алгоритм причислил к этой теме из-за частотной совместной встречаемости в тексте. К таким словам относятся имена собственные, которые связаны с именем блогера (*Альберт, Михаил*) или с его гостями (*Мария*). В таблице 2 в столбце «Маркеры из темы» приведён автоматически выявленный набор семантически связанных маркеров, конструирующих тему; в столбце «Эмодукт» показана обобщающая тему исследовательская интерпретация в виде «упаковки» эмодукта, которую могут предлагать блогеры; в столбце «Доля» подсчитана доля присутствия маркеров из темы по сравнению с другими маркерами.

Таблица 2

Результаты тематического моделирования

Эмодукт	Маркеры из темы	Доля (в %)
Инструментарий для саморазвития	<i>знать, сейчас, хотеть, надо, собственно, прям, можно, понимать, значит, думать, наш, момент, давать, большой, сделать</i>	6,6
Гармония через гендерные роли	<i>женщина, мужчина, хотеть, должный, секс, надо, знать, мужик, работать, баба, вопрос, жена, давать, сделать, женский</i>	6,5
Личный коучинг	<i>михаил, хотеть, жить, надо, жизнь, ваш, работа, депрессия, далее, вопрос, знать, счастливый, отношение, психика, проблема</i>	6,1
Семейная система как бизнес-проект	<i>место, функционал, позиция, хотеть, мама, знать, система, отношение, муж, хороший, ребёнок, роль, вопрос, деньги, начинать</i>	5,7
Реанимация брака	<i>брак, друг, хотеть, секс, отношение, обязанность, семья, страсть, жить, знать, вопрос, вытирать, баба, любовь, жизнь</i>	5,3
Счастливый ребёнок	<i>ребёнок, мама, родитель, папа, ваш, пример, воспитание, семья, школа, самый, должный, хотеть, сепарация, родительский, счастливый</i>	4,1
Зрелые отношения и личные границы	<i>отношение, мужчина, женщина, либо, друг, граница, находится, видео, зрелый, партнёр, ваш, ценность, позиция, программа, состояние</i>	4,1
Жизнь как личный проект	<i>урок, пункт, хороший, жизнь, ваш, подчёркивать, шкала, ответственность, родитель, мысль, важный, нормально, альберт, знать, плавно</i>	3,5
«Взросление» мужчины	<i>мужчина, ура, семинар, чрезмерный, отношение, концентрация, женщина, благословение, статья, мешать, построить, мама, счастливый, дяденька, макнуть</i>	3,1
Духовные и экзистенциальные поиски	<i>любовь, любить, капля, большой, наш, встреча, статья, вера, страх, найти, друг, спрашивать, ирина, надежда, дорогой</i>	2,4
Манифестация роскошной жизни	<i>счастье, чек, счастливый, лист, квартира, испытывать, жизнь, чувство, переживание, смысл, юлия, деньги, каждый, машина, некий</i>	2,3
Аффирмации и благодарности	<i>ваш, жизнь, прекрасный, счастливый, мир, пускай, вселенная, благодарный, поздравлять, проводник, долгий, поле, столько, спасибо, красивый</i>	2,2
Биохакинг счастья	<i>вырабатываться, женщина, знать, надо, инструктор, подобный, мужчина, музыка, хороший, блин, ходить, тестостерон, вещь, херня, сидеть</i>	1,9
Терапия травмы	<i>фигура, место, давать, признавать, запрос, похоже, бывший, принимать, чувствовать, боль, бог, maria, прям, достаться, цена</i>	1,7
Путь к исцелению от зависимости	<i>зависимость, принятие, подчёркивать, путь, признание, лечение, поддержка, социальный, тело, жизнь, шаг, изменение, важно, являться, цель</i>	1,4

Анализ актуальности тем

На последнем количественном этапе исследования проведён подсчёт актуальности «упаковок» эמודуктов, продвигаемых на каналах (см. рис. 3). Анализ актуальности позволяет установить, на каком канале и в какой «упаковке» продаются различные эמודукты (см. рис. 3). Из результатов следует, что разные «упаковки» наиболее актуальны в разных каналах. Так, на канале Сатьи Даса продаются следующие темы: «Биохакинг» (*тестостерон не избавляет женщину от стресса*); «Гармония через гендерные роли» (*Три роли женщины: 1. Жена. 2. Мать. 3. Фея и богиня*); «Взросление» (сепарация) мужчины» (*Мужчина, который не может защитить свою женщину, он обсос*).

Эמודукты «Зрелые отношения и личные границы» (*Зрелому человеку нужен зрелый человек*) и «Взросление» мужчины» (*Не факт, что мужчина является зрелой и наполненной личностью, он видит в этой женщине исключительно ресурс*) наиболее часто присутствуют на канале Марка Бартона. Продукт «Личный коучинг» продаётся через прямые эфиры на канале Михаила Лабковского (*Выкиньте из головы этот бред, что это чувствовать, что-то надо, да ничего не надо*), тогда как для канала Альберта Сафина характерен эמודукт «Жизнь как личный проект», который раскрывается через принятие ответственности (*никто, кроме меня, не несёт ответственность за моё счастье*). Отдельно стоит отметить, что у Лабковского, Курпатова и Сафина активно проявляется эמודукт «Аффирмация и благодарность», но технику аффирмаций они не используют.

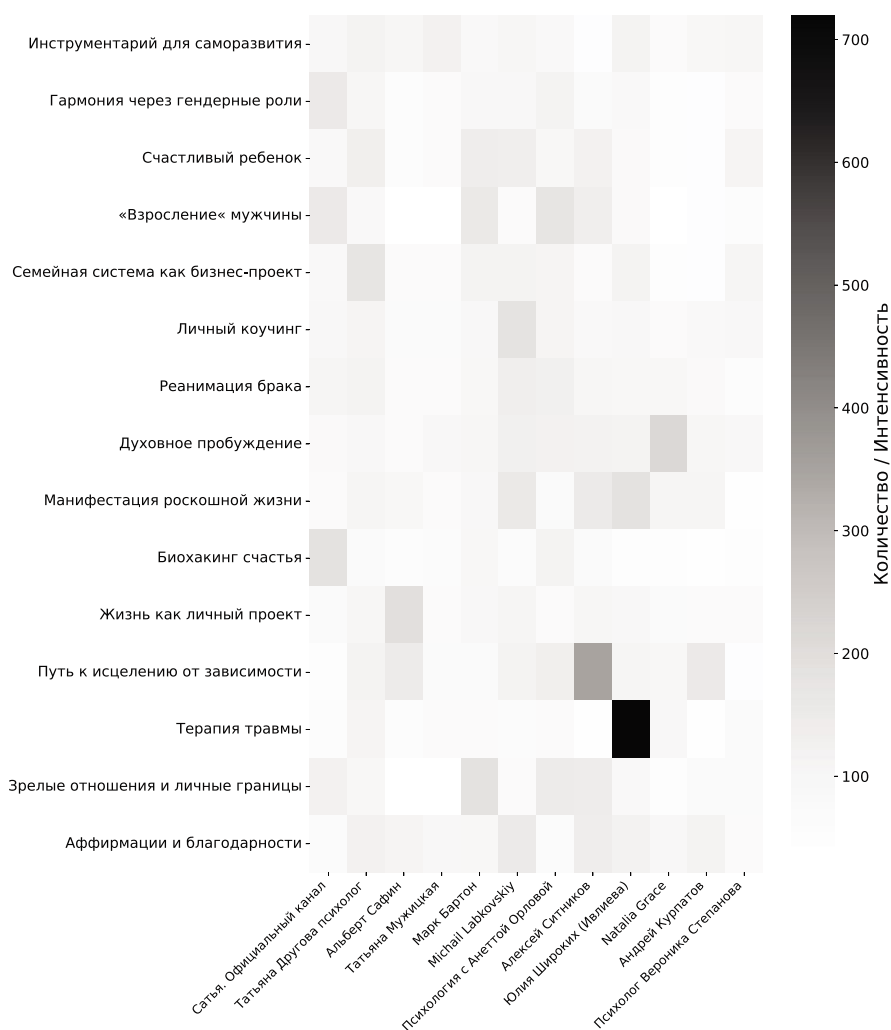

Рис. 3. Матрица актуальности тем на каналах

Эмодукт «Терапия травмы» имеет высокую актуальность на канале Юлии Ивлиевой (*Похоже на то, что я несу сценарий одиночества по женской линии*). В её шоу «Метод» травмированные прошлым опытом гости проходят расстановки для «исцеления» от травмы. Наталья Грейс в своих видеозаписях постоянно апеллирует к религии, что отражено в количественном анализе через высокую актуальность эмодукта «Духовное пробуждение» (*Открывается небесное окно, и мы становимся способными воспринимать любовь*). Для канала Алексея Ситникова актуально продвижение «Пути исцеления от зависимости» (*Зависимость сопровождается отрицанием*), что относится не только к наркотической или алкогольной зависимости, но и к созависимым отношениям. Татьяна Другова продвигает идеологию «Семейные отношения как бизнес-проект» (*Если вы, девочки, большие руководители, то, приходя домой, вспоминайте, что тут другая система*), согласно которой семейные отношения являются важным аспектом карьеры и заработка. Анетта Орлова продаёт эмодукты «Зрелые отношения и личные границы» (*Женщина в таких отношениях испытывает тревогу*) и «“Взросление” мужчины» (*Если мужчина ничего не готов делать, отправляйте этого мужчину*). Татьяна Мужижкая расставляет акценты на «Инструментарии для саморазвития» (*Заведите себе дневник счастья*). Андрей Курпатов помогает освоить «Путь исцеления от зависимости», но, в отличие от других похожих эмодуктов, продвигает свободу от собственного «Я» (*Мы должны утверждать собственное существование, мы должны себя производить не как «я», а как взаимодействие, как отношение*). В выборке у Вероники Степановой было только одно видео про счастье, но в нём особенно активно продвигался продукт избавления от внутреннего ребёнка, что отразилось в актуальности эмодуктов «Счастливый ребёнок» (*Если находишься во взрослой позиции, незрелые эмоции априори отпадают?*) и «Семейная система как бизнес-проект» (*Если вы по природе своей не домохозяйка <...>, придумай всё, что только можно, чтобы появился человек, который за тебя сделает. Подкупить свекровь, нанять какую-то ещё женщину*).

Анализ распределения «упаковок» эмодукта «счастье» на разных каналах раскрывает сложную структуру рыночной сегментации. Каждый представленный блогер занимает свою уникальную нишу и специализируется на продаже конкретного типа эмодукта. В данном случае «счастье» служит частью рекламы этого эмодукта. Количественный анализ позволил раскрыть маркетинговое позиционирование самого блогера, а видео про счастье являются частью контент-плана в этом позиционировании.

Качественный анализ

Количественный анализ позволил нам раскрыть ассортимент эмодуктов и ответить на вопрос, что продаётся под видом счастья. Качественный анализ позволяет выявить техники и приёмы продажи эмодукта и ответить на вопрос, как продаётся счастье. У каждого блогера были выделены риторические перформансы, с помощью которых они выстраивают позиционирование своих эмодуктов. Каждый блогер обладает рядом специфических приёмов, однако мы обозначили наиболее частые общие приёмы, характерные для группы блогеров. Детальное изучение контента позволяет выделить три основные цели перформанса: создание авторитета, упаковка эмодукта и диагностика проблемы. Далее мы установили присутствие различных конкретных риторических приёмов на разных каналах (см. табл. 3).

Первая и, вероятно, самая важная цель перформанса — создание авторитета. Перед продажей продукта блогер должен легитимизировать свою экспертность. Самый надёжный и самый частый способ легитимации — апелляция к авторитету науки. Наукообразная лексика (Татьяна Другова: *Иллюзии визуализации вредны тем, что дофамин уже выработан*) придаёт личным идеям вес объективного знания. Некоторая часть блогеров для легитимации своих идей используют манипуляции научными исследованиями, не ссылаясь на источники (Сатья Дас: *у 86% женщин и 79% мужчин — нехватка витамина В*) или искажая их в пользу собственной точки зрения (Андрей Курпатов: *Будущее неопределённо, новые технологии всё меняют, всё перестраивается, люди демотивированы и не хотят работать. Боль-*

ше 50% профессионального выгорания как может быть нормальным?). Блогеры часто отсылают к нейронауке (Татьяна Мужичкая: *Если верить во Вселенную, то это игры Вселенной. Если не верить, можно верить в мозг*), что проявляется в упоминании гормонов, зеркальных нейронов, квантовой запутанности и т. д.

Ещё один способ легитимации экспертности — обращение к авторитету «мудрости», то есть легитимация через эзотерику, религию и философию. В «эзотерических» приёмах используется апелляция к концепции родологии, которая проявляется в дискурсе в виде упоминания главенства родовых программ и силы рода:

Родовые программы — это цели, ценности, установки, программы поведения, смыслы. Это передаётся по женской линии (Алексей Ситников).

Под религией понимается апелляция к устоявшимся религиозным учениям, в основном к христианству и буддизму:

Атомная электростанция работает в пейсмейкере сердца. Разве это не является свидетельством того, что каждый из нас божественно устроен? (Наталья Грейс).

Религия предполагает наличие определённого канона, который развивается годами в рамках культуры. Блогеры, апеллирующие к религии, стараются придерживаться этого канона (Наталья Грейс использует цитаты из Библии), но некоторые добавляют неканоничные эзотерические концепции — к примеру, «энергии», «реинкарнации» или «родовые программы»:

Понимаешь, что ты служишь Богу и людям. И тогда это чувство внутренней гармонии и наполненности, когда ты пропускаешь энергию через себя, ты получаешь удовлетворение (Юлия Ивлиева).

Философия играет роль декорации:

Иммануил Кант говорил о том, что счастье не может быть достигнуто путём преследования его как конечной цели, оно является скорее побочным продуктом добродетельной жизни (Алексей Ситников).

Через философию блогеры также могут легитимизировать эзотерические концепции:

Она повышает свой квантовый уровень до предела своих родовых программ (Алексей Ситников).

Блогеры часто демонстрируют экспертность через авторитет опыта. Обращаясь к своему опыту и достижениям, они генерализируют выводы на разные ситуации:

Сейчас скажу, как надо себя позиционировать в семье, чтобы были кайфовые отношения. Я живу с мужем 37 лет (Татьяна Другова).

Иногда, опираясь на свой опыт, блогер может игнорировать социальные и структурные факторы:

Если муж потерял работу, то жене не надо искать работу. Это акт недоверия (Сатья Дас).

Установление доверия через экспертность позволяет перейти ко второй цели перформанса — демонстрации своих эמודуктов. Здесь мы опираемся на исследование Д. Терешинной, в котором выделены два эмоциональных режима: психология как рефлексия и позитивная психология [Терешина 2024]. Первый режим описывается автором следующим образом: «Терапевтические модели совершенствования себя через разговор и “проговаривание” чувств опираются на самоанализ, тщательный мониторинг своих внутренних переживаний и поиск “аутентичного” Я» [Терешина 2024: 38]. Второй режим «позитивной психологии» направлен «на культивацию позитивных эмоций и учит избавляться от негативных» [Терешина 2024: 38]. Схожую разметку мы наблюдаем и в двух типах презентации эמודуктов. Первый тип — «рефлексивный» — направлен на проработку прошлого опыта через терапевтическую коммуникацию с психологом и на аудиторию, ищущую аутентичности и самопознания:

Когда вы пытаетесь делать то, что вы хотите, вы сталкиваетесь с тем, что не очень знаете, что хотите. Поэтому вам надо произвести аудит себя самого (Михаил Лабковский).

Второй тип основывается на избавлении от негативных эмоций и фиксации на позитивных сторонах жизни «в моменте», он продаёт идеологию «волшебной таблетки» для массовой аудитории:

Ты можешь быть счастливым, потому что ты есть здесь и сейчас (Марк Бартон).

Таблица 3

Присутствие риторических приёмов на каналах

Название канала	Создание авторитета				Демонстрация эמודукта		Диагностика проблемы	
	Эзотерика	Религия	Житейский опыт	Нейронаука	Психология как рефлексия	Позитивная психология	Критика СССР	Гендерные стереотипы
Сатъя. Официальный канал			Да	Да			Да	Да
Марк Бартон	Да				Да			Да
Андрей Курпатов				Да			Да	
Michail Labkovskiy					Да		Да	
Юлия Широких (Ивлиева)	Да	Да			Да			
Natalia Grace		Да	Да			Да		
Алексей Ситников	Да							Да
Татьяна Мужичка	Да	Да	Да	Да		Да	Да	
Альберт Сафин				Да		Да		
Психолог Вероника Степанова			Да			Да		
Татьяна Другова психолог	Да		Да	Да		Да		Да
Психология с Анеттой Орловой					Да			

Третья выявленная цель перформанса — диагностика проблемы. На основе социального воображаемого блогеры используют две культурные рамки. Первая проявляется через критику СССР как фундаментальный акт позиционирования своего нового гуманистического знания в противовес «бесчеловечности» прошлого [Matza 2018: 65]. СССР критикуется за установление эмоционального режима, стигматизирующего психологию и формирующего пассивного индивида:

При Брежневе очень многих людей отдавали в психиатрическую больницу. Многие, к сожалению, до сих пор боятся, что это пятно на жизни (Михаил Лабковский);

Мне скучно. Что делать? Пойду поработаю, прочитаю лекцию в морге. Я считаю это признак совковости адской (Сатья Дас).

Все блогеры, критикующие СССР, старше 50 лет; соответственно, начало их карьеры совпало с шоковым периодом распада страны. Они ставят свой индивидуализированный подход к счастью в противовес коллективным установкам прошлого:

Приходят мои пациентки, воспитанные в Советском Союзе, когда было принято откладывать <...>. Приходит такая женщина и говорит: найду мужчину и буду счастлива. Стоп. С таким мышлением ты точно притянешь себе абьюзера (Алексей Ситников).

Гендерная стереотипизация используется для диагностики у аудитории чувства неполноценности [Matza 2018]. Несоответствие гендерным ролям описывается как основная психологическая проблема в контенте Сатьи Даса, Марка Бартона, Татьяны Друговой и Алексея Ситникова. Женщинам продаётся противоречивый продукт. С одной стороны, им предлагаются инструменты для самореализации и карьерного развития:

Найти направление для саморазвития, чтобы стать «наполненной» и независимой от мнения других, что автоматически притягивает достойных партнёров (Марк Бартон).

С другой стороны, задаются контексты патриархального общества:

Работающая женщина — одно горе. Работающая баба — это потенциальный предатель (Сатья Дас).

Блогеры навязывают постоянное саморазвитие и личную ответственность за собственное счастье:

Если женщина решила стать счастливой, ей не мешает даже муж (Сатья Дас).

Но в это же время формируют пассивный объект, наделённый определёнными характеристиками «настоящей женщины»:

Если сексуальность для вас является небезопасной, вы не сможете быть женщиной со здоровой самооценкой (Марк Бартон).

Результаты качественного анализа

Результаты качественного анализа позволили выделить четыре доминирующие стратегии маркетингового позиционирования эמודуктов: «академический», «эзотерический», «заботливый» и «гибридный». Эти стратегии можно сопоставить с социальными масками «мудреца», «мага», «заботливого» и «правителя», адаптированными М. Марк и К. Пирсон для брендинга [Марк, Пирсон 2005]. Каждая маска предлагает свою уникальную версию эמודукта «счастье», нацеленную на конкретный сегмент потребителя.

Для «академического» эмоционального стиля (маска «мудрец») особенно характерна апелляция к научному знанию и призывы к рефлексии, самоанализу и самодисциплине. Этого стиля придерживаются

Андрей Курпатов, Михаил Лабковский и Альберт Сафин. Счастье репрезентируется ими как личная ответственность человека и управляемый рациональный проект, достижимый после долгой работы над своей психикой:

Быть счастливым — ответственность отдельно взятого человека (Альберт Сафин);

Разбираться надо не со сменой мест, а с головой надо разбираться, тогда всё будет хорошо (Михаил Лабковский).

Риторика этих трёх спикеров строится на развенчании мифа о «наивном» сиюминутном счастье, они даже прямо заявляют о его отсутствии:

Резкие изменения не работают, только маленькие шаги. Такие обещания — эксплуатация зрителя, люди глупы (Альберт Сафин);

Счастья нет. То, что его нет, не значит, что не может быть философии счастья (Андрей Курпатов).

Однако результаты тематического моделирования демонстрируют противоречие в риторике, так как, помимо «Инструментария для саморазвития», подсчёты показывают высокую актуальность тем «Манифестация роскошной жизни» и «Аффирмации и благодарность». Такие результаты могут свидетельствовать о парадоксе в маркетинговом позиционировании: публично критикуя «сиюминутное счастье», блогеры вынуждены апеллировать к запросу аудитории на материальное благополучие и позитивное мышление:

Это нормально разрешить себе деньги тратить, зарабатывать, сохранять (Альберт Сафин).

В отличие от других масок, «мудрецами» эти ценности подаются как процесс долгой работы над собой: видео Лабковского, в котором он говорит о необходимости работать над собой, называется «Счастье — здесь и сейчас. Как начать новую жизнь без страха и сомнений?». Таким образом, эти блогеры не отрицают эמודукт, но предлагают его рациональную научно обоснованную версию. Вместо обещаний — конкретный инструментарий по достижению счастья: шесть правил Михаила Лабковского; правила Альберта Сафина в видео «Правила нормальной жизни: без эзотерики, успешного успеха и безграничного счастья»; «Высказывание себя — это и есть подлинная забота о себе» (Андрей Курпатов со ссылкой на М. Фуко). В таком стиле блогеры продают не просто знание, а чувство рационального контроля над жизнью. Их целевая аудитория — люди, которые ищут интеллектуальное удовлетворение и презирают эзотерику. Наиболее частые медиаформаты в «академической» стратегии позиционирования — прямые онлайн-эфирные или живые лекции длительностью от 40 минут до трёх часов. Долгий формат видео сам по себе является частью позиционирования, сигнализируя о «серьёзности» и «глубине» эמודукта. Такое стремление проявляется в конкретных продаваемых эמודуктах — долгосрочных образовательных курсах с необходимостью регулярной работы:

Практикум — от слова «практика». Вы получаете задание, там надо работать (Михаил Лабковский).

Стоимость таких курсов ориентирована на средний сегмент рынка и находится в районе 20 тыс. руб.

В отличие от «академического» позиционирования, продающего счастье через личный контроль, «эзотерический» тип конструирует счастье как результат мистической трансформации и освобождения от

невидимых, часто наследственных, внешних сил, которые управляют людьми. Использование такого позиционирования характерно для Алексея Ситникова, Марка Бартона и Юлии Ивлиевой. Так, в риторике этих спикеров фигурирует упоминание «родовых программ»:

Задумайся, следуешь ли ты родовым программам своих родителей? (Марк Бартон).

Несчастье является результатом неэффективной реализации «родовой программы», унаследованной от предков:

И похоже на то, что в моём роду было принято хранить тайну рождения (Юлия Ивлиева).

Проблемы человека и причины его несчастья переносятся в область сакрального знания, носитель которого — личность блогера, надевшего социальную маску «мага». Парадоксально, но для придания веса своим идеям блогеры легитимируют собственные концепции через науку: апелляцию к авторитетам у Ситникова (в одном из видео он ссылается и на Канта, и на Чиксентмихайи, Франкла, Леннона, Толле, и на других); переработанный метод расстановок Хеллингера у Юлии Ивлиевой; психологическая терминология у Марка Бартона (*Не факт, что мужчина является зрелой и наполненной личностью, он видит в этой женщине исключительно ресурс*). В практических методиках по достижению счастья блогеры предлагают символические ритуалы:

Из фигуры мужчины вытаскиваю фигуру смерти (Юлия Ивлиева).

Как отдельный эמודукт у Ситникова продаётся ведение дневника благодарности. Счастье достижимо не через устранение причины несчастья, а через работу с состоянием или через обретение тайного знания:

Осознанное планирование источников позитивных эмоций, чтобы создать «гормональную зависимость» от счастья (Марк Бартон);

Нужно обладать двумя важными качествами — «ясновидением» и «яснослышанием» (Марк Бартон);

Вы когда все обучитесь Методу, вы это будете знать (Юлия Ивлиева).

Тематическое моделирование показывает, что «маги» предлагают наиболее широкий ассортимент эמודуктов. Их «продуктовая линейка» включает товары, охватывающие различные аспекты личной жизни — от отношений («Взросление мужчины», «Зрелые отношения и личные границы») и семьи («Семейная система как бизнес-проект») до денег («Манифестация роскошной жизни») и смысла жизни («Духовное пробуждение»). Они позиционируют себя как универсальный «духовный центр», способный решить любую проблему клиента с помощью единого мистического подхода. В конкретных эמודуктах также проявляется широкий ассортимент для разных сегментов аудитории: курсы, метафорические карты, книги, путешествия, дневники, медитации и даже ежемесячная подписка. С одной стороны, такие блогеры ориентируются на массовую аудиторию, предлагая бесплатные (*бесплатный онлайн-интенсив «Я такая одна: удобная или уникальная?!»*) или недорогие (*Месячная подписка на Юлию Ивлиеву за 1000 руб.*) эמודукты, но, с другой стороны, они легитимируют свою экспертность через ориентацию на премиальный сегмент: одна консультация Алексея Ситникова стоит от 195 тыс. руб., а 40-минутная консультация с Марком Бартоном — 500 тыс. руб. Через такое позиционирование они как бы подтверждают свои обещания о мгновенной трансформации. Эти социальные маски переупаковывают психологические концепты («личные границы», «психологическая зрелость») в эзотери-

ческую обертку. В этой стратегии используются самые дорогие медийные форматы: короткие видеоролики с разными планами и качественным постпродакшеном, собственное шоу у Юлии Ивлиевой. Через дорогой контент продаётся симулякр «чудесного освобождения и трансформации». Счастье коммодифицируется в виде мистического опыта, который обещает не просто улучшение жизни, а переход в новое состояние. Важно отметить, что такой подход — не специфическое российское явление. Западные исследователи также выявляли эзотерические корни в некоторых психологических направлениях [Cabanas, Sánchez-González 2020].

В «заботливом» позиционировании, соответствующем аналогичной маске, счастье строится как исцеление от внутренних травм, блоков и дефицитов. Ключевую роль играет установление через обращение личной, почти интимной, связи блогера с аудиторией:

Любимые мои, дорогие (Вероника Степанова).

Блогер принимает на себя роль знающего родителя, который валидирует страдания зрителя и даёт им объяснения не с позиции вины, а с позиции травмирующего прошлого или неправильных установок. У блогеров разные подходы: Вероника Степанова использует язык транзактного анализа (*Если находишься во взрослой позиции, незрелые эмоции априори отпадают?*), Анетта Орлова — клинический язык (*Люди, заполненные родительскими интроектами...*) или даже образ духовной наставницы, как у Натальи Грейс (*Источник Любви нам даётся Всевышним*). Но при этом транслируют единую идею: «Ты имеешь право. С тобой всё в порядке. Я о тебе позабочусь». Блогеры предлагают включить свою терапевтическую заботу в личную жизнь человека:

Будет прекрасная вам терапия с этим дневничком, там везде я буду вас курировать, там везде моя фотография будет следить и всё вам подсказывать (Вероника Степанова).

При диагностике проблемы они сразу предлагают решения:

Программа «Самооценка» создана в первую очередь для того, чтобы создать у учеников такие условия, в которых они смогут, как на благодатной почве изучать себя и встретиться с собой самым уязвимым, который всего боится, и с самым критичным, который мешает жить (Анетта Орлова).

В «заботливом» стиле продаётся эמודукт «принятия и безопасности», который предоставляет право на эгоизм, на личные границы и на чувства:

Первое правило — это думать о себе (Вероника Степанова);

Работа с самооценкой (Анетта Орлова);

Нужно заботиться о себе (Наталья Грейс);

Есть свобода от, а есть свобода для (Анетта Орлова);

Говорить о своих чувствах (Вероника Степанова).

Парадоксально, но такие блогеры монетизируют функцию заботы, которую могут выполнять близкие люди или личный терапевт. Такая стратегия особенно эффективна в обществе, где возникает потребность в эмоциональной поддержке. Количественный анализ показывает, что «заботливые» ориентиру-

ются на болезненные и кризисные «упаковки» эמודуктов, такие как «Путь исцеления от зависимости» и «Реанимация брака». Их аудитория — люди в состоянии острой уязвимости. Конкретные эמודукты Натальи Грейс направлены на недорогой сегмент аудитории: книги (от 220 руб.), записи (от 500 руб.). Эמודукты Вероники Степановой, такие как видеоуроки, медитации, гайды, стоят 900 руб. Такая ценовая линейка призывает покупателя как можно быстрее вступить в первый контакт с блогером, чтобы получить часть его заботы. Анетта Орлова ориентируется на более дорогой сегмент рынка: стоимость основной программы начинается от 52 тыс. руб., а подписка стоит 2500 руб. в месяц.

Последний выделенный тип стратегии охарактеризован как «гибридный», так как в нём смешаны элементы трёх предыдущих стилей. В этом случае блогеры выступают как «правители», использующие различные характеристики предыдущих стратегий для максимизации охвата и эффективности своих эמודуктов. Сатья Дас, Татьяна Мужичкая и Татьяна Другова демонстрируют, как можно совместить наукообразность: Сатья Дас рассуждает о влиянии гормонов на жизнь; Татьяна Мужичкая приглашает доктора биологических наук Вячеслава Дубинина; Татьяна Другова постоянно ссылается на зеркальные нейроны, мистицизм и заботу:

Всевозможные новомодные восточные штучки — типа медитации, пранаяны, йога. Это тоже работает (Сатья Дас);

Я именно мистик, а не эзотерик (Татьяна Мужичкая);

У Вселенной и Бога нету рта, рук и облика, кроме наших (Татьяна Другова);

Три роли женщины: 1. Жена. 2. Мать. 3. Фея и богиня (Сатья Дас);

Есть другая стратегия — принцип зелёной ручки (Татьяна Мужичкая);

Если у вас происходят изменения, не обесценивайте их (Татьяна Другова).

Эклектика прослеживается и в предлагаемых техниках достижения счастья, таких как нормализация питания («академический» тип), ритуальные техники и забота:

Бери лист бумаги, пиши, что ты хочешь получить. 49 пунктов написал. Бери лист бумаги второй, надо писать, что ты готов дать в семье (Сатья Дас);

Пение, прогулки, чтобы расслабиться (Сатья Дас).

У Мужичкой в техниках также присутствует эклектика: апелляция к НЛП (*пирамида Дилтса*), ритуальный дневник счастья и техника заботы «Почему я сегодня молодец?». Другова вступает в оппозицию академическим техникам самоанализа (*Не ходить в прошлое, не прорабатывать старые травмы*), но активно предлагает ритуальные действия (*Чего-то хотите, вам чего-то недостаёт? Начинайте это давать. Мир только так понимает, ведь языка нет у Вселенной*) и техники заботы о себе (*Когда появляется навык [жить счастливо], ты получаешь огромное наслаждение от проявленности*). В таком стиле используются наименее затратные медиаформаты — прямые онлайн-эфирные, запись на телефон, записи живых лекций. Гибридная стратегия предлагает «всё в одном»: научные объяснения, удовлетворяющие рациональную часть сознания потребителей; простые мистические ритуалы и атмосферу заботы и принятия. В таком типе счастье превращается в максимально удобный для потребителя товар, доступный для широкой аудитории. В продуктовой линейке нет единых актуальных эמודуктов, выявленных в тематическом моделировании, так как каждый специализируется на своём сегменте рын-

ка. Татьяна Мужижкая и Сатъя Дас предлагают самый массовый и доступный эמודукт для массового зрителя — книги в разных форматах. Татьяна Другова предоставляет широкую продуктовую линейку образовательных программ: от записей (цена от 900 руб.) до ключевого продукта «Онлайн-тренинг StepWay: 8 лет за 8 дней» (цена от 35 тыс. до 65 тыс. руб.).

Анализ активности аудитории для каждой маски

В конце исследования мы подсчитали описательные статистики для каждого из четырёх типов маркетингового позиционирования (см. рис. 4). Левый график визуализирует распределение охвата, рассчитанного как отношение количества просмотров к количеству дней между датой выхода и датой сбора информации. Этот подход отражает, насколько массовым является продукт. Правый график описывает распределение вовлечённости (*engagement rate*), рассчитанной как сумма лайков и комментариев, поделённая на количество просмотров. Показатель базируется на лояльности и активности аудитории. Различия в распределении на графиках отражают фундаментальные различия в двух стратегиях, которые ориентированы (1) на максимизацию просмотров и (2) на максимизацию вовлечённости.

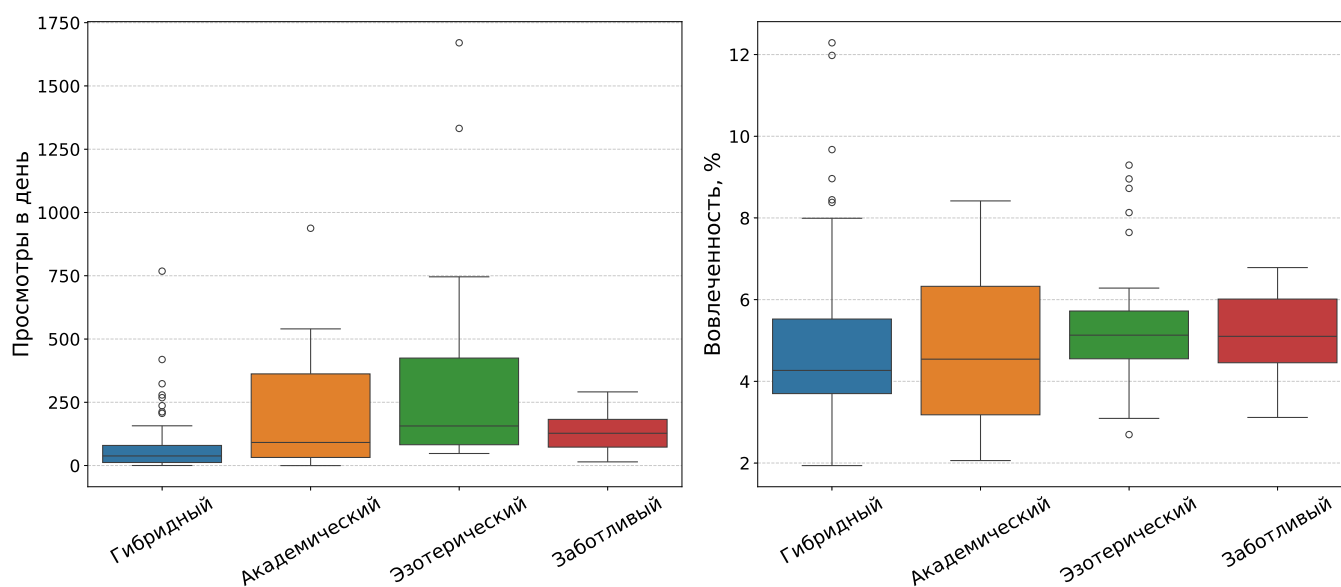

Рис. 4. Графики охвата и вовлечённости для четырёх маркетинговых стратегий

«Эзотерическая» стратегия является безусловным лидером по охвату рынка: у неё самый высокий медианный показатель и самый высокий размах на правом графике. Предлагаемый стратегией эמודукт «Чудесная трансформация» обладает самым высоким массовым спросом. Обещание быстрого, магического решения проблем, упакованное в качественный визуальный ряд, привлекает наиболее широкую аудиторию. Этот тип продаёт самый востребованный товар — зрелище и надежду. Уровень вовлечённости также обладает хорошим показателем, но верхний квартиль и верхняя граница не превышают остальные типы. Такой показатель может свидетельствовать о том, что аудитория потребляет такой контент, но не вступает в активный диалог.

Второй по охватам, но с высокой и стабильной вовлечённостью — «академический» тип позиционирования, который занимает нишу «умного» продукта. Он требует от аудитории «интеллектуальной» активности, поэтому проигрывает в охвате «эзотерическому» стилю, но его аудитория показывает высокую вовлечённость. Также высокую вовлечённость порождает и сам медиаформат прямого эфира, дающий аудитории возможность постоянно оставаться в контакте, а блогеру — стабильно продавать свой эמודукт «Рациональный контроль над эмоциями».

На левом графике самые скромные показатели у стратегии «Заботливый», которую можно отнести к нишевому продукту. В то же время эта стратегия показывает стабильный уровень вовлечённости. Её главное предложение — создание глубокой «психосоциальной» связи между аудиторией и блогером. В рамках этого типа маркетингового позиционирования формируется лояльная и зависимая аудитория, которая проявляет свою преданность в благодарности, исповедях и просьбах о помощи в комментариях. С точки зрения маркетинга такой стиль формирует идеальную среду для продажи долгосрочных эмодуктов, за которые пользователь стабильно будет платить деньги (медитации, подписка, книги). Используя эту стратегию блогеры жертвуют охватом ради глубины проникновения в жизнь клиента.

«Гибридная» стратегия демонстрирует низкие просмотры, но в то же время обладает самым высоким количеством выбросов как по охвату, так и по вовлечённости. Можно предположить, что эклектичность стиля и отсутствие чёткого позиционирования не позволяют получить широкие охваты или сформировать стабильную аудиторию. В то же время большое количество выбросов свидетельствует об ориентации на вирусность контента. Провокационные заявления на тему гендера, простые «лайф-хаки» и смешение разных концепций работают на стратегию моментального привлечения внимания, которое в последующем можно монетизировать различными способами.

Таким образом, выбор блогером «социальной маски» напрямую определяет стратегию позиционирования, сегмент аудитории, тематическую направленность, продуктовую линейку и в итоге способ монетизации абстрактного «счастья». Потребители, в свою очередь, через просмотры и комментарии активно участвуют в этой экономике и отдают предпочтения эмодуктам, которые отвечают их внутренним дефицитам в заботе, в чуде, в пище для ума или в простых ответах.

Выводы

Проведённое исследование показало, что на российском YouTube сформировалась полноценная маркетинговая инфраструктура по продаже эмодукта «счастье». Мы предприняли попытку структурирования этой системы и выделили её особенные черты. С помощью тематического моделирования выявлены 15 «упаковок» для эмодуктов: инструментарий для саморазвития; гармония через гендерные роли; личный коучинг; семейная система как бизнес-проект; реанимация брака; счастливый ребёнок; зрелые отношения и личные границы; жизнь как личный проект; «взросление» мужчины; духовные и экзистенциальные поиски; манифестация роскошной жизни; аффирмации и благодарности; биохакинг счастья; терапия травмы; путь к исцелению от зависимости. Эти «упаковки» представляют собой коммодифицированные решения экзистенциальных и психологических проблем, которые откликаются на разные интересы аудитории. Качественный анализ позволил установить четыре социальные маски («мудрец», «маг», «заботливый», «правитель»), являющиеся продуманными стратегиями позиционирования на рынке, ориентированными на разные сегменты аудитории. Для каждой стратегии характерен свой набор «упаковок». Анализ активности аудитории показал наличие трёх различных стратегий: максимизация охвата, максимизация лояльности и ориентация на вирусный контент. Представленные результаты описывают конкурирующие бизнес-модели по продаже различных эмодуктов. Таким образом, абстрактная идея «счастья» в российском YouTube превращается в конкретный товар через сложную перформативную работу [Гофман 2000], в которой преследуются три цели: создание авторитета, диагностика проблемы и демонстрация эмодуктов. Этот перформанс разворачивается в рамках того, что Т. Матца назвал «ненадёжной заботой» (*precarious care*) [Matza 2018]. Блогеры предлагают заботу, но она по своей природе не является надёжной, так как встроена в рыночные отношения и зависима от успеха его публичного образа.

Исследование эмпирически подтверждает и развивает концепцию Е. Иллуз о коммодификации эмоций в цифровую эпоху [Шлоуз 2017]. Мы продемонстрировали, как интерактивные платформы (в частности,

YouTube) позволяют проводить и масштабировать маркетинговые стратегии, которые одновременно создают спрос и предлагают решения личностных проблем. Мы обосновываем и апробируем конкретный инструментарий для изучения процесса коммодификации эмоций на платформе YouTube. Понятие «эмоциональный капитализм» в процессе анализа обретает чёткие черты рыночной сегментации и маркетинговых стратегий. Выделенные маркетинговые стратегии можно охарактеризовать как прямое проявление «тирании позитивности» [Held 2002]. Потребитель возлагает вину за своё эмоциональное состояние на собственное мышление, а эמודукты, предлагающие покупку симуляции «счастья и радости», становятся желанным товаром. Императив постоянного самоулучшения, принятый социальным воображаемым, создаёт потребности в приобретении эמודуктов. Особенно это ярко проявляется в гендерных вопросах, где женщинам одновременно описывают две противоречивые модели поведения — самореализацию через независимость и соответствие патриархальным нормам, что может создавать напряжение и порождать постоянный спрос. Алгоритмы YouTube позволяют масштабировать эту инфраструктуру для производства и дистрибуции эמודуктов. Формат видео, особенно в виде прямых эфиров, предоставляет возможность моментально диагностировать проблему и предложить решение в виде бесплатного продукта (лид-магнита) или платного курса.

Кроме того, представленное исследование расширяет и подтверждает изучение постсоветского «эмоционального стиля» [Лернер 2022]. Во-первых, два конкурентных стиля, выявленных Д. Терешинной, ярко выделяются в стратегиях позиционирования [Терешина 2024]. Обозначение этих стилей в маркетинговом материале подводит в дальнейшем к анализу социально-демографических признаков аудитории, что может внести вклад в развитие идеи об эмоциональной стратификации в российском обществе [Терешина 2024]. Изучение рынка популярной психологии позволило соотнести ключевые концепции исследования Т. Матца [Matza 2018]: критика СССР как инструмент самоопределения, (не)соизмеримость, ненадёжная забота и психосоциальность. Нарративы западной терапевтической культуры («личные границы», «психологическая зрелость», «фокусировка на позитивных моментах») смешиваются с архаичными (родология) и патриархальными конструктами, чтобы стать «соизмеримыми» для постсоветского социального воображаемого [Taylor 2004]. «Заботливые» блогеры ориентируются на стратегию формирования лояльных долгосрочных сообществ, что свидетельствует об использовании «психосоциальности» как маркетинговой стратегии.

Стоит отметить ряд ограничений представленной работы. Во-первых, исследование фокусируется на анализе контента со стороны производства и позиционирования. Для полного понимания феномена коммодификации эмоций необходим анализ аудитории для выявления конкретных сегментов покупателей. Это позволит описать, как предлагаемые эמודукты интерпретируются и потребляются в рамках различных социально-демографических срезов. Во-вторых, выборка ограничена наиболее популярными блогерами, что оставляет за рамками исследования менее заметных, но, возможно, более инновационных или радикальных игроков. В-третьих, исследование сосредоточено на одном канале распространения — платформе YouTube. Для верификации в дальнейшем необходимо включить другие платформы — VK, «Одноклассники» и Telegram, в которых могут формироваться лояльные сообщества. В-четвёртых, в исследование не включён анализ комментариев, что в дальнейшем позволит выделить боли аудитории и верифицировать выявленные «социальные маски».

В итоге наше исследование позволяет перейти от анализа терапевтического контента на YouTube к выявлению более глубоких социальных процессов. Во-первых, вместо обсуждения структурных проблем несчастья (экономическое неравенство, политическая нестабильность) аудитории предлагается индивидуальное коммерческое решение — «проработать себя». Такой процесс может быть механизмом деполитизации социального страдания [Frawley 2018], которое рынок эמודуктов эффективно перенаправляет в русло личного потребления. Во-вторых, мы продемонстрировали, как рыночные игроки на-

чинают выполнять функции социальных институтов (семья, друзья, сообщества). Формируется новая форма социальной связи в цифровой среде, основанная на коммерциализированной заботе и совместном потреблении эמודуктов.

Литература

- Бодрийяр Ж. 2020. *Общество потребления*. Перев. с франц. Е. А. Самарской. М.: АСТ.
- Бринкман Р. 2017. *Конец эпохи self-help: как перестать себя совершенствовать*. Перев. с дат. Ю. Коняховой. М.: Альпина Паблишер.
- ВЦИОМ. 2024. *Счастье в России: мониторинг*. Электронный ресурс [код доступа]: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/schaste-v-rossii-monitoring-18042024> (дата обращения: 20 февраля 2025).
- ВЦИОМ. 2025. *Индекс потребности россиян в психологической поддержке*. Электронный ресурс [код доступа]: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/indeks-potrebnosti-rossijan-v-psikhologicheskoi-podderzhke> (дата обращения: 16 июня 2025).
- Глухова М. 2024. Два поколения депрессии: Дискурсы об эмоциях в автобиографических текстах российских мужчин. *Журнал исследований социальной политики*. 22 (1): 43–58.
- Гофман И. 2000. *Представление себя другим в повседневной жизни*. Перев. с англ. А. Д. Ковалева. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле.
- Иллуз Е., Кабанас Э. 2023. *Фабрика счастливых граждан. Как индустрия счастья контролирует нашу жизнь*. Перев. с франц. А. В. Рахманько. М.: АСТ.
- Колпинец К. 2022. *Формула грёз. Как соцсети создают наши мечты*. М.: Индивидуум.
- Лернер Ю. 2011. Телетерапия без психологии, или Как адаптируют Self на постсоветском телеэкране. *Laboratorium. Журнал социальных исследований*. 3 (1): 116–137.
- Лернер Ю. 2022. Предисловие: новояз чувств. Эмоционализация культуры в переводе. В кн.: Аронсон П. (ред.) *Сложные чувства. Разговорник новой реальности: от абьюза до токсичности*. М.: Индивидуум; 11–21.
- Марк М., Пирсон К. 2005. *Герой и бунтарь. Создание бренда с помощью архетипов*. М.: Питер.
- Митрофанова О. А., Атугодаге М. М. 2023. Динамическое тематическое моделирование русскоязычного корпуса юридических документов. *Terra Linguistica*. 14 (1): 70–87.
- Новикова А. А. 2018. *Воображаемое сообщество. Очерки истории экранного образа российской интеллигенции* М.: Согласие.
- РБК. 2025. *Российский рынок психологических услуг: рекордный рост и трансформация спроса*. Электронный ресурс [код доступа]: <https://marketing.rbc.ru/articles/15657/> (дата обращения: 20 июня 2025).

- Симонова О. А. 2024. «Эмоциональная разметка» психотерапевтической культуры: императивы, идейные противоречия и линии анализа. *Журнал исследований социальной политики*. 22 (1): 7–24.
- Тен Л. В. 2023. Тематическое моделирование в задаче автоматической рубрикации новостных текстов. *Terra Linguistica*. 14 (2): 77–91.
- Терёшина Д. 2024. «Быть собой» или «радовать себя»? Терапевтические технологии, эмоции и неравенство в современной России. *Журнал исследований социальной политики*. 22 (1): 25–42.
- Ahmed S. 2020. *The Promise of Happiness*. Durham: Duke University Press.
- Beyens I. et al. 2020. The Effect of Social Media on Well-Being Differs from Adolescent to Adolescent. *Scientific Reports*. 10 (1): 10763. Available at: <https://doi.org/10.1038/s41598-020-67727-7> (accessed 10 January 2026).
- Cabanas E., Sánchez-González J. C. 2020. Becoming Positive Souls: Spirituality and Happiness from New Thought to Positive Psychology. In: Nehring D. et al. (eds) *The Routledge International Handbook of Global Therapeutic Cultures*. Abingdon, UK; New York: Routledge; 71–82.
- Carlquist E. et al. 2017. Everyday Understandings of Happiness, Good Life, and Satisfaction: Three Different Facets of Well-Being. *Applied Research in Quality of Life*. 12 (2): 481–505.
- Choi B., Kim H., Huh-Yoo J. 2021. Seeking Mental Health Support among College Students in Video-Based Social Media: Content and Statistical Analysis of YouTube Videos. *JMIR Formative Research*. 5 (11): e31944. Available at: <https://formative.jmir.org/2021/11/e31944/> (accessed 13 January 2026).
- Creswell J. W., Creswell J. D. 2017. *Research Design: Qualitative, Quantitative, and Mixed Methods Approaches*. Thousand Oaks, CA: SAGE.
- De Paola J., Hakoköngäs E. J., Hakanen J. J. 2020. #Happy: Constructing and Sharing Everyday Understandings of Happiness on Instagram. *Human Arenas*. 5: 469–487. Available at: <https://doi.org/10.1007/s42087-020-00149-z> (accessed 10 January 2026).
- De Vos J. 2020. Digital Therapeutic Culture. In: Nehring D. et al. (eds) *The Routledge International Handbook of Global Therapeutic Cultures*. Abingdon, UK; New York: Routledge; 233–244.
- Del Rio Carral M., Volpato L., Michoud C. 2024. ‘I Wanted to Share with You Some of my Healthy Habits’: YouTubers’ Staging of Health-Related Practices. *Psychology & Health*. 39 (1): 68–90.
- Diener E. (ed.). 2009. *The Science of Well-Being: The Collected Works of Ed Diener*. New York: Springer (Social Indicators Research Series. 37).
- Do Y. et al. 2024. Analysis of YouTube-Based Therapeutic Content for Children with Cerebral Palsy. *Children*. 11 (7): 814. Available at: <https://doi.org/10.3390/children11070814> (accessed 13 January 2026).
- Ehrenreich B. 2009. *Bright-Sided: How Positive Thinking is Undermined America*. New York: Henry Holt & Co.

- Frawley A. 2018. 'Unhappy News': Process, Rhetoric, and Context in the Making of the Happiness Problem. *Sociological Research Online*. 23 (1): 43–66.
- Janicke-Bowles S. H., Rieger D., Connor W. 2019. Finding Meaning at Work: The Role of Inspiring and Funny YouTube Videos on Work-Related Well-Being. *Journal of Happiness Studies: An Interdisciplinary Forum on Subjective Well-Being*. 20 (2): 619–640. Available at: <https://psycnet.apa.org/doi/10.1007/s10902-018-9959-1> (accessed 10 January 2026).
- Held B. S. 2002. The Tyranny of the Positive Attitude in America: Observation and Speculation. *Journal of Clinical Psychology*. 58 (9): 965–991.
- Helliwell J. F. et al. (eds.) 2024. *World Happiness Report 2024*. Oxford, UK: University of Oxford: Wellbeing Research Centre. Available at: <https://worldhappiness.report/ed/2024/> (accessed 20 February 2025).
- Henderson L., Knight T. 2012. Integrating the Hedonic and Eudaimonic Perspectives to More Comprehensively Understand Wellbeing and Pathways to Wellbeing. *International Journal of Wellbeing*. 2 (3): 196–221.
- Iancu I., Hanța A. 2010. Social Representations of Happiness. *Journal of Media Research*. 3 (2): 12–38.
- Illouz E. 2008. *Saving the Modern Soul: Therapy, Emotions, and the Culture of Self-Help*. Berkeley; Los Angeles, CA; London, UK: University of California Press.
- Illouz E. 2017. Introduction: Emodities or the Making of Emotional Commodities. In: Illouz E. (ed.) *Emotions as Commodities: Capitalism, Consumption and Authenticity*. Abingdon, UK; New York: Routledge; 1–29.
- Ivankova N. V., Creswell J. W., Stick S. L. 2006. Using Mixed-Methods Sequential Explanatory Design: From Theory to Practice. *Field Methods*. 18 (1): 3–20.
- Kaya H. D. et al. 2025. Content Analysis and Quality Evaluation of YouTube Videos on Leopold's Maneuvers: A Mixed-Method Study. *Education and Information Technologies*. 30: 20653–20672 Available at: <https://doi.org/10.1007/s10639-025-13595-5> (accessed 10 January 2026).
- Lerner J., Novikova A. 2024. From Moral Therapy to Political Defiance: Public Self-Reflections on Russian YouTube. *The Russian Review*. 83 (1): 51–65.
- Lerner J., Zbenovich C. 2013. Adapting the Therapeutic Discourse to Post-Soviet Media Culture: The Case of Modnyi Prigovor. *Slavic Review*. 72 (4): 828–849.
- Leykina I. 2015. Rodologia: Genealogy as Therapy in Post-Soviet Russia. *Ethos*. 43 (2): 135–164.
- Lilienfeld S. O. et al. 2013. Pseudoscience, Non-science, and Nonsense in Clinical Psychology: Dangers and Remedies. In: Wright R. H., Cummings N. A. (eds) *Destructive Trends in Mental Health: The Well Intentioned Path to Harm*. New York; Abingdon, UK: Routledge; 187–218.
- McKenzie J. 2016. *Deconstructing Happiness: Critical Sociology and the Good Life*. New York; Abingdon, UK: Routledge.
- Matza T. 2018. *Shock Therapy: Psychology, Precarity, and Well-Being in Postsocialist Russia*. Durham, NC: Duke University Press.

- Nehring D. et al. 2016. *Transnational Popular Psychology and the Global Self-Help Industry: The Politics of Contemporary Social Change*. Basingstoke, UK; New York, NY: Palgrave Macmillan.
- Nehring D. et al. 2020. Introduction: Therapeutic Global Cultures from a Multidisciplinary Perspective: Present and Future Challenges. In: Nehring D. et al. (eds) *The Routledge International Handbook of Global Therapeutic Cultures*. Abingdon, UK; New York: Routledge; 3–13.
- Neville P. 2020. Charting the Emergence of the Self as a Social Representation from Early Modernity to the 20th Century: A Constructionist Approach. In: Nehring D. et al. (eds) *The Routledge International Handbook of Global Therapeutic Cultures*. Abingdon, UK; New York: Routledge; 25–36.
- Salmenniemi S., Vorona M. 2014. Reading Self-Help Literature in Russia: Governmentality, Psychology and Subjectivity. *The British Journal of Sociology*. 65 (1): 43–62.
- Seligman M. E. P. 2004. *Authentic Happiness: Using the New Positive Psychology To Realize Your Potential for Lasting Fulfillment*. New York: Simon & Schuster.
- Salihoglu N. C., Çetin A. 2024. Examining Preschool Teacher's Use of Social Media in Terms of Their Professional Development. *Journal of Educational Technology and Online Learning*. 7 (1): 132–148.
- Taylor C. 2004. *Modern Social Imaginaries*. Durham, NC: Duke University Press.
- Thyer B. A., Pignotti M. 2015. *Science and Pseudoscience in Social Work Practice*. New York: Springer Publishing Company.

BEYOND BORDERS

Nikita Matkin, Anna Novikova

Happiness Emodities: Commodification and Marketing Strategies in Popular Psychology

MATKIN, Nikita Andreevich — Abstract

Research Assistant at the International Laboratory of Intangible-driven Economy, HSE University (Perm); PhD Student at the Institute of Media, HSE University. Address: 37 Gagarin Boulevard, 614060, Perm Krai, Perm, Russian Federation.

Email: namatkin@hse.ru

NOVIKOVA, Anna

Alexeevna — Doctor of Sciences in Theory and History of Culture, Professor at the Institute of Media, HSE University. Address: 20 Myasnitskaya str., 101000, Moscow, Russian Federation.

Email: anovikova@hse.ru

In the context of the growing demand for psychological services in Russia and the spread of therapeutic culture, digital platforms like YouTube are becoming a key locus for the commercialization of emotions. However, the mechanisms of commodification, particularly concerning happiness, remain underexplored in this digital environment. This article examines how popular Russian psychological bloggers on YouTube construct, package, and commodify the abstract concept of ‘happiness’ as a standardized commodity, which we term an ‘emodity.’ The research employs a sequential explanatory mixed-methods design, combining quantitative (content analysis and thematic modeling of 118 videos) and qualitative (analysis of rhetorical and performative strategies) approaches. The analysis reveals four dominant marketing personas—‘academic’, ‘esoteric’, ‘caring’, and ‘hybrid’. These are built upon three primary performative goals: establishing authority (via science, wisdom, or personal experience), diagnosing consumer problems (often by invoking Soviet history or gender stereotypes), and presenting distinct ‘emodity’ packages (conceptualized as either reflective psychology or positive psychology). Furthermore, these strategies correspond to different models of audience engagement, aimed at either maximizing reach, cultivating loyalty, or generating viral content. The study adapts and applies the concept of ‘emodities’ to the Russian therapeutic culture, describing

how the Western individualistic therapeutic narrative becomes ‘commensurate’ with the post-Soviet social imaginary. The article contributes to economic sociology by demonstrating how the digital market for emotions transforms collective social anxieties into individualized consumer practices.

Keywords: therapeutic culture; happiness; emodity; thematic modeling; social masks; marketing positioning.

Acknowledgements

This article is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at HSE University.

References

Ahmed S. (2020) *The Promise of Happiness*, Durham: Duke University Press.

Baudrillard J. (2020) *Obshchestvo potrebleniya* [The Consumer Society], Moscow: AST Publisher (in Russian).

- Beyens I., Pouwels J. L., Driel I. I. van, Keijsers L., Valkenburg P. M. (2020) The Effect of Social Media on Well-Being Differs from Adolescent to Adolescent. *Scientific Reports*, vol. 10, no 1, art. 10763. Available at: <https://doi.org/10.1038/s41598-020-67727-7> (accessed 10 January 2026).
- Brinkmann P. (2017) *Konets epokhi self-help: kak perestat sebya sovershenstvovat* [The End of the Self-Help Era: How to Stop Improving Yourself], Moscow: Alpina Publisher (in Russian).
- Cabanas E., Sánchez-González J. C. (2020) Becoming Positive Souls: Spirituality and Happiness from New Thought to Positive Psychology. *The Routledge International Handbook of Global Therapeutic Cultures* (eds. D. Nehring, O. Jacob Madsen, E. Cabanas, C. Mills, D. Kerrigan), Abingdon, UK; New York: Routledge, pp. 71–82.
- Carlquist E., Ulleberg P., Delle Fave A., Nafstad H. E., Blakar R. M. (2017) Everyday Understandings of Happiness, Good Life, and Satisfaction: Three Different Facets of Well-Being. *Applied Research in Quality of Life*, vol. 12, no 2, pp. 481–505.
- Choi B., Kim H., Huh-Yoo J. (2021) Seeking Mental Health Support among College Students in Video-Based Social Media: Content and Statistical Analysis of YouTube Videos. *JMIR Formative Research*, vol. 5, no 11, art. e31944. Available at: <https://formative.jmir.org/2021/11/e31944/> (accessed 13 January 2026).
- Creswell J. W., Creswell J. D. (2017) *Research Design: Qualitative, Quantitative, and Mixed Methods Approaches*, Thousand Oaks, CA: SAGE.
- De Paola J., Hakoköngäs E. J., Hakanen J. J. (2020) #Happy: Constructing and Sharing Everyday Understandings of Happiness on Instagram. *Human Arenas*, vol. 5, pp. 469–487. Available at: <https://doi.org/10.1007/s42087-020-00149-z> (accessed 10 January 2026).
- De Vos J. (2020) Digital Therapeutic Culture. *The Routledge International Handbook of Global Therapeutic Cultures* (eds. D. Nehring, O. Jacob Madsen, E. Cabanas, C. Mills, D. Kerrigan), Abingdon, UK; New York: Routledge, pp. 233–244.
- Del Rio Carral M., Volpato L., Michoud C. (2024) ‘I Wanted to Share with You Some of My Healthy Habits’: YouTubers’ Staging of Health-Related Practices. *Psychology & Health*, vol. 39, no 1, pp. 68–90.
- Diener E. (ed.). (2009) *The Science of Well-Being: The Collected Works of Ed Diener*, New York: Springer (Social Indicators Research Series, vol. 37).
- Do Y., Oh Y., Kim N. Y., Hong J. (2024) Analysis of YouTube-Based Therapeutic Content for Children with Cerebral Palsy. *Children*, vol. 11, no 7, art. 814. Available at: <https://doi.org/10.3390/children11070814> (accessed 13 January 2026).
- Ehrenreich B. (2009) *Bright-Sided: How Positive Thinking is Undermined America*, New York: Henry Holt & Co.
- Frawley A. (2018) ‘Unhappy News’: Process, Rhetoric, and Context in the Making of the Happiness Problem. *Sociological Research Online*, vol. 23, no 1, pp. 43–66.
- Glukhova M. (2024) Dva pokoleniya depressii: Diskursy ob emotsiyakh v avtobiograficheskikh tekstakh rossiiskikh muzhchin [Two Generations of Depression: Discourses on Emotions in Autobiographical Texts

- of Russian Men]. *The Journal of Social Policy Studies* = *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki*, vol. 22, no 1, pp. 43–58 (in Russian).
- Goffman E. (2000) *Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoi zhizni* [The Presentation of Self in Everyday Life], Moscow: KANON-press-C; Kuchkovo pole (in Russian).
- Held B. S. (2002) The Tyranny of the Positive Attitude in America: Observation and Speculation. *Journal of Clinical Psychology*, vol. 58, no 9, pp. 965–991.
- Helliwell J. F., Layard R., Sachs J. D., De Neve J.-E., Aknin L. B., Wang S. (eds) 2024. *World Happiness Report 2024*, Oxford, UK: University of Oxford: Wellbeing Research Centre. Available at: <https://world-happiness.report/ed/2024/> (accessed 10 January 2026).
- Henderson L., Knight T. (2012) Integrating the Hedonic and Eudaimonic Perspectives to More Comprehensively Understand Wellbeing and Pathways to Wellbeing. *International Journal of Wellbeing*, vol. 2, no 3, pp. 196–221.
- Iancu I., Hanța A. (2010) Social Representations of Happiness. *Journal of Media Research*, vol. 3, no 2, pp. 12–38.
- Illouz E. (2008) *Saving the Modern Soul: Therapy, Emotions, and the Culture of Self-Help*, Berkeley; Los Angeles, CA; London, UK: University of California Press.
- Illouz E. (2017) Introduction: Emodities or the Making of Emotional Commodities. *Emotions as Commodities: Capitalism, Consumption and Authenticity* (ed. E. Illouz), Abingdon, UK; New York: Routledge, pp. 1–29.
- Illouz E., Cabanas E. (2023) *Phabrika schastlivykh grazhdan. Kak industriya schastya kontroliruet nashu zhizn* [The Factory of Happy Citizens. How the Happiness Industry Controls Our Lives], Moscow: AST Publisher (in Russian).
- Ivankova N. V., Creswell J. W., Stick S. L. (2006) Using Mixed-Methods Sequential Explanatory Design: From Theory to Practice. *Field Methods*, vol. 18, no 1, pp. 3–20.
- Janicke-Bowles S. H., Rieger D., Connor W. (2019) Finding Meaning at Work: The Role of Inspiring and Funny YouTube Videos on Work-Related Well-Being. *Journal of Happiness Studies: An Interdisciplinary Forum on Subjective Well-Being*, vol. 20, no 2, pp. 619–640. Available at: <https://psycnet.apa.org/doi/10.1007/s10902-018-9959-1> (accessed 10 January 2026).
- Kaya H. D., Beyazgül S., Gökçek A. İ., Yılmaz T., Günaydin S. (2025) Content Analysis and Quality Evaluation of YouTube Videos on Leopold's Maneuvers: A Mixed-Method Study. *Education and Information Technologies*, vol. 30, pp. 20653–20672. Available at: <https://doi.org/10.1007/s10639-025-13595-5> (accessed 10 January 2026).
- Kolpinets E. (2022) *Phormula grez. Kak sotsseti sozdayut nashi mechty* [The Formula of Dreams. How Social Networks Create Our Dreams], Moscow: Individuum (in Russian).
- Lerner J. (2011) Teleterapiya bez psikhologii, ili Kak adaptiruyut Self na postsovetском telekrane [TV Therapy without Psychology, or How the Self is Adapted on the Post-Soviet TV Screen]. *Laboratorium. Jour-*

- nal of Social Research = Laboratorium. Zhurnal Sotsial'nykh Issledovaniï*, vol. 3, no 1, pp. 116–137 (in Russian).
- Lerner J. (2022) Predislovie: Novoyaz chuvstv: Emotsionalizatsiya kul'tury v perevode. [A Foreword: New-speak of Feelings. The Emotionalization of Culture in Translation.]. *Slozhnye chuvstva. Razgovornik novoi realnosti: ot abyuza do toksichnosti* [Complex Feelings. A Phrasebook of the New Reality: From Abuse to Toxicity] (ed. P. Aronson), Moscow: Individuum, pp. 11–21 (in Russian).
- Lerner J., Novikova A. (2024) From Moral Therapy to Political Defiance: Public Self-Reflections on Russian YouTube. *The Russian Review*, vol. 83, no 1, pp. 51–65.
- Lerner J., Zbenovich C. (2013) Adapting the Therapeutic Discourse to Post-Soviet Media Culture: The Case of Modnyi Prigovor. *Slavic Review*, vol. 72, no 4, pp. 828–849.
- Leykina I. (2015) Rodologia: Genealogy as Therapy in Post-Soviet Russia. *Ethos*, vol. 43, no 2, pp. 135–164.
- Lilienfeld S. O., Fowler K. A., Lohr J. M., Lynn S. J. (2013) Pseudoscience, Nonscience, and Nonsense in Clinical Psychology: Dangers And Remedies. *Destructive Trends in Mental Health: The Well Intentioned Path to Harm* (eds. R. H. Wright., N. A. Cummings), New York; Abingdon, UK: Routledge, pp. 187–218.
- Mark M., Pearson C. (2005) *Geroi i buntar. Sozdanie brenda s pomoshchyu arkhetipov* [The Hero and the Out-law: Building Extraordinary Brands Through the Power of Archetypes], St. Petersburg: Piter (in Russian).
- Matza T. (2018) *Shock Therapy: Psychology, Precarity, and Well-Being in Postsocialist Russia*, Durham, NC: Duke University Press.
- McKenzie J. (2016) *Deconstructing Happiness: Critical Sociology and the Good Life*, New York; Abingdon, UK: Routledge.
- Mitrofanova O. A., Atugodage M. M. (2023) Dinamicheskoe tematiceskoe modelirovanie russkoyazychnogo korpusa yuridicheskikh dokumentov [Dynamic Topic Modeling of the Russian-Language Corpus of Legal Documents]. *Terra Linguistica*, vol. 14, no 1, pp. 70–87 (in Russian).
- Nehring D., Alvarado E., Hendriks E., Kerrigan D. (2016) *Transnational Popular Psychology and the Global Self-Help Industry: The Politics of Contemporary Social Change*. Basingstoke, UK; New York, NY: Palgrave Macmillan.
- Nehring D., Madsen O. J., Cabanas E., Kerrigan D. (2020) Introduction: Therapeutic Global Cultures from a Multidisciplinary Perspective: Present and Future Challenges. *The Routledge International Handbook of Global Therapeutic Cultures* (eds. D. Nehring, O. Jacob Madsen, E. Cabanas, C. Mills, D. Kerrigan), Abingdon, UK; New York: Routledge, pp. 3–13.
- Neville P. (2020) Charting the Emergence of the Self as a Social Representation from Early Modernity to the 20th Century: A Constructionist Approach. *The Routledge International Handbook of Global Therapeutic Cultures* (eds. D. Nehring, O. Jacob Madsen, E. Cabanas, C. Mills, D. Kerrigan), Abingdon, UK; New York: Routledge, pp. 25–36.
- Novikova A. A. (2018) *Voobrazaemoe soobshchestvo. Ocherki istorii ekrannogo obraza rossiiskoi intelligentsii* [The Imagined Community. Essays on the History of the Screen Image of the Russian Intelligentsia], Moscow: Soglasie (in Russian).

- RBC. (2025) *Rossiiskii rynek psikhologicheskikh uslug: rekordnyi rost i transformatsiya sprosa* [The Russian Market for Psychological Services: Record Growth and Transformation of Demand]. Available at: <https://marketing.rbc.ru/articles/15657/> (accessed 20 June 2025) (in Russian).
- Salihoglu N. C., Çetin A. (2024) Examining Preschool Teacher's Use of Social Media in Terms of Their Professional Development. *Journal of Educational Technology and Online Learning*, vol. 7, no 1, pp. 132–148.
- Salmenniemi S., Vorona M. (2014) Reading Self-Help Literature in Russia: Governmentality, Psychology and Subjectivity. *The British Journal of Sociology*, vol. 65, no 1, pp. 43–62.
- Seligman M. E. P. (2004) *Authentic Happiness: Using the New Positive Psychology to Realize Your Potential for Lasting Fulfillment*, New York: Simon & Schuster.
- Simonova O. A. (2024) “Emotsionalnaya razmetka” psikhoterapevticheskoy kultury: imperativy, ideinye protivorechiya i linii analiza [Emotional Markup of Psychotherapeutic Culture: Imperatives, Ideological Contradictions, and Lines of Analysis]. *Journal of Social Policy Research = Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki*, vol. 22, no 1, pp. 7–24 (in Russian).
- Taylor C. (2004) *Modern Social Imaginaries*, Durham, NC: Duke University Press.
- Ten L. V. (2023) Tematicheskoe modelirovanie v zadache avtomaticheskoi rubrikatsii novostnykh tekstov [Topic Modeling in the Task of Automatic Categorization Of News Texts]. *Terra Linguistica*, vol. 14, no 2, pp. 77–91 (in Russian).
- Tereshina D. (2024) “Byt soboy” ili “radovat sebya”? Terapevticheskie tekhnologii, emotsii i neravenstvo v sovremennoy Rossii [“Being Yourself” or “Pleasing Yourself”? Therapeutic Technologies, Emotions, and Inequality in Modern Russia]. *Journal of Social Policy Research = Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki*, vol. 22, no 1, pp. 25–42 (in Russian).
- Thyer B. A., Pignotti M. (2015) *Science and Pseudoscience in Social Work Practice*, New York: Springer Publishing Company.
- VCIOM (Russian Public Opinion Research Center). (2025) *Indeks potrebnosti rossiyan v psikhologicheskoy podderzhke* [Index of Russians' Need for Psychological Support]. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/indeks-potrebnosti-rossijan-v-psikhologicheskoi-podderzhke> (accessed 16 June 2025) (in Russian).
- VCIOM (Russian Public Opinion Research Center). (2024) *Schaste v Rossii: monitoring* [Happiness in Russia: Monitoring] Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/schaste-v-rossii-monitoring-18042024> (accessed 12 February 2025) (in Russian).

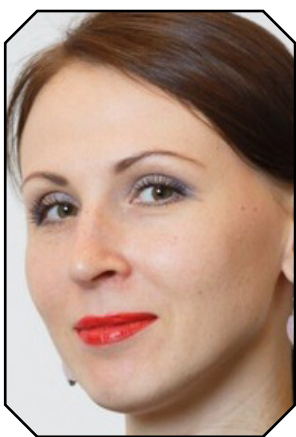
Received: March 19, 2025

Citation: Matkin N., Novikova A. (2026) Emodukty shchastya: kommodifikatsiya i marketingovye strategii v populyarnoy psikhologii [Happiness Emodities: Commodification and Marketing Strategies in Popular Psychology]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 27, no 1, pp. 92–124. doi: 10.17323/1726-3247-2026-1-92-124 (in Russian).

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОБЗОРЫ

Е. В. Недосека, В. Н. Минина, С. А. Иванов

Развитие малых городов России: «низовые» агенты активизации социального потенциала устойчивости

НЕДОСЕКА Елена Владимировна — кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник Социологического института РАН — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. Адрес: Россия, 190005, г. Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14.

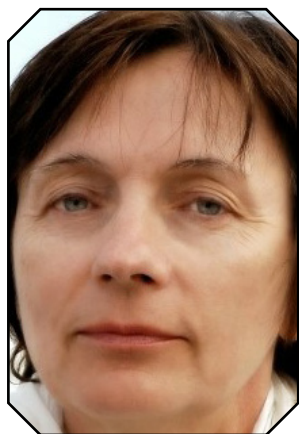
Email: nedelena@socinst.ru

Проблематика социально-экономического развития малых городов России уже значительное время находится в фокусе внимания исследователей, занимая не последнее место и в управленческой повестке. Однако использование исключительно управленческих или экономических мер воздействия не приносит ожидаемого результата. При этом и в научной литературе, и в управленческой практике не уделяется должного внимания таким вопросам, как типология хозяйствования и бытования локальных обществ, социально-статусные отношения, и многому другому, что не имеет экономического характера, но играет важную роль в функционировании и развитии малых городов. Кроме того, источники развития малых городов чаще всего ассоциируются с внешними инвестициями и соответствующими мерами их поддержки, в то время как внутренние источники развития остаются на периферии научных интересов. В данной статье предпринята попытка исследовать социальный потенциал малого города, направив внимание на деятельность «низовых» агентов устойчивости, образующих ядро социального потенциала устойчивого развития малого города. Под «низовыми» агентами устойчивости авторы понимают функционирующих и потенциальных инициаторов изменений, как отдельных индивидов, так и групп, которые используют свои власть, знания, опыт и связи для развития локальной среды и местного общества. К ним относятся предприниматели (креативные, институциональные, социальные); представители власти и гражданского общества (некоммерческие организации — НКО), лидеры общественного мнения. В статье сделан вывод о необходимости изучения структуры «низовых» агентов устойчивости в развитии малых городов с ограниченными возможностями внешних инвестиций. Результаты такого рода исследований позволят расширить представления о социальном потенциале устойчивого развития малых городов и тем самым создать информационную базу для принятия эффективных управленческих решений.

Ключевые слова: малые города; проблемы развития; устойчивость сообществ; источники устойчивого развития; социальный потенциал; «низовые» агенты устойчивости.

Введение

Проблемы малых городов затрагивают значительную часть россиян. По данным государственного статистического наблюдения, в Российской Федерации по состоянию на 1 января 2024 г. из 1119 городов к категории ма-

МИНИНА Вера Николаевна — доктор социологических наук, профессор, НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург). Адрес: Россия, 190121, г. Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, д. 16; ведущий научный сотрудник Социологического института РАН — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. Адрес: Россия, 190005, г. Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14.

Email: veranick.minina@yandex.ru

лых (с численностью жителей до 50 тыс. чел.) относились 803, или 71,8%, в которых проживало 15,8 млн чел.¹ При этом наблюдаются разнонаправленные тренды изменения числа малых городов и численности населения в них: количество малых городов за последние 20 лет выросло (с 770 ед. в 2004 г. до 803 ед. в 2024 г.), а численность населения в них даже немного сократилась (на 0,8%). Пополнение группы малых городов в значительной степени связано с переходом в эту категории городов, имевших ранее численность населения более 50 тыс. чел. Тенденция роста числа малых городов актуализирует вопросы их устойчивого развития.

Особую значимость эта тема приобретает в настоящее время, когда всё отчетливее видны последствия социально-экономических трансформаций 1990-х гг. Переход к рыночной экономике, политические потрясения, отраслевые сдвиги породили комплекс проблем у всех территориальных образований, но особенно — у малых городов: закрылись градообразующие предприятия, остановились программы развития городской инфраструктуры, изменилась профессионально-квалификационная структура востребованной рабочей силы, усилилась маргинализация населения. Из-за отсутствия рабочих мест вырос отток экономически активного населения, в первую очередь молодежи, произошло падение уровня жизни и, как следствие, снизился потребительский потенциал домохозяйств.

Остановить этот негативный процесс, дать импульс развитию малых городов и тем самым повысить устойчивость системы расселения, решить проблемы значительного количества территориальных образований призвана новая редакция «Стратегии пространственного развития Российской Федерации»², утверждённая в конце декабря 2024 г. Реализация «Стратегии» предполагает использование таких инструментов, как ликвидация различных инфраструктурных ограничений, повышение туристической привлекательности малых городов; стимулирование индивидуальной, средне- и малоэтажной жилищной застройки; улучшение кадровой обеспеченности медицинских, образовательных и физкультурно-спортивных организаций, учреждений культуры; повышение уровня благоустройства, улучшение коммунальной инфраструктуры. Фактически речь идёт о том, чтобы превратить малые города в территории социального и экономического благополучия и одновременно сделать их ресурсом развития экономики страны.

Дополнительный импульс тема развития малых городов получила в ходе Послания Президента России Федеральному Собранию в феврале 2024 г. Предложенная Владимиром Путиным новая программа, получившая название «Наш резерв в малых городах», должна охватить более двух тысяч на-

¹ Группировка численности населения, проживающего в городах, на 1 января 2024 г. Федеральная служба государственной статистики. Информационно-аналитические материалы. Электронный ресурс [код доступа]: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/BUL_MO_2024.xlsx (дата обращения: 28 января 2025).

² Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 4146-р. Электронный ресурс [код доступа]: <http://government.ru/docs/all/157308/> (дата обращения: 28 января 2025).

ИВАНОВ Сергей Анатольевич — доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Социологического института РАН — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. Адрес: Россия, 190005, г. Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14.

Email: ivanov.sa.1956@yandex.ru

селённых пунктов России. По сути, поддержка малых городов России становится актуальной повесткой развития всей страны на ближайшие годы. Важным направлением осуществления этой поддержки становится целевое финансирование разработки и реализации мастер-планов развития малых городов. Основные концепты формирования мастер-планов заложены в проект Федерального закона «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и в Федеральный закон “О стратегическом планировании в Российской Федерации”».

Надо подчеркнуть, что острота вопроса развития малых городов России осознаётся в настоящее время как органами власти, так и исследователями в области урбанистики, демографии, региональной экономики, социальной антропологии, социологии, о чём свидетельствуют целый ряд работ, посвящённых этой проблематике и опубликованных в последние годы [Борисова, Беляев 2021; Ускова, Секушева 2021; Евсеева 2023].

Однако проблема, на наш взгляд, заключается в том, что в большинстве работ, как при анализе проблем малых городов, так и в процессе разработки предложений по их решению, упор делается преимущественно на экономические, управленческие аспекты. При этом из анализа исключаются типология хозяйствования и бытования локальных обществ, социально-статусные отношения и многое другое, что не имеет экономического характера, но играет важную роль в жизнедеятельности малых городов. Фактически до сегодняшнего дня при обосновании направлений развития малых городов используется подход, заложенный ещё в конце 1970-х гг. «Руководством по проектированию малых городов в системах расселения», в котором были заданы так называемые функциональные типы малых городов, определяемые по доминирующему профилю их хозяйственной деятельности: «промышленные города», «города научного профиля», «города рекреационного профиля», «города с транспортными функциями», «города — организационно-хозяйственные и производственные центры сельскохозяйственных районов», «города — организационно-хозяйственные и производственные центры лесопромышленных территорий», «многофункциональные города с сочетанием функций» [Руководство по проектированию... 1979: 6–7].

Усовершенствованный подход к этому вопросу можно встретить в коллективной монографии «Стратегический выбор города: научное обоснование и механизм реализации» [Рохчин, Жилкин 1999]. В ней под стратегическим выбором понимается фактически доминирующий или потенциально целесообразный отраслевой профиль городского хозяйства. И лишь в последнее время появились выходящие за рамки экономического детерминизма публикации авторов, в которых расширяется спектр анализируемых факторов развития малых городов [Марков 2020; Gunko et al. 2021; Плюснин 2022]. Исследовательские контуры этих работ коснулись таких аспектов развития малого города, как неформальные виды экономической деятельности, промышленные практики, соседско-родственные отношения и т. д. Однако данный подход находится в стадии становления и, безусловно, нуждается в развитии, поскольку открывает дополнительные возможности для проведения комплексных аналитических работ, позволяет выявлять, систематизировать

и содержательно интерпретировать широкий круг факторов, определяющих источники устойчивого развития малого города, и в первую очередь его социальный потенциал.

Цель данной статьи — разработка теоретических положений, обосновывающих роль местных обществ, их потенциала в обеспечении устойчивого развития малых городов России. При этом авторы исходят из того, что социальный потенциал развития малого города не сводится к социальному портрету его населения, равно как и к характеристике уровня и качества жизни проживающих в нём людей.

Логика достижения поставленной цели отражается в структуре статьи. Первый раздел посвящён анализу существующих возможностей развития малых городов России. Во втором разделе сделан акцент на социальном потенциале города как внутреннем источнике его устойчивого развития. В третьем разделе рассматриваются «низовые» агенты устойчивости, образующие ядро социального потенциала местного общества. В заключении намечены перспективы изучения состава и структуры «низовых» агентов устойчивости местных обществ.

Возможности развития малых городов в современной России

Малые города, по мнению урбанистов³, ни в советское время, ни в перестроечный период не были в фокусе государственной региональной политики. В советский период их поддержка осуществлялась, но основные инвестиции направлялись в крупные города или в неосвоенные территории, богатые природными ресурсами. Начальный этап перехода к рыночной экономике сопровождался структурными сдвигами, а зародившийся капиталистический уклад привёл к тому, что существенная доля малых городов превратилась в неэффективные депрессивные территории со схожим набором проблем: интенсивный миграционный отток, сложное социально-экономическое положение и деградация локальной культуры.

Сегодня на проблемы малых городов, в том числе связанные с ограниченностью местных бюджетов из-за особенностей устройства бюджетной системы в России [Пономарева et al. 2019], обращают внимание представители городов — участников «Союза малых городов России», которые активно включились в обсуждение законопроекта «О социальных инфраструктурных контрактах» в части создания нового инструмента финансирования малых городов — стратегического партнёрства органов власти и частных инвесторов для строительства в ускоренном порядке социальных инфраструктурных объектов, то есть школ, больниц, спортивно-оздоровительных центров и объектов культуры⁴. Сам законопроект был разработан во исполнение поручения В. Путина по итогам Восточного экономического форума, состоявшегося осенью 2024 г. Вместе с тем совершенно очевидно, что новая программа не сможет решить проблемы всех малых городов, особенно тех, которые являются малопривлекательными для внешних инвесторов, поэтому необходимо искать дополнительные источники развития, прежде всего внутренние. Возможности для этого есть разные, и зависят они от большого числа факторов, как экономических, так и не связанных с экономикой, в том числе пространственных, климатических, исторических, социально-культурных и проч.

Один из ключевых факторов в развитии малых городов России — пространственный. Малые города России в основном концентрируются в Центральном федеральном округе (32,7%) и тесно связаны с

³ Гунько М. 2020. «Все несчастные малые города в России несчастны одинаково». *Реальное время*. Электронный ресурс [код доступа]: <https://realnoevremya.ru/articles/168888-vse-neschastnye-malye-goroda-v-rossii-neschastny-odinakovo> (дата обращения: 28 января 2025).

⁴ *Новый механизм социальных инвестиций в малые города*. 2024. Союз малых городов Российской Федерации. Электронный ресурс [код доступа]: <https://smgrf.ru/news/novyj-mehanizm-sotsialnyh-investitsij-v-malye-goroda/?ysclid=m6gklmc933880508296> (дата обращения: 28 января 2025).

«Московской-Тульской-Нижегородской агломерацией». На втором месте Приволжский федеральный округ, в котором находятся 16% малых городов. Здесь значительные территории интенсивно теряют население и стимулы развития, превращаясь в депрессивные районы. Малые города в Приволжском округе включаются в сети агломераций и конурбаций или являются локализованными внесетевыми поселениями, что во многом усугубляет проблемы их развития. На третьем месте Северо-Западный федеральный округ (14,8% малых городов). Малые города западной части зависят от Санкт-Петербургской агломерации. На четвертом месте малые города Сибирского федерального округа (9%) и Дальневосточного (7,6%). Наименьшее количество малых городов сосредоточено в Северо-Кавказском федеральном округе (3,8%), что связано со слабой урбанизацией региона. Малые города имеют значительный вес в южных регионах, где они исторически выросли из крупных сёл, а также в зонах индустриального освоения на Урале, где гораздо значительнее выражена поляризация ландшафта на фоне низкоплотного расселения [Горшков 2019]. Таким образом, население малых городов преимущественно концентрируется в Московской и Санкт-Петербургской агломерациях, в регионах Юга, а также в нефтедобывающих и газодобывающих регионах.

Географическая близость к крупным городским агломерациям оказывает существенное влияние на ресурсную базу и возможности развития малых городов. В соответствии с этим малые города можно подразделить на входящие в состав крупных городских агломераций и изолированные [Косарева, Полиди, Пузанов 2018: 64].

Малые города вблизи агломераций существуют в контекстах, в которых для их жителей открываются более широкие возможности трудовой и образовательной мобильности, экономической кооперации и диверсификации экономической деятельности. Вместе с тем эти возможности сопровождаются такими проблемами, как вымывание трудовых ресурсов, человеческого капитала и финансов, что приводит к негативным эффектам в развитии малых городов [Макарова 2018].

Изолированные малые города находятся в более разнообразных контекстах, которые зависят от диверсификации экономики, природного потенциала для добычи полезных ископаемых и их рыночной востребованности. В ряде случаев, как, например, на Северо-Западе, малые города оказываются связанными общими производственными процессами, доставшимися в наследство от советской системы размещения производительных сил. В таких условиях происходит циркуляция рабочей силы в пределах существующих конурбаций, состоящих из малых и средних городов. Конурбации формируют общее пространство жизнедеятельности, распределяя между собой не только общий рынок труда, но и пространства для досуга и рекреации. В малых городах Центрального и Южного федеральных округов, где преобладают исторически сложившиеся ещё до XX века города, созданы условия для возникновения распределительных (рассеянных) мануфактур [Кордонский, Плюснин 2018] как феномена архаичных форм хозяйственно-экономического поведения населения провинциальной России.

Для малых городов с закрытыми производствами возможности развития зависят от их географической удалённости от других поселений. Большую роль (по сравнению с другими малыми городами) играют такие практики неформальной экономической активности населения, как отходничество, «гаражная экономика» [Селеев, Павлов 2016], собирательство дикоросов. Например, в некоторых удалённых районах Иркутской области сжатие городского пространства привело к появлению новых форматов существования местных обществ, которые связаны с размыванием городского образа жизни (деурбанизация) и приобретением поселениями новых функций, таких как дачи, усадьбы или места пребывания для вахтовиков [Бляхер, Григоричев 2023; Димке, Корюхина 2013].

В мировой практике существуют две основные модели развития малых городов, столкнувшихся с кризисными проявлениями в процессе развития, — американская и европейская. Согласно американской

модели, жителей малого города перемещают в другие населённые пункты, где есть работа. Европейская модель, напротив, предполагает сохранение местного общества, используя диверсификацию экономики города за счёт национальных и региональных программ, развитие кооперации с другими городами, кластеризацию хозяйственной деятельности и другое.

В России реализуются различные модели развития малых городов. Например, модель «управляемое сжатие» используется для малых городов с закрывающимся градообразующим предприятием, не имеющим необходимого потенциала развития; модель «стабильный моногород» применяется в том случае, когда градообразующее предприятие остаётся функционирующим, но при этом не имеет потенциала развития; модель «индустриальная диверсификация» подходит для малых городов со значительным инвестиционным потенциалом [Землянский, Ламанов 2014]. В других моделях предлагается вхождение малого города в агломерацию с прилегающими более крупными городскими поселениями, кластеризация производственной деятельности или кардинальное изменение отраслевого профиля и диверсификация экономики при наличии крупного инвестора. Однако найти подходящего инвестора в условиях дефицита или полного отсутствия привлекательных ресурсов для большинства малых городов является задачей практически неразрешимой. Во многих случаях практика вхождения в состав агломераций приводит к обострению проблем малых городов, происходит отток финансовых и трудовых ресурсов, а также ухудшение доступа к муниципальным услугам и проч. [Макарова 2018].

В этих условиях основным направлением решения проблемы сохранения устойчивости города как системы и обеспечения его развития остаётся опора на внутренние источники, на собственные силы, ставка на саморазвитие и использование имеющегося потенциала, в первую очередь социального потенциала города.

Внутренние источники устойчивого развития малых городов России

Наиболее привычное определение устойчивого развития подразумевает взаимосвязь трёх измерений: окружающая среда; экономика; общество. Каждое из этих измерений одинаково важно. В соответствии с руководящими принципами «ООН-Хабитат», программы ООН по населённым пунктам, устойчивое развитие малых городов представляет собой сочетание экономического, социального и культурного прогресса и охраны окружающей среды «при полном уважении всех прав человека и основных свобод, включая право на развитие, при достижении стабильности и мира во всём мире» [ООН-Хабитат 2025]. При этом должно быть «сбалансированное развитие социальной и производственной сфер на территории городского поселения, обеспечивающее улучшение качества окружающей среды и сохранение экологии на основе сбережения энергетических ресурсов» [ООН-Хабитат 2025]. Можно с уверенностью сказать, что сегодня устойчивое развитие является одной из наиболее распространённых концепций в политике, задающей контуры того, как «всё должно быть», но вместе с тем далеко не всегда обеспечивающей достижение намеченных целей.

Концепция устойчивого развития позволяет выявлять, измерять и оценивать демографические показатели, проблемы поселений, земельное и городское планирование, окружающую среду и урбанизацию, управление и законодательство, городскую экономику, жильё и основные услуги, то есть факторы, являющиеся ключевыми для устойчивого развития.

Мы считаем, что развитие малого города, особенно если речь идёт о сбалансированном, поступательном и позитивном изменении его социальной, экономической и экологической подсистем, нельзя рассматривать в отрыве от влияния социального потенциала, которым располагает конкретный город. Однако можно констатировать, что проблематика исследования социального потенциала в контексте устойчивого развития малого города слабо представлена в научной литературе. При этом разброс со-

держательных интерпретаций данного понятия довольно широк — от абстрактной «совокупности материально-духовных сил населения» до довольно конкретно рассчитываемого объёма различных ресурсов, которыми располагает город. Также следует отметить, что используются разные терминологические обозначения: «цивилизационный потенциал развития», «потенциал устойчивого развития», «экономический потенциал», «социально-культурный потенциал», «ресурсный потенциал», «социальный потенциал», «потенциал развития» [Мурзин 2013; Виноградова, Ломовцева 2014; Коробкова 2017; Козловский 2019; Селютина 2020; Николаев 2021].

Недостаточная теоретическая разработанность понятийного аппарата, а также ограниченность эмпирической базы для анализа взаимосвязи и взаимообусловленности устойчивого развития малого города и его социального потенциала сужают возможности эффективного развития малых городов. В связи с этим представляется целесообразным прежде всего остановиться на характеристике сущности и содержания социального потенциала малого города, его субъектной структуры.

Обращает внимание неоднозначность трактовки базового понятия «потенциал развития территории». Как отмечает Т. Ф. Файзуллин, «одни учёные потенциал отождествляют с возможностями, другие — с способностями, третьи — с ресурсами <...> Однако понятия “возможность”, “способность” и “ресурс” раскрывают лишь отдельные аспекты сущности и содержания категории “потенциал”, и ни одно из них нельзя отождествлять с анализируемым феноменом» [Файзуллин 2015: 92].

Сам Т. Ф. Файзуллин определяет потенциал как «органическое единство, целостность внутренних элементов и сил, материально-духовных систем, создающее необходимые предпосылки и условия для самосохранения и обеспечения саморазвития на основе реализации возможностей, способностей и использования имеющихся ресурсов» [Файзуллин 2015: 192]. На наш взгляд, автор справедливо связывает потенциал с внутренними силами территориального образования, в том числе обусловленными целостностью всех территориальных подсистем.

Что касается определения социального потенциала, то надо отметить, что среди исследователей и в данном вопросе нет единства. Одни авторы прибегают к трактовке социального потенциала как создаваемых эколого-экономическим развитием возможностей для удовлетворения потребностей населения [Николаев 2021: 110]. Другие рассматривают в качестве такового локальные активы, ресурсы и институты, выступающие источниками развития [Pike, Rodrigues-Pose, Tomaney 2006]. Третьи подразумевают под социальным потенциалом развития «комплекс различных ресурсов, институтов регионального и муниципального управления, социальной и культурной инфраструктуры, население, его занятость, уровень и качество жизни» [Козловский 2019: 221]. Ряд авторов ассоциируют социальный потенциал территории с объёмом соответствующих ресурсов и способностью администрации эффективно их использовать для достижения социальных и экономических целей развития [Смирнова 2003; Минаев, Волчкова, Добрынина 2019; Селютина 2020; Леонов, Бурылов, Зозуля 2021].

В литературе встречаются также попытки трактовки социального потенциала как количественной оценки качества жизни населения: «В широком смысле социальный потенциал региона — это количественная оценка качества жизни населения, определяющаяся совокупностью материально-вещественных факторов, жизненно необходимых для удовлетворения различных потребностей проживающего на его территории населения» [Маевская 2015: 185].

Как видно из приведённого краткого обзора, социальный потенциал развития территории чаще всего ассоциируется либо с имеющимися ресурсами и институтами, либо с достигнутым уровнем и качеством жизни населения. Безусловно, это важные характеристики развития, свидетельствующие, с одной стороны, о наличии соответствующих ресурсов, а с другой — о достигнутых результатах. Однако,

как мы отмечали ранее, категория «потенциал» отражает внутренние силы, которые при определённых условиях «запускают» процессы изменений. В связи с этим заслуживает внимания определение социального потенциала региона, данное Т. Ф. и И. Ф. Файзуллиными. По их мнению, социальный потенциал территории — это «совокупность материально-духовных сил населения различных субъектов, сформированных на основе органического сочетания своих возможностей и способностей и за счёт использования собственных ресурсов, обеспечивающих достижение устойчивого социально-экономического развития при наличии условий для своей реализации и гарантирующего необходимый уровень и качество жизни» [Файзуллин, Файзуллин 2023: 46]. В этом определении акцент сделан на единстве возможностей и способностей населения, на тех социальных силах, которые в условиях ресурсных ограничений способны обеспечивать устойчивое развитие территории.

В структуру социального потенциала включают следующие элементы: трудовой, социально-демографический, научно-образовательный, профессионально-квалификационный, инновационный, организационно-управленческий, социально-политический потенциалы [Файзуллин, Файзуллин 2023: 47]. Как нам представляется, в этой характеристике содержания социального потенциала недостаёт крайне важного элемента — социально-культурного потенциала, который отражает ценностную структуру населения, территориальную идентичность, а также социально одобряемые практики сохранения или инициирования изменений социальной жизни посёлка, города, муниципального района, региона, то есть конкретной локации. Кроме того, такая содержательная интерпретация социального потенциала характеризует не столько внутренний источник развития, сколько социальный портрет города, что, безусловно, важно, но недостаточно для определения потенциальной силы социальных в широком смысле слова преобразований городской жизни.

Определение социального потенциала развития территории, предложенное Т. Ф. и И. Ф. Файзуллиными, в самом общем виде можно использовать для характеристики социального потенциала малого города. Вместе с тем мы считаем, что сведение «совокупности материально-духовных сил населения» только к социально-демографическому составу населения, его образовательной, профессионально-квалификационной и иной структуре неизбежно приведёт к подмене категории «сила» категорией «ресурсы», что не позволит адекватно раскрыть содержание понятия «социальный потенциал развития».

Для того чтобы выявить «совокупность материально-духовных сил населения», предлагаем обратиться к понятию «местное (локальное) общество», которое используется исследователями для анализа жизнедеятельности российской провинции, в большинстве своём связанной с жизнью малых городов. В отличие от больших городов, где крупная промышленность, устоявшиеся социальные институты, в том числе институты власти и управления, создают базу для устойчивого развития, в малых городах ключевым источником обеспечения устойчивости выступает само местное общество. При этом под местным обществом понимается территориально ограниченная совокупность нескольких общин, исторически и административно связанных между собой и образующих целостную социальную локацию [Плюснин 2022: 48]. По мнению Ю. М. Плюснина, местное общество как социальная целостность характеризуется следующими признаками: (1) наличие своей территории и границ (территориальная ограниченность); (2) продолжительное существование на одной территории нескольких поколений, что обеспечивает историческую преемственность; (3) общинные (родственные и соседские) связи и отношения; (4) двухуровневая организационная структура (центр — периферия); (5) функциональная разнокачественность и статусная неоднородность членов общества, актуализирующие потребность в кооперации и координации действий; (6) ментальное единство членов общества, что обеспечивает его социальную устойчивость и жизнеспособность [Плюснин 2022: 47].

При изучении местного общества Ю. М. Плюснин обращает внимание на необходимость принимать в расчёт шесть аспектов жизнедеятельности данного общества: (1) исторический (история местно-

го поселения); (2) экономический (система жизнеобеспечения домохозяйств); (3) психологический, или ментальный (отношение к собственному образу жизни и жизни своей семьи, оценка трудностей и преимуществ жизненной ситуации); (4) социальный (социальные отношения, статусы, социальная структура); (5) политический (отношение жителей к институтам власти, взаимодействие с местной властью); (6) самоуправление и самоорганизация (способность общества самостоятельно решать вопросы своего устойчивого развития) [Плюснин 2022: 80–82].

На наш взгляд, изучение местного общества, а не просто населения или же инфраструктуры его жизнедеятельности, даёт ключ к определению социального потенциала устойчивого развития малого города. Материально-духовные силы местного общества воплощаются в его способности к саморазвитию и самоорганизации, а их основой выступают отношения «совместности и синхронности», «кооперации и координации», «коммуникации и сочувствия», «консенсуса и сознания (поддержания системы знаний на основе длительного локального опыта)» [Плюснин 2022: 42–45].

В свою очередь, саморазвитие местного общества означает создание его членами более комфортных экологических, экономических и социальных условий собственной жизни и жизни своего окружения, освоение новых социально-культурных и социально-экономических практик повседневной жизни, формирование устойчивости к внешним вызовам. Саморазвитие предполагает самоуправление, в котором всегда есть социально активное ядро. К такому ядру мы относим «низовых» агентов устойчивости и считаем, что изучение их роли в обеспечении устойчивости малых городов имеет принципиальное значение для анализа процессов их саморазвития, для более глубокого понимания взаимодействия субъектов самоуправления с институтами государственной и региональной власти, для более корректной оценки социального потенциала как внутреннего источника развития малого города.

Данный подход позволяет связать локальную устойчивость с внутренним потенциалом местного общества, его возможностью и готовностью использовать ресурсы среды, которая характеризуется неопределённостью, нестабильностью и рисками [Magis 2010], а также способностью местного общества поглощать возмущения и реорганизовываться, претерпевая изменения, чтобы сохранять функциональность, структуру, идентичность [Folke 2006].

Таким образом, локальная устойчивость — это способность местного общества функционировать и развиваться, адаптируясь к изменениям внешней среды и внутренней структуры. Локальная устойчивость как свойство местного общества проявляется в структурной устойчивости (способность сохранять и обеспечивать развитие социально-демографической структуры), функциональной устойчивости (способность сохранять и эффективно использовать традиционные формы и виды хозяйствования), эволюционной устойчивости (способность развивать новые перспективные формы и виды хозяйствования) и динамической устойчивости (способность обеспечивать развитие в условиях экономических кризисов и структурных сдвигов).

В научной литературе активно обсуждаются ключевые аспекты локальной устойчивости малых городов, такие как социальные [Aked 2011; Skerratt, Steiner 2013; Роговая, Бийжанова, Левченко 2022], экономические [Leach 2013; Оборин, Сысоев, Шерешева 2017] и экологические [Битюкова 2021; Adger 2000; Milman, Short 2008].

Гораздо реже локальную устойчивость малых городов связывают с деятельностью «низовых» агентов, направленную на активизацию адаптационных механизмов развития местного общества к происходящим изменениям, рискам и проблемам [Norris et al. 2008]. Вместе с тем локальная устойчивость — важнейшее системное свойство современных поселений городского типа, где нелинейный характер процессов приводит к тому, что действия даже самых незначительных агентов могут приве-

сти к серьёзным изменениям. Это свойство позволяет местным сообществам противостоять внешним вызовам, неопределённости, кризисам. В то же время локальная устойчивость зависит от социального потенциала города, реализация которого тесно связана со структурой и деятельностью «низовых» агентов устойчивости.

«Низовые» агенты устойчивого развития малых городов России

«Низовые» агенты устойчивого развития — это агенты изменений, то есть субъекты, будь то индивиды или группы, которые используют свою власть, знания, опыт и связи для продвижения социально-институциональных изменений и (или) развития локальной среды и местного общества. Этими субъектами могут быть представители бизнеса, власти и гражданского общества.

В сфере бизнеса «низовыми» агентами устойчивости выступают предприниматели, поскольку предпринимательская активность населения является одним из ключевых условий экономического роста. Предприниматели — это люди, обладающие способностью, мотивацией и готовностью превратить идею в инновацию и, таким образом, использующие «созидательное разрушение» (*creative destruction*) для замены второсортных изменений и действующих лиц [Шумпетер 1982]. Создаваемые ими инновации открывают новые пути развития, новые виды экономической деятельности. Одной из актуальных проблем современного предпринимательства в России является его сосредоточение в мегаполисах и концентрация преимущественно в сферах торговли и предоставления услуг. Вместе с тем опережающее развитие малого и среднего предпринимательства в малых городах может способствовать снижению социально-экономической напряжённости и повышению уровня жизни населения.

По сравнению с мегаполисами, в малых городах для предпринимателей сферы малого и среднего бизнеса больше преимуществ: ниже издержки, есть налоговые послабления, социальные сети небольшие (всё это способствует формированию доверия и снижению транзакционных издержек), легче найти рыночные ниши с низкой конкуренцией [Кох, Ионас 2012; Заборова 2021]. В целом предприниматели в малых городах чувствуют себя и более независимыми, и более востребованными, поскольку вносят посильный вклад в локальную устойчивость как прямым, так и косвенным образом. Прямое участие включает, например, создание дополнительных рабочих мест, а также продуктов и услуг. Под косвенным имеются в виду социальные эффекты от деятельности предпринимателей, в частности предоставление возможности трудоустройства, что помогает снизить риск эмиграции и депопуляции [Gunko et al. 2021].

Особую роль в обеспечении локальной устойчивости, то есть устойчивого развития малых городов, на наш взгляд, играют следующие группы предпринимателей:

- *креативные предприниматели*, способные возрождать и развивать экономическую деятельность, тесно связанную с историческими особенностями и культурными практиками местного общества. Авторы статьи «Креативный потенциал в устойчивом развитии малых исторических поселений» отмечают, что «небольшие предприятия креативного сектора занимаются интерпретацией культурного наследия и выступают катализатором современных творческих процессов на той или иной территории» [Благовидова, Мышкина, Юдина 2021: 112], являясь своего рода основой для возрождения или создания местного производства. Успешные примеры преобразования малых городов благодаря креативным предпринимателям в Российской Федерации включают города Мышкин (музеификация исторических территорий города, развитие точек притяжения для туризма, типографическое, сувенирное дело), Коломна (развитие гастрономических брендов, тематических музеев, фестивалей), Выкса (арт-фестиваль и народно-художественные промыслы), Урюпинск (новый бренд города и интенсивная культурная проектная деятельность);

- *социальные предприниматели*, которые благодаря своей деятельности могут выступать триггерами экономического развития малых городов. Социальные предприниматели используют возможности бизнеса «для решения социальных, культурных, экологических проблем, а также адаптации социально незащищённых слоёв населения» [Миронова, Боев, Богланова 2020: 94–95]. Для них достижение социальных целей является более приоритетным, нежели получение экономической выгоды от реализуемых проектов. Социальное предпринимательство чаще всего характерно для таких сфер социальной жизни, как здравоохранение, дополнительное образование для граждан, сталкивающихся с проблемами трудоустройства, в том числе для лиц с ограниченными возможностями здоровья, социальная поддержка и помощь людям, попавшим в трудную жизненную ситуацию или нуждающимся в ресоциализации, развитие физкультурно-спортивной инфраструктуры и реализация соответствующих проектов для малообеспеченных семей, защита окружающей природной среды и др. В частности, в малых городах Тульской области социальными предпринимателями создана сеть оздоровительных центров для детей из малообеспеченных семей, а также для детей с проблемами здоровья. В этом же регионе реализуется проект «Кнопка жизни», направленный на социально уязвимые группы населения. Он предоставляет пожилым людям, детям, а также лицам с ограниченными возможностями здоровья возможность вызова экстренной помощи [Миронова, Боев, Богданова 2020: 98];
- *институциональные предприниматели* как акторы, мобилизующие ресурсы, власть и компетенции для преобразования существующих и внедрения новых институтов или институциональных механизмов, в которых они видят возможность реализовать интересы развития местного общества [DiMaggio 1991]. Институциональные предприниматели склонны действовать, когда выявляют окна возможностей [Battilana, Leca, Voxenbaum 2009]. В контексте малых городов институциональные предприниматели — это агенты, продвигающие изменения в формальных или неформальных институтах, которые влияют на местный контекст [North 1990]. Они создают возможности для диверсификации малых городов [Sotarauta, Mustikkamäki 2015]. Примером успешного функционирования институционального предпринимательства является Калининградская область, где институт предпринимательства играет ведущую роль в развитии региона в целом [Степанова 2020].

Наряду с предпринимателями к «низовым» агентам устойчивости относятся представители муниципальной политической элиты, которые для внедрения изменений используют политические инструменты. Они инвестируют своё время, ресурсы, связи и репутацию, чтобы влиять на формирование политической повестки в надежде на её продвижение в верхних эшелонах власти — правительстве, группах интересов, государственно-частных организациях или выборных либо назначаемых должностях. Такими представителями могут выступать не только местные политические лидеры, но и управленцы нижнего звена. Данные агенты в малых городах находятся в условиях большего дефицита политической автономии и финансовых ресурсов для реализации своих политических действий, поэтому они более тщательно анализируют и задействуют потенциал местных обществ, что позволяет им влиять на общественное мнение или выборы [Bakir, Jarvis 2017].

Роль представителей местной политической элиты в обеспечении устойчивого развития малого города вряд ли стоит недооценивать. Наши исследования показывают, что в отдельных регионах примерно пятая часть жителей придерживаются мнения, что органы местного самоуправления (администрация муниципального района) «скорее не информированы, чем информированы» или «совсем не информированы» о проблемах и потребностях жителей. В связи с этим важно выявлять, как действия представителей местной политической элиты влияют на решение проблем местного общества, на его развитие и устойчивое развитие малого города.

В структуре «низовых» агентов устойчивости не последнюю роль играют институты гражданского общества, и прежде всего НКО и неформальные объединения граждан (инициативные группы, интернет-сообщества и др.), чья деятельность направлена на решение локальных социальных проблем, улучшение условий жизни населения, сохранение и передачу культурно-исторических практик. На активную роль данных институтов в развитии малых российских городов обращают внимание ряд исследователей. В частности, К. Е. Косыгина в ходе изучения влияния местных сообществ на территориальное развитие выявила, что в малых городах Вологодской области более половины жителей считают, что развитие их населённого пункта в наибольшей степени зависит как от органов местного самоуправления (53,0%), так и от самих жителей (52,0%) [Косыгина 2023]. Примечательно, что, согласно тому же источнику, ставку на региональные органы власти сделали 41,0%, на главу муниципального образования — 40,0%, на федеральные органы власти — 39,0%, а на частный бизнес — всего 11,0% [Косыгина 2023: 217].

В работе НКО фиксируется широкий спектр деятельности: «В малых и средних городах НКО занимаются вопросами создания инфраструктуры по разделному сбору ТКО, обращения с бездомными животными, строительства детских площадок, оказания помощи малоимущим гражданам, детям, инвалидам и т. д.» [Секушина, Лебедев 2024: 65]. По оценкам исследователей, данная форма гражданского участия создаёт благоприятные условия для решения остро стоящих проблем местного значения, которые порождают тревожные настроения и социальную напряжённость в локальном обществе [Секушина, Лебедев 2024: 67].

К «низовым» агентам устойчивости мы относим также локальных лидеров общественного мнения, которые пользуются заслуженным авторитетом у жителей и влияют на формирование общественного мнения. Их позиция, жизненный опыт оказывают значимое влияние на коллективные стратегические действия, на координацию и объединение заинтересованных сторон вокруг общего видения будущего города, а также на стимулирование изменений для движения к этому будущему [Beer, Clower 2014]. Лидеры общественного мнения способны укрепить местную властную базу и, следовательно, усилить социальный потенциал развития малого города. Они чаще всего оказывают позитивное воздействие на формирование практик коллективного решения локальных проблем, включающих благоустройство населённых пунктов, улучшение работы общественного транспорта, развитие инфраструктуры досуга и спорта и др. Их мобилизующая роль в текущей ситуации в высшей степени важна, поскольку в исследованиях фиксируется отсутствие или слабая представленность коллективной работы в малых российских городах [Косыгина 2023: 220].

Социально-культурным отличием «низовых» агентов устойчивости является их особое, можно сказать, обострённое, чувство локальной идентичности, ощущение сопричастности ко всем событиям в городе, восприятие проживающих рядом людей как в той или иной мере своих близких. В значительной мере эти свойства личности закладываются ещё в семье, но развиваются и обогащаются в ходе социального взаимодействия, сетевой коммуникации, обмена культурными образцами и освоения социальных норм. Факторами, способствующими формированию и развитию многих качеств личности, необходимых для «низовых» агентов (креативность, инновационность, ощущение неформальной связи с живущими рядом людьми и проч.), выступают особенности малых городов, их отличие от мегаполисов и крупных территориальных образований, где, с одной стороны, проще найти работу, больше «свободы», а с другой — слабее социальные связи, отношения между людьми нередко приобретают безликий, отстранённый характер, теряется ощущение «места» из-за масштабов территории и большого скопления людей. В малых городах социальные связи теснее, но одновременно больше экономических барьеров и ограничений свободы выбора жизненной траектории. Необходимость преодоления многих экономических и житейских проблем становится для жителей малых городов триггером инициативности и предприимчивости. В итоге компоненты социально-культурной среды малого города превращаются

в генераторы экономической активности местного сообщества, способствуют возникновению новых креативных видов хозяйствования. При этом инициаторами появления новых видов деятельности могут выступать не только представители местного сообщества, ведущие оседлый образ жизни, но и так называемые отходники — сезонные трудовые мигранты, отправляющиеся на заработки в крупные города, а по возвращении привносящие новые для своего города виды и способы деятельности, нормы бытования и общественных инициатив. Следствием этих процессов становится формирование нового качества социального потенциала малого города, способствующего его устойчивому развитию.

Одно из стратегических направлений исследования влияния «низовых» агентов на повышение социального потенциала и в целом на устойчивость развития малых городов — разработка соответствующих методических подходов и инструментария оценки этого влияния. Важно отметить, что как феномен устойчивого развития, так и феномен социального потенциала имеют разные формы проявления.

В частности, устойчивое развитие может быть описано с помощью параметров структурной, функциональной и динамической устойчивости местного общества. Соответственно, структурная устойчивость как способность местного общества обеспечивать сохранение и развитие социально-демографической структуры измеряется, с одной стороны, демографическими, миграционными показателями, характеризующими половозрастную и образовательную структуру населения, а с другой — социально-статусными параметрами, оцениваемыми по результатам социологических опросов, поскольку переписи населения проводятся нечасто и не фиксируют индикаторы социального потенциала малого города (активность населения в выдвижении и реализации различных инициатив, участие в добровольческой деятельности, выраженная локальная культурная идентичность, экологические ценности и проч.).

Функциональная устойчивость, то есть способность местного общества сохранять и эффективно использовать традиционные формы и виды хозяйствования, может оцениваться результатами выборочных обследований населения по проблемам занятости, проводимых органами статистики, но дополняться данными социологических опросов населения.

Появление в малом городе новых перспективных форм и видов хозяйствования как отражение эволюционной устойчивости также целесообразнее фиксировать по результатам тематических социологических опросов.

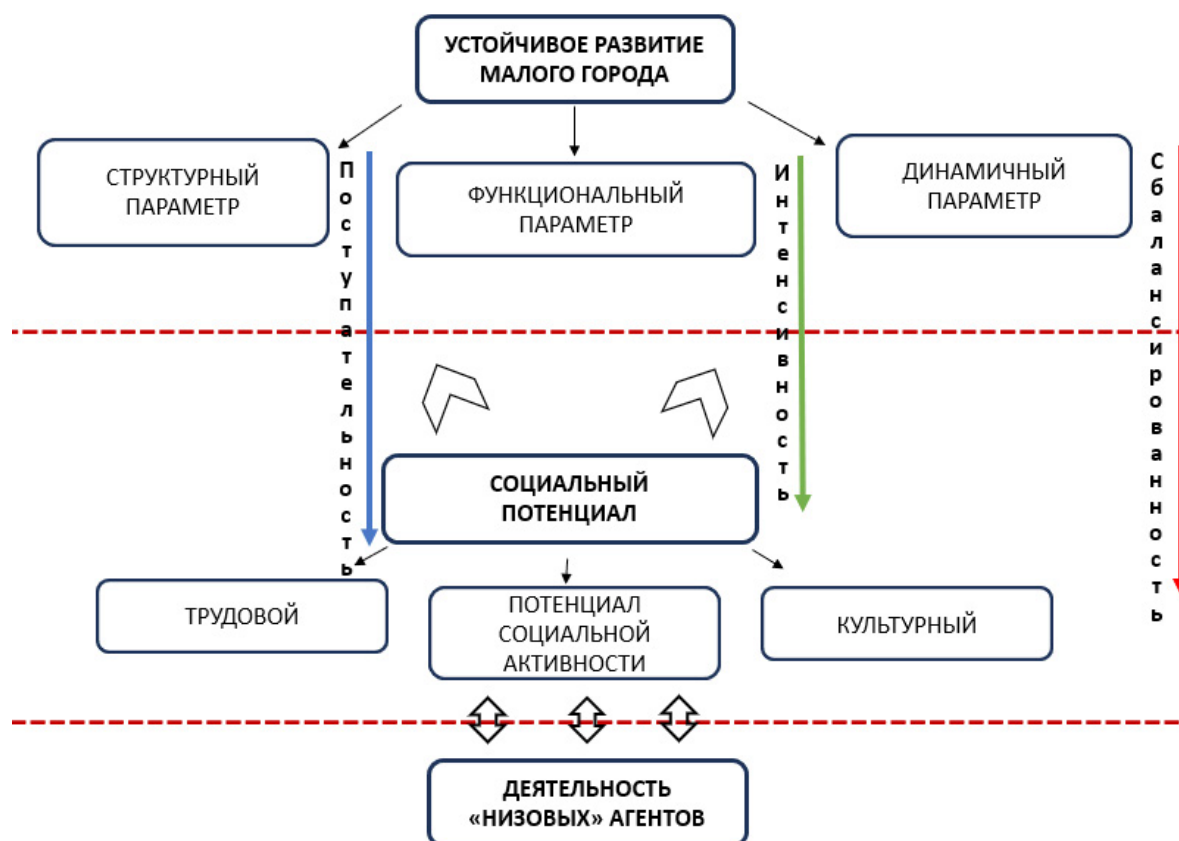
Оценка динамической устойчивости местного общества, означающая его способность обеспечивать развитие в условиях нестабильности и кризисов, может осуществляться отчасти по результатам анализа статистических показателей (количество предприятий с разбивкой по типам, среднегодовая численность занятых, инвестиции в основной капитал, индексы производства и проч.), отчасти по результатам опросов с использованием целевой панельной выборки, включающей юридических лиц и индивидуальных предпринимателей сектора малого и среднего предпринимательства (МСП), а также самозанятых.

Отдельный вопрос возникает о методике расчёта показателей уровня устойчивого развития малого города. За основу данной методики можно взять подход, предложенный исследователями из Института проблем региональной экономики РАН. Изучая проблематику стабильности социально-экономического развития региона, они обосновали необходимость интегрального учёта трёх ключевых составляющих этой категории — «поступательности», «интенсивности» и «сбалансированности» [Иванов, Лентьева 2013: 27]. Применительно к устойчивому развитию малого города также можно использовать (а) «поступательность» происходящих изменений как постоянство вектора социально-экономического развития; (б) «интенсивность» как способность сохранять среднюю величину темпов роста на протяжении определённого периода; (с) «сбалансированность» как отсутствие дисбаланса между развитием

экономической, социальной и экологической подсистем или нескольких показателей в рамках одного блока. Непосредственно изменения рассчитываются как среднее отклонение от средней величины прироста и (или) убыли по каждому показателю. Важно отметить, что чаще всего в объективе управленческой практики оказываются данные официальной статистики, которые не могут отражать полноты картины; например, показатели миграционной убыли рассчитываются по количеству зарегистрированных граждан, при этом в «слепой» зоне оказывается весомая доля тех, кого статистика не видит. Для малых городов это особенно актуально, так как основной миграционный отток приходится именно на экономически активное население. Использование только данных статистики несёт в себе потенциал заведомо неэффективных управленческих решений.

Мы считаем, что основным механизмом устойчивого развития малого города выступает реализация его социального потенциала, который характеризуется прежде всего трудовым, культурным потенциалом и потенциалом социальной активности жителей. Степень выраженности того или иного параметра во многом определяется деятельностью «низовых» агентов. В качестве индикаторов влияния «низовых» агентов можно использовать следующие показатели: расширение занятости за счёт создания дополнительных рабочих мест в секторе МСП и роста числа самозанятых; сокращение кадрового дефицита вследствие увеличения численности обучающихся в системе непрерывного образования (программы переподготовки и повышения квалификации, самостоятельного онлайн-обучения); снижение оттока населения, в первую очередь молодёжи; рост спроса на обучение по специальностям креативных индустрий, освоение предпринимательских навыков; повышение уровня локальной идентичности благодаря реализации мероприятий по сохранению культурного наследия города и поддержке экологически ориентированного поведения жителей; расширение участия жителей в добровольческой деятельности, в реализации программ по благоустройству городской среды, сохранению исторических памятников и окружающей природной среды. В качестве одного из перспективных направлений дальнейшего углубления темы и развития системы измерителей планируется использовать среди прочего индексные методы оценки деятельности бизнеса, власти, лидеров общественного мнения в малых городах, которые уже апробированы отечественными и зарубежными исследователями. Предложенные подходы позволят учитывать не только структурно и функционально заданные параметры (например, показатели производства, которые остались в наследство от экономической политики советского периода), но и практики низового экономического участия, которые способны создавать новые виды экономической деятельности и, соответственно, предлагать новые и (или) дополнительные рабочие места, участвовать в формировании новых профессиональных компетенций и удерживать рабочую силу в пределах местного общества, гарантируя более комфортные условия для жителей малых городов по сравнению с мегаполисами. Таким образом, «низовые» агенты выступают ядром социального потенциала, а эффекты от их деятельности не только воспроизводят параметры локальной устойчивости (структурный, функциональный и динамический), но и расширяют её источники.

Резюмируя сказанное, приведём общую логическую схему исследования влияния «низовых» агентов на параметры устойчивого развития малого города (см. рис. 1).

Источник: составлено авторами статьи.

Рис. 1. Логическая схема влияния «низовых» агентов на устойчивое развитие малых городов

Нет сомнений в том, что конфигурация «низовых» агентов устойчивости в городах разная. Неодинаков также вклад каждой из групп «низовых» агентов в обеспечение локальной устойчивости, развития социального потенциала как фактора формирования этой устойчивости. Важными задачами исследования поэтому выступают выявление этих агентов в конкретных типах городов, описание и структурирование их деятельности по активизации местных обществ и в целом по развитию малых городов. Одновременно предметом перспективных исследований должны стать формы самоорганизации местных сообществ и способы коммуникации «низовых» агентов в зависимости от типа малого города, особенностей местных сообществ, основания для типологии которых также могут быть разными (например, сообщества «принудительного» типа развития и «сообщества «естественного» типа развития [Плюснин 2022]).

Обобщая сказанное, подчеркнём, что для анализа социального потенциала устойчивого развития малого города важно обращаться к жизнедеятельности местного общества, включая его экономические, социальные, политические и культурные особенности. Драйвером развития малого города выступает активность «низовых» агентов устойчивости, чья конфигурация и роль в городах разная, в том числе из-за разного социально-культурного и институционального контекста, в который они погружены. В связи с этим важно проводить сравнительные исследования деятельности «низовых» агентов, выявление их профилей и основных стратегий поведения. Например, важно проведение сравнительных исследований в малых городах, где закрылись промышленные предприятия. Перекрёстный анализ случаев может раскрыть схожие и уникальные черты «низовых» агентов в разных контекстах, пролить свет на эффективность их деятельности, ответить на вопрос, всегда ли она соответствует целям устойчивости или, напротив, нанесёт определённый ущерб в перспективе. Более того, высокая степень укоренённости «низовых» агентов и ограниченное пространство их возможностей могут высветить

новые грани в дебатах по поводу социально-пространственной культуры и роли личности в различных институциональных контекстах [Huggins, Thompson 2019].

Заключение

В настоящее время проблематика, связанная с определением и оценкой внутренних источников устойчивого развития малых городов России, постепенно включается в актуальную исследовательскую и политическую повестку.

В литературе обсуждается роль местных обществ в обеспечении устойчивого развития малых городов, что создаёт основу для определения их социального потенциала через призму изучения деятельности «низовых» агентов устойчивости как социального ядра местного общества, способного активизировать процессы позитивных социальных, экономических и экологических преобразований.

В исследовании действий «низовых» агентов в контексте малых городов просматриваются две перспективы.

Первая связана с тем, что малые города предлагают большое разнообразие институциональных контекстов, позволяющих применять сравнительные подходы для выявления механизмов и факторов, которые либо способствуют, либо препятствуют изменениям на пути к достижению целей устойчивого развития. Это исследовательское направление актуализирует дискуссию об агентности и структуре локальных социумов, а именно делает насущным обсуждение вопроса о том, как институты влияют на стратегическое поведение агентов. Данная перспектива подразумевает, что «низовые» агенты встроены в определённый институциональный контекст, который определяет их поведение и ожидания. В разных типах малых городов эти институциональные контексты различны. Для более глубокого анализа внутренних источников устойчивого развития важны кейсы типов малых городов.

Вторая перспектива исследований касается изучения локальных процессов, связывающих «низовых» агентов вместе для понимания их взаимодействия и их влияния на социально-экономические и экологические изменения в малых городах. Эти процессы определяются в значительной степени социально-культурными детерминантами внутренней среды малого города и сформировавшимися стандартами локальной межгрупповой коммуникации. Углублённое изучение конкретных кейсов поможет раскрыть микроуровневые процессы, обусловленные развитием нового экономического уклада и взаимодействием между различными видами агентов.

Отмеченные выше перспективы позволяют обозначить важные исследовательские вопросы: какие виды «низовых» агентов наиболее востребованы для инициирования изменений? В каких обстоятельствах и как они взаимодействуют? При изучении внутренней динамики «низовых» агентов важно акцентировать внимание на процессах их взаимодействия и факторах, расширяющих или ограничивающих пространство возможностей для их деятельности в малых городах.

Исследования, направленные на решение поставленных вопросов, должны иметь комплексный характер и охватывать проблематику социально-демографического, социально-культурного, экономического (в первую очередь предпринимательского сектора), пространственного развития, а их результаты могут стать основой формирования полюсов роста, определения нового ресурсного пространства развития малых городов, закрепление которых в стратегии социально-экономического развития региона, локализации города, его мастер-плана даст необходимый дополнительный импульс возрождению малых городов России.

Литература

- Анисимов А. П., Узакова Г. Ш. 2023. О понятии и правовых средствах обеспечения устойчивого развития городов. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право*. 23 (3): 307–315. doi: [10.18500/1994-2540-2023-23-3-307-315](https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-3-307-315)
- Битюкова В. Р. 2021. Изменение антропогенного воздействия в российских городах разной людности в 2009–2018 гг. В кн.: Махрова А. Г. (отв. ред.) *Геоурбанистика и градостроительство: теоретические и прикладные исследования. Сборник статей*. М.: Географический факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова; 202–222.
- Благовидова Н. Г., Мышкина А. П., Юдина Н. В. 2021. Креативный потенциал в устойчивом развитии малых исторических поселений. *Наука, образование и экспериментальное проектирование*. 1: 110–112. doi: [10.24412/cl-35672-2021-1-0016](https://doi.org/10.24412/cl-35672-2021-1-0016)
- Бляхер Л. Е., Григоричев К. В. 2023. Жизнь в «пустоте»: стратегия осмысления сжимающегося пространства. *Вестник ТОГУ*. 2 (69): 109–116.
- Борисова К. В., Беляев М. К. 2021. Развитие малых городов сквозь призму городизации, комфортизации и корпоративизации хозяйства. *Региональная экономика и управление: электронный научный журнал*. 4 (68): 6815. Электронный ресурс [код доступа]: <https://eee-region.ru/article/6815/> (дата обращения: 28 января 2025). doi: [10.24412/1999-2645-2021-468-15](https://doi.org/10.24412/1999-2645-2021-468-15)
- Виноградова К. О., Ломовцева О. А. 2014. Сущность и структура потенциала развития региона. *Научное обозрение. Экономические науки*. 1: 62–63.
- Горшков М. К. 2019. Предисловие. В кн.: Черныш М. Ф., Маркин В. В. (отв. ред.) *Пространственное развитие малых городов: социальные стратегии и практики*. М.: ФНИСЦ РАН; 5–8. Электронный ресурс [код доступа]: https://www.isras.ru/files/File/publ/Malye_goroda_2020/STRus_001_528_fin.pdf (дата обращения: 15 января 2026).
- Димке Д. В., Корюхина И. Ю. 2013. Посёлок городского типа: временные ритмы деурбанизированного сообщества. *Социология власти*. 3: 73–93.
- Евсеева С. А. 2023. Развитие малых и средних городов: проблемы и инновационные пути решения. *Управленческий учёт*. 7: 58–65. doi: [10.25806/uu7202358-65](https://doi.org/10.25806/uu7202358-65)
- Заборова Е. Н. 2021. *Малые города как потенциал для предпринимательской деятельности*. В сб.: Лаврикова Ю. Г. (отв. ред.) *Межтерриториальное неравенство: проблема или драйвер развития*. Материалы VI Международного симпозиума по региональной экономике, Екатеринбург, 23–25 июня 2021 г. Екатеринбург: Институт экономики Уральского отделения РАН; 210–217.
- Землянский Д. Ю., Ламанов С. В. 2014. Сценарии развития монопрофильных городов России. *Вестник Московского университета. Серия 5: География*. 4: 69–74.
- Иваненко Л. В. 2021. Проблемы развития малых городов. Инновационные подходы к менеджменту. *Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика*. 2 (36): 55–62. doi: [10.17122/2541-8904-2021-2-36-55-62](https://doi.org/10.17122/2541-8904-2021-2-36-55-62)

- Иванов С. А., Леонтьева А. Н. 2013. Стабильность социально-экономического развития региона: содержание категории и методология оценки. *Труды Карельского научного центра РАН*. 5 (серия: Регион: экономика и управление): 22–29.
- Кабицкий М. Е., Артемова О. Ю., Мартынова М. Ю. (ред.) 2014. *Малые города, большие проблемы. Социальная антропология малого города: сборник статей*. М.: ИЭА РАН.
- Козловский В. В. 2019. Цивилизационный потенциал развития локальных территорий Северо-Запада России. В сб. *Стратегия и тактика реализации социально-экономических реформ: региональный аспект*. Материалы VIII Международной научно-практической конференции. Вологда, 12–14 декабря 2018 г. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН; 219–224.
- Кордонский С. Г., Плюснин Ю. М. 2018. Архаические экономические институты: распределённые мануфактуры в малых городах России. *Мир России. Социология. Этнология*. 27 (4): 6–30. doi: 10.17323/1811-038X-2018-27-4-6-30
- Коробкова Н. А. 2017. Структура социально-экономического потенциала территории как основа его управления. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 11: 166–169.
- Косарева Н. Б., Полиди Т. Д., А.С. Пузанов А. С. (ред.) 2018. *Экономическая урбанизация*. Москва: Фонд «Институт экономики города».
- Косыгина К. Е. 2023. Роль местных сообществ в развитии малых территорий. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 16 (5): 210–229. doi: 10.15838/esc.2023.5.89.12
- Кох И. А., Ионас В. А. 2012. Особенности развития предпринимательства в малом городе *Дискуссия*. 4: 107–112.
- Леонова Т. И., Бурылов В. С., Зозуля А. И. 2021. Оценка потенциала устойчивого развития регионов. В кн.: *Устойчивое развитие социально-экономической системы Российской Федерации*. Сборник трудов XXIII Всероссийской научно-практической конференции Симферополь: Издательство Типографии «Ариал»; 44–49.
- Маевская Л. 2015. Оценка социального потенциала регионов России. *Федерализм*. 3: 185–196. doi: 10.21686/2073-1051-2015-3-185-196
- Макарова М. Н. 2018. Организационные формы активизации потенциала устойчивого развития городов: зарубежный и российский опыт. *Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета*. 3: 14–21. Электронный ресурс [код доступа]: <https://vestnik-ku.ru/arkhiv/2018-rus/vestnik-3-2018-rus/43-2018-rus/339-organizatsionnye-formy-aktivizatsii-potentsiala-ustojchivogo-razvitiya-gorodov-zarubezhnyj-i-rossijskij-opyt> (дата обращения: 13 января 2026).
- Марков Е. М. 2020. Малые города в социально-пространственном развитии России: проблемы сохранения и развития. В кн.: Черныш М. Ф., Маркин В. В. (отв. ред.) *Пространственное развитие малых городов: социальные стратегии и практики*. М.: ФНИСЦ РАН; 16–41. Электронный ресурс [код доступа]: <https://www.isras.ru/publ.html?id=8651> (дата обращения: 28 января 2025). doi: 10.19181/monogr.978-5-89697-335-5.2020

- Минаев Н. Н., Волчкова И. В., Добрынина О. И. 2019. Влияние социально-культурной университетской среды на социально-культурный потенциал города. *Региональная экономика: теория и практика*. 17 (4): 779–788.
- Миронова О. А., Боев В. Ю., Богданова Р. М. 2020. Проблемы малых городов России и роль социального предпринимательства в обеспечении их решения. *Социальное предпринимательство и корпоративная социальная ответственность*. 1 (2): 91–104. doi: [10.18334/social.1.2.110990](https://doi.org/10.18334/social.1.2.110990)
- Мурзин А. Э. 2013. Социокультурный потенциал города и методика его анализа. В сб.: *Социально-гуманитарная экспертиза: анализ культурных стратегий развития территории*. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Екатеринбург, 24 апреля 2013 г.). Екатеринбург: ООО «Издательство УМЦ УПИ»; 295–302.
- Николаев А. В. 2021. Модель оценки потенциала устойчивого развития территорий Арктической зоны Российской Федерации. *Экономика и управление: научно-технический журнал*. 3 (159): 109–113.
- Оборин М. С., Сысоев А. П., Шерешева М. Ю. 2017. Некоторые подходы к оценке экономического потенциала малых городов России. *Государственное управление. Электронный вестник*. 63: 297–319. Электронный ресурс [код доступа]: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30148137> (дата обращения: 3 февраля 2025). doi: [10.24411/2070-1381-2017-00064](https://doi.org/10.24411/2070-1381-2017-00064)
- ООН-Хабитат. 2025. *Программа Организации объединённых наций по населённым пунктам*. Электронный ресурс [код доступа]: <https://www.un.org/ru/ga/habitat/> (дата обращения: 3 февраля 2025).
- Плюсинин Ю. М. 2022. *Социальная структура провинциального общества*. М.: Common Place; Фонд социальных исследований «Хамовники».
- Пономарева И. Ю. et al. 2019. Туризм как направление устойчивого развития малых городов. *Сервис в России и за рубежом*. 3 (85): 137–151. Электронный ресурс [код доступа]: <https://sciup.org/140244073> (дата обращения: 13 января 2026). doi: [0.24411/1995-042X-2019-10311](https://doi.org/10.24411/1995-042X-2019-10311).
- Роговая А. В., Бийжанова Э. К., Левченко Н. В. 2022. Социальная активность общественных организаций в малых городах: основные проблемы и потенциал. *Мониторинг правоприменения*. 4 (45): 81–91. doi: [0.21681/2226-0692-2022-4-81-91](https://doi.org/10.21681/2226-0692-2022-4-81-91)
- Рохчин В. Е., Жилкин С. Ф. (отв. ред.) 1999. *Стратегический выбор города: научное обоснование и механизм реализации (на примере г. Тольятти Самарской области)*. СПб.: Институт социально-экономических проблем (ИСЭП) РАН.
- Руководство по проектированию малых городов в системах расселения*. 1979. М.: ЦНИИП градостроительства Госгражданстроя; Стройиздат.
- Секушина И. А., Лебедева М. А. 2024. Неформальное гражданское участие населения в развитии малых и средних городов Европейского Севера России (на примере некоммерческих организаций и городских интернет-сообществ). *Север и рынок: формирование экономического порядка*. 3: 60–76. doi: [10.37614/2220-802X.3.2024.85.004](https://doi.org/10.37614/2220-802X.3.2024.85.004)
- Селеев С. С., Павлов А. Б. 2016. *Гаражники*. М.: Страна Оз.

- Селютина Л. Г. 2020. Социальный потенциал территории и его взаимосвязь с территориальным социальным комплексом. В кн.: *Экономико-управленческий конгресс*. Сборник статей по материалам Международного научно-практического мероприятия (Белгород, 30 октября 2020 г.). Белгород: Белгородский государственный национальный исследовательский университет; 180–184.
- Смирнова Н. В. 2003. Активизация социально-экономического потенциала российских городов. *Научные проблемы водного транспорта*. 6: 128–137.
- Степанова Т. Е. 2020. Институциональный капитал калининградской области. В кн.: Масюткин Е. П. (ред.) *Инновационные направления интеграции науки, образования и производства*: Сборник тезисов докладов участников I Международной научно-практической конференции, Керчь, 14–17 мая 2020 г. Керчь: ФГБОУ ВО «Керченский государственный морской технологический университет»; 361–366.
- Ускова Т. В., Секушева И. А. 2021. Стратегические приоритеты развития малых и средних городов. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 14 (1): 56–70. doi: [10.15838/esc.2021.1.73.5](https://doi.org/10.15838/esc.2021.1.73.5)
- Файзуллин Т. Ф. 2015. Определение сущности и содержания социального потенциала региона. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. *Вопросы теории и практики*. 6 (56): В 2 ч. Ч. 1: 191–194.
- Файзуллин Т. Ф., Файзуллин И. Ф. 2023. Социальный потенциал как фактор интенсификации общественного развития. В сб.: *XXIII Уральские социологические чтения. Личность, культура, общество: наследие Л. Н. Когана и современность*. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Екатеринбург, 17–18 марта 2023 г.). Екатеринбург: Издательство Уральского университета; 44–48.
- Шумпетер Й. 1982. *Теория экономического развития*. М.: Прогресс.
- Adger W. N. 2000. Social and Ecological Resilience: Are They Related? *Progress in Human Geography*. 24 (3): 347–364.
- Aked J. 2011. *Five Ways to Wellbeing: New Applications, New Ways of Thinking*. London: NHS Confederation; New Economics Foundation.
- Bakir C., Jarvis D. S. 2017. Contextualising the Context in Policy Entrepreneurship and Institutional Change. *Policy and Society*. 36 (4): 465–478.
- Battilana J., Leca B., Boxenbaum E. 2009. How Actors Change Institutions: Towards a Theory of Institutional Entrepreneurship. *Academy of Management Annals*. 3 (1): 65–107.
- Beer A., Clower T. 2014. Mobilizing Leadership in Cities and Regions. *Regional Studies, Regional Science*. 1 (1): 5–20.
- DiMaggio P. J. 1991. Introduction. In: DiMaggio P. J., Powell W. W. (eds) *The New Institutionalism in Organizational Analysis*. Chicago: Chicago University Press; 1–38.
- Folke C. 2006. Resilience: The Eergence of a Perspective for Social-Ecological Systems Analyses. *Global Environmental Change*. 16 (3): 253–267. doi: [10.1016/j.gloenvcha.2006.04.002](https://doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2006.04.002)

- Gunko M. et al. 2021. Exploring Agency of Change in Small Industrial Towns through Urban Renewal Initiatives. *Geografiska Annaler: Series B, Human Geography*. 103 (5): 218–234. doi: [10.1080/04353684.2020.1868947](https://doi.org/10.1080/04353684.2020.1868947)
- Huggins R., Thompson P. 2019. The Behavioural Foundations of Urban and Regional Development: Culture, Psychology and Agency. *Journal of Economic Geography*. 19 (1): 121–146.
- Leach K. 2013. Community Economic Development: Localisation, the Key to a Resilient and Inclusive Local Economy? *Local Economy*. 28 (7–8): 927–931.
- Magis K. 2010. Community Resilience: An Indicator of Social Sustainability. *Society and Natural Resources*. 23 (5): 401–416. doi: [10.1080/08941920903305674](https://doi.org/10.1080/08941920903305674)
- Milman A., Short A. 2008. Incorporating Resilience into Sustainability Indicators: An Example for the Urban Water Sector. *Global Environmental Change*. 18 (4): 758–767.
- Norris F. H. et al. 2008. Community Resilience as a Metaphor, Theory, Set of Capacities, and Strategy for Disaster Readiness. *American Journal of Community Psychology*. 41 (1): 127–150.
- North D. 1990. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Pike A., Rodrigues-Pose A., Tomaney J. 2006. *Local and Regional Development*. Abingdon, UK; New York: Routledge.
- Plodinec M. J., Edwards W. C., White R. K. 2014. Applications of a “Whole Community” Framework for Enhancing Community or Campus Resilience. *Procedia Economics and Finance*. 18: 9–16.
- Skerratt S., Steiner A. 2013. Working with Communities-of-Place: Complexities of Empowerment. *Local Economy*. 28 (3): 320–338. doi: [10.1177/0269094212474241](https://doi.org/10.1177/0269094212474241)
- Sotarauta M., Mustikkamäki N. 2015. Institutional Entrepreneurship, Power, and Knowledge in Innovation Systems: Institutionalization of Regenerative Medicine in Tampere, Finland. *Environment and Planning C: Government and Policy*. 33 (2): 342–357.

PROFESSIONAL REVIEWS

Elena Nedoseka, Vera Minina, Sergey Ivanov

Developing Russia's Small Towns: "Grassroots" Agents of Activating Social Potential for Sustainability

NEDOSEKA, Elena — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Senior Research Fellow, Institute of Sociology—Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Address: 25/14, 7th Krasnoarmeiskaya str., 190005, St. Petersburg, Russian Federation.

Email: nedelena@socinst.ru

MININA, Vera — Doctor of Sociological Sciences, Professor, HSE University—Saint Petersburg; Leading Research Fellow, Institute of Sociology—Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Address: 16 Soyuz Pechatnikov str., 190121, St Petersburg, Russian Federation.

Email: veranick.minina@yandex.ru

IVANOV, Sergei — Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Leading Research Fellow, Institute of Sociology—Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Address: 25/14, 7th Krasnoarmeiskaya str., 190005, St Petersburg, Russian Federation.

Email: ivanov.sa.1956@yandex.ru

Abstract

The socio-economic situation in small towns in Russia has long been at the center of the management agenda. The contradictory nature of support measures for such settlements lies in attempts to focus on the economic and managerial aspects of their efficiency. At the same time, both scientific literature and management practice pay insufficient attention to the typology of economic activity and living conditions of local societies, social and status relations, and many other non-economic factors that play an important role in the functioning and development of small towns. Sources of small-town development are most often associated with external investments and related support measures, while internal sources remain on the periphery of scientific interest. This article attempts to explore the social potential of a small town through the new lens—the activities of “grassroots” sustainability agents that constitute the core of the social potential for sustainable development of a small town. The authors consider “grassroots” agents of sustainability as initiators of change—both individuals and groups—who use their power, knowledge, experience, and relations for the development of the local environment and society. They include entrepreneurs (creative, institutional, social), representatives of government and civil society (NGOs), and public opinion leaders. The article concludes that it is necessary to explore the structure of “grassroots” sustainability agents in the development of small towns with limited opportunities for external investment. The results of such studies will expand the understanding of the social potential for sustainable development of small towns and thereby create an information base for making effective management decisions.

Keywords: small towns; development challenges; community sustainability; sources of sustainable development; social potential; “grassroots” agents of sustainability.

References

Adger W. N. (2000) Social and Ecological Resilience: Are They Related? *Progress in Human Geography*, vol. 24, no 3, pp. 347–364.

- Aked J. (2011) *Five ways to Wellbeing: New Applications, New Ways of Thinking*, London: NHS Confederation; New Economics Foundation.
- Anisimov A. P., Uzakova G. Sh. (2023) O ponyatii i pravovykh sredstvakh obespecheniya ustoychivogo razvitiya gorodov [On the Concept and Legal Means of Ensuring Sustainable Urban Development]. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law = Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: E'konomika. Upravlenie. Pravo*, vol. 23, no 3, pp. 307–315. doi: [10.18500/1994-2540-2023-23-3-307-315](https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-3-307-315) (in Russian).
- Bakir C., Jarvis D. S. (2017) Contextualising the Context in Policy Entrepreneurship and Institutional Change. *Policy and Society*, vol. 36, no 4, pp. 465–478.
- Battilana J., Leca B., Boxenbaum E. (2009) How Actors Change Institutions: Towards a Theory of Institutional Entrepreneurship. *Academy of Management Annals*, vol. 3, no 1, pp. 65–107.
- Beer A., Clower T. (2014). Mobilizing Leadership in Cities and Regions. *Regional Studies, Regional Science*, vol. 1, no 1, pp. 5–20.
- Bitjukova V. R. (2021) Izmenenie antropogennoy vozdeystviya v rossiyskikh gorodakh raznoy lyudnosti v 2009–2018 gg. [Changes in Anthropogenic Impact in Russian Cities of Different Population Sizes in 2009–2018]. *Geourbanistics and Urban Planning: Theoretical and Applied Research: Collection of Articles* (ed. A. G. Maxrova), Moscow: Faculty of Geographic of Lomonosov University, pp. 202–222 (in Russian).
- Blagovidova N. G., Myshkina A. P., Yudina N. V. (2021) Kreativnyy potentsial v ustoychivom razviti malykh istoricheskikh poseleniy [Creative Potential in Sustainable Development of Small Historical Settlements]. *Science, Education and Experimental Design = Nauka, obrazovanie i eksperimentalnoe proektirovanie*, no 1, pp. 110–112. doi: [10.24412/cl-35672-2021-1-0016](https://doi.org/10.24412/cl-35672-2021-1-0016)
- Blyakher L. E., Grigorichev K. B. (2023) Zhizn` v “pustote”: strategiya osmysleniya szhimayushchegosya prostranstva [Life in the “Void”: Strategy of Comprehension of the Shrinking Space]. *Bulletin of PNU = Vestnik TOGU*, no 2 (69), pp. 109–116 (in Russian).
- Borisova K. V., Belyaev M. K. (2021) Razvitie malykh gorodov skvoz prizmu gorodizatsii, komphortizatsii i korporativizatsii khozyaystva [Development of Small Towns through the Prism of Cityization, Comfort and Corporatization of the Economy]. *Regional Economy and Management: Electronic Scientific Journal = Regionalnaya ekonomika i upravlenie: elektronnyy nauchnyy zhurnal*, no 4 (68): art. 6815. Available at: <https://eee-region.ru/article/6815/> (accessed 28 January 2025). doi: [10.24412/1999-2645-2021-468-15](https://doi.org/10.24412/1999-2645-2021-468-15) (in Russian).
- DiMaggio P. J. (1991) Introduction. *The New Institutionalism in Organizational Analysis* (eds. P. J. DiMaggio, W. W. Powell), Chicago: Chicago University Press, pp. 1–38.
- Dimke D., Koryuhina I. (2013) Poselok gorodskogo tipa: vremennye ritmy deurbanizirovannogo soobshchestva [Urban Settlement: Temporary Rhythms of a Deurbanized Community]. *Sociology of Power = Sociologiya vlasti*, no 3, pp. 73–93 (in Russian).
- Evsheva S. A. (2023) Razvitie malykh i srednikh gorodov: problemy i innovatsionnye puti resheniya [Development of Small and Medium-Sized Cities: Problems and Innovative Solutions]. *Management Accounting = Upravlencheskiy uchet*, no 7, pp. 58–65. doi: [10.25806/uu7202358-65](https://doi.org/10.25806/uu7202358-65) (in Russian).

- Fajzullin T. F. (2015) Opredelenie sushhnosti i sodержaniya sotsialnogo potentsiala regiona. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie [Definition of the Essence and Content of the Social Potential of a Region. Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art Criticism]. *Theory and Practice Issues = Voprosy` teorii i praktiki*, vol. 6, no 56 (in 2 parts), part 1, pp. 191–194 (in Russian).
- Fajzullin T. F., Fajzullin I. F. (2023) Sotsialnyy potentsial kak phaktor intensifikatsii obshchestvennogo razvitiya [Social Potential as a Factor in the Intensification of Social Development]. *XXIII Uralskie sotsiologicheskie chteniya. Lichnost, kultura, obshchestvo: nasledie L. N. Kogana i sovremennost* [The XXIII Ural Sociological Readings. Personality, Culture, Society: The Legacy of L. N. Kogan and Modernity]. Collection of the Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Ekaterinburg, March 17–18, 2023), Ekaterinburg: Ural University Publishing House, pp. 44–48 (in Russian).
- Folke C. (2006) Resilience: The Emergence of a Perspective for Social–Ecological Systems Analyses. *Global Environmental Change*, vol. 16, no 3, pp. 253–267. doi : 10.1016/j.gloenvcha.2006.04.002
- Gunko M., Kinossian N., Pivovarov G., Averkieva K., Batunova E. (2021) Exploring Agency of Change in Small Industrial Towns through Urban Renewal Initiatives. *Geografiska Annaler: Series B, Human Geography*, vol. 103, no 5, pp. 218–234. doi.org/10.1080/04353684.2020.1868947
- Gorshkov M. K. (2019) Preface. *Prostranstvennoe razvitie malykh gorodov: sotsialnye strategii i praktiki* [Spatial Development of Small Towns: Social Strategies and Practices] (eds. M. F. Chernysh, V. V. Markin), Moscow: FSRSC RAS, pp. 5–8. Available at: https://www.isras.ru/files/File/publ/Malye_goroda_2020/STRus_001_528_fin.pdf (in Russian).
- Huggins R., Thompson P. (2019) The Behavioural Foundations of Urban and Regional Development: Culture, Psychology and Agency. *Journal of Economic Geography*, vol. 19, no 1, pp. 121–146.
- Ivanenko L. V. (2021) Problemy razvitiya malykh gorodov. Innovatsionnye podkhody k menedzhmentu [Problems of the Development of Small Cities. Innovative Approaches to Management]. *Bulletin USPTU. Science, Education, Economy. Series Economy = Vestnik UGNTU. Nauka, obrazovanie, ekonomika. Seriya: E`konomika*, no 2 (36), pp. 55–62. doi: 10.17122/2541-8904-2021-2-36-55-62 (in Russian).
- Ivanov S. A., Leontieva A. N. (2013) Stability of Social and Economic Development of the Region: Essence of the Category and Assessment Methodology. *Trudy Karelskogo nauchnogo tsentra RAN* [Proceedings of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences], no 5 (Region: Economy and Management Series), pp. 22–29 (in Russian).
- Kabiczkij M. E., Artemova O. Yu., Marty`nova M. Yu. (eds) (2014) *Malye goroda, bolshie problemy. Sotsialnaya antropologiya malogo goroda: sbornik statey* [Small Towns, Big Problems. Social Anthropology of a Small Town: Collection of Articles], Moscow: IEA RAS (in Russian).
- Koh I. A., Ionas V. A. (2012) Osobennosti razvitiya predprinimatelstva v malom gorode [Features of Development of Entrepreneurship in a Small Town] *Discussion Journal Scientific Publications on Economic = Diskussiya*, no 4, pp. 107–112 (in Russian).
- Kordonskii S. G., Plusnin Y. M. (2018) Arkhaicheskie ekonomicheskie instituty: “raspredelennye manufakturny” v malykh gorodakh Rossii [Archaic Economic Institutions: “Distributed Manufactories” in

Small Towns of Russia]. *Universe of Russia = Mir Rossii: sotsiologiya, etnologiya*, vol. 27, no 4, pp. 6–30. doi: 10.17323/1811-038X-2018-27-4-6-30 (in Russian).

Korobkova N. A. (2017) Struktura sotsialno-ekonomicheskogo potentsiala territorii kak osnova ego upravleniya [The Structure of the Socio-Economic Potential of the Territory as the Basis for its Management]. *International Journal of Humanities and Natural Science = Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, no 11, pp. 166–169 (in Russian).

Kosareva N. B., Polidi T. D., Puzanov A. S. (eds) (2018) *Ekonomicheskaya urbanizatsiya* [Economic Urbanization], Moscow: The Institute for Urban Economics (IUE) (in Russian).

Kosygina K. E. (2023) Rol' mestny`x soobshhestv v razvitii maly`x territorij [The Role of Local Communities in the Development of Small Territories]. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast = Ekonomicheskie i socialnye peremeny: fakty, tendencii, prognoz*, vol. 16, no 5, pp. 210–229. doi: 10.15838/esc.2023.5.89.12 (in Russian).

Kozlovskij V. V. (2019) Tsvilizatsionnyy potentsial razvitiya lokalnykh territoriy Severo-Zapada Rossii [Civilizational Hedgehog Development Potential of Local Territories of the North-West of Russia]. *Strategiya i taktika realizatsii sotsialno-ekonomicheskikh rephorm: regionalnyy aspekt* [Strategy and Tactics of Implementing Social and Economic Reforms: Regional Aspect]. Materials of the VIII International. Scientific-Practical Conference (Vologda, 12–14 December 2018), Vologda: Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Leach K. (2013) Community Economic Development: Localization, the Key to a Resilient and Inclusive Local Economy? *Local Economy*, vol. 28, iss. 7–8, pp. 927–931.

Leonova T. I., Bury`lov V. S., Zozulya A. I. (2021) Otsenka potentsiala ustoychivogo razvitiya regionov [Assessment of the Potential for Sustainable Development of Regions]. *Ustoychivoe razvitie sotsialno-ekonomicheskoy sistemy Rossiyskoy Federatsii* [Sustainable Development of the Socio-Economic System of the Russian Federation]. Proceeding XXIII All-Russian Scientific and Practical Conference, Simferopol: Arial, pp. 44–49 (in Russian).

Maevskaya L. (2015) Otsenka sotsialnogo potentsiala regionov Rossii [Assessment of the Social Potential of Russian Regions]. *Federalism = Federalizm*, no 3, pp. 185–196. doi: 10.21686/2073-1051-2015-3-185-196 (in Russian).

Magis K. (2010) Community Resilience: An Indicator of Social Sustainability. *Society and Natural Resources*, vol. 23, no 5, pp. 401–416. doi: 10.1080/08941920903305674

Makarova M. N. (2018) Organizatsionnye formy aktivizatsii potentsiala ustoychivogo razvitiya gorodov: zarubezhnyy i rossiyskiy opyt [Institutional Forms to Increase Capacity for Sustainable Urban Development: Foreign and Russian Experience]. *Bulletin of the Research Center of Corporate Law, Management and Venture Capital of Syktyvkar State University = Vestnik Nauchno-issledovatel'skogo centra korporativnogo prava, upravleniya i venchurnogo investirovaniya Syktyvkar'skogo gosudarstvennogo universiteta*, no 3, pp. 14–21. Available at: <https://vestnik-ku.ru/arkhiv/2018-rus/vestnik-3-2018-rus/43-2018-rus/339-organizatsionnye-formy-aktivizatsii-potentsiala-ustojchivogo-razvitiya-gorodov-zarubezhnyj-i-rossijskij-opyt> (accessed 13 January 2026) (in Russian).

- Markov E. M. (2020) Malye goroda v sotsialno-prostranstvennom razvitii Rossii: problemy sokhraneniya i razvitiya [Small Towns in the Socio-Spatial Development of Russia: Problems of Preservation and Development]. *Prostranstvennoe razvitie malykh gorodov: sotsialnye strategii i praktiki* [Spatial Development of Small Towns: Social Strategies and Practices] (eds. M. F. Chernysh, V. V. Markin), Moscow: ISRAS, pp. 16–41. Available at: <https://www.isras.ru/publ.html?id=8651> (accessed 28 April 2025). doi: 10.19181/monogr.978-5-89697-335-5.2020 (in Russian).
- Milman A., Short A. (2008) Incorporating Resilience into Sustainability Indicators: An Example for the Urban Water Sector. *Global Environmental Change*, vol. 18, no 4, pp. 758–767.
- Minaev N. N., Volchkova I. V., Dobrynina O. I. (2019) Vliyanie sotsialno-kulturnoy universitetskoj sredy na sotsialno-kulturnyy potentsial goroda [The Influence of the Socio-Cultural University Environment on the Socio-Cultural Potential of the City]. *Regional Economics: Theory and Practice = Regionalnaya ekonomika: teoriya i praktik*, vol. 17, no 4, pp. 779–788. doi: 10.24891/re.17.4.779 (in Russian).
- Mironova O. A., Boev V. Yu., Bogdanova R. M. (2020) Problemy malykh gorodov Rossii i rol sotsialno-go predprinimatelstva v obespechenii ikh resheniya [Problems of Small Towns in Russia and the Role of Social Entrepreneurship in Ensuring Their Solution]. *Social Entrepreneurship and Corporate Social Responsibility = Socialnoe predprinimatelstvo i korporativnaya sotsialnaya otvetstvennost*, vol. 1, no 2, pp. 91–104. doi: 10.18334/social.1.2.110990 (in Russian).
- Murzin A. E. (2013) Sotsiokulturnyy potentsial goroda i metodika ego analiza [Sociocultural Potential of the City and Methods of Its Analysis]. *Sotsialno-gumanitarnaya ekspertiza: analiz kulturnykh strategiy razvitiya territorii* [Social and Humanitarian Expertise: Analysis of Cultural Strategies for Territorial Development]. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation (Ekaterinburg, April 24, 2013), Ekaterinburg: UMC UPI Publisher, pp. 295–302 (in Russian).
- Nikolaev A. V. (2021) Model otsenki potentsiala ustoychivogo razvitiya territoriy Arkticheskoy zony Rossiyskoy Federatsii [Model for Assessing the Potential for Sustainable Development of the Territories of the Arctic Zone of the Russian Federation]. *Economics and Management: Scientific and Technical Journal = Ekonomika i upravlenie: nauchno-texnicheskij zhurnal*, no 3 (159), pp. 109–113 (in Russian)
- Norris F. H., Stevens S. P., Pfefferbaum B., Wyche K. F., Pfefferbaum R. L. (2008) Community Resilience as a Metaphor, Theory, Set of Capacities, and Strategy for Disaster Readiness. *American Journal of Community Psychology*, vol. 41, no 1, pp. 127–150.
- North D. (1990) *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Oborin M. S., Sy`soev A. P., Sheresheva M. Yu. (2017) Nekotorye podkhody k otsenke ekonomicheskogo potentsiala malykh gorodov Rossii [Some Approaches to the Assessment of Small Russian Cities' Economic Potential]. *Public Administration. E-journal = Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyy vestnik*, no 63, pp. 297–319. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30148137> (accessed 13 January 2026). doi: 10.24411/2070-1381-2017-00064 (in Russian).
- Pike A., Rodrigues-Pose A., Tomaney J. (2006) *Local and Regional Development*, Abingdon, UK; New York: Routledge.

- Plodinec M. J., Edwards W. C., White R. K. (2014) Applications of a “Whole Community” Framework for Enhancing Community or Campus Resilience. *Procedia Economics and Finance*, no 18, pp. 9–16.
- Plusnin Y. M. (2022) *Sotsialnaya struktura provintsialnogo obshchestva* [Social Structure of Provincial Society], Moscow: Common Place (in Russian).
- Ponomareva I. Yu., Tankieva T. A., Ponomareva M. V., Korolev A. V. (2019) Turizm kak napravlenie ustoychivogo razvitiya malykh gorodov [Tourism as a Direction of Sustainable Development of the Small Towns]. *Service In Russia And Abroad = Servis v Rossii i za Rubezhom*, no 3 (85), pp. 137–151. Available at: <https://sciup.org/140244073> (accessed 13 January 2026). doi: 10.24411/1995-042X-2019-10311 (in Russian).
- Rogovaya A. V., Bijzhanova E. K., Levchenko N. V. (2022) Sotsialnaya aktivnost obshchestvennykh organizatsiy v malykh gorodakh: osnovnye problemy i potentsial [Social Activity of Public Organisations in Small Cities: The Main Problems and Potential]. *Monitoring of Law Enforcement Journal = Monitoring pravoprimeneniya*, no 4 (45), pp. 81–91. doi: 10.21681/2226-0692-2022-4-81-91 (in Russian).
- Rokhchin V. E., Zhilkin S. F. (eds) (1999) *Strategicheskiy vybor goroda: nauchnoe obosnovanie i mekhanizm realizatsii* [City’s Strategic Choice: Scientific Foundation and Realization Mechanism], St. Petersburg: Institute of Socio-Economic Studies of the Russian Academy of Sciences (ISES RAS).
- Rukovodstvo po proektirovaniyu malykh gorodov v sistemakh rasseleniya* (1979) [Guide to Designing Small Towns in Settlement Systems], Moscow: Stroyizdat (in Russian).
- Sekushina I. A., Lebedeva M. A. (2024) Neformalnoe grazhdanskoe uchastie naseleniya v razvitii malykh i srednikh gorodov Evropeyskogo Severa Rossii (na primere nekommercheskikh organizatsiy i gorodskikh internet-soobshchestv) [Informal Civic Participation of the Population in the Development of Small and Medium-Sized Cities of the European North of Russia (On the Example of Non-Profit Organizations and Urban Online Communities)]. *Sever i rynek: phormirovanie ekonomicheskogo poryadka*, no 3, pp. 60–76. doi: 10.37614/2220-802X.3.2024.85.004 (in Russian).
- Selev S. S., Pavlov A. B. (2016) *Garazhniki* [Garage Workers], Moscow: Oz Terra.
- Selyutina L. G. (2020) Sotsialnyy potentsial territorii i ego vzaimosvyaz s territorialnym sotsialnym kompleksom [Social Potential of the Territory and Its Interrelation with the Territorial Social Complex]. *Ekonomiko-upravlencheskiy kongress* [Economic-Management Congress]. Sbornik statey po materialam Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo meropriyatiya (Belgorod, 30 oktyabrya 2020 g.) [A Collection of Articles Based on Materials from International Scientific and Practical Events (Belgorod 20 October 2020)]. Belgorod: Belgorod State National University, pp. 180–184 (in Russian).
- Skerratt S., Steiner A. (2013) Working with Communities-of-Place: Complexities of Empowerment. *Local Economy*, vol. 28, no 3, pp. 320–338. doi: 10.1177/0269094212474241
- Smirnova N. V. (2003) Aktivizatsiya sotsialno-ekonomicheskogo potentsiala rossiyskikh gorodov [Activation of the Socio-Economic Potential of Russian Cities]. *Russian Journal of Water Transport = Nauchnye problemy vodnogo transporta*, no 6, pp. 128–137 (in Russian).
- Sotarauta M., Mustikkamäki N. (2015) Institutional Entrepreneurship, Power, and Knowledge in Innovation Systems: Institutionalization of Regenerative Medicine in Tampere, Finland. *Environment and Planning C: Government and Policy*, vol. 3, no 2, pp. 342–357.

- Stepanova T. E. (2020) *Institutsionalnyy kapital Kaliningradskoy oblasti* [Institutional Capital of the Kaliningrad Oblast]. *Innovatsionnye napravleniya nauki, obrazovaniya i proizvodstva* [Innovative Directions of Integration of Science, Education, and Production: Proceedings of Abstracts from the First International Scientific-Practical Conference], Kerch, May 14–17, 2020 (ed. E. P. Masyutkin), Kerch: Kerch State Marine Technological University, pp. 361–366.
- Uskova T.V., Sekushina I.A. (2021) *Strategicheskie priority razvitiya malykh i srednikh gorodov*. [Strategic priorities of small and medium towns' development]. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecas = Ekonomicheskie i socialnye peremeny: fakty, tendencii, prognoz*, vol. 14, no 1, pp. 56–70. doi: [10.15838/esc.2021.1.73.5](https://doi.org/10.15838/esc.2021.1.73.5) (in Russian).
- Vinogradova K. O., Lomovceva O. A. (2014) *Sushhnost i struktura potentsiala razvitiya regiona*. *Nauchnoe obozreni* [The Essence and Structure of the Regional Development Potential]. *Science Review. Economic Sciences = Nauchnoe obozrenie. E'konomicheskie nauki*, no 1, pp. 62–63 (in Russian).
- Zaborova E. N. (2021) *Malye goroda kak potentsial dlya predprinimatelskoy deyatel'nosti* [Small Towns as Potential for Entrepreneurial Activity]. *Mezhterritorialnoe neravenstvo: problema ili drayver razvitiya* [Inter-Territorial Inequality: A Problem or a Driver of Development?] (ed. Yu. G. Lavrikova), Proceedings VI International Symposium on Regional Economy, Ekaterinburg, 23–25 June 2021, Ekaterinburg: Institute economy of Ural's department RAS, pp. 210–217 (in Russian).
- Zemlyanskij D. Yu., Lamanov S. V. (2014) *Stsenarii razvitiya monoprophilnykh gorodov Rossii* [Scenarios for the Development of Single-Industry Cities in Russia]. *Bulletin of Moscow University. Series 5: Geography = Vestnik Moskovskogo universiteta. Seria 5: Geografiya*, no 4, pp. 69–74 (in Russian).
- UN-Habitat in Russia (2025) *UN-Habitat Methodology Center*. Available at: <http://unhabitat.ru/programs/metodcenter> (accessed 28 April 2025).

Received: April 17, 2025

Citation: Nedoseka E., Minina V., Ivanov S. (2026) *Razvitie malykh gorodov Rossii: «nizovye» agenty aktivizatsii sotsialnogo potentsiala ustoychivosti* [Developing Russia's Small Towns: “Grassroots” Agents of Activating Social Potential for Sustainability]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 27, no 1, pp. 125–152. doi: [10.17323/1726-3247-2026-1-125-152](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2026-1-125-152) (in Russian),

ДЕБЮТНЫЕ РАБОТЫ

А. А. Лукина, Д. С. Толстых

Между меритократией и структурными барьерами: как студенты первого поколения оценивают социальную мобильность¹

ЛУКИНА Анастасия Андреевна — научный сотрудник Центра развития навыков и профессионального образования Института образования НИУ ВШЭ. Адрес: 101000, Россия, г. Москва, Потаповский переулок, д. 16/10.

Email: aalukina@hse.ru

В условиях кризиса социальных лифтов и высокой дифференциации российской системы высшего образования особую значимость приобретает изучение представлений о неравенстве и опыта мобильности социальных групп, сталкивающихся с негативными последствиями низкого социально-экономического статуса. В данной статье анализируются паттерны восходящей субъективной мобильности и стратификационные установки российских студентов первого поколения (СПП), то есть выпускников вузов без семейного опыта получения высшего образования, в сравнении с другими группами молодёжи, выделенными по признаку наличия собственного и родительского высшего образования. В фокусе внимания находятся представления о драйверах и барьерах жизненного успеха и их связь с субъективной мобильностью. Эмпирическую базу исследования составляют данные 9–10 волн лонгитюда «Траектории в образовании и профессии» (2020–2021 гг.), содержащего информацию о возрастной когорте современной российской молодёжи.

Результаты исследования демонстрируют, что СПП занимают промежуточную позицию между группами с разным уровнем образования, сочетая веру в меритократические принципы с частичным осознанием структурных барьеров. Ключевой фактор их субъективной мобильности — «дуальное» восприятие детерминант успеха, однако, в отличие от наиболее ресурсной группы, СПП менее склонны к критическому осмыслению структурных ограничений. При этом качество полученного образования (селективность вуза и форма обучения) не связано с оценками мобильности.

Исследование расширяет понимание внутренней дифференциации группы выпускников российских вузов, а также вносит вклад в дискуссию о трансформирующей роли высшего образования и специфике образовательной социализации СПП. Выявленные закономерности подчёркивают необходимость адресной поддержки этой группы, направленной на развитие навыков анализа структурных барьеров и снижение рисков «неустойчивой мобильности».

Ключевые слова: социальная мобильность; студенты первого поколения (СПП); высшее образование; стратификационные установки; ресурсы жизненного успеха; неравенство в образовании.

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

ТОЛСТЫХ Дарья Сергеевна — стажёр-исследователь Центра развития навыков и профессионального образования Института образования НИУ ВШЭ. Адрес: 101000, Россия, г. Москва, Потаповский переулок, д. 16/10.

Email: dtolstykh@hse.ru

Введение

В российском общественном сознании высшее образование традиционно воспринимается в качестве ключевого ресурса, открывающего возможности для достойной жизни [Minina, Pavlenko 2022]. Исследования родительских притязаний в отношении образования ребёнка демонстрируют всеобщий запрос на получение детьми вузовского диплома [Малиновский, Шибанова 2023]. Важным контекстом для осмысления высшего образования современной молодёжью являются меритократические идеалы, акцентирующие роль личных усилий и хорошего образования в достижении успеха [Donovan 2018].

Современные тенденции развития сферы образования и рынка труда не позволяют говорить о равно положительной роли высшего образования для всех выпускников. Исследования демонстрируют высокую гетерогенность качества образования в зависимости от социального происхождения студентов [Прахов 2015; Малиновский, Шибанова 2023], неодинаковые результаты на рынке труда в зависимости от уровня оконченого вуза [Рожкова et al. 2023], а также снижение гарантий занятости в высококвалифицированном сегменте рынка труда в условиях массовизации высшего образования [Гимпельсон, Капелюшников 2023].

Противоречивость воспринимаемых эффектов высшего образования находит отражение и в содержании стратификационных установок (*stratification beliefs*) — представлений о природе социального неравенства и значимости различных ресурсов для достижения успеха [Kluegel, Smith 1981]. В российском контексте наблюдается рост приверженности структурным механизмам неравенства и подчёркнуто немеритократическим практикам на фоне снижения воспринимаемой роли хорошего образования и квалификации [Тихонова 2018b].

Исследования демонстрируют, что содержание стратификационных установок имеет статусно-специфическую природу: меритократические ценности в большей мере разделяются индивидами с высоким статусом, в то время как представители менее привилегированных социальных страт привержены структурным факторам жизненного успеха [McCall 2013]. Хотя статусная специфика стратификационных установок принимается во внимание исследователями, её рассмотрение ограничивается изучением роли культурного капитала и вписано в обсуждение процессов социального воспроизводства. Текущая исследовательская дискуссия почти не затрагивает контекст высшего образования и межгенерационного воспроизводства образовательных статусов при рассмотрении представлений о способах достижения жизненного успеха и субъективном опыте социальной мобильности.

При этом известно, что опыт обучения в вузе индивидов с низким статусом, а также их восприятие и использование доступных ресурсов и возможностей отличается существенной спецификой [Ball et al. 2002]. Как показывают исследования, выходцы из менее ресурсных семей испытывают на себе

многие проявления социально-экономического неравенства и в системе высшего образования, и по выходе из неё, тем самым демонстрируя долгосрочные эффекты низкого социального статуса, которые не нивелируются даже в результате окончания вуза [Лукина 2023]. Исходя из устойчивой природы неравенства, остаётся неясным, насколько представители дефицитных групп разделяют веру в меритократию и высшее образование как фактор успеха, и играет ли содержание их стратификационных установок роль в восприятии мобильности.

Таким образом, в условиях высокой гетерогенности системы высшего образования, значительных различий в образовательных траекториях и образовательном опыте разных социально-экономических страт представляется необходимым учитывать специфику образовательного капитала и семейной ответственности получения высшего образования при анализе представлений о социальной мобильности.

Данное исследование синтезирует наработки исследований социальной стратификации и образования. В фокусе внимания находится субъективная восходящая мобильность в её взаимосвязи со стратификационными установками российских студентов первого поколения, то есть учащихся вузов, получающих высшее образование впервые в своей семье [Adachi 1979]. Учитывая многомерный характер социальной мобильности [Вебер 2003], а также гетерогенность сферы высшего образования и получаемого образовательного опыта, мы изучаем паттерны субъективной мобильности. В основе настоящей статьи лежат следующие исследовательские вопросы:

- какова специфика группы студентов первого поколения в восприятии ресурсов жизненного успеха?
- как статус студента первого поколения опосредует взаимосвязь между приверженностью специфическим ресурсам жизненного успеха и субъективной оценкой мобильности?

Статья выстроена следующим образом. В первых разделах мы рассматриваем феномен социальной мобильности как процесс глубинных индивидуальных изменений, актуальные тенденции и механизмы функционирования высшего образования как социального лифта, а также демонстрируем результаты исследований стратификационных установок. Далее с опорой на эмпирические данные по молодёжной когорте раскрывается специфика группы студентов первого поколения с точки зрения их стратификационных установок, а также связь содержания этих установок с шансами на субъективную восходящую мобильность.

Субъективные аспекты социальной мобильности

В условиях массовизации во второй половине XX века высшего образования (далее — ВО) доступ к обучению в вузах получили до этого не представленные в нём социальные группы, в том числе выходцы из семей с низким социально-экономическим статусом [Schofer, Meyer 2005; Ayalon et al. 2008; Nadjar, Becker 2009].

Необходимость научного осознания и разработки прикладных решений в отношении диверсификации студенческого контингента привела к развитию мощной линии исследований в отношении новых групп. В частности, была выделена отдельная категория «студенты первого поколения» (СПП), то есть, как отмечалось выше, учащихся, впервые в своей семье поступивших в вуз [Adachi 1979]. Исследования показывают, что эта группа характеризуется специфической образовательной траекторией: СПП чаще отчисляются из вузов, получают меньше образовательных кредитов, чаще совмещают учёбу с работой и выполнением семейных обязанностей (см. подробнее в обзоре: [Лукина 2023]).

Указанные адаптационные сложности подсвечивают важную характеристику природы социальной мобильности — её субъективную составляющую. Так, исследователи, изучающие субъективные аспекты мобильности, отмечают, что получение ВО выходцами из низкостатусных семей, помимо приобретения формальных сертификатов, сопряжено с глубинной ценностной перестройкой [Sennett, Cobb 1992; Franceschelli, Evans, Schoon 2016; Friedman 2016]. Поступление в вуз концептуализируется исследователями как сложный процесс личностной трансформации [London 1989]. Адаптация к университетской культуре требует особых усилий, связанных с освоением новых ролевых репертуаров и незнакомых «правил игр» [Tinto 1975].

Такой взгляд на ВО восходит к теории социального неравенства П. Бурдьё. Согласно Бурдьё, институты оперируют по правилам, задаваемым привилегированными классами в силу имеющихся у них властных ресурсов [Bourdieu 1977]. Эти правила в ходе социализации осваиваются детьми из высоко-статусных семей, а затем используются ими для навигации по институтам [Lareau 2018]. Дети же из непривилегированных семей характеризуются альтернативным классово-специфичным габитусом, который вызывает сложности при адаптации к вузовской среде [Lee, Kramer 2013; Ivemark, Ambrose 2021; Montes 2024]. Будучи незнакомыми с университетской культурой и её правилами, такие студенты испытывают сложности в академической и социальной адаптации, что может приводить к различным негативным эффектам, включая досрочное окончание учёбы [Tinto 1975; Lareau, Weininger 2003; Bettencourt 2021; López, Santelices, Taveras 2023]. При этом успешное освоение культурных репертуаров — установок, поведенческих стратегий, интерпретаций, — актуальных для сферы ВО, способствует высокой успеваемости и формированию чувства принадлежности к вузовской культуре [Lehmann 2013]. Эта идея иллюстрируется, например, работой Дж. Сильвы и С. Корсе, в которой рассматривается роль формирования «агентной самости» в совершении восходящей мобильности [Silva, Corse 2018]. Как показывают упомянутые авторы, освоение элементов агентной самости — планирования будущего, умения мечтать и высоких образовательных притязаний — позволяет представителям американского рабочего класса успешно поступать в университет, используя ВО в качестве социального лифта.

Таким образом, студентам–выходцам из семей с низким статусом требуется прилагать дополнительные усилия, связанные с освоением новых культурных компетенций. Высшее образование является механизмом не только объективной социальной мобильности через приращение человеческого капитала, но и субъективной личностной трансформации. Опираясь на эту модель, мы предполагаем, что совершение мобильности сопряжено с освоением установок, характерных для наиболее высокостатусных семей.

Тем не менее вопрос о том, насколько высшее образование обладает трансформирующей силой в отношении поступающих студентов низкого статуса, является актуальным предметом научной дискуссии. Например, сторонники «ресурсного» подхода (*asset-based perspective*) именуют вышеописанный подход дефицитным (*deficit-based perspective*) и настаивают, что представители непривилегированных социальных страт зачастую добиваются успеха именно за счёт культурных компетенций, приобретённых в ходе взросления [Ives, Castillo-Montoya 2020; LeBouef, Dworkin 2021]. Например, Дж. Страйб демонстрирует неоднозначную взаимосвязь между классово-специфическим габитусом и динамикой положения индивида в социальной иерархии: культурные предрасположенности, специфичные для американского среднего класса, могут вести его представителей вниз, и, наоборот, особенности габитуса рабочего класса создают возможности для совершения восходящей мобильности [Streib 2017].

Высшее образование как социальный лифт

Исследования демонстрируют неоднозначную роль образования как ресурса восходящей мобильности. Можно выделить два основания такого вывода: (1) гетерогенность российского высшего образования; (2) содержание стратификационных установок современных россиян.

Хотя высшее образование воспринимается в качестве социального лифта, а население имеет высокие запросы к уровню образования, исследования демонстрируют высокую гетерогенность ВО в разных его аспектах. В частности, высокие различия обнаруживаются «на входе» в ВО: дети с разным статусом попадают в разные вузы, сохраняются барьеры доступа к высококачественному ВО [Прахов 2015; Хавенсон, Чиркина 2018; Малиновский, Шибанова 2022]. В сравнении с «традиционными» студентами, российские СПП реже поступают в селективные вузы и выбирают длинные образовательные треки [Barsegyan, Maas 2024]. Неодинаковое качество полученного образования выливается и в разные результаты на рынке труда: выпускники селективных университетов получают более высокую зарплату [Рожкова et al. 2023]. Согласно результатам зарубежных исследований, студенты разного социального статуса по-разному выстраивают образовательные траектории: СПП меньше вовлечены в учёбу и студенческое сообщество [Pascarella et al. 2004; Stebleton, Soria, Huesman 2014; Costello et al. 2018], чаще отчисляются и позже получают диплом [Ishitani 2003; 2006].

Исследователи социальной структуры демонстрируют, что среди когорты современной молодёжи высшее образование перестало обеспечивать пропуск в средний класс, уступив место уровню дохода, что снижает роль образования как гаранта социальной мобильности [Мареева 2022]. Отмечается снижение возможностей для совершения образовательной мобильности [Константиновский 2008; Ястребов 2016]. Для статусной самоидентификации россиян ключевую роль играет уровень материального благосостояния, в то время как уровень образования и квалификации имеет лишь второстепенный характер [Тихонова 2018a]. Исходя из значительной дифференциации образовательного опыта выпускников и зафиксированной в исследованиях снижающейся роли образования как стратифицирующего фактора, мы предполагаем, что не любой опыт обучения в вузе приводит к мобильности и обладает трансформирующей силой в отношении статусной идентичности студента.

Проблематизация роли ВО в качестве инструмента социальной мобильности актуальна и с точки зрения динамики стратификационных установок россиян (*stratification beliefs*) — взглядов относительно существующего в обществе неравенства, имеющихся возможностей изменения своего положения и доступных ресурсов жизненного успеха [Kluegel, Smith 1981]. Исследователи отмечают рост приверженности россиян немеритократическим установкам [Тихонова 2018b]. Снижается воспринимаемая роль хорошего образования, собственных усилий и достижительных установок при сохранении высокого значения социальных связей и неправовых практик [Тихонова 2018b]. Возможность достижения успеха в высокой мере связывается с капиталами родительской семьи [Тихонова 2018b]. В России массово снижается толерантность к неравенству [Marееva 2020]. Растёт недовольство россиян в отношении текущей структурной расстановки: респонденты независимо от их доходной группы и жизненной ситуации воспринимают своё положение в социальной структуре как несправедливое [Мареева, Слободенюк, Аникин 2022]. В иерархии критериев жизненного успеха, которых придерживаются россияне, образование занимает далеко не лидирующие позиции [Тихонова 2025]. В российском контексте ставится под сомнение роль индивидуальных усилий и ВО в осуществлении социальной мобильности.

Меритократические ценности и социальный статус

Исследователи обращают внимание на высокую значимость социального статуса в восприятии существующего неравенства и приверженности меритократическим установкам. Зафиксированная закономерность состоит в следующем: индивиды с высоким социально-экономическим статусом демонстрируют бóльшую склонность к индивидуальным объяснениям успеха и толерантность к неравенству; со снижением же статуса отмечается рост приверженности структурным факторам неравенства и веры в немеритократические ресурсы успеха [Kluegel, Smith 1981]. Такая взаимосвязь объясняется «эффектом аутсайдера» (*underdog thesis*): индивиды с низким статусом склонны ставить под сомнение транслируемые меритократические идеалы, поскольку чаще сталкиваются с ситуациями, противоречащими этим принципам [Robinson 1983; Xian, Reynolds 2017].

Результаты исследований на российском материале позволяют утверждать, что приверженность меритократическим ценностям также статусно специфична и растёт по мере продвижения из нижней в верхнюю страту [Тихонова 2020]. С повышением статуса наблюдаются также рост толерантности к неравенству и снижение запроса на перераспределение доходов [Гимпельсон, Монусова 2014]. Представления о преобладающей роли квалификации и образования как ключевых дифференцирующих факторах в наибольшей степени распространены среди представителей высшей страты, в то время как в нижней и средней стратах наиболее высокая роль отводится социальным связям или же случайному везению [Тихонова 2020].

Данные исследований также демонстрируют менее однозначную связь между социальным статусом и меритократическими установками, показывая распространённость этих последних в том числе среди менее привилегированных страт. Выдвигается несколько обоснований такого парадокса: неполнота информации о существующих неравенствах [Mijis 2018]; рационализация текущих жизненных обстоятельств [Jost et al. 2003]; контекстуализированная, прагматическая приверженность меритократии для достижения отдельных целей [Но 2024].

Сложноустроенность ценностей в отношении доступных источников жизненного успеха также иллюстрируется феноменом дуального самосознания (*dual consciousness*) [Merolla, Hunt, Serpe 2011; Hunt 2016] — ситуацией одновременного различия и меритократических, и структурно обусловленных возможностей для достижения успеха.

Приверженность определённым объяснениям успеха связывается также с национальным контекстом — преобладающими в обществе представлениями о способах достижения успеха. Так, для американского общества характерен культурный императив «американской мечты», в рамках которого акцентируется роль индивидуальных усилий для достижения успеха, что ведёт к высокой приверженности меритократическим установкам [Newman, Johnston, Lown 2015]. В восточноевропейских контекстах обнаруживается высокая приверженность структурным факторам [Hanson, Wells-Dang 2006]. Исследования китайского общества свидетельствуют о распространённости модели дуального самосознания [Wang, Olivos 2024]. Сравнительное исследование населения Финляндии, США и Китая показало национальную специфику обсуждаемых мировоззренческих установок: для Финляндии характерна приверженность «чистой» меритократии; для США — частичной меритократии; Китаю свойственна равнозначная роль индивидуальных и структурных факторов [Zhu 2025]. В российском контексте высокое значение приобретают структурные факторы успеха, в частности различные неправовые практики на фоне снижения веры в собственные усилия и образование [Тихонова 2018b].

Обозначенные противоречия вызывают необходимость анализа того, как вера в различные ресурсы достижения успеха связана с родительским и индивидуальным уровнями образования, а восприятие структуры доступных ресурсов — с совершением восходящей социальной мобильности.

Методология исследования

Гипотезы и задачи исследования

Представленный выше обзор исследований позволяет выдвинуть следующие предположения:

Гипотеза 1 (**Н1**): Профиль установок СПП близок к выпускникам вузов из семей с ВО и далёк от представителей молодёжи, не обладающей высоким уровнем образования как собственно, так и семейного;

Гипотеза 2 (**Н 2**): Стратификационные установки СПП характеризуются большей приверженностью меритократическим ресурсам успеха и меньшей — структурно обусловленным ресурсам;

Гипотеза 3 (**Н 3**): Для СПП рост приверженности стратификационным установкам, свойственным выпускникам из более ресурсных семей, связан с более высокими шансами на субъективную восходящую мобильность;

Гипотеза 4 (**Н 4**): Приверженность СПП стратификационным установкам, свойственным выпускникам из более ресурсных семей, усиливает шансы на восходящую мобильность СПП по сравнению с обеими контрастными группами — как с наиболее образованной группой, так и с группой без индивидуального и семейного опыта получения ВО;

Гипотеза 5 (**Н 5**): В силу гетерогенности системы ВО не любой опыт окончания вуза гарантирует мобильность. В связи с этим предполагается, что факт обучения в селективном вузе усиливает шансы СПП на восходящую мобильность.

Проверка данных гипотез предполагала решение следующих задач: :

- выявить специфику стратификационных установок СПП в сравнении с высокообразованной группой (респондент и родители получили ВО) и группой, в которой ни у респондента, ни у родителей нет ВО;
- выявить связь между профилем стратификационных установок и шансами на восходящую мобильность СПП;
- выявить эффект статуса СПП при оценке связи между шансами на восходящую мобильность и профилем стратификационных установок внутри группы выпускников вузов (безотносительно образования родителей);
- выявить эффект статуса СПП при оценке связи между шансами на восходящую мобильность выпускников вузов и качеством полученного ВО (селективность вуза);
- выявить эффект статуса СПП при оценке связи между шансами на восходящую мобильность и профилем стратификационных установок внутри группы респондентов, родители которых не получили ВО (безотносительно образования респондента).

Данные и выборка

Исследование опирается на данные 9–10-й волн лонгитюда «Траектории в образовании и профессии» (ТрОП)². Данные были собраны в 2020–2021 гг. На момент проведения исследования большая часть когорты окончила формальное обучение и вышла на рынок труда. В 10-й волне ТрОП приняли участие 3532 представителя молодёжи.

² См. подробнее официальный сайт проекта ТрОП. Электронный ресурс [код доступа]: <https://trec.hse.ru> (дата обращения: 29 декабря 2025).

Переменные исследования

Субъективная мобильность

Для операционализации социальной мобильности мы опираемся на многомерную модель стратификации М. Вебера, предполагающей многоаспектную природу социального статуса, несводимую к материальной составляющей [Вебер 2003]. В рамках данного подхода мобильность понимается не только как переход на определённую ступень социальной иерархии, но и как субъективное переживание смены статусной идентичности в связи с изменением формального статуса. Учитывая многоаспектный характер мобильности, мы отталкиваемся от оценок респондентами субъективной мобильности — характера их собственного восприятия произошедших изменений своего положения в социальной иерархии [Kelley, Kelley 2009]. Изучение субъективно переживаемого опыта изменения статуса через получение ВО также актуально в контексте описанной дифференциации ВО с точки зрения его эффектов и возрастающей роли альтернативных социальных лифтов [Тихонова 2018b]. Через анализ субъективной мобильности в группах как совершивших формальную образовательную мобильность, так и не совершивших её нами предпринимается как бы «двойная» оценка мобильности: на первом шаге — с точки зрения достигнутого образования по сравнению с образованием родителей, а на втором — с точки зрения субъективных оценок динамики социального положения.

Для изучения субъективной мобильности мы используем переменные 10-й волны ТрОП о восприятии респондентами изменения своего социального положения. Способом измерения субъективной мобильности выступает оценка индивидом положения семьи в его детстве и собственного текущего положения на «социальной лестнице», представленной 10-балльной шкалой [Kelley, Evans 1995]. Описательные статистики «сырых» переменных представлены в приложении 1 (см. табл. П1.1). В зависимости от характера произошедших изменений (динамика положения на 10-балльной «лестнице») респонденту присваивался один из паттернов мобильности: восходящая мобильность; нисходящая мобильность; статусное воспроизводство. В частности, респонденту приписывалась совершенная восходящая мобильность в случае перехода в более высокую статусную группу, нисходящая — в случае перехода в более низкую статусную группу, воспроизводство — в случае сохранения позиции в ранней статусной группе (см. табл. 1). В данной работе мы не рассматриваем паттерн нисходящей мобильности, фокусируя внимание на шансах на восходящую мобильность по сравнению с воспроизводством статуса.

Таблица 1

Паттерны субъективной мобильности (на основе сопоставления баллов, отражающих положение респондента на «социальной лестнице»)

Собственный и родительский социальный статус, в баллах	Баллы		
	1–4	5–7	8–10
1–4	Воспроизводство	Восходящая мобильность	
5–7	Воспроизводство		
8–10	Нисходящая мобильность		Воспроизводство

Комбинации детско-родительских образовательных статусов

Для операционализации статуса СПП и вычисления «образовательного капитала» респондентов мы оперируем переменными завершённого образования у респондента и родителей (см. табл. 2). Наличие у респондента ВО оценивалось по переменной из 1-й волны ТрОП. Информация об образовании родителей извлекалась из данных за 2011 г. международного исследования качества школьного ма-

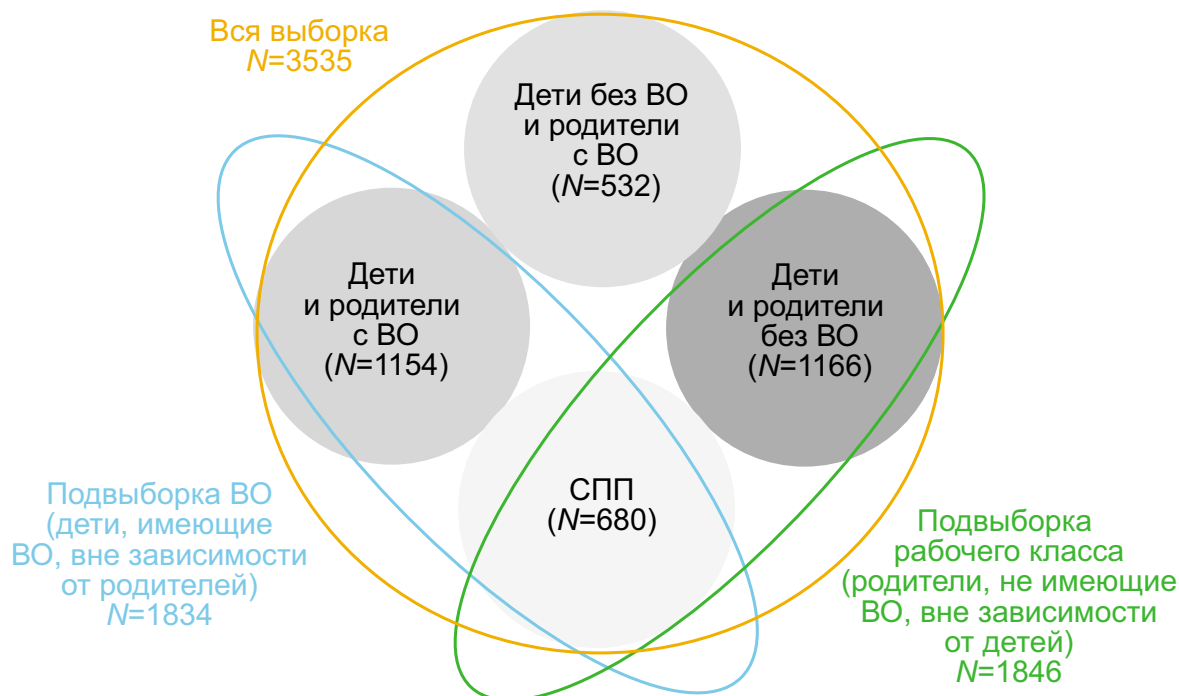
тематического и естественно-научного образования³ — TIMSS-2011, выборка которого и составила первоначальную выборку ТрОП.

Таблица 2

Комбинации наличия индивидуального и родительского высшего образования

Наличие ВО у респондента и родителей	Родители	
Респондент	++	+– (СПП)
	– +	--

Мы используем три разных подхода к выделению групп (см. рис. 1). Первый предполагает выделение четырёх групп, характеризующих разные сочетания наличия или отсутствия ВО у родителей и респондента. Второй подход предполагает работу с подвыборкой респондентов, получивших ВО, и выделение двух групп — выпускников вузов, у которых хотя бы один родитель имеет ВО, а также выпускников без семейного опыта обучения в вузе — СПП. В рамках данного подхода мы сравниваем группы, идентичные с точки зрения достигнутого уровня образования. Третий подход предполагает работу с подвыборкой респондентов, чьи родители не имеют ВО, и выделение среди них двух групп — тех, кто воспроизвёл семейный опыт и не учился в университете, а также тех, кто первым в семье получил ВО, приобретя статус СПП. В рамках данного подхода сравниваются группы, «стартовавшие» из одинакового положения с точки зрения родительского уровня образования. Учитывая ключевую роль образования родителей как стратифицирующего фактора в современном российском обществе [Тихонова 2014; 2018а; 2020], мы интерпретируем наличие у родителей респондентов ВО как квазииндикатор высокого статуса. При этом у такого подхода есть свои ограничения, связанные с проблемой статусной рассогласованности в российском контексте [Саблина 2003; Коленникова 2019].

Рис. 1. Способы выделения групп по наличию индивидуального и родительского высшего образования (N = 3532)

³ Trends in Mathematics and Science Study (TIMSS).

Качество высшего образования

Для учёта фактора дифференциации ВО, зафиксированной в прошлых исследованиях [Емелина et al. 2022; Рожкова et al. 2023], мы контролируем качество полученного ВО через статус вуза и формы обучения (см. табл. 5). Селективность зачисления определялась исходя из среднего балла приёма на бюджетные места по данным мониторинга качества приёма в 2017 г.⁴ Статус селективного присваивался вузу в том случае, если пороговый проходной балл на бюджет в данном вузе превышал 70 баллов.

Воспринимаемые драйверы и барьеры успеха

Для анализа воспринимаемых драйверов успеха мы используем ответы респондентов на вопрос из 10-й волны ТрОП: «Как Вы считаете, для того чтобы преуспеть в жизни, насколько важно?...». Данный вопрос является адаптацией шкалы «Ресурсы успеха» из Международной программы социальных исследований (International Social Survey Programme, ISSP)⁵. Шкала позволяет измерить приверженность респондента различным инструментам социальной мобильности [Castillo et al. 2023].

Для получения различных «типов» стратификационных установок был проведён факторный анализ (ФА)⁶, по результатам которого получены два типа установок (см. табл. 3): приверженность (1) меритократическим и (2) структурным драйверам успеха.

Таблица 3

Драйверы жизненного успеха по результатам ФА

Тип драйвера	Суждения, характеризующие драйвер
Меритократические драйверы	Важно упорно трудиться Важно получить хорошее образование
Структурные драйверы	Важно иметь образованных родителей Важно иметь нужные знакомства Важно давать взятки Важно происходить из богатой семьи

Для анализа воспринимаемых ограничений социальной мобильности используются ответы респондентов на вопрос из 9-й волны ТрОП: «Как Вы думаете, что может помешать Вам достичь благополучной жизни в будущем?», — предполагающий множественный выбор из набора различных барьеров для достижения успеха.

В результате снижения размерности набора представленных суждений путём ФА⁷ были выделены четыре установки относительно ключевых барьеров успеха (см. табл. 4):

⁴ См. подробнее Мониторинг качества приёма в вузы. Электронный ресурс [код доступа]: <https://ege.hse.ru/> (дата обращения: 2 января 2026). Выбор года обусловлен тем, что именно в 2017 г. основная часть возрастной когорты поступала в вузы.

⁵ См. подробнее официальный сайт ISSP. Электронный ресурс [код доступа]: <https://issp.org/> (дата обращения: 2 января 2026).

⁶ Использован метод главных компонент с вращением факторов методом Varimax с нормализацией Кайзера, КМО = 0,656, 61% общей объяснённой дисперсии.

⁷ Использован метод главных компонент с вращением факторов методом Varimax с нормализацией Кайзера. Полученные показатели (КМО = 0,555, 48% общей объяснённой дисперсии) указывают на относительно низкое качество факторной модели по сравнению со структурой драйверов успеха. Это может быть связано с отсутствием стандартизированной измерительной шкалы для оцениваемых барьеров. Полученная типология используется для решения аналитических задач данной работы, однако для подтверждения её надёжности требуются дополнительные процедуры валидации.

- недостаток собственных усилий;
- внешний контекст;
- статусные дефициты;
- личные непредвиденные обстоятельства.

Таблица 4

Барьеры жизненного успеха по результатам ФА

Тип барьера	Суждения, характеризующие барьер
Недостаток собственных усилий	Неудачно принятые решения Недостаток упорства и мотивации в достижении целей Особенности моего характера
Внешний контекст	Экономический кризис, неблагоприятная ситуация в экономике Политическая и (или) правовая ситуация в стране
Статусные дефициты	Недостаток образования, знаний Плохое материальное положение
Личные непредвиденные обстоятельства	Болезнь или травма, проблемы со здоровьем Проблемы в личной жизни, семье, в отношениях с близкими людьми

Стратегия анализа данных

Оценка шансов на осуществление восходящей мобильности проводилась с использованием бинарных логистических регрессий (см. приложение 2, табл. П2.1). В качестве зависимой переменной использовался факт совершения субъективной восходящей мобильности (переход в более высокую статусную группу) по отношению к родительскому статусу. Предикторами служили стратификационные установки относительно ресурсов жизненного успеха, а также «образовательный капитал» респондентов (соотношение между наличием ВО у респондента и его родителей). В анализе контролировались следующие социально-демографические параметры: пол, место проживания и статус занятости респондентов (наличие или отсутствие работы). Учитывались также аспекты, связанные с дифференциацией качества полученного ВО: селективность вуза и форма обучения в вузе (см. табл. 5).

Таблица 5

Описательные статистики категориальных переменных

Переменная	Категории переменной	N	Доля, в %	Всего
Паттерны мобильности	Восходящая	790	22,2	3560
	Воспроизводство	2124	59,7	
	Нисходящая	646	18,1	
Наличие ВО у респондента и родителей	Родители с ВО и ребёнок без ВО	532	15,1	3532
	Родители с ВО и ребёнок с ВО	1154	32,7	
	Родители без ВО и ребёнок без ВО	1166	33	
	Родители без ВО и ребёнок с ВО (СПП)	680	19,2	
Форма обучения	Очная форма	1504	62,8	2396
	Другая форма	892	37,2	
Селективность вуза	Селективный	488	27,9	1750
	Неселективный	1262	72,1	
Пол	Мужской	1799	50,5	3560
	Женский	1761	49,5	

Таблица 5. Окончание

Переменная	Категории переменной	N	Доля, в %	Всего
Статус занятости	Работает	3057	85,9	3470
	Не работает	413	11,6	
Место проживания	< 100 тыс.	1005	29,1	3453
	100–450 тыс.	672	19,5	
	450–680 тыс.	507	14,7	
	> 680 тыс.	696	20,2	
	Москва или Санкт-Петербург	573	16,6	

Регрессионные модели были построены на нескольких выборках:

- вся молодёжь (полная выборка);
- подгруппа СПП;
- подгруппа молодёжи с ВО (схожий «финиш»);
- подгруппа молодёжи, в которой у родителей нет ВО (схожий «старт»).

Для моделей, построенных на полной выборке, использовалась переменная «образовательный капитал» респондентов, предполагающая дифференциацию молодёжи по наличию ВО у самого респондента и его родителей. Также были построены модели с использованием эффектов взаимодействия статуса СПП и стратификационных установок на подвыборке высокообразованных студентов, а также молодых людей, чьи родители не имеют ВО, что позволило определить, усиливает ли принадлежность к категории СПП силу связи мобильности с восприятием важности различных возможностей и ограничений.

Результаты исследования

Паттерны субъективной мобильности молодёжи

Среди молодёжи преобладает паттерн сохранения статусных позиций с точки зрения субъективного восприятия респондентов: 60% респондентов сохранили своё положение в одной из трёх статусных групп (см. табл. 6). Примерно одинаковые доли респондентов — пятая часть выборки — совершили нисходящий (19%) или восходящий статусный переход (22%).

Таблица 6

Распространённость разных паттернов мобильности

Собственный и родительский социальные статусы, в баллах	1–4	5–7	8–10
1–4	22%	12%	3%
5–7	8%	22%	7%
8–10	3%	8%	16%

Примечание: Значения в таблице отражают доли респондентов с данным сочетанием оценок собственного и родительского социальных статусов. Светлой заливкой отмечены паттерны, соответствующие восходящей мобильности; тёмной — соответствующие нисходящей мобильности.

Стратификационные установки молодёжи

Драйверы мобильности

Среди молодёжи вера в меритократические драйверы мобильности выражена сильнее по сравнению с верой в структурные драйверы (см. табл. 7), причём распределение выраженности меритократических установок значительно смещено к более высоким значениям (см. рис. 2). Молодые люди склонны верить, что мобильность происходит через личные заслуги и достижения, а не из-за внешних структурных факторов.

Таблица 7

Описательные статистики воспринимаемых драйверов мобильности

	Вера в меритократические драйверы	Вера в структурные драйверы
Среднее значение	3,98	3,03
Стандартное отклонение	0,823	0,883
Дисперсия	0,678	0,779
Перцентили		
25	2,5	2,5
50	3	3
75	3,75	3,75

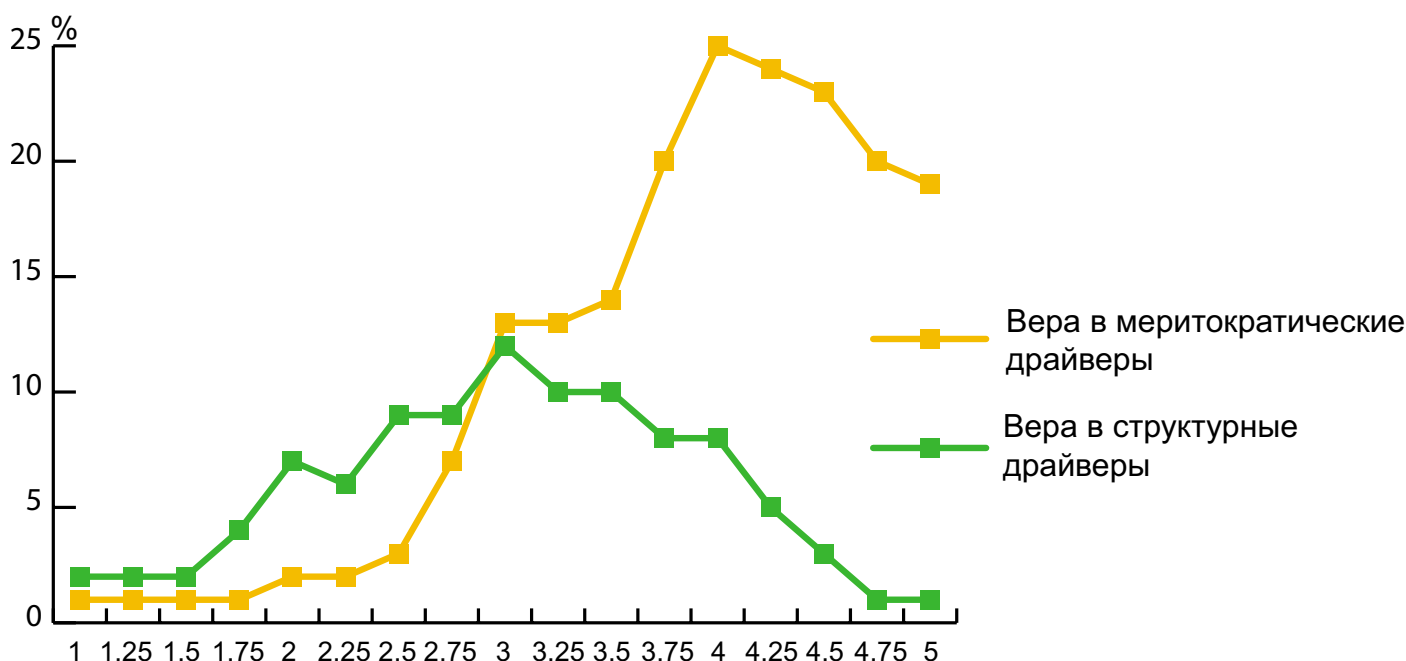
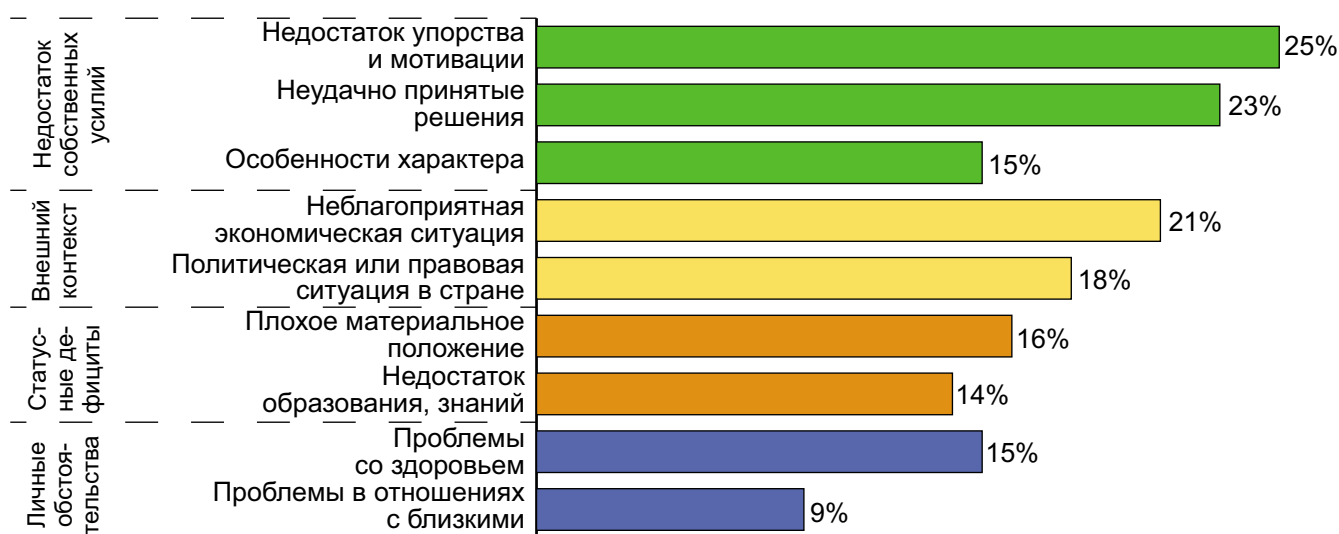

Рис. 2. Линейное распределение выраженности установок относительно драйверов мобильности

Барьеры мобильности

Наиболее часто молодёжь указывает на недостаточность собственных усилий как фактор, препятствующий достижению успеха (см. рис. 3). Вторым по распространённости является барьер, связанный с неблагоприятной экономической или политической ситуацией в стране. Барьеры, обусловленные статусными дефицитами или личными обстоятельствами, отмечает менее пятой части выборки.

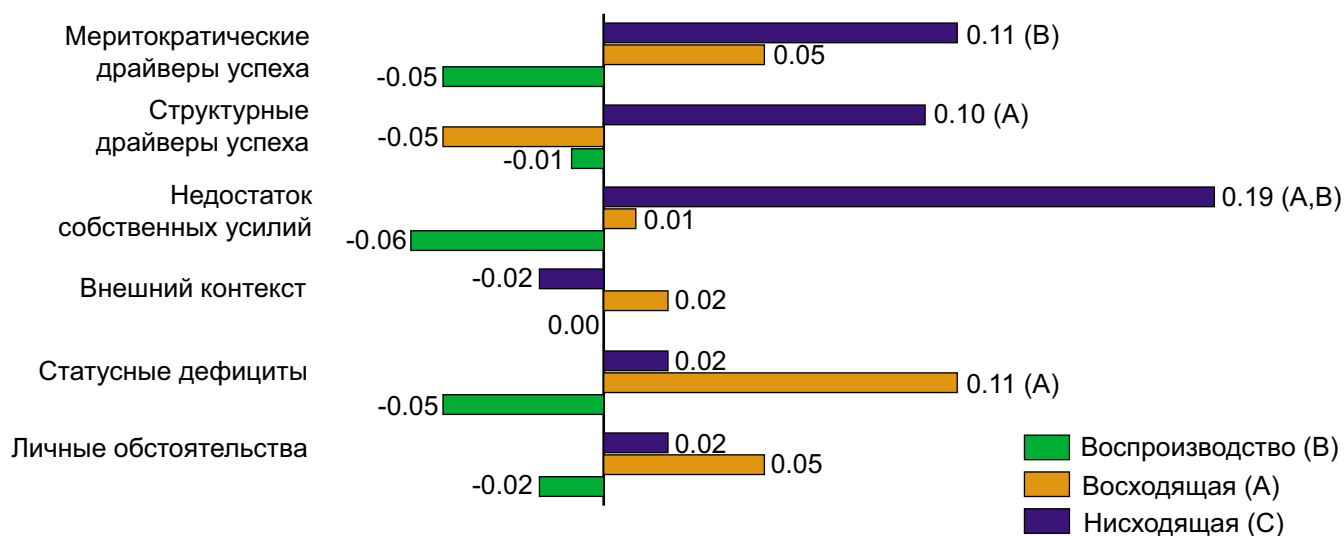
Рис. 3. Распределение барьеров мобильности (множественный выбор, доли выбравших каждый барьер, в %)

Выраженность стратификационных установок среди молодёжи с разными паттернами мобильности

Вера в статусные дефициты как значимый барьер успеха отличает часть молодёжи, совершившую восходящую мобильность (см. рис. 4). Это важно в контексте разговора об СПП как о специфической группе, совершившей образовательную мобильность: выраженность данной установки не может быть атрибутом данной группы, поскольку в целом свойственна молодёжи, совершившей восходящий переход.

Совершившие нисходящий переход значимо чаще отмечают недостаток усилий как значимую причину их неуспеха. Справедливо и обратное: по сравнению с другими паттернами мобильности, в данной группе наиболее выражена вера в меритократию как драйвер успеха. Среди представителей нисходящего паттерна также больше распространена приверженность структурным драйверам успеха.

Таким образом, имеющиеся данные не позволяют обнаружить линейную взаимосвязь между изменением статуса и содержанием стратификационных установок: среди совершивших субъективный восходящий переход не наблюдается большей приверженности меритократическим ресурсам. Напротив, совершившие нисходящую мобильность склонны придавать высокую значимость собственным усилиям — и как потенциальному драйверу, и как барьеру успеха; также они в большей степени привержены немеритократическим драйверам успеха.

Примечание: Сравнение регрессионных остатков — попарные тесты ANOVA с последующими post hoc тестами. Различия статистически значимы на уровне $p < 0,05$.

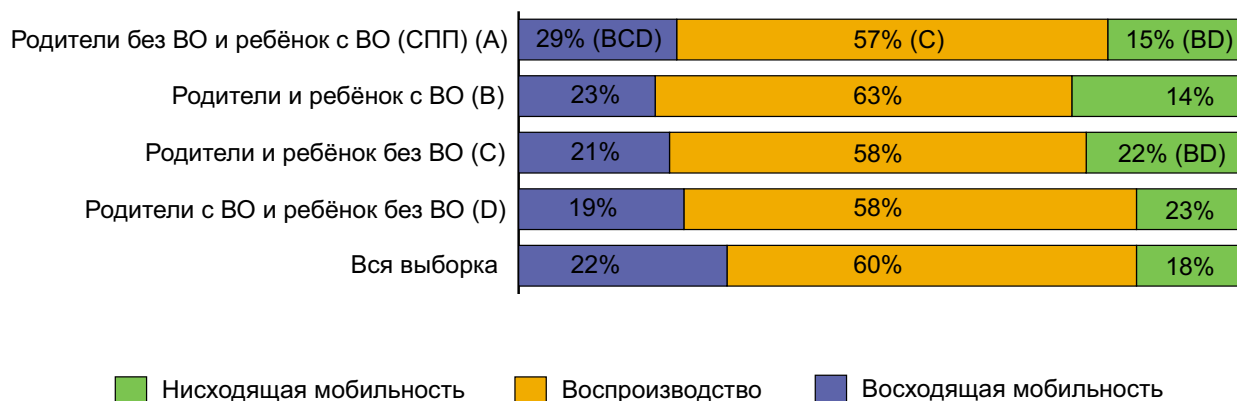
Рис. 4. Средняя выраженность различных стратификационных установок в зависимости от паттерна мобильности

Субъективная мобильность в группах с разным образовательным капиталом

Для СПП в наибольшей степени характерен паттерн восходящей мобильности: по сравнению с остальными группами, они значимо чаще оценивают свою траекторию как восходящую (см. рис. 5), а также имеют более высокие шансы на восходящую мобильность, чем на воспроизводство статуса (см. приложение 2, табл. П2.1, модель 5). Исходя из субъективных оценок, для СПП окончание вуза может служить социальным лифтом, ведущим в восходящую мобильность и позволяющим избежать воспроизводства низкого статуса, характерного для наименее образованной группы респондентов. Это соотносится с объективными изменениями их положения: из четырёх рассматриваемых групп только СПП качественно улучшили свой образовательный статус.

Также важно, что среди СПП восходящая субъективная мобильность распространена больше, чем среди наиболее высокообразованной группы. Возможное объяснение заключается в том, что эти последние изначально обладают высоким социальным статусом и к моменту окончания вуза ещё не успевают достичь высокого уровня жизни родителей [Лукина, Мальцева, Розенфельд 2024]. В этом контексте ВО выполняет для данной группы функцию воспроизводства статуса, а не служит условным «пропуском в средний класс».

Более высокие оценки восходящей мобильности среди СПП соотносятся с предыдущими исследованиями, демонстрирующими специфическую интерпретацию своего образовательного опыта российскими студентами из семей с низким статусом: пребывание в среде селективного вуза интерпретируется ими через призму «прогрессивного нарратива», который не вписывается в логику «травмы перемены статуса» и не сопровождается ощущением морального надлома, наблюдаемого в зарубежных исследованиях [Куракин, Кусимова 2023]. Наличие опыта ВО для СПП является во всех смыслах позитивным опытом с точки зрения как наращивания человеческого капитала, так и субъективных переживаний.

Примечания:

Доля (в %) посчитана от подгрупп: родители и ребёнок с ВО ($N = 1154$); родители с ВО и ребёнок без ВО ($N = 532$); родители и ребёнок без ВО ($N = 1166$); родители без ВО и ребёнок с ВО ($N = 680$); вся выборка ($N = 3532$).

Каждой группе присвоена буква (A, B, C, D) для визуализации значимости межгрупповых различий на уровне $p < 0,05$. Буква в скобках после числового значения указывает на наличие статистически значимого различия со значением, соответствующим буквенному обозначению. Значимость различий проверялась с использованием t -тестов.

Рис. 5. Паттерны мобильности в подгруппах с разным соотношением наличия ВО у родителей и детей

Выраженность стратификационных установок в группах с разным образовательным капиталом

Драйверы успеха

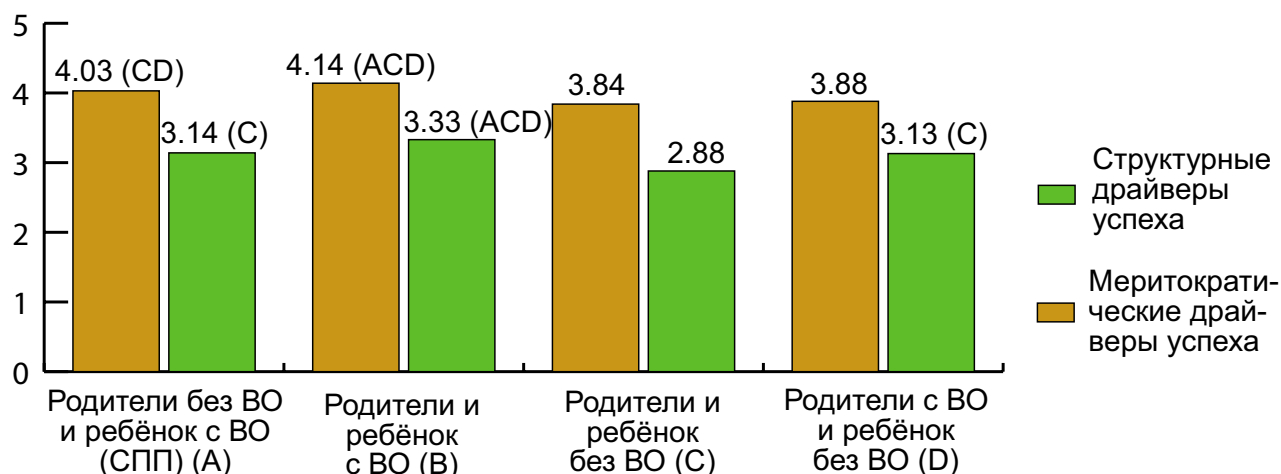
С точки зрения выраженности меритократических установок наблюдается значимое отличие СПП от остальных групп. Их приверженность меритократии значимо выше, чем в группе без ВО (C), но ниже, чем в наиболее образованной группе В (см. рис. 6). Приверженность меритократии возрастает линейно по мере повышения образовательного уровня группы: СПП тяготеют к группе с ВО, но пока до неё не дотягивают. При этом разрыв с группами без ВО также статистически значим, несмотря на относительно небольшую величину выявленных межгрупповых различий.

Полученные результаты относительно распространённости меритократических установок согласуются с исследованиями, демонстрирующими наличие положительной связи между социальным статусом и верой в меритократию [Тихонова 2020]. Вместе с тем высокая степень приверженности этим ценностям, наблюдаемая во всей выборке, может косвенно указывать на распространённость среди российской молодёжи так называемого меритократического мифа, который в западных обществах приобрёл статус культурного императива [Donovan 2018]. Однако интерпретация этих результатов требует осторожности в силу умеренной выраженности выявленных межгрупповых различий, что может быть связано как со смещением распределения установок в сторону более высоких значений (см. рис. 2), так и с низкой размерностью шкалы. Для более глубокого понимания обнаруженных закономерностей необходимы дальнейшие исследования с использованием детализированных методик.

Анализ выраженности немеритократических установок выявил статистически значимые отличия СПП от обеих контрастных групп: средний уровень в группе СПП значимо превышает показатели группы без ВО (C), но уступает значениям, характерным для выпускников вузов из семей с ВО (B). Вера в структурные драйверы также растёт линейно, по мере увеличения «образовательного капитала» респондентов. Этот паттерн идёт вразрез с зафиксированным в зарубежных исследованиях феноменом

«аутсайдер» [Robinson 1983; Xian, Reynolds 2017], демонстрируя, напротив, положительную связь между социальным статусом и признанием роли структурных факторов достижения успеха. Полученный результат может отражать специфику российского социального контекста, для которого характерно усиление субъективной значимости немеритократических факторов достижения успеха [Тихонова 2018a].

Таким образом, с точки зрения приверженности структурным драйверам мобильности СПП занимают срединное положение между контрастными группами. Однако, как и в случае с меритократическими драйверами, обнаруженные различия невысоко выражены, что указывает на необходимость дальнейшего изучения социальной дифференциации данных установок.

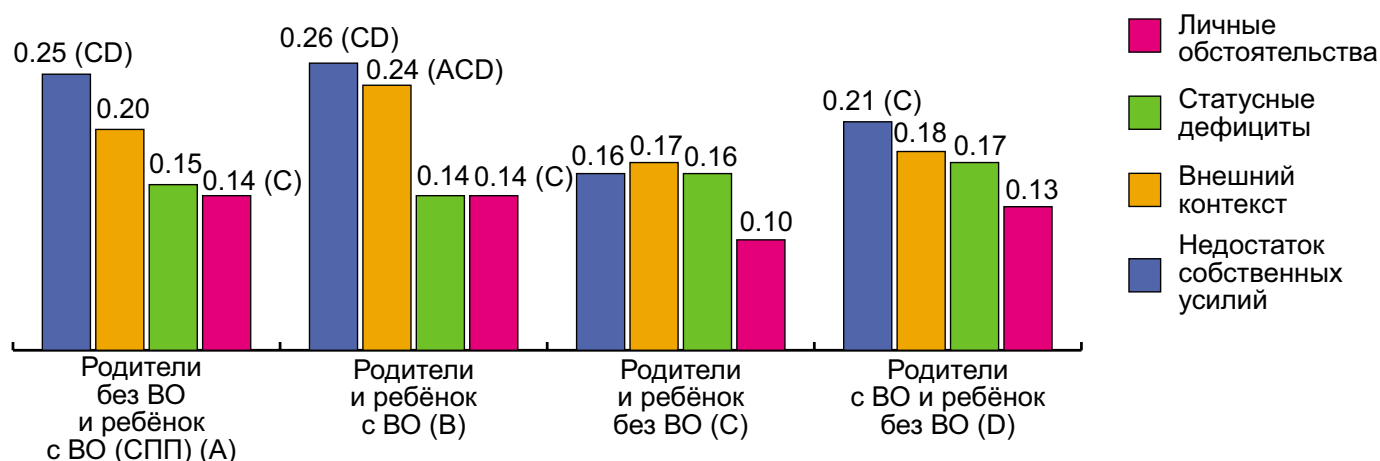
Примечание: Каждой группе присвоена буква (А, В, С, D) для визуализации значимости межгрупповых различий на уровне $p < 0,05$. Буква в скобках после числового значения указывает на наличие статистически значимого различия со значением, соответствующим буквенному обозначению. Значимость различий проверялась с использованием t-тестов.

Рис. 6. Сравнение средней выраженности установок относительно драйверов успеха в четырёх группах с разными комбинациями наличия ВО у респондента и его родителей

Барьеры успеха

По ряду установок относительно барьеров успеха СПП значительно отличаются от респондентов без ВО и схожи с наиболее образованной группой (см. рис. 7). Как и последние, СПП склонны придавать повышенное значение таким факторам, как недостаточность индивидуальных усилий и влияние личных непредвиденных обстоятельств. Этот результат вкладывается в ранее упомянутую линию исследований, демонстрирующих усиление веры в меритократические ценности по мере повышения социального статуса. Примечательно, что оценка значимости барьера, связанного с недостатком образования и материального статуса, также оказывается сходно высокой в этих группах.

Особый интерес представляет дифференциация групп в оценке влияния политико-правовых факторов на жизненный успех. В отличие от выпускников из семей с ВО, СПП демонстрируют меньшую чувствительность к данному параметру как потенциальному барьеру. По уровню выраженности этой установки они занимают промежуточное положение, приближаясь к группе без ВО (С). Объяснение указанных различий, вероятно, следует искать в особенностях социального происхождения СПП. Как показывают исследования, представители менее привилегированных социальных слоёв в меньшей степени распознают структурные механизмы неравенства и влияние макросоциальных процессов на индивидуальные жизненные траектории [Куракин 2020]. Однако для более точного понимания природы формирования подобных установок в различных социально-экономических группах требуются дополнительные исследования.

Примечание: Каждой группе присвоена буква (A, B, C, D) для визуализации значимости межгрупповых различий на уровне $p < 0,05$. Буква в скобках после числового значения указывает на наличие статистически значимого различия со значением, соответствующим буквенному обозначению. Значимость различий проверялась с использованием t-тестов.

Рис. 7. Сравнение средней выраженности установок относительно барьеров успеха в четырёх группах с разными комбинациями наличия ВО у респондента и его родителей (на основе сравнения регрессионных остатков)

Таким образом, с точки зрения воспринимаемых ресурсов успеха, установки СПП, скорее, тяготеют к группе, где и у респондентов, и у родителей есть ВО, но не везде их выраженность настолько же высока. Как меритократические, так и структурные драйверы оцениваются СПП ниже, чем выпускниками вузов из семей с ВО, но значимо выше, чем группой с самым низким «образовательным капиталом». Примечательно, что оценка значимости индивидуальных барьеров среди СПП практически идентична показателям наиболее образованной группы и значительно превышает соответствующие оценки среди наименее привилегированных респондентов. В то же время восприятие влияния внешнего контекста достигает максимальных значений именно у выпускников вузов из высокообразованных семей, демонстрируя статистически значимые отличия как от СПП, так и от других групп. Проведённый анализ позволяет частично подтвердить гипотезу 1 (H 1): профиль установок студентов первого поколения более близок к группе с наиболее высоким образовательным капиталом, чем к группе со схожим бэк-граундом, но без высшего образования.

Помимо обнаруженных количественных отличий в рассматриваемых установках между группами, важно обратить внимание на содержание этих установок. Вопреки ожиданиям, рост образовательного капитала не приводит к поляризации разных типов установок: не наблюдается увеличения индивидуалистических объяснений при одновременном снижении структуралистских. Напротив, выпускники из семей с ВО демонстрируют высокую веру как в индивидуальные, так и в структурно обусловленные ресурсы успеха, тогда как респонденты с минимальным образовательным капиталом одинаково низко оценивают оба типа факторов. Такая картина соответствует модели дуального самосознания, предполагающей равную выраженность индивидуальных и структурных установок [Merolla, Hunt, Serpe 2011; Hunt 2016].

Это наблюдение позволяет отклонить гипотезу 2 (H 2) о содержании установок студентов первого поколения: их представления не характеризуются большей приверженностью индивидуальным факторам успеха при низкой значимости структурных факторов. Если по степени принятия индивидуа-

листических объяснений СПП действительно приближаются к показателям наиболее образованной группы, то уровень признания структурных детерминант успеха у них остаётся промежуточным, не достигая значений, характерных для выпускников вузов из семей с ВО. Такая конфигурация установок отражает сложный характер взаимосвязи между образовательным статусом и представлениями о механизмах достижения успеха в российском контексте.

Роль стратификационных установок в воспринимаемой мобильности СПП

С учётом неоднородности ВО и неоднозначности характера его влияния на переживание статусного перехода особый интерес представляет анализ связи стратификационных установок СПП с восприятием мобильности.

Результаты регрессионного анализа демонстрируют устойчивую положительную связь между приверженностью меритократическим ценностям и вероятностью восходящей мобильности среди СПП. В частности, усиление веры в индивидуальные факторы успеха (собственные усилия и образование) связано с возрастанием шансов на совершение мобильности на 58% (М 6)⁸. Этот эффект оказывается наиболее выраженным именно в группе СПП, превосходя аналогичный показатель по общей выборке в пять раз (10%, М 3).

Помимо меритократических ценностей, вероятность восходящей мобильности СПП также связана с другой установкой, разделяемой, скорее, выпускниками из семей с ВО, а именно с приданием высокой значимости политико-правовому контексту. Усиление значимости этого фактора связано с ростом шансов на субъективную мобильность среди СПП на 22% (М 6). Примечательно, что данная закономерность наблюдается исключительно при рассмотрении мобильности этой группы; в других подвыборках подобной связи не наблюдается.

Ещё один значимый предиктор мобильности СПП — восприятие роли недостатков социального статуса как барьера на пути к успеху. Эта установка связана как с субъективной мобильностью молодёжи в целом, так и с мобильностью СПП, однако в этом последнем случае её роль более существенна: повышение значимости данного фактора увеличивает вероятность восходящей мобильности на 35% по сравнению с воспроизводством родительского статуса (М 6). Хотя средние значения выраженности этой установки не различаются между группами, именно среди СПП она приобретает наибольшую объяснительную силу в контексте воспринимаемой мобильности.

Таким образом, полученные результаты частично подтверждают гипотезу 3 (Н 3) о том, что приверженность установкам, характерным для наиболее привилегированной группы (выпускники вузов из семей с высшим образованием), связана с субъективной мобильностью студентов первого поколения. Однако специфика этой мобильности заключается не только в сочетании меритократических убеждений и признания роли внешних ограничений, но и в особой значимости восприятия собственного социального статуса как потенциального препятствия для успеха.

Эффект статуса СПП при оценке связи между мобильностью и стратификационными установками

Развивая вышеописанные результаты, перейдём от общего сопоставления группы СПП со всей выборкой к более детальному анализу. В частности, рассмотрим силу связи между мобильностью и стратификационными установками в группе СПП в сравнении с двумя контрастными группами — выпускниками вузов из семей с ВО и молодыми людьми без личного и семейного опыта получения ВО.

⁸ Здесь и далее приведены номера модели в таблице П2.1 приложения 2.

Группа респондентов из семей без ВО

Для мобильности молодёжи со схожим бэкграундом — отсутствием ВО у родителей — приобретают значение дополнительные факторы, не выявленные для группы выпускников вузов. Для выходцев из семей без ВО приверженность структурно обусловленным драйверам успеха негативно связана с восходящей мобильностью (снижение шансов на 12%, М 7). При этом внутри группы эффект данного фактора неодинаков. По сравнению с группой с наименьшим образовательным капиталом, для СПП эта взаимосвязь имеет противоположный и более сильный характер: увеличение приверженности структурным драйверам повышает шансы на мобильность СПП на 56% по сравнению с мобильностью наименее ресурсной группы (М 8). Такое расхождение позволяет предположить, что структурные ресурсы становятся значимыми лишь при наличии достаточного человеческого капитала.

Вера в меритократические драйверы играет положительную роль с точки зрения мобильности всей группы выходцев из семей без ВО (М 7), но для СПП этот эффект значим в 1,5 раза сильнее (рост шансов на 50% по сравнению с респондентами без ВО, М 8). Вероятно, полученное ВО выступает ключевым инструментом реализации меритократических принципов для данной группы.

Вера в значимость недостатка социального статуса связана с шансами на мобильность всей подгруппы из семей без ВО; специфического эффекта для СПП не наблюдается (М 8). Этот результат отличается от данных, полученных на подвыборке с ВО, в которой для СПП возникал более сильный положительный эффект этого фактора. Отсутствие специфического эффекта для СПП может быть связано со схожим социальным происхождением членов данной группы: осознание недостатков образования и материального статуса не создаёт для СПП дополнительных возможностей мобильности по сравнению с группой, не получившей ВО. По-видимому, освоение данной установки также не связано с получением ВО и обладает, скорее, классово-укоренённой природой, не зависящей от жизненной траектории. Данный тезис, однако, носит статус предположения и нуждается в дальнейшей проверке.

Как и среди выпускников вузов (М 4), в рамках анализа группы выходцев из семей без ВО для СПП обнаруживается специфический эффект веры в значимость внешних обстоятельств как потенциального барьера. Рост приверженности этому фактору связан с возрастанием шансов на мобильность среди СПП на 41% по сравнению с теми, кому так и не удалось преодолеть низкий семейный уровень образования (М 8).

Одновременно для СПП характерны уникальные негативные эффекты: вера в недостаток усилий и влияние случайных обстоятельств снижает их потенциал мобильности (на 24% и 21% соответственно, М 8), что может отражать уязвимость приобретённого статуса при отсутствии семейных ресурсов.

Группа выпускников вузов

Анализ группы с сопоставимым уровнем образования обнаруживает общие тенденции для всей подвыборки, однако наблюдаемые эффекты усиливаются для группы СПП. Так, среди всех респондентов с ВО наблюдается положительная связь между верой в меритократические драйверы успеха и вероятностью субъективной мобильности (М 4). Однако статус СПП усиливает данный эффект: повышение субъективной значимости личных усилий и образования имеет в 1,5 раза более высокий эффект для восходящей мобильности СПП, чем для мобильности выпускников из более ресурсных семей (М 5). Это соотносится с исследованиями, подчёркивающими резильентность траекторий СПП и значимость их личной агентности в процессе мобильности [Christie 2009; O'Sullivan, Robson, Winters 2019]. Различие также может быть обусловлено более привилегированным бэкграундом выпускников из семей с ВО, где передача привилегий может снижать субъективную значимость индивидуальных усилий.

Ещё одним значимым фактором для мобильности выпускников вузов является восприятие статусных ограничений; усиление этой установки повышает шансы на восходящую мобильность на 19% (М 4). Для СПП данный эффект выражен сильнее, разница составляет 9 п. п.; осознание объективных статусных дефицитов связано с более воспринимаемой мобильностью.

Особенностью мобильности СПП является также значимость восприятия внешних условий. Хотя этот фактор не дифференцирует шансы на мобильность выпускников вузов в целом, между выпускниками с разным бэкграундом обнаруживается значительное различие: восприятие политико-правового контекста имеет большее значение именно для мобильности СПП (разница эффектов составляет 27 п. п., М 5). Такой результат косвенно свидетельствует о том, что большее осознание со стороны СПП вклада структурных факторов в индивидуальный успех может способствовать более успешному преодолению статусных ограничений.

Таким образом, гипотеза 4 (Н 4) получает частичное подтверждение: рост приверженности мировоззренческим установкам, характерным для наиболее привилегированной группы (вера в меритократические ресурсы и роль макроконтекста) связана с увеличением шансов СПП на субъективно воспринимаемую мобильность. Роль этих факторов прослеживается при отдельном рассмотрении группы СПП и в случае сравнения с группой со схожим бэкграундом (отсутствие ВО у родителей), а также при сравнении с группой со схожим уровнем образования (наличие ВО). При этом мобильность СПП сопровождается влиянием специфических уязвимостей, не характерных для обеих контрастных групп.

Для выпускников вузов качество полученного образования (форма обучения и селективность вуза) не связано с их шансами на восходящую мобильность (М 4 и М 5). Схожий результат получен отдельно для СПП: их шансы на субъективно воспринимаемую мобильность не меняются в зависимости от качества полученного диплома (М 10).

При этом учёт гетерогенности выпускников с точки зрения их социального происхождения позволяет увидеть неодинаковый эффект контекста ВО для разных групп. Так, по сравнению с наиболее привилегированной группой — выпускниками из высокообразованных семей, окончившими селективный вуз, для субъективной мобильности СПП факт селективности не имеет значения: окончание вуза любого уровня вдвое увеличивает шансы СПП на мобильность (М 9). Такой результат может быть следствием высокого социального статуса выпускников из семей с ВО, для которых окончание вуза выступает скорее средством закрепления привилегий, чем социального продвижения.

Таким образом, гипотеза 5 (Н 5) о роли качества диплома в восприятии мобильности СПП не подтверждается. При отдельном рассмотрении группы СПП факт окончания селективного вуза не увеличивает шансы на воспринимаемое повышение статуса. В сравнении СПП с группой выпускников из более ресурсных семей, первые имеют более высокие шансы на мобильность независимо от уровня оконченого вуза. Данный результат требует отдельного изучения ввиду зафиксированной дифференциации качества ВО в российском контексте и неодинаковых результатов на рынке труда выпускников вузов разного уровня [Рожкова et al. 2023].

Выводы

Проведённое исследование показало, что представления о доступных ресурсах жизненного успеха имеют значение для оценок субъективной мобильности. Анализ стратификационных установок и мобильности российской молодёжи позволил установить, что восприятие мобильности связано с представлениями о роли индивидуальных усилий в достижении успеха, а также с осознанием значимости статусных дефицитов и учётом потенциального влияния непредвиденных обстоятельств. Эти факто-

ры формируют сложную систему детерминант субъективной мобильности, имеющую специфические проявления в группах с разным образовательным капиталом.

Особый интерес в этом контексте представляет группа студентов первого поколения (СПП), демонстрирующая уникальную конфигурацию стратификационных установок. Занимая промежуточное положение между группами с разным уровнем образования, СПП сочетают выраженную веру в меритократические принципы с частичным признанием структурных ограничений. Эта особенность приобретает значимость в условиях снижения роли ВО как канала социальной мобильности [Константиновский 2008; Тихонова 2021]. Однако, в отличие от наиболее образованной группы, для которой характерно дуальное самосознание [Merolla, Hunt, Serpe 2011; Hunt 2016], СПП не достигают столь же высокой приверженности различным детерминантам успеха.

Ключевым фактором воспринимаемой мобильности СПП выступает сочетание меритократических ценностей и осознания макросоциальных барьеров. Примечательно, что, в отличие от наименее ресурсной группы, СПП демонстрируют способность различать роль структурных ресурсов, что усиливает их оценки мобильности. Однако высоко воспринимаемое влияние случайных обстоятельств и недостатка указывает на относительную неустойчивость их достижений.

Качество полученного образования — селективность вуза и форма обучения — оказалось не связано с субъективным восприятием мобильности СПП. Это, с одной стороны, может отражать значимую роль ВО в качестве социального лифта, а с другой — открывает пространство для дискуссии о трансформирующей роли ВО. В частности, отсутствие значимости качества образования как фактора мобильности СПП позволяет предположить усиление сигнальной функции ВО и снижение его преобразующего потенциала.

Выявленные закономерности позволяют выдвинуть несколько объяснительных моделей. Один из возможных подходов связан с механизмом образовательной социализации [DiMaggio 1982; Lehmann 2014], который предполагает усвоение ценностных ориентаций более ресурсных социально-экономических страт, а также изменение представлений о доступных средствах достижения успеха в процессе получения ВО. Альтернативное объяснение апеллирует к изначальным диспозициям СПП: согласно имеющимся исследованиям, представители данной группы отличаются повышенной агентностью и готовностью к преодолению трудностей [O'Sullivan, Robson, Winters 2019; Davey 2024]. Наконец, специфика установок СПП может рассматриваться в контексте устойчивых дефицитов культурного капитала, характерных для менее ресурсных социальных групп [Donovan 2018; Phillips et al. 2020].

Результаты исследования задают направления для дальнейшей работы, нацеленной на интерпретацию результатов и преодоление указанных методологических ограничений. В частности, требует объяснения обнаруженная специфика установок СПП на основе предложенных теоретических гипотез. Для решения этой задачи представляются особенно ценными лонгитюдные исследования, которые могли бы проследить динамику изменений установок на протяжении образовательного пути. Дополнительную ценность могут принести исследования, учитывающие субъективные интерпретации образовательного опыта самими СПП. Такой подход позволит более точно оценить роль вузовского обучения в трансформации индивидуальных установок и ценностных ориентаций. Наконец, перспективным направлением представляется использование объективных индикаторов динамики социального положения СПП, а также агрегированных индексов социально-экономического статуса, несводимого к уровню образования родителей. Такой подход позволил бы более точно оценить, насколько субъективные представления о мобильности у СПП соответствуют их реальным достижениям в долгосрочной перспективе.

Полученные результаты имеют важные практические следствия. Они указывают на необходимость разработки специальных программ адресной поддержки СПП, направленных на развитие критического осмысления социальных процессов и формирование навыков анализа структурных ограничений. Освоение указанных компетенций могло бы способствовать более осознанному построению карьерных траекторий и снижению рисков неустойчивой мобильности. Кроме того, полученные данные подчёркивают наличие внутренней гетерогенности группы выпускников вузов и важность учёта различий в стартовых условиях и ресурсах студентов при проектировании образовательных траекторий и разработке мер образовательной политики в системе высшего образования.

Приложение 1

Описательные статистики и распределения переменных субъективной мобильности

Таблица III.1

Описательные статистики оценок родительского и текущего социального положения

Описательные статистики	Родительский статус	Текущий статус
Среднее значение	5,24	5,33
Дисперсия	3,93	3,35
Медиана	5	5
Относится к низкостатусной группе (ниже среднего значения)	37%	32%
Сохранение статусной позиции		37%
Повышение статусной позиции		35%
Понижение статусной позиции		28%

Таблица III.2

Распределение оценок абсолютной мобильности: разница баллов в оценках родительского и текущего статусов

Изменение позиции по отношению к родительской (разница баллов)*	Доля в выборке (%)
3–7	6,6
2	12,2
1	15,7
0	37,3
– 1	12,4
– 2	9,4
(– 3)–(– 7)	6,5

Примечание:

* Значения выше 0 указывают на улучшение положения, ниже 0 — на ухудшение.

Приложение 2

Регрессионные модели, оценивающие шансы на осуществление восходящей субъективной мобильности

Таблица П2.1

Коэффициенты бинарной логистической регрессии

Переменные	Вся выборка			Подвыборка ВО	Эффекты взаимодействия, подвыборка ВО	Подвыборка СПП	Подвыборка, родители без ВО	Эффекты взаимодействия, родители без ВО	Эффект селективности, подвыборка ВО	Эффект селективности, подвыборка СПП
	М 1 exp (B)	М 2 exp (B)	М 3 exp (B)							
Модели										
	М 1 exp (B)	М 2 exp (B)	М 3 exp (B)	М 4 exp (B)	М 5 exp (B)	М 6 exp (B)	М 7 exp (B)	М 8 exp (B)	М 9 exp (B)	М 10 exp (B)
Восходящая мобильность	0,51***	0,6***	0,7**	0,9	0,46***	0,95	0,63**	0,51***	0,43***	1,34
Воспроизводство (контрольная группа)										
Наличие ВО у респондента и родителей	Статус: СПП				1,99***			1,26		
	Статус: выпускники из семей с ВО			0,47***			0,83			
	Статус: молодые люди без ВО									
	Родители без ВО и ребёнок с ВО (СПП)									
	Родители и ребёнок с ВО	0,62***	0,6***	0,56***						
	Родители и ребёнок без ВО	0,68***	0,8*	0,78*						
	Родители с ВО и ребёнок без ВО	0,69***	0,72**	0,71**						
Драйверы успеха	Меритократические драйверы		1,10**	1,24***	1,07	1,58***	1,18**	1,05	1,24***	1,52***
	Структурные драйверы		0,94	1,13	1,15	1,16	0,88*	0,75***	1,11	1,13

Таблица П2. Продолжение

Переменные	Вся выборка	Подвыборка ВО	Эффекты взаимодействия, подвыборка ВО	Подвыборка СПП	Подвыборка, родители без ВО	Эффекты взаимодействия, родители без ВО	Эффект селективности, подвыборка ВО	Эффект селективности, подвыборка СПП	
Барьеры успеха	Недостаток личных усилий	1,05	1,03	1,09	0,98	1,10	1,27***	1,03	0,95
	Внешний контекст	1,02	1,09	0,99	1,22*	1,04	0,88	1,10	1,25**
	Статусные дефициты	1,2***	1,19*	1,04	1,35***	1,26***	1,21**	1,19***	1,36***
	Личные обстоятельства	1,09*	1,04	1,10	0,97	1,11	1,23**	1,04	0,91
Эффекты взаимодействия	СПП и структурные драйверы			0,99			1,56***		
	СПП и меритократические драйверы			1,46**			1,48***		
	СПП и недостаток личных усилий			0,88			0,76*		
	СПП и внешний контекст			1,28*			1,41**		
	СПП и статусные дефициты			1,31*			1,09		
	СПП и личные обстоятельства			0,86			0,79*		
Эффект селективности	Не СПП и неселективный вуз						0,9		
	СПП и селективный вуз						1,9**		
	Не СПП и селективный вуз								
	СПП и неселективный вуз						2,09***		

Таблица П2. Окончание

Переменные	Вся выборка		Подвыборка ВО	Эффекты взаимодействия, подвыборка ВО	Подвыборка СПП	Подвыборка, родители без ВО	Эффекты взаимодействия, родители без ВО	Эффект селективности, подвыборка ВО	Эффект селективности, подвыборка СПП	
Контрольные переменные	Пол: Женский	1,21**	1,06	0,69*	0,68***	0,77	1,32**	1,32**	0,71**	0,70
	Статус занятости: Работает	0,74**	0,88	0,84	0,83	0,79	0,95	0,90	0,94	0,72
	Размер населённого пункта (чел.): < 100 тыс.	0,59***	0,56***	0,68	0,65	0,70	0,51***	0,48***	0,69	0,67
	100–450 тыс.	0,74**	0,7**	0,56**	0,56**	0,3***	0,59**	0,58**	0,55**	0,29***
	450–680 тыс.	0,75*	0,87	1,06	1,06	0,90	0,93	0,87	1,15	0,94
	> 680 тыс.	0,92	0,82	0,88	0,83	0,73	0,81	0,78	0,90	0,73
	Москва или Санкт-Петербург									
	Форма обучения: Очная			1,00	1,00					0,76
	Статус вуза: Селективный			1,02	1,02					0,88
Псевдо R-квадрат	0,01	0,046	0,267	0,289	0,298	0,296	0,283	0,297	0,299	0,354
AIC	3450,5	3339,3	2580,7	1257,4	1254,3	565,0	1423,9	1407,6	1239,9	524,4
Объем выборки	2799	2719	2060	1103	1103	443	1059	1059	1086	416

Примечание: *** $p < 0,01$, ** $p < 0,05$, * $p < 0,1$.

Литература

- Вебер М. 2003. Класс, сословия, партии (фрагменты из книги «Хозяйство и общество»). *Личность. Культура. Общество*. 5 (1–2): 139–156.
- Гимпельсон В. Е., Капелюшников Р. И. 2023. Эволюция структуры рабочих мест в России: поляризация, улучшение, застой? *Вопросы экономики*. 1: 59–85.
- Гимпельсон В. Е., Монусова Г. А. 2014. Восприятие неравенства и социальная мобильность. *Экономический журнал Высшей школы экономики*. 18 (2): 216–248.
- Емелина Н. К. et al. 2022. *Выпускники высшего образования на российском рынке труда: тренды и вызовы*. К XXIII Ясинской (Апрельской) международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества. Доклад. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Коленникова Н. Д. 2019. Статусная консистентность занятого населения в современной России. *Социологические исследования*. 11: 52–62.
- Константиновский Д. Л. 2008. *Неравенство и образование. Опыт социологических исследований жизненного старта российской молодёжи (1960-е годы — начало 2000-х)*. М.: ЦСО. Электронный ресурс [код доступа]: http://www.civisbook.ru/files/File/Konstantinovsky_Neravenstvo.pdf (дата обращения: 5 января 2026).
- Куракин Д. 2020. Трагедия неравенства: расчеловечивая «тотального человека». *Социологическое обозрение*. 19 (3): 167–231.
- Куракин Д. Ю., Кусимова Т. Б. 2023. Нарративная структура «эскейпа»: прогрессивный нарратив и культурные структуры восходящей мобильности в селективном российском университете. *Laboratorium. Журнал социальных исследований*. 15 (3): 102–140.
- Лукина А. А. 2023. Образовательные траектории студентов первого поколения как кейс неравенства в высшем образовании. *Вопросы образования*. 2: 133–160.
- Лукина А. А., Мальцева В. А., Розенфельд Н. Я. 2024. Субъективная социальная мобильность выпускников вузов через призму их образовательных траекторий. *Социологические исследования*. 1: 109–124.
- Малиновский С. С., Шибанова Е. Ю. 2022. Причины и факторы завершения экспансии высшего образования в России. *Социологический журнал*. 28 (3): 8–37.
- Малиновский С. С., Шибанова Е. Ю. 2023. Барьеры доступности высшего образования и социальные факторы дифференциации образовательных траекторий: информационный бюллетень. *Мониторинг экономики образования*. 8 (50). М.: ВШЭ.
- Мареева С. В. 2022. Социальный статус российской молодёжи: представления и реальность. *Вестник Института социологии*. 13 (2): 159–183.
- Мареева С. В., Слободенюк Е. Д., Аникин В. А. 2022. Толерантность к социальным неравенствам в эпоху неопределённости в России: важна ли субъективная мобильность? *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 1: 39–60.

- Прахов И. А. 2015. Барьеры доступа к качественному высшему образованию в условиях ЕГЭ: семья и школа как сдерживающие факторы. *Вопросы образования*. 1: 88–117.
- Рожкова К. В. et al. 2023. Дифференциация качества высшего образования и заработных плат выпускников в России. *Вопросы образования*. 1: 161–190.
- Саблина С. Г. 2003. Кристаллизация статуса средних слоёв в современной России. В кн.: Заславская Т. И., Калугина З. И. (отв. ред.). *Россия, которую мы обретаем*. Новосибирск: Наука; 430–459.
- Тихонова Н. Е. 2014. Факторы стратификации в современной России: динамика сравнительной значимости. *Социологические исследования*. 10: 23–35.
- Тихонова Н. Е. 2018а. Модель субъективной стратификации российского общества и её динамика. *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*. 1–2 (126): 17–29.
- Тихонова Н. Е. 2018б. Факторы жизненного успеха и социального статуса в сознании россиян. *Вестник Института социологии*. 9 (4): 11–43.
- Тихонова Н. Е. 2020. Особенности идентичностей и мировоззрения основных страт современного российского общества. *Мир России. Социология. Этнология*. 29 (1): 6–30.
- Тихонова Н. Е. 2021. Межпоколенческое воспроизводство профессиональных статусов и классовой принадлежности в современном российском обществе. *Вопросы теоретической экономики*. 2: 61–78.
- Тихонова Н. Е. 2025. Жизненный успех: что он означает для россиян? *Вопросы теоретической экономики*. 1: 93–112.
- Хавенсон Т. Е., Чиркина Т. А. 2018. Эффективно поддерживаемое неравенство. *Экономическая социология*. 19 (5): 66–89. Электронный ресурс [код доступа]: https://ecsoc.hse.ru/data/2018/11/30/1144430786/ecsoc_t19_n5.pdf#page=66 (дата обращения: 6 января 2026). doi: 10.17323/1726-3247-2018-5-66-89
- Ястребов Г. А. 2016. Социальная мобильность в советской и постсоветской России: новые количественные оценки по материалам представительных опросов 1994, 2002, 2006 и 2013 гг. Ч. II. *Мир России: Социология, этнология*. 26 (2): 6–36.
- Adachi F. F. 1979. *Analysis of the First Generation College Student Population: A New Concept in Higher Education*. Prepared for the University of Wyoming Division of Student Educational Opportunity. Laramie, WY.
- Ayalon H. et al. 2008. Diversification and Inequality in Higher Education: A Comparison of Israel and the United States. *Sociology of Education*. 81 (3): 211–241.
- Ball S. J. et al. 2002. ‘Classification’ and ‘Judgement’: Social Class and the ‘Cognitive Structures’ of Choice of Higher Education. *British Journal of Sociology of Education*. 23 (1): 51–72. Available at: <https://doi.org/10.1080/01425690120102854> (accessed 5 January 2026).
- Barsegyan V., Maas I. 2024. First-Generation Students’ Educational Outcomes: The Role of Parental Educational, Cultural, and Economic Capital — A 9-Years Panel Study. *Research in Social Stratification and Mobility*. 91 (June): 100939.

- Bettencourt G. M. 2021. "I Belong Because It Wasn't Made for Me": Understanding Working-Class Students' Sense of Belonging on Campus. *The Journal of Higher Education*. 92 (5): 760–783.
- Bourdieu P. 1977. Cultural Reproduction and Social Reproduction. In: Karabel J., Halsey A. H. (eds.). *Power and Ideology in Education*. New York, NY: Oxford University Press; 487–511.
- Castillo J. C. et al. 2023. A Multidimensional Approach for Measuring Meritocratic Beliefs: Advantages, Limitations and Alternatives to the ISSP Social Inequality Survey. *International Journal of Sociology*. 53 (6): 448–472.
- Christie H. 2009. Emotional Journeys: Young People and Transitions to University. *British Journal of Sociology of Education*. 30 (2): 123–136.
- Costello M. et al. 2018. First-Generation College Students and Non-First-Generation College Students: Perceptions of Belonging. *Journal of Nursing Education and Practice*. 8 (12): 58–65.
- Davey K. 2024. Bucking the Trend: High-Achieving, Working-Class Girls and Their Strategic University Decision Making. *British Journal of Sociology of Education*. 45 (3): 332–346.
- DiMaggio P. 1982. Cultural Capital and School Success: The Impact of Status Culture Participation on the Grades of U.S. High School Students. *American Sociological Review*. 47 (2): 189–201.
- Donovan F. 2018. Living class in a 'Meritocratic' Australia: The Burdens of Class and Choice on Young People's End-of-School Transitions. *Journal of Sociology*. 54 (3): 396–411.
- Franceschelli M., Evans K., Schoon I. 2016. 'A Fish Out of Water?' The Therapeutic Narratives of Class Change. *Current Sociology*. 64 (3): 353–372.
- Friedman S. 2016. Habitus Clivé and the Emotional Imprint of Social Mobility. *The Sociological Review*. 64 (1): 129–147.
- Hadjar A., Becker R. (eds). 2009. *Expected and Unexpected Consequences of the Educational Expansion in Europe and the US: Theoretical Approaches and Empirical Findings in Comparative Perspective*. Bern: Haupt Verlag.
- Hanson S. L., Wells-Dang G. 2006. Gender and Attitudes about Opportunity in Eastern and Western Europe. *European Sociological Review*. 22 (1): 17–33.
- Ho J. 2024. Agentic Selves, Agentic Stories: Cultural Foundations of Beliefs about Meritocracy. *American Journal of Cultural Sociology*. 12 (3): 379–409.
- Hunt M. O. 2016. Race, Ethnicity, and Lay Explanations of Poverty in the United States: Review and Recommendations for Stratification Beliefs Research. *Sociology of Race and Ethnicity*. 2 (4): 393–401.
- Ishitani T. T. 2003. A Longitudinal Approach to Assessing Attrition Behavior among First-Generation Students: Time-Varying Effects of Pre-College Characteristics. *Research in Higher Education*. 44 (4): 433–449.
- Ishitani T. T. 2006. Studying Attrition and Degree Completion Behavior among First-Generation College Students in the United States. *The Journal of Higher Education*. 77 (5): 861–885.

- Ivemark B., Ambrose A. 2021. Habitus Adaptation and First-Generation University Students' Adjustment to Higher Education: A Life Course Perspective. *Sociology of Education*. 94 (3): 191–207.
- Ives J., Castillo-Montoya M. 2020. First-Generation College Students as Academic Learners: A Systematic Review. *Review of Educational Research*. 90 (2): 139–178.
- Jost J. T. et al. 2003. Social Inequality and the Reduction of Ideological Dissonance on Behalf of the System: Evidence of Enhanced System Justification among the Disadvantaged. *European Journal of Social Psychology*. 33 (1): 13–36.
- Kelley J., Evans M. D. R. 1995. Class and Class Conflict in Six Western Nations. *American Sociological Review*. 60 (2): 157–178.
- Kelley S. M., Kelley C. G. 2009. Subjective Social Mobility: Data from Thirty Nations. In: Haller M., Jowell R., Smith T. W. (eds) *The International Social Survey Programme 1984–2009*. Abingdon, UK: Routledge; 106–124.
- Kluegel J. R., Smith E. R. 1981. Beliefs about Stratification. *Annual Review of Sociology*. 7: 29–56.
- Kluegel J. R., Smith E. R. 2017. *Beliefs about Inequality: Americans' Views of What is and What Ought to Be*. Abingdon, UK: Routledge.
- Lareau A. 2018. Unequal Childhoods: Class, Race, and Family Life. In: Grusky D., Hill J. (eds) *Inequality in the 21st Century*. Abingdon, UK: Routledge; 444–451.
- Lareau A., Weininger E. B. 2003. Cultural Capital in Educational Research: A Critical Assessment. *Theory and Society*. 32 (5): 567–606.
- LeBouef S., Dworkin J. 2021. First-Generation College Students and Family Support: A Critical Review of Empirical Research Literature. *Education Sciences*. 11 (6): 294. Available at: <https://doi.org/10.3390/educsci11060294> (accessed 5 January 2026).
- Lee E. M., Kramer R. 2013. Out with the Old, in with the New? Habitus and Social Mobility at Selective Colleges. *Sociology of Education*. 86 (1): 18–35.
- Lehmann W. 2014. Habitus Transformation and Hidden Injuries: Successful Working-Class University Students. *Sociology of Education*. 87 (1): 1–15.
- London H. B. 1989. Breaking Away: A Study of First-Generation College Students and Their Families. *American Journal of Education*. 97 (2): 144–170.
- López M. J., Santelices M. V., Taveras C. M. 2023. Academic Performance and Adjustment of First-Generation Students to Higher Education: A Systematic Review. *Cogent Education*. 10 (1): 2209484. Available at: <https://doi.org/10.1080/2331186X.2023.2209484> (accessed 5 January 2026).
- Mareeva S. 2020. Socio-Economic Inequalities in Modern Russia and Their Perception by the Population. *Journal of Chinese Sociology*. 7: 10. Available at: <https://doi.org/10.1186/s40711-020-00124-9> (accessed 5 January 2026).

- McCall L. 2013. *The Undeserving Rich: American Beliefs about Inequality, Opportunity, and Redistribution*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Merolla D. M., Hunt M. O., Serpe R. T. 2011. Concentrated Disadvantage and Beliefs about the Causes of Poverty: A Multi-Level Analysis. *Sociological Perspectives*. 54 (2): 205–227.
- Mijs J. J. B. 2018. Inequality is a Problem of Inference: How People Solve the Social Puzzle of Unequal Outcomes. *Societies*. 8 (3): 64. Available at: <https://doi.org/10.3390/soc8030064> (accessed 5 January 2026).
- Minina E., Pavlenko E. 2022. ‘Choosing the Lesser of Evils’: Cultural Narrative and Career Decision-Making in Post-Soviet Russia. *Journal of Youth Studies*. 26 (9): 1091–1129. doi: 10.1080/13676261.2022.2071123
- Montes A. 2024. Transforming Oneself: Delving into the Processes of Habitus Transformation in the Higher Education Field. *British Journal of Sociology of Education*. 45 (5): 691–707.
- Newman B. J., Johnston C. D., Lown P. L. 2015. False Consciousness or Class Awareness? Local Income Inequality, Personal Economic Position, and Belief in American Meritocracy. *American Journal of Political Science*. 59 (2): 326–340.
- O’Sullivan K., Robson J., Winters N. 2019. ‘I Feel Like I Have a Disadvantage’: How Socio-Economically Disadvantaged Students Make the Decision to Study at a Prestigious University. *Studies in Higher Education*. 44 (9): 1676–1690.
- Pascarella E. T. et al. 2004. First-Generation College Students: Additional Evidence on College Experiences and Outcomes. *The Journal of Higher Education*. 75 (3): 249–284.
- Phillips L. T. et al. 2020. Access is not Enough: Cultural Mismatch Persists to Limit First-Generation Students’ Opportunities for Achievement throughout College. *Journal of Personality and Social Psychology*. 119 (5): 1112–1131.
- Robinson R. V. 1983. Explaining Perceptions of Class and Racial Inequality in England and the United States of America. *British Journal of Sociology*. 34 (3): 344–366.
- Schofer E., Meyer J. W. 2005. The Worldwide Expansion of Higher Education in the Twentieth Century. *American Sociological Review*. 70 (6): 898–920.
- Sennett R., Cobb J. 1992. *The Hidden Injuries of Class*. New York, NY: W. W. Norton & Company.
- Silva J. M., Corse S. M. 2018. Envisioning and Enacting Class Mobility: The Routine Constructions of the Agentic Self. *American Journal of Cultural Sociology*. 6: 231–265. doi: 10.1057/s41290-017-0026-x
- Stebleton M. J., Soria K. M., Huesman R. L., Jr. 2014. First-Generation Students’ Sense of Belonging, Mental Health, and Use of Counseling Services at Public Research Universities. *Journal of College Counseling*. 17 (1): 6–20.
- Streib J. 2017. The Unbalanced Theoretical Toolkit: Problems and Partial Solutions to Studying Culture and Reproduction but not Culture and Mobility. *American Journal of Cultural Sociology*. 5: 127–153.

- Tinto V. 1975. Dropout from Higher Education: A Theoretical Synthesis of Recent Research. *Review of Educational Research*. 45 (1): 89–125.
- Wang P., Olivos F. 2024. Where Do Opportunity Beliefs Come From? Implications of Intergenerational Social Mobility for Beliefs about the Distribution System in China. *Research in Social Stratification and Mobility*. 89: 100888. doi: [10.13140/RG.2.2.24674.30406](https://doi.org/10.13140/RG.2.2.24674.30406)
- Xian H., Reynolds J. 2017. Bootstraps, Buddies, and Bribes: Perceived Meritocracy in the United States and China. *The Sociological Quarterly*. 58 (4): 622–647.
- Zhu L. 2025. Meritocratic Beliefs in the United States, Finland, and China: A Multidimensional Approach Using Latent Class Analysis. *The British Journal of Sociology*. 76 (1): 153–172.

DEBUT STUDIES

Anastasia Lukina, Daria Tolstykh

Navigating Meritocracy and Structural Constraints: First-Generation Students' Perceptions of Social Mobility

LUKINA, Anastasia —
Research Fellow of the Centre
for Vocational Education
and Skills Development,
HSE University. Address:
16s10 Potapovskiy pereulok,
101000, Moscow, Russian
Federation.

Email: aalukina@hse.ru

TOLSTYKH, Daria—
Research Assistant of the
Centre for Vocational Education
and Skills Development, HSE
University. Address: 16s10
Potapovskiy pereulok, 101000,
Moscow, Russian Federation.

Email: dtolstykh@hse.ru

Abstract

Amidst the ongoing crisis of social mobility and pronounced differentiation within the Russian higher education sector, investigating perceptions of inequality and mobility experiences among socially disadvantaged groups becomes particularly relevant. This study analyzes patterns of subjective upward mobility and stratification beliefs among first-generation students (FGS)—individuals without familial experience of higher education—compared to other youth groups distinguished by their own and their parents' educational backgrounds. The focus lies on the perceived barriers and drivers of life success and their relation to subjective mobility experiences.

The empirical foundation is drawn from waves 9–10 (2020–2021) of the longitudinal study “Trajectories in Education and Careers,” which provides data on a contemporary cohort of Russian youth. Using binary logistic regression, we examine the likelihood of subjective upward mobility in connection with accumulated educational capital and stratification beliefs regarding success resources.

Findings reveal that FGS perceive higher education is as a critical social elevator. Notably, embracing a ‘dual consciousness’—assigning equal importance to both individual agency and structural factors—proves especially advantageous for FGS’s subjective upward mobility. Furthermore, FGS status acts as a key mediator linking stratification beliefs and mobility outcomes within groups sharing either similar individual educational attainment (higher education) or comparable parental educational background. This research offers significant contributions to the conceptualization of FGS in the Russian context and enhances understanding of the internal heterogeneity within the population of university graduates.

Keywords: social mobility; first-generation students; higher education; stratification beliefs; life success resources; inequality in education.

References

Adachi F. F. (1979) *Analysis of the First Generation College Student Population: A New Concept in Higher Education*. Prepared for the University of Wyoming Division of Student Educational Opportunity. Laramie, WY.

- Ayalon H., Grodsky E., Gamoran A., Yogev A. (2008) Diversification and Inequality in Higher Education: A Comparison of Israel and the United States. *Sociology of Education*, vol. 81, no 3, pp. 211–241.
- Ball S. J., Davies J., David M., Reay D. (2002) “Classification” and “Judgement”: Social Class and the “Cognitive Structures” of Choice of Higher Education. *British Journal of Sociology of Education*, vol. 23, no 1, pp. 51–72.
- Barsegyan V., Maas I. (2024) First-Generation Students’ Educational Outcomes: The Role of Parental Educational, Cultural, and Economic Capital — A 9-Years Panel Study. *Research in Social Stratification and Mobility*, vol. 91, June, art. 100939.
- Bettencourt G. M. (2021) “I Belong Because It Wasn’t Made for Me”: Understanding Working-Class Students’ Sense of Belonging on Campus. *The Journal of Higher Education*, vol. 92, no 5, pp. 760–783.
- Bourdieu P. (1977) *Cultural Reproduction and Social Reproduction. Power and Ideology in Education* (eds. J. Karabel, A. H. Halsey), New York, NY: Oxford University Press, pp. 487–511.
- Castillo J. C., Iturra J., Maldonado L., Atria J., Meneses F. (2023) A Multidimensional Approach for Measuring Meritocratic Beliefs: Advantages, Limitations and Alternatives to the ISSP Social Inequality Survey. *International Journal of Sociology*, vol. 53, no 6, pp. 448–472.
- Christie H. (2009) Emotional Journeys: Young People and Transitions to University. *British Journal of Sociology of Education*, vol. 30, no 2, pp. 123–136.
- Costello M., Ballin A., Diamond M. R., Gao L. (2018) First-Generation College Students and Non-First-Generation College Students: Perceptions of Belonging. *Journal of Nursing Education and Practice*, vol. 8, no 12, pp. 58–65.
- Davey K. (2024) Bucking the Trend: High-Achieving, Working-Class Girls and Their Strategic University Decision Making. *British Journal of Sociology of Education*, vol. 45, no 3, pp. 332–346.
- DiMaggio P. (1982) Cultural Capital and School Success: The Impact of Status Culture Participation on the Grades of U.S. High School Students. *American Sociological Review*, vol. 47, no 2, pp. 189–201.
- Donovan F. (2018) Living Class in a ‘Meritocratic’ Australia: The Burdens of Class and Choice on Young People’s End-of-School Transitions. *Journal of Sociology*, vol. 54, no 3, pp. 396–411.
- Emelina N. K., Rozhkova K. V., Roshchin S. Yu., Solntsev S. A., Travkin P. V. (2022) *Vypuskniki vysshego obrazovaniya na rossiyskom rynke truda: trendy i vyzovy* [Higher Education Graduates in the Russian Labor Market: Trends and Challenges]. Paper presented at XXIII Yasinskaya (April) International Scientific Conference on Problems of Economic and Social Development, Moscow: HSE Publishing House (in Russian).
- Franceschelli M., Evans K., Schoon I. (2016) ‘A Fish Out of Water?’ The Therapeutic Narratives of Class Change. *Current Sociology*, vol. 64, no 3, pp. 353–372.
- Friedman S. (2016) Habitus Clivé and the Emotional Imprint of Social Mobility. *The Sociological Review*, vol. 64, no 1, pp. 129–147.

- Gimpelson V. E., Kapeliushnikov R. I. (2023) Evolutsiya struktury rabochikh mest v Rossii: poliaryzatsiia, uluchshenie, zastoi? [Job Structure Evolution in Russia: Polarization, Upgrading, Stalemate?]. *Voprosy Ekonomiki*, no 1, pp. 59–85 (in Russian).
- Gimpelson V. E., Monusova G. A. (2014) Vospriatie neravenstva i sotsialnaia mobilnost [Perception of Inequality and Social Mobility]. *The HSE Economic Journal = Ekonomicheskii Zhurnal Vysshei Shkoly Ekonomiki*, vol. 18, no 2, pp. 216–248 (in Russian).
- Hadjar A., Becker R. (eds). (2009) *Expected and Unexpected Consequences of the Educational Expansion in Europe and the US: Theoretical Approaches and Empirical Findings in Comparative Perspective*, Bern: Haupt Verlag.
- Hanson S. L., Wells-Dang G. (2006) Gender and Attitudes about Opportunity in Eastern and Western Europe. *European Sociological Review*, vol. 22, no 1, pp. 17–33.
- Ho J. (2024) Agentic Selves, Agentic Stories: Cultural Foundations of Beliefs about Meritocracy. *American Journal of Cultural Sociology*, vol. 12, no 3, pp. 379–409.
- Hunt M. O. (2016) Race, Ethnicity, and Lay Explanations of Poverty in the United States: Review and Recommendations for Stratification Beliefs Research. *Sociology of Race and Ethnicity*, vol. 2, no 4, pp. 393–401.
- Ishitani T. T. (2003) A Longitudinal Approach to Assessing Attrition Behavior among First-Generation Students: Time-Varying Effects of Pre-College Characteristics. *Research in Higher Education*, vol. 44, no 4, pp. 433–449.
- Ishitani T. T. (2006) Studying Attrition and Degree Completion Behavior Among First-Generation College Students in the United States. *The Journal of Higher Education*, vol. 77, no 5, pp. 861–885.
- Ivemark B., Ambrose A. (2021) Habitus Adaptation and First-Generation University Students' Adjustment to Higher Education: A Life Course Perspective. *Sociology of Education*, vol. 94, no 3, pp. 191–207.
- Ives J., Castillo-Montoya M. (2020) First-Generation College Students as Academic Learners: A Systematic Review. *Review of Educational Research*, vol. 90, no 2, pp. 139–178.
- Jost J. T., Pelham B. W., Sheldon O., Sullivan B. N. (2003) Social Inequality and the Reduction of Ideological Dissonance on Behalf of the System: Evidence of Enhanced System Justification among the Disadvantaged. *European Journal of Social Psychology*, vol. 33, no 1, pp. 13–36.
- Kelley J., Evans M. D. R. (1995) Class and Class Conflict in Six Western Nations. *American Sociological Review*, vol. 60, no 2, pp. 157–178.
- Kelley S. M., Kelley C. G. (2009) Subjective Social Mobility: Data from Thirty Nations. *The International Social Survey Programme 1984–2009* (eds. M. Haller, R. Jowell, T. W. Smith), Abingdon, UK: Routledge, pp. 106–124.
- Khavenson T., Chirkina T. (2018) Effektivno podderzhivaemoe neravenstvo. Vybor obrazovatelnoy traektorii posle 11-go klassa shkoly v Rossii [Effectively Maintained Inequality: The Choice of Postsecondary Educational Trajectory in Russia]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 19, no 5, pp. 66–89. doi: [10.17323/1726-3247-2018-5-66-89](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2018-5-66-89) (in Russian).

- Kluegel J. R., Smith E. R. (1981) Beliefs about Stratification. *Annual Review of Sociology*, vol. 7, pp. 29–56.
- Kluegel J. R., Smith E. R. (2017) Beliefs about Inequality: Americans' Views of What is and What ought to be, Abingdon, UK: Routledge.
- Kolennikova N. D. (2019) Statusnaya konsistentnost zanyatogo naseleniya v sovremennoy Rossii [Status Consistency of the Employed Population in Modern Russia]. *Sociological Studies = Sotsiologicheskie issledovaniia*, no 11, pp. 52–62 (in Russian).
- Konstantinovskiy D. L. (2008) *Neravenstvo i obrazovanie. Opyt sotsiologicheskikh issledovaniy zhiznennogo starta rossiiskoy molodezhi (1960-e gody — nachalo 2000-kh)* [Inequality and Education. Attempt of Sociological Research on the Life Starts of the Russian Youth (1960th — Beginning of 2000th)], Moscow: Social Forecasting Center. Available at: https://www.isras.ru/files/File/Konstantinovskiy_001_552_two-2.pdf (accessed 5 January 2026) (in Russian).
- Kurakin D. (2020) Tragediya neravenstva: raschelovechivaniia «totalnogo cheloveka» [Tragedy of Inequality: Dehumanizing the “L’Homme Total”]. *Russian Sociological Review = Sotsiologicheskoe obozrenie*, vol. 19, no 3, pp. 167–231 (in Russian).
- Kurakin D., Kusimova T. (2023) Narrativnaya struktura “eskeypa”: progressivnyy narrativ i kulturnye struktury voskhodyashchey mobilnosti v selektivnom rossiyskom universitete [Narrative Structures of “Escape”: Progressive Narrative and Cultural Structures of Upward Mobility at an Elite Russian University]. *Laboratorium: Russian Review of Social Research = Laboratorium. Zhurnal sotsial'nykh issledovaniy*, vol. 15, no 3, pp. 102–140 (in Russian).
- Lareau A. (2018) Unequal Childhoods: Class, Race, and Family Life. *Inequality in the 21st Century* (eds. D. Grusky, J. Hill), Abingdon, UK: Routledge, pp. 444–451.
- Lareau A., Weininger E. B. (2003) Cultural Capital in Educational Research: A Critical Assessment. *Theory and Society*, vol. 32, no 5, pp. 567–606.
- LeBouef S., Dworkin J. (2021) First-Generation College Students and Family Support: A Critical Review of Empirical Research Literature. *Education Sciences*, vol. 11, no 6, art. 294. Available at: <https://doi.org/10.3390/educsci11060294> (accessed 5 January 2026).
- Lee E. M., Kramer R. (2013) Out with the Old, in with the New? Habitus and Social Mobility at Selective Colleges. *Sociology of Education*, vol. 86, no 1, pp. 18–35.
- Lehmann W. (2014) Habitus Transformation and Hidden Injuries: Successful Working-Class University Students. *Sociology of Education*, vol. 87, no 1, pp. 1–15.
- London H. B. (1989) Breaking Away: A Study of First-Generation College Students and Their Families. *American Journal of Education*, vol. 97, no 2, pp. 144–170.
- López M. J., Santelices M. V., Taveras C. M. (2023) Academic Performance and Adjustment of First-Generation Students to Higher Education: A Systematic Review. *Cogent Education*, vol. 10, no 1, art. 2209484. Available at: <https://doi.org/10.1080/2331186X.2023.2209484> (accessed 5 January 2026).

- Lukina A. A. (2023) Obrazovatelnye traektorii studentov pervogo pokoleniya kak keis neravenstva v vysshem obrazovanii [Educational Trajectories of First-Generation Students as a Case of Inequality in Higher Education]. *Educational Studies = Voprosy Obrazovaniya*, no 2, pp. 133–160 (in Russian).
- Lukina A. A., Maltseva V. A., Rozenfeld N. Ia. (2024) Subektivnaia sotsialnaya mobilnost vypusknikov vuzov cherez prizmu ikh obrazovatelnykh traektoriy [Subjective Social Mobility of University Graduates through the Lenses of Their Educational Trajectories]. *Sociological Studies = Sotsiologicheskie issledovaniia*, no 1, pp. 109–124 (in Russian).
- Malinovskiy S. S., Shibanova E. Yu. (2022) Prichiny i phactory zaversheniya ekspansii vysshego obrazovaniya v Rossii [The Reasons and Drivers behind Higher Education Ceasing to Expand in Russia]. *Sociological Journal = Sotsiologicheskii Zhurnal*, vol. 28, no 3, pp. 8–37 (in Russian).
- Malinovskiy S. S., Shibanova E. Yu. (2023) Bariery dostupnosti vysshego obrazovaniia i sotsialnye phactory differentsiatsii obrazovatelnykh traektoriy: inphormatsionnyy biulleten [Barriers Access to Higher Education and Social Differentiation of Educational Pathways: Information Bulletin]. *Monitoring of Education Markets and Organizations*, no 8 (50), Moscow: HSE (in Russian).
- Mareeva S. (2020) Socio-Economic Inequalities in Modern Russia and Their Perception by the Population. *Journal of Chinese Sociology*, vol. 7, art. 10. Available at: <https://doi.org/10.1186/s40711-020-00124-9> (accessed 5 January 2026).
- Mareeva S. V. (2022) Sotsialnyy status rossiyskoy molodezhi: predstavleniya i realnost [The Social Status of Russian Youth: Ideas and Reality]. *Bulletin of the Institute of Sociology = Vestnik Instituta sotziologii*, vol. 13, no 2, pp. 158–183 (in Russian).
- Mareeva S. V., Slobodeniuk E. D., Anikin V. A. (2022) Tolerantnost k sotsialnym neravenstvam v epokhu neopredelennosti v Rossii: vazhna li subektivnaia mobilnost? [Public Tolerance for Social Inequalities in Turbulent Russia: Reassessing the Role of Subjective Mobility]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes = Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no 1, pp. 39–60 (in Russian).
- McCall L. (2013) *The Undeserving Rich: American Beliefs about Inequality, Opportunity, and Redistribution*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Merolla D. M., Hunt M. O., Serpe R. T. (2011) Concentrated Disadvantage and Beliefs about the Causes of Poverty: A Multi-Level Analysis. *Sociological Perspectives*, vol. 54, no 2, pp. 205–227.
- Mijs J. J. B. (2018) Inequality is a Problem of Inference: How People Solve the Social Puzzle of Unequal Outcomes. *Societies*, vol. 8, no 3: art. 64. Available at: <https://doi.org/10.3390/soc8030064> (accessed 5 January 2026).
- Minina E., Pavlenko E. (2022) ‘Choosing the Lesser of Evils’: Cultural Narrative and Career Decision-Making in Post-Soviet Russia. *Journal of Youth Studies*, vol. 26, no 9, pp. 1091–1129. doi: [10.1080/13676261.2022.2071123](https://doi.org/10.1080/13676261.2022.2071123)
- Montes A. (2024) Transforming Oneself: Delving into the Processes of Habitus Transformation in the Higher Education Field. *British Journal of Sociology of Education*, vol. 45, no 5, pp. 691–707.

- Newman B. J., Johnston C. D., Lown P. L. (2015) False Consciousness or Class Awareness? Local Income Inequality, Personal Economic Position, and Belief in American Meritocracy. *American Journal of Political Science*, vol. 59, no 2, pp. 326–340.
- O’Sullivan K., Robson J., Winters N. (2019) ‘I Feel Like I Have a Disadvantage’: How Socio-Economically Disadvantaged Students Make the Decision to Study at a Prestigious University. *Studies in Higher Education*, vol. 44, no 9, pp. 1676–1690.
- Pascarella E. T., Pierson C. T., Wolniak G. C., Terenzini P. T. (2004) First-Generation College Students: Additional Evidence on College Experiences and Outcomes. *The Journal of Higher Education*, vol. 75, no 3, pp. 249–284.
- Phillips L. T., Stephens N. M., Townsend S. S. M., Goudeau S. (2020) Access is not Enough: Cultural Mismatch Persists to Limit First-Generation Students’ Opportunities for Achievement throughout College. *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 119, no 5, pp. 1112–1131.
- Prakhov I. A. (2015) Bariery dostupa k kachestvennomu vysshemu obrazovaniyu v usloviyakh EGE: semia i shkola kak sderzhivaiushchie phactory [The Barriers to Accessing Quality Higher Education under the Unified State Exam: Family and School as Restraining Factors]. *Voprosy Obrazovaniya = Educational Studies Moscow*, no. 1, pp. 88–117.
- Robinson R. V. (1983) Explaining Perceptions of Class and Racial Inequality in England and the United States of America. *British Journal of Sociology*, vol. 34, no 3, pp. 344–366.
- Rozhkova K. V., Roshchin S. Yu., Solntsev S. A., Travkin P. V. (2023) Differentiatsiia kachestva vysshego obrazovaniya i zarabotnykh plat vypusnikov v Rossii [The Differentiation of Quality in Higher Education and Graduates’ Wages in Russia]. *Educational Studies = Voprosy Obrazovaniya*, no 1, pp. 161–190 (in Russian).
- Sablina S. G. (2003) Kristallizatsiia statusa srednikh sloev v sovremennoy Rossii [Crystallization of the Status of the Middle Strata in Contemporary Russia]. *Rossia, kotoruiu my obretaem [Russia We Are Gaining]* (eds. T. I. Zaslavskaya, Z. I. Kalugina), Novosibirsk: Nauka, pp. 430–459 (in Russian).
- Schofer E., Meyer J. W. (2005) The Worldwide Expansion of Higher Education in the Twentieth Century. *American Sociological Review*, vol. 70, no 6, pp. 898–920.
- Sennett R., Cobb J. (1992) *The Hidden Injuries of Class*, New York, NY: W. W. Norton & Company.
- Silva J. M., Corse S. M. (2018) Envisioning and Enacting Class Mobility: The Routine Constructions of the Agentic Self. *American Journal of Cultural Sociology*, vol. 6, pp. 231–265. doi: 10.1057/s41290-017-0026-x
- Stebbleton M. J., Soria K. M., Huesman R. L., Jr. (2014) First-Generation Students’ Sense of Belonging, Mental Health, and Use of Counseling Services at Public Research Universities. *Journal of College Counseling*, vol. 17, no 1, pp. 6–20.
- Streib J. (2017) The Unbalanced Theoretical Toolkit: Problems and Partial Solutions to Studying Culture And Reproduction but not Culture and Mobility. *American Journal of Cultural Sociology*, vol. 5, pp. 127–153.

- Tikhonova N. E. (2014) Phactory stratifikatsii v sovremennoy Rossii: dinamika sravnitel'noy znachimosti [Stratification Factors in Contemporary Russia: Dynamics of Comparative Significance]. *Sociological Studies = Sotsiologicheskie issledovaniia*, no 10, pp. 23–35 (in Russian).
- Tikhonova N. E. (2018a) Model subyektivnoi stratifikatsii rossiyskogo obshchestva i ee dinamika [Model of Subjective Stratification of Russian Society and Its Dynamics]. *The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions = Vestnik Obshchestvennogo Mneniia. Dannye. Analiz. Diskussii*, no 1–2 (126), pp. 17–29 (in Russian).
- Tikhonova N. E. (2018b) Phactory zhiznennogo uspekha i sotsialnogo statusa v soznanii rossiyan [Life success and social status factors in the minds of Russians]. *Bulletin of the Institute of Sociology = Vestnik Instituta Sotziologii*, vol. 9, no 4, pp. 11–43 (in Russian).
- Tikhonova N. E. (2020) Osobennosti identichnostey i mirovozzreniia osnovnykh strat sovremennogo rossiyskogo obshchestva [The Worldviews and Identities of the Mass Strata of Modern Russian Society]. *Universe of Russia = Mir Rossii*, vol. 29, no 1, pp. 6–30 (in Russian).
- Tikhonova N. E. (2021) Mezhheneratsionnoe vosproizvodstvo professionalnykh statusov i klassovoy pri-nadlezhnosti v sovremennom rossiyskom obshchestve [Intergenerational Reproduction of Professional Statuses and Class in Modern Russian Society]. *Issues of Economic Theory = Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*, no 2, pp. 61–78 (in Russian).
- Tikhonova N. E. (2025) Zhiznennyi uspek: chto on oznachaet dlia rossiyan? [Life Success: What Does It Mean for Russians?]. *Issues of Economic Theory = Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*, no 1, pp. 93–112 (in Russian).
- Tinto V. (1975) Dropout from Higher Education: A Theoretical Synthesis of Recent Research. *Review of Educational Research*, vol. 45, no 1, pp. 89–125.
- Wang P., Olivos F. (2024) Where Do Opportunity Beliefs Come From? Implications of Intergenerational Social Mobility for Beliefs about the Distribution System in China. *Research in Social Stratification and Mobility*, vol. 89, art. 100888. doi: [10.13140/RG.2.2.24674.30406](https://doi.org/10.13140/RG.2.2.24674.30406)
- Weber M. (2003) Klass, sosloviya, partii (phragmenty iz knigi “Khoziaystvo i obshchestvo”) [Class, Status, Party (Fragments from the Book “Economy and Society”)]. *Personality. Culture. Society = Lichnost. Kul-tura. Obshchestvo*, vol. 5, no 1–2, pp. 139–156 (in Russian).
- Xian H., Reynolds J. (2017) Bootstraps, Buddies, and Bribes: Perceived Meritocracy in the United States and China. *The Sociological Quarterly*, vol. 58, no 4, pp. 622–647.
- Yastrebov G. A. (2016) Sotsialnaya mobilnost v sovetsoy i postsovetsoy Rossii: novye kolichestvennye otsenki [Social Mobility in Soviet and Post-Soviet Russia: a Revision of Existing Estimates Using Representative Surveys of 1994, 2002, 2006 and 2013. Part 1]. *Universe of Russia = Mir Rossii*, vol. 26, no 2, pp. 6–36 (in Russian).
- Zhu L. (2025) Meritocratic Beliefs in the United States, Finland, and China: A Multidimensional Approach Using Latent Class Analysis. *The British Journal of Sociology*, vol. 76, no 1, pp. 153–172.

Received: April 7, 2025

Citation: Lukina A., Tolstykh D. (2026) Mezhdue meritokratiey i strukturnymi barerami: kak studenty pervogo pokoleniya otsenivayut sotsialnuyu mobilnost [Navigating Meritocracy and Structural Constraints: First-Generation Students' Perceptions of Social Mobility]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 27, no 1, pp. 153–193. doi: [10.17323/1726-3247-2026-1-153-193](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2026-1-153-193) (in Russian).

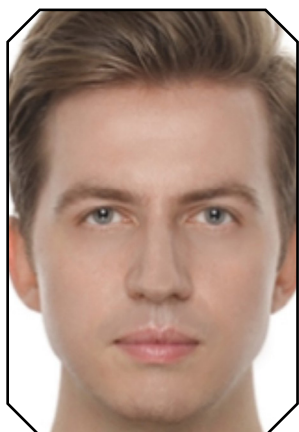
НОВЫЕ КНИГИ

А. А. Субботин

Интеллектуальный капитал как драйвер долгосрочного экономического роста: переосмысление роли образования

Рецензия на книгу: Ханушек Э., Вёссманн Л. 2022. *Интеллектуальный капитал в разных странах мира. Образование и экономическая теория роста* (перев. с англ. Ю. Каптуревского; под науч. ред. А. Рябова). М.: Изд. дом ВШЭ. 349 с.

СУББОТИН Александр Алексеевич — кандидат социологических наук, доцент кафедры демографии, Высшая школа современных социальных наук (факультет) МГУ имени М. В. Ломоносова. Адрес: 119234, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13А. Заместитель начальника управления стратегического анализа, Аналитический центр Москвы. Адрес: 119019, Россия, Москва, ул. Новый Арбат, д. 11, стр. 1.

Email: aasubbotin@yahoo.com

Книга Эрика Ханушека и Людгера Вёссманна «Интеллектуальный капитал в разных странах мира. Образование и экономическая теория роста» представляет собой комплексное исследование связи качества образования и долгосрочного развития экономики.

Авторы утверждают, что традиционные количественные показатели (средняя продолжительность обучения, охват населения образованием) недостаточны для оценки вклада человеческого капитала в экономическое развитие. Вместо этого они предлагают сместить фокус внимания на качественные аспекты образования, выделяя когнитивные навыки людей — способность критически мыслить, решать сложные задачи, адаптироваться к изменениям и воспринимать новую информацию. Эта совокупность навыков, названная авторами интеллектуальным капиталом (knowledge capital), по их мнению, является главным фактором, определяющим долгосрочное экономическое процветание и конкурентоспособность стран.

Работа объединяет различные теории человеческого капитала (неоклассическую, эндогенного роста, технологической диффузии), демонстрируя, что когнитивные навыки стимулируют инновации и рост производительности. Эмпирический анализ на данных международной программы оценки образовательных достижений PISA (Programme for International Student Assessment), мониторингового исследования качества школьного математического и естественнонаучного образования TIMSS (Trends in Mathematics and Science Study) и исследования качества и тенденций читательской грамотности четвероклассников PIRLS (Progress in International Reading Literacy Study) подтверждает устойчивую связь между уровнем когнитивных навыков населения и экономическим развитием стран. Авторы книги также подчеркивают институциональные условия повышения качества образования и рекомендуют одновременно развивать базовые когнитивные навыки всего населения и поддерживать талантливых учащихся.

Труд адресован широкому кругу читателей, специалистам в области экономики и образования, а также лицам, ответственным за разработку и реализацию образовательной политики и стратегий развития общества.

В рецензии внимание обращается на аспекты, которым уделено меньше внимания в книге, отмечается необходимость учитывать роль «мягких навыков» (soft skills), социальных и психологических качеств личности, а также значимость социального капитала в формировании человеческого капитала. Важным, но недостаточно освещённым в рецензируемой книге аспектом является влияние новых технологий, таких как искусственный интеллект, который, краткосрочно повышая продуктивность, может в долгосрочной перспективе ослаблять когнитивные функции, в связи с чем требует переосмысление подходов к развитию интеллектуального капитала будущих поколений.

Ключевые слова: интеллектуальный капитал; когнитивные навыки; образование; экономический рост; социальный капитал; искусственный интеллект.

Введение: мотивация подхода

Образование традиционно считается одним из ключевых факторов устойчивого экономического развития и роста благосостояния населения. Исследования подтверждают, что люди с высоким уровнем образования не только лучше справляются с профессиональными обязанностями, но и способны эффективнее применять современные технологии, создавать инновации, продуцировать новые знания и существенно повышать производительность труда [Викторова 2011; Жиленкова, Буданова 2021; Моисеенко, Темирова 2022; Казакова, Кузьминов 2025; Радаев 2025]. Однако дискуссия о том, что является определяющим — количественные показатели (средняя продолжительность обучения, охват населения образованием) или качественные характеристики (уровень навыков, адаптивность, способность к критическому мышлению), остаётся открытой.

Авторы книги «Интеллектуальный капитал в разных странах мира. Образование и экономическая теория роста» — профессор Стэнфордского университета Эрик Ханушек и профессор Мюнхенского университета Людвиг-Максимилиана Людгер Вёссманн — предлагают сместить акцент именно на когнитивные навыки, которые они объединяют в понятие «интеллектуальный капитал» (*knowledge capital*). По их мнению, именно эта категория объясняет различия в экономическом развитии стран за последние 50 лет (с. 12–19).

Сильной стороной работы является сочетание теоретического анализа — неоклассической и эндогенной моделей роста — с масштабным эмпирическим исследованием, основанным на данных международных тестов (PISA, TIMSS, PIRLS). Авторы демонстрируют методологическую строгость и богатый фактический материал, а структура книги отличается чёткостью и логичностью.

Вместе с тем уже на этапе введения проявляется ограниченность предложенного подхода. Упор на результаты стандартизированных тестов создаёт риск чрезмерного упрощения, а роль социальных, институциональных и культурных факторов оказывается недооценённой. В результате, интеллектуальный капитал трактуется преимущественно через измеримые когнитивные компетенции, тогда как комплексная природа человеческого капитала остаётся в стороне.

Теоретическое обоснование интеллектуального капитала

Ханушек и Вёссманн начинают анализ с обращения к истокам экономической мысли, указывая, что ещё Уильям Петти и Адам Смит подчёркивали роль знаний и навыков в формировании богатства стран

(с. 10). На этой основе авторы книги выстраивают обзор трёх ключевых теорий — неоклассической модели человеческого капитала, теории эндогенного роста и концепции технологической диффузии.

Неоклассическая теория (Г. Беккер, Р. Солоу) трактует образование как инвестицию в рост производительности и благосостояния (с. 24–26). Однако её ограниченность в объяснении долгосрочных различий в экономическом развитии подталкивает к эндогенной модели (П. Ромер, Р. Лукас), где знания рассматриваются как источник инноваций и длительного роста (с. 27). Теория технологической диффузии (Р. Нельсон, Э. Фелпс) позволяет показать, что когнитивные навыки ускоряют освоение и адаптацию зарубежных технологий (с. 28). Чем выше уровень когнитивных навыков, тем быстрее страна осваивает и применяет передовые технологии, сокращая разрыв с лидерами и обеспечивая высокие темпы роста.

Обобщая эти подходы, Ханушек и Вёссманн утверждают, что именно когнитивные компетенции, а не формальные показатели (средняя продолжительность обучения, охват населения образованием) определяют долгосрочные траектории развития стран.

Для подтверждения своих теоретических выводов Ханушек и Вёссманн приводят яркие примеры — «загадку латиноамериканского роста» и «восточноазиатское чудо». Страны Латинской Америки (Аргентина, Бразилия, Колумбия, Мексика, Перу, Уругвай, Чили), несмотря на значительное расширение школьного образования, не смогли добиться соответствующего ускорения экономического развития (с. 23). По мнению авторов, главной причиной является низкий уровень когнитивных навыков учащихся. Напротив, страны Восточной Азии (такие как Южная Корея, Сингапур, Тайвань) достигли феноменального экономического успеха именно благодаря высокому качеству образования и значительному уровню когнитивных навыков школьников, который они сумели обеспечить своей образовательной системой (с. 16).

Заметим, что авторы опираются на ограниченный круг теоретических рамок, фактически выводя когнитивные навыки в универсальный объяснительный фактор. Такой подход игнорирует более широкий комплекс социально-экономических и институциональных условий, без которых связь между знаниями и ростом выглядит упрощённой.

От формальных количественных показателей к качественным

Опираясь на данные международных тестов школьников, таких как TIMSS, PIRLS и PISA, Ханушек и Вёссманн показывают, что именно когнитивные навыки учащихся служат наиболее надёжным индикатором будущего экономического роста. Для количественной оценки этого явления они применяют концепцию «сложных процентов», подчёркивая, что даже небольшие ежегодные изменения темпов роста могут привести к значительным различиям в уровнях экономического развития за несколько десятилетий. По их мнению, без учёта накопительного эффекта небольших изменений нельзя понять истинные масштабы экономических последствий образовательных реформ. Авторы подчёркивают, что разница даже в 1–2 процентных пункта в год может привести к колоссальным различиям в уровнях экономического развития через несколько десятилетий (с. 88).

Главный методологический шаг авторов — замена формальных индикаторов (средняя продолжительность обучения, охват образованием) моделью, в центре которой — интеллектуальный капитал. В отличие от неоклассической традиции, ориентированной на количественные показатели, авторы книги предлагают учитывать качество образования, опираясь на концепцию Й. Шумпетера о роли инноваций (с. 34–36) [Шумпетер 1982]. При этом авторы расширяют модель формирования навыков, включая в нее семейное влияние, качество школьных ресурсов и индивидуальные способности (с. 36).

Однако ограниченность подхода проявляется на этапе его эмпирической операционализации, когда оценка качества образования фактически редуцируется до результатов международных стандартизированных тестов. Во-первых, чрезмерная опора на тестовые данные сопряжена с методологическими трудностями: несопоставимость выборок, исключение отдельных групп учащихся, различия между ранними и современными тестами (с. 51–52). Во-вторых, связь между образованием и ростом оказывается далеко не линейной: дополнительный год обучения повышает темпы роста в среднем на 0,6% (с. 34), но эффект сильно варьируется в зависимости от институтов и социальной среды (с. 35). Более того, индивидуальная отдача от обучения, измеряемая через заработную плату (функция Минсера¹), не всегда совпадает с макроэкономическим влиянием (с. 53–75).

Тем не менее вывод авторов звучит недвусмысленно: когнитивные навыки объясняют до трёх четвертей вариации экономического роста (с. 76), а базовые знания, полученные в начальной школе, играют критическую роль в формировании интеллектуального капитала (с. 85). В связи с чем авторы предлагают уделять особое внимание финансированию начальных ступеней образования, так как именно здесь закладывается фундамент для будущего интеллектуального и экономического развития страны.

Вопрос лишь в том, не слишком ли сужена рамка анализа, когда интеллектуальный капитал редуцируется к измеряемым тестами когнитивным компетенциям, игнорируя более широкий социальный и институциональный контекст.

Методологические аспекты оценки интеллектуального капитала и влияние внешних факторов на экономический рост

Прежде чем настаивать на прочности причинно-следственных связей между когнитивными навыками и экономическим ростом, Ханушек и Вёссманн поднимают целый ряд методологических вопросов. Один из ключевых — возможность искажений, связанных с внешними факторами, особенно в менее развитых странах, где их влияние зачастую сильнее, чем в развитых экономиках. Так, профессор экономики Нью-Йоркского университета Уильям Истерли подчёркивает, что образовательные показатели сами по себе не объясняют межстрановые различия, а игнорирование институциональных и социокультурных условий ведёт к неверным выводам (с. 102) [Истерли 2006].

Сложности добавляют и сами образовательные данные. Баллы выпускников отражают разные ступени образования и потому затрудняют сопоставимость (с. 85–87). Регрессионные модели авторов страдают от эндогенности: внешние факторы могут как порождать рост, так и усиливаться вследствие него (с. 87–88). Так, институты в бедных странах часто формируются как результат роста, а не его предпосылка. При этом открытые экономики извлекают больше пользы из когнитивных навыков, чем закрытые (с. 89–90). Примером служит Китай, сочетающий институциональные реформы и рост человеческого капитала (с. 19, 68). Также отмечаются сравнительно высокие показатели по международным тестам у российских школьников (с. 54, 70).

Игнорирование культурных и институциональных особенностей стран, по мнению Ханушека и Вёссманна, ведёт к существенным искажениям в выводах относительно как экономического поведения, так и результатов образовательных систем. Важными институциональными факторами, влияющими на успех образовательных систем, являются системы внешних выпускных экзаменов, которые оказывают позитивное воздействие на успеваемость школьников, доля частных школ (также положительное влияние) и историческая роль католической церкви в их развитии, что способствовало повышению ка-

¹ Эмпирическая модель в экономике образования и труда, описывающая зависимость заработной платы индивида от уровня образования и накопленного трудового опыта; используется для оценки индивидуальной отдачи от инвестиций в образование.

чества обучения, а также централизация образовательной политики и уровень оплаты труда учителей, определяющий качество педагогического состава (с. 139). При этом Ханушек и Вёссманн ссылаются на труды Д. Асемоглу, С. Джонсона и Дж. Робинсона о значении прав собственности и исторических институтов [Асемоглу, Джонсон, Робинсон 2006; Аджемоглу, Робинсон 2015]².

Отдельно обсуждаются вопросы выборки: кого включать в тестирование — сильных или слабых учащихся? В расширенных моделях базовая грамотность теряет значимость, тогда как доля высокоуспевающих сильнее коррелирует с экономическим ростом (с. 105–112). Авторы рецензируемой книги отмечают и технические нюансы: международные тесты допускают до 5% исключений, а участие школ и учеников ограничено, что влияет на репрезентативность (с. 120). Приемлемой нормой участия в тестировании считается уровень в 85% (для программы PISA — 80%) (с. 120).

При этом авторы критикуют подходы, сводящие интеллектуальный капитал лишь к успеваемости (например, работы Д. Асемоглу и Д. Ангриста [Acemoglu, Angrist 2000]). В качестве альтернативы они упоминают *IQ*, то есть показатель, который, несмотря на наследуемость, зависит и от семьи, и от качества образования (с. 129–132). Наконец, обсуждаются ограничения рынка труда: образовательные дипломы часто выполняют роль сигналов (М. Спенс), а не свидетельств реальных навыков (с. 159, 163).

Таким образом, книга демонстрирует внимательность к методологическим нюансам, но при этом сама излишне полагается на стандартизированные тесты как универсальный индикатор. Социальные и институциональные контексты признаются важными, но остаются второстепенными, что сужает объяснительную силу предложенной модели.

Экономические эффекты интеллектуального капитала и сценарии образовательных реформ

Значимая часть исследования посвящена тому, как различия в качестве образования отражаются на результатах на рынке труда. Сравнивая заработки иммигрантов в США, обучавшихся на родине и в американских школах, авторы с помощью метода «разности разностей» показывают, что различия в образовательных системах напрямую влияют на профессиональные достижения. При этом эффект нельзя объяснить только институтами стран происхождения, что подтверждает причинный, а не просто ассоциативный характер связи между качеством образования и экономическим успехом (с. 163–171).

Особое внимание уделяется развивающимся экономикам, где низкое качество школьного образования становится препятствием для роста. Контраст между Латинской Америкой и Восточной Азией (с. 205–226) демонстрирует: формальное расширение доступа к школам даёт результат лишь тогда, когда оно сопровождается ростом когнитивных навыков. При этом внутри регионов различия оказываются столь велики, что превышают одно стандартное отклонение. В последние годы отдельные страны (Бразилия, Чили) начали демонстрировать прогресс (с. 212), но системные проблемы сохраняются.

Восточная Азия, несмотря на общий успех, неоднородна: Япония занимает верхние позиции в международных рейтингах качества школьного образования, тогда как Индонезия и Филиппины остаются внизу рейтингов (с. 215–216). В Африке ситуация хуже: менее 10% детей получают даже неполное среднее образование (с. 226). Для сравнения: страны ОЭСР, особенно США, используют сильное высшее образование и квалификацию научных кадров как фактор устойчивого роста, а школьные достижения рассматривают как индикатор будущего качества рабочей силы (с. 241–245).

² При кириллическом начертании имени экономиста Daron Acemoglu в русских переводах встречаются два варианта: Дарон Асемоглу и Дарон Аджемоглу. — *Примеч. ред.*

Ханушек и Вёссманн подчёркивают, что экономические выгоды от реформ проявляются постепенно: сначала меняется школа, затем рынок труда, и лишь потом реагирует экономика (с. 250). Авторы признают высокую степень неопределённости: невозможно предсказать, сохранится ли нынешняя сила влияния знаний на рост, как экономика адаптируется к новым когортам работников и как внешние факторы будут корректировать эффект.

Несмотря на это, они предлагают три сценария улучшений (с. 255, 261, 263):

- менее амбициозное, но значимое повышение среднего уровня достижений на 25 баллов PISA (максимально в этом экзамене получено 574 балла по математике в Сингапуре в 2022 г.);
- повышение среднего уровня навыков учащихся во всех странах до уровня Финляндии (546 баллов на тестах PISA);
- «компенсирующее улучшение образования», направленное на ликвидацию функциональной неграмотности среди школьников, с минимальным уровнем навыков не ниже 400 баллов на тестах PISA.

Даже умеренные сценарии, по расчётам, дают значительный долгосрочный эффект. Например, Финляндия, уже находящаяся на высоком уровне, может прибавить лишь 0,21 п. п. к росту, тогда как Мексика или другие развивающиеся страны способны увеличить темпы в несколько раз (с. 257–260).

Стоит отметить, что сценарии авторов слишком оптимистичны. Они исходят из линейной связи между улучшением тестовых результатов и ростом ВВП, хотя на практике институциональные ограничения, социальные барьеры и технологические сдвиги могут значительно снизить эффект. Тем не менее работа убедительно демонстрирует: инвестиции в качество школьного образования являются стратегически выгодными, даже если реальные результаты окажутся скромнее прогнозируемых.

Альтернативная модель экономического роста и роль интеллектуального капитала в образовательных реформах

Э. Ханушек и Л. Вёссманн противопоставляют свою концепцию традиционной неоклассической модели роста и, в отличие от неё, учитывают долгосрочный временной горизонт, подчёркивают зависимость эффекта образовательных реформ от таких параметров, как скорость внедрения, продолжительность трудовой жизни и ставка дисконтирования (с. 276–277). Авторы книги справедливо указывают: преобразования в образовании не дают быстрых результатов, а требуют крупных инвестиций и десятилетий на адаптацию экономики. Они выделяют четыре фазы влияния реформ:

- 2010–2030 гг.: лишь частичный прирост ВВП, так как новые когорты с более высоким уровнем знаний ещё составляют меньшинство рабочей силы;
- 2031–2050 гг.: рост доли квалифицированных работников, заметное усиление эффекта;
- 2051–2070 гг.: постепенное замещение рынка труда поколениями, получившими улучшенное образование;
- после 2070 г.: полная отдача; вся рабочая сила формируется в реформированной системе, экономика достигает максимальной выгоды.

Предлагаемая политика ориентирована не на количественные показатели, а на качество образования. Для этого авторы рекомендуют систематизацию данных, повышение квалификации учителей, конкуренцию между школами, материальное стимулирование педагогов и прозрачную подотчётность образовательных учреждений (с. 303–310). Важность придаётся также дошкольному образованию, распределению учащихся по уровню успеваемости и развитию профессионально-технического обучения, хотя его эффективность остаётся дискуссионной.

Ключевой вывод: страны, последовательно инвестирующие в рост когнитивных навыков, будут иметь долгосрочные преимущества по сравнению с теми, кто продолжает ориентироваться на формальные показатели охвата и длительности обучения (с. 319–320).

Обратим внимание, что модель авторов имеет в значительной степени нормативный характер, поскольку предполагает линейную зависимость между улучшением образования и ростом ВВП, тогда как реальные результаты являются следствием множества контекстуальных факторов, в том числе устойчивости институтов и динамики технологических изменений.

Практические рекомендации по повышению качества образования и развитию интеллектуального капитала

На основе проведённого анализа Ханушек и Вёссманн формулируют ряд конкретных мер, направленных на рост интеллектуального капитала и долгосрочное развитие экономики. Центральное место в их подходе занимает качество преподавания. Авторы настаивают на материальном стимулировании учителей по результатам объективной оценки достижений их учеников (с. 299–302). Такая система, по их мнению, должна сместить акцент с формальных показателей на реальные результаты обучения.

Ещё одно направление связано с расширением автономии школ, которым предлагается предоставить больше свободы в управлении кадрами, образовательными программами и бюджетами при сохранении жёсткой подотчётности обществу (с. 303–304). Важным элементом становится введение внешних стандартизированных экзаменов, обеспечивающих, по мнению авторов, объективность оценки качества образования.

Ханушек и Вёссманн выступают за многообразие образовательных учреждений и создание условий для конкуренции между ними (с. 304–306). Такой подход, восходящий к идеям Милтона Фридмана [Фридман 2006], предполагает, что конкурентная среда будет стимулировать школы к постоянному улучшению качества.

Отдельный акцент сделан на дошкольном и начальном образовании: именно здесь закладываются фундаментальные когнитивные навыки. Вместе с тем авторы настаивают на необходимости баланса между всеобщей грамотностью и поддержкой талантливых учеников через олимпиады, специализированные школы и конкурсы (с. 315–318).

Реформы, по мнению авторов книги, должны строиться как долгосрочная стратегия: эффект проявится лишь спустя десятилетия. В книге выделены семь основных направлений (с. 303–310):

- повышение качества преподавания через стимулирование учителей;
- введение внешних экзаменов;
- расширение автономии школ при прозрачной подотчётности;

- развитие базовых навыков и одновременная поддержка талантливых учащихся;
- инвестиции в дошкольное и начальное образование;
- конкуренция между учебными заведениями;
- долгосрочное планирование реформ.

Отметим, что рекомендации авторов сосредоточены в основном на управленческих и организационных механизмах и игнорируют более широкий социальный и культурный контексты. Такая технологичность подхода делает его привлекательным для политики, но может оказаться недостаточной в обществах с иными институциональными и культурными условиями.

Критические замечания к подходу авторов

Книга Э. Ханушека и Л. Вёссманна получила высокие оценки за убедительное обоснование роли когнитивных навыков в долгосрочном экономическом росте. Большинство русскоязычных рецензий на книгу (см., например: [Егоров 2022; Демьянович 2024]) имеют комплементарный характер и подчеркивают значимость выводов авторов. Однако в научной литературе звучит и содержательная критика.

Одним из критиков подхода является профессор Гарвардской школы управления Лант Притчетт [Pritchett 2015]. Он отмечает, что авторы недостаточно учитывают реальные трудности реализации реформ. Корреляция между тестовыми результатами и ростом, хотя и доказана, не гарантирует успешности преобразований без учёта локальных институциональных и социокультурных условий. По его мнению, успешность реформ зависит не только от увеличения финансирования, но и от глубоких структурных изменений в образовательной системе.

Аналогичную позицию занимает известный российский экономист, научный руководитель Высшей школы экономики Ярослав Кузьминов. Он отмечает, что образовательные системы инерционны и не всегда восприимчивы к подходам, основанным только на когнитивных навыках. Кузьминов и его коллеги рекомендуют более широкий взгляд на человеческий капитал, который должен учитывать также некогнитивные характеристики и так называемые мягкие навыки (*soft skills*), в том числе способность обучаться и адаптироваться, коммуникативные умения и «большую пятёрку» личностных качеств (открытость, добросовестность, экстраверсия, доброжелательность, стрессоустойчивость) [Кузьминов, Сорокин, Фрумлин 2019: 54]. Сюда же относится и специфический человеческий капитал, связанный с профессиональными компетенциями и агентностью работников.

Недостаточно раскрыта в рецензируемой книге и роль социального капитала, который упомянут лишь бегло (с. 130, 290), хотя именно семейное воспитание, социальные сети и культурная среда формируют ресурсы для профессиональной самореализации, особенно в творческих и высокотехнологичных сферах.

Ещё одно слабое место — предположение о стабильности связи между тестовыми результатами и экономическим ростом. Исследование Х. Коматсу и Дж. Реппли показало: тесты не всегда надёжно предсказывают рост в XXI веке, что ставит под сомнение универсальность выводов из них [Komatsu, Rappleye 2017].

Отметим, что подход Ханушека и Вёссманна ориентируется преимущественно на структуру современных рабочих мест и не учитывает перспективные изменения на рынке труда, которые могут су-

щественно повлиять на требования к навыкам и компетенциям работников. Дополнительным важным ограничением книги, по нашему мнению, является игнорирование возможного влияния современных технологий, таких как искусственный интеллект (ИИ), на развитие когнитивных навыков и человеческого капитала в целом. Так, недавние исследования показывают, что хотя ИИ повышает краткосрочную продуктивность (до 60%), в долгосрочной перспективе он может негативно воздействовать на когнитивные функции [Kosmyna et al. 2025]:

- 83,3% пользователей ChatGPT теряют способность воспроизводить информацию из недавно написанных эссе;
- нейровизуализация показала сокращение нейронных связей почти на 50% после активного использования ИИ;
- показатели креативности пользователей ИИ существенно снизились по сравнению с теми, кто не пользовался искусственным интеллектом;
- использование ИИ снижает общую когнитивную нагрузку на 32%, что может ослаблять когнитивные способности в перспективе.

Таким образом, при всей значимости книги её подход нельзя признать исчерпывающим. Концепция интеллектуального капитала требует расширения и необходимости учитывать некогнитивные навыки, социальный капитал, институциональные особенности и влияние технологических сдвигов, которые будут определять контуры формирования интеллектуального капитала в будущем.

Заключение

Значение интеллектуального капитала как ключевого фактора долгосрочного экономического развития сегодня трудно оспорить. Однако его точное содержание и механизмы формирования остаются предметом научной дискуссии. Книга Эрика Ханушека и Людгера Вёссманна «Интеллектуальный капитал в разных странах мира» делает важный шаг в этом направлении, показывая, что именно когнитивные навыки населения определяют конкурентоспособность стран и их экономическое будущее.

Основным итогом работы становится чёткая декларация: образовательная система должна строиться на принципах разнообразия и конкуренции, прозрачной подотчётности и стимулирования учителей за реальные результаты. Авторы справедливо подчёркивают, что односторонняя ориентация либо на слабых, либо на сильных учеников не обеспечивает устойчивого роста. Необходим баланс: всеобщее базовое образование как фундамент и параллельная поддержка талантливых учащихся через специализированные программы, олимпиады и конкурсы.

Тем не менее в более широком контексте книга демонстрирует и свои пределы. Сосредоточенность на когнитивных навыках оставляет в стороне такие важные факторы, как социальный капитал, некогнитивные компетенции и влияние современных технологий. По этой причине предложенные рекомендации, хотя и ценны для образовательной политики, не могут рассматриваться как универсальное решение.

В целом труд Ханушека и Вёссманна задаёт высокую планку дискуссии об образовании и экономическом росте, но одновременно требует дополнения: необходимо учитывать социальные, институциональные и технологические вызовы, которые во многом определяют формирование интеллектуального капитала XXI века.

Литература

- Асемоглу Д., Джонсон С., Робинсон Дж. 2006. Институты как фундаментальная причина долгосрочного экономического роста. *Эковест*. 5 (1): 4–43.
- Аджемоглу Д., Робинсон Дж. 2015. *Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты* (перев. с англ. Д. Литвинова, П. Миронова, С. Сановича). М.: АСТ.
- Викторова Е. В. 2011. Высшее образование и человеческий капитал в инновационной экономике. *Инновации*. 6: 100–107.
- Демьянович Ю. 2024. Как экономисты смотрят на образование? *VC.ru*. 3 июля. Электронный ресурс [режим доступа]: <https://vc.ru/books/1275460-kak-ekonomisty-smotryat-na-obrazovanie-konspekt-knigi-intellektualnyi-kapital-v-raznyh-stranah-mira-obrazovanie-i-ekonomicheskaya-teoriya-rosta-erika-hanusheka-i-lyudgera-vessmanna> (дата обращения: 15 января 2026).
- Егоров А. А. 2022. Проблемы измерения интеллектуального капитала и его вклада в экономический рост. Рецензия на книгу Э. Ханушека и Л. Вёссманна «Интеллектуальный капитал в разных странах мира. Образование и экономическая теория роста». *Вопросы образования*. 3: 239–249. Электронный ресурс [режим доступа]: <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2022-3-239-249> (дата обращения: 15 января 2026).
- Жиленкова Е. П., Буданова М. В. 2021. Управление талантами как элемент развития интеллектуального капитала организации, функционирующей в условиях цифровой экономики и прогресса информационных технологий. *Лидерство и менеджмент*. 8 (2): 201–212.
- Истерли У. 2006. *В поисках роста: приключения и злоключения экономистов в тропиках* (перев. с англ. В. Сонькина). М.: Ин-т комплексных стратегических исследований.
- Казакова Е. И., Кузьминов Я. И. 2025. Мы должны воспитать культуру критического отношения к ответам искусственного интеллекта. *Вопросы образования*. 1: 8–24. Электронный ресурс [режим доступа]: <https://doi.org/10.17323/vo-2025-2588> (дата обращения: 15 января 2026).
- Кузьминов Я., Сорокин П., Фруммин И. 2019. Общие и специальные навыки как компоненты человеческого капитала: новые вызовы для теории и практики образования. *Форсайт*. 13 (2): 19–41.
- Моисеенко Н. А., Темирова А. Б. 2022. Научное образование как основа формирования инновационной компетентности в условиях цифровой трансформации общества. *Вестник ГГНТУ. Гуманитарные и социально-экономические науки*. 18 (1): 60–66. doi: 10.34708/GSTOU.2022.16.33.007
- Радаев В. В. 2025. *Преподавание в кризисе*. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Фридман М. 2006. *Капитализм и свобода* (перев. с англ. В. Козловского, И. Пильщикова). М.: Новое издательство.
- Ханушек Э., Вёссманн Л. 2022. *Интеллектуальный капитал в разных странах мира. Образование и экономическая теория роста* (перев. с англ. Ю. Каптуревского; под науч. ред. А. Рябова). М.: Изд. дом ВШЭ.

- Шумпетер Й. 1982. *Теория экономического развития: исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры* (перев. с нем. В. С. Автономова, М. С. Любского, А. Ю. Чепуренко). М.: Прогресс.
- Acemoglu D., Angrist J. D. 2000. How Large are Human-Capital Externalities? Evidence from Compulsory Schooling Laws. *NBER Macroeconomics Annual*. 15: 9–59.
- Komatsu H., Rappleye J. 2017. A New Global Policy Regime Founded on Invalid Statistics? Hanushek, Woessmann, PISA, and Economic Growth. *Comparative Education Review*. 53 (2): 166–191.
- Kosmyna N. et al. 2025. *Your Brain on ChatGPT: Accumulation of Cognitive Debt when Using an AI Assistant for Essay Writing Task*. Available at: <https://arxiv.org/abs/2506.08872> (accessed 15 January 2026).
- Pritchett L. 2015. Learning about Learning: The Knowledge Capital of Nations. *Education Next*. 15 September. Available at: <https://www.educationnext.org/learning-about-learning-knowledge-capital-nations-hanushek-woessmann-book-review/> (accessed 15 January 2026).

NEW BOOKS

Alexander Subbotin

Knowledge Capital as a Driver of Long-Term Economic Growth: Rethinking the Role of Education

Book Review: Hanushek E., Woessmann L. (2022) *Intellektualnyy kapital v raznykh stranakh mira. Obrazovaniye i ekonomicheskaya teoriya rosta* [The Knowledge Capital of Nations. Education and the Economics of Growth], Moscow: HSE Publishing House (in Russian), 349 p.

SUBBOTIN, Alexander—

Candidate of Sciences in Sociology, Associate Professor, Department of Demography of Higher School of Contemporary Social Sciences, Lomonosov Moscow State University. Address: 119234, Leninskie Gory Str., 1-13A, Moscow, Russian Federation. Deputy Head of the Department for Strategic Analysis, Moscow Analytical Center. Address: 119019, New Arbat Str., 11, block 1, Moscow, Russian Federation.

Email: aasubbotin@yahoo.com

Abstract

Eric Hanushek and Ludger Woessmann's *The Knowledge Capital of Nations: Education and the Economics of Growth* (2015; in Russian: 2022) presents a comprehensive examination of the relationship between educational quality and long-term economic development. The authors argue that traditional quantitative indicators, such as average years of schooling or enrolment rates, are insufficient to capture the true contribution of human capital to economic growth. Instead, they propose a shift in focus towards qualitative dimensions of education, emphasising cognitive skills—the capacity for critical thinking, problem-solving, adaptability, and the assimilation of new knowledge. This set of abilities, which they define as *knowledge capital*, is identified as the principal factor underpinning sustained economic prosperity and the competitiveness of nations.

The book integrates various theoretical frameworks of human capital—including the neoclassical model, endogenous growth theory, and the concept of technological diffusion—to demonstrate that cognitive skills stimulate innovation and productivity. Empirical analyses based on international assessments such as PISA, TIMSS, and PIRLS provide robust evidence of

the enduring link between the level of cognitive skills in the population and countries' economic performance. The authors also highlight the institutional conditions necessary for improving educational quality, recommending policies that simultaneously raise basic skills across the population while nurturing high-achieving students.

Although primarily written for specialists in economics and education, the book also addresses policymakers engaged in shaping education systems and development strategies.

At the same time, this review highlights some limitations of the authors' approach. These include the role of soft skills, socio-psychological attributes, and the importance of social capital in shaping human potential. Furthermore, the book gives limited consideration to the impact of new technologies such as artificial intelligence, which, while enhancing productivity in the short term, may weaken cognitive capacities over the longer horizon. This emerging challenge calls for a rethinking of strategies for developing the intellectual capital of future generations.

Keywords: knowledge capital; cognitive skills; education; economic growth; social capital; artificial intelligence.

References

- Acemoglu D., Angrist J. D. (2000) How Large Are Human-Capital Externalities? Evidence from Compulsory Schooling Laws. *NBER Macroeconomics Annual*, vol. 15, pp. 9–59.
- Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. (2006) Instituty kak phundamentalnaya prichina dolgosrochnogo ekonomicheskogo rosta [Institutions as a Fundamental Cause of Long-Run Economic Growth]. *EcoW-est = Ekovest*, vol. 5, no 1, pp. 4–43 (in Russian).
- Acemoglu D., Robinson J. (2015) *Pochemu odni strany bogatye, a drugiye bednye. Proiskhozhdeniye vlasti, protsvetaniya i nishchety* [Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty], Moscow: AST (in Russian).
- Demyanovich Yu. (2024) Kak ekonomisty smotryat na obrazovanie? [How Do Economists View Education?]. *VC.ru*. July 3. Available at: <https://vc.ru/books/1275460-kak-ekonomisty-smotryat-na-obrazovanie-konpekt-knigi-intellektualnyi-kapital-v-raznyh-stranah-mira-obrazovanie-i-ekonomicheskaya-teoriya-rost-erika-hanusheka-i-lyudgera-vessmanna> (accessed 15 January 2026). (in Russian).
- Easterly W. (2006) *V poiskakh rosta: priklyucheniya i zloklyucheniya ekonomistov v tropikakh* [The Elusive Quest for Growth: Economists' Adventures and Misadventures in the Tropics], Moscow: Institute for Complex Strategic Studies (in Russian).
- Egorov A. A. (2022) Problemy izmereniya intellektualnogo kapitala i ego vklada v ekonomicheskii rost. Retsenziya na knigu E. Hanushek i L. Woessmann “Intellektualnyy kapital v raznykh stranakh mira. Obrazovanie i ekonomicheskaya teoriya rosta” [Problems of Measuring Knowledge Capital Stock and Its Contribution to Economic Growth. Review of the Book by E. Hanushek and L. Wössmann “The Knowledge Capital of Nations: Education and the Economics of Growth”]. *Educational Studies Moscow = Voprosy obrazovaniya*, no 3, pp. 239–249. Available at: <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2022-3-239-249> (accessed 15 January 2026) (in Russian).
- Friedman M. (2006) *Kapitalizm i Svoboda* [Capitalism and Freedom], Moscow: Novoe Izdatelstvo (in Russian).
- Hanushek E., Woessmann L. (2022) *Intellektualnyy kapital v raznykh stranakh mira. Obrazovaniye i ekonomicheskaya teoriya rosta* [The Knowledge Capital of Nations. Education and the Economics of Growth], Moscow: HSE Publishing House (in Russian).
- Kazakova E. I., Kuzminov Ya. I. (2025) My dolzhny vospitat kulturu kriticheskogo otnosheniya k otvetam iskusstvennogo intellekta [We Should Foster a Culture of Critical Attitude towards Artificial Intelligence]. *Educational Studies Moscow = Voprosy obrazovaniya*, no 1, pp. 8–24. Available at: <https://doi.org/10.17323/vo-2025-2588> (accessed 15 January 2026) (in Russian).
- Komatsu H., Rappleye J. (2017) A New Global Policy Regime Founded on Invalid Statistics? Hanushek, Woessmann, PISA, and Economic Growth. *Comparative Education Review*, vol. 53, no 2, pp. 166–191.

- Kosmyna N., Hauptmann E., Yuan Y. T., Situ J., Liao X. H., Beresnitsky A. V., Braunstein I., Maes P. (2025) *Your Brain on ChatGPT: Accumulation of Cognitive Debt When Using an AI Assistant for Essay Writing Tasks*. Available at: <https://arxiv.org/abs/2506.08872> (accessed 15 January 2026).
- Kuzminov Ya., Sorokin P., Frumin I. (2019) Obschie i spetsial'nye navyki kak komponenty chelovecheskogo kapitala: novye vyzovy dlya teorii i praktiki obrazovaniya [General and Specific Skills as Components of Human Capital: New Challenges for Educational Theory and Practice]. *Foresight and STI Governance = Forsajt*, vol. 13, no 2, pp. 19–41 (in Russian).
- Moiseenko N. A., Temirova A. B. (2022) Nauchnoe obrazovanie kak osnova phormirovaniya innovatsionnoy kompetentnosti v usloviyakh tsifrovoy transformatsii obshchestva [Scientific Education as a Basis for Forming Innovative Competence in the Context of Digital Transformation of Society]. *Herald of GSTOU. Humanitarian, Social and Economic Sciences = Vestnik GGNTU. Gumanitarnye i sotsial'no-ekonomicheskie nauki*, vol. 18, no 1, pp. 60–66. doi: 10.34708/GSTOU.2022.16.33.007 (in Russian).
- Pritchett L. (2015) Learning about Learning: The Knowledge Capital of Nations. *Education Next*, September 15. Available at: <https://www.educationnext.org/learning-about-learning-knowledge-capital-nations-hanushek-woessmann-book-review/> (accessed 15 January 2026).
- Radaev V. V. (2025) *Prepodavanie v krizise* [Teaching in Crisis], Moscow: HSE Publishing House.
- Schumpeter J. (1982) *Teoriya ekonomicheskogo razvitiya: issledovanie predprinimatelskoy pribyli, kapitala, kredita, protsenta i tsikla konyunktury* [Theorie der wirtschaftlichen Entwicklung = The Theory of Economic Development: An Inquiry into Profits, Capital, Credit, Interest, and the Business Cycle], Moscow: Progress (in Russian).
- Viktorova E. V. (2011) Vysshee obrazovanie i chelovecheskiy kapital v innovatsionnoy ekonomike [Higher Education and Human Capital in the Innovative Economy]. *Innovations = Innovatsii*, no 6, pp. 100–107 (in Russian).
- Zhilenkova E. P., Budanova M. V. (2021) Upravlenie talantami kak element razvitiya intellektualnogo kapitala organizatsii, phunktsioniruyushchey v usloviyakh tsifrovoy ekonomiki i progressa inphormatsionnykh tekhnologiy [Talent Management as an Element of Intellectual Capital Development in Organizations Operating in the Digital Economy and Advancing Information Technology]. *Leadership and Management = Liderstvo i menedzhment*, vol. 8, no 2, pp. 201–212 (in Russian).

Received: July 11, 2025

Citation: Subbotin A. (2026) Intellektualnyy kapital kak drayver dolgosrochnogo ekonomicheskogo rosta: pereosmyslenie roli obrazovaniya [Knowledge Capital as a Driver of Long-Term Economic Growth: Rethinking the Role of Education. Book review: Hanushek E., Woessmann L. (2022) *Intellektualnyy kapital v raznykh stranakh mira. Obrazovaniye i ekonomicheskaya teoriya rosta* [The Knowledge Capital of Nations. Education and the Economics of Growth], Moscow: HSE Publishing House (in Russian). 349 p.]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 27, no 1, pp. 194–207. doi: 10.17323/1726-3247-2026-1-194-207 (in Russian).

**Экономическая
социология**
Т. 27. № 1.
Январь 2026

Электронный журнал
[ojs.hse.ru/index.php/
ecsoc](https://ojs.hse.ru/index.php/ecsoc)
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Адрес редакции

101000, Россия,
г. Москва,
ул. Мясницкая,
д. 11, комн. 530
тел.: (495) 628-48-86
email: ecsoc@hse.ru

**Journal of
Economic Sociology**
Vol. 27. No 1.
January 2026

Electronic journal
[ojs.hse.ru/index.php/
ecsoc](https://ojs.hse.ru/index.php/ecsoc)
www.ecsoc.hse.ru

ISSN 1726-3247

Contacts

11 Myasnitskaya str., room
530
101000 Moscow,
Russian Federation
phone: +7 (495) 628-48-86
email: ecsoc@hse.ru

Доступ к журналу

- Доступ ко всем номерам журнала — постоянный, свободный и бесплатный.
- Каждый номер содержится в едином файле (10–12 п. л. в PDF).
- Если хотите, чтобы Вас оповещали о выходе очередного номера, пожалуйста, заполните форму подписки: <https://www.hse.ru/expresspolls/poll/23725626.html>

Open Access Policy

- All issues of the Journal of Economic Sociology are always open and free access.
- Each entire issue is downloadable as a single PDF file.
- If you wish to receive notification when new issues are published, please fill out the following form: <https://www.hse.ru/expresspolls/poll/23725626.html>